Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Оренбургский институт (филиал)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Материалы Всероссийской научной конференции магистрантов
(29 марта 2024 года)

Оренбург
2024

УДК 340(063)
ББК 67.0
А43

А43 Актуальные вопросы современного права: материалы Всероссийской научной конференции магистрантов. – Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – 640 с.

В сборник вошли материалы Всероссийской научной конференции магистрантов «Актуальные вопросы современного права», прошедшей в Оренбургском институте (филиале) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 29 марта 2024 года.

Содержащиеся в сборнике материалы представляют интерес для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов.

УДК 340(063)
ББК 67.0

© Оренбургский институт (филиал) федерального государственного автономное образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Айдаргужина А.Т. Предпринимательский договор: проблемы правового регулирования и правоприменения 10
Аймаханов А.Х. К вопросу о государственном регулировании малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации 15
Акашев Ю.И. Особенности участия прокурора в делах о банкротстве муниципальных унитарных предприятий 22
Аммосова Д.В. Правовая природа, цели и социальная сущность судебного штрафа 26
Антонов А.А. Генезис института уполномоченного по правам человека в Оренбургской области 32
Аполоненко А.Ю. Уголовно-правовая характеристика деяний, состоящих в незаконных выдаче и получении избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме (ст. 142.2 УК РФ) 36
Атанова А.А. Разграничение убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) и убийства (ст. 105 УК РФ) 41
Атасян А.А. Конфиденциальная информация как условие трудового договора 45
Баженова К.В. Выявление аффилированных лиц в процедуре о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц в Российской Федерации 49
Балохнин И.Е. Валютная выручка для предпринимателей в 2023 году: новеллы законодательства и правовые аспекты 52
Баушева Е.С. Правовая природа приказного производства в Российской Федерации 60
Бердегулов В.Э. Процессуальные особенности защиты прав потребителей по договору розничной купли-продажи 64
Бикбова А.А. Государственное регулирование инвестиционной деятельности 68
Бикулова А.Р. Некоторые виды корпоративных конфликтов 73
Бобровникова А.В. Теоретический анализ нестандартной занятости населения в Российской Федерации 77
Бойкова А.В. Система судебных органов по разрешению трудовых споров в зарубежных странах 82
Борисков С.С. Медиация и медиативный подход в профессиональной деятельности нотариусов. Юридическая природа медиативных соглашений, заверенных в нотариальном порядке 85
Боталова Д.И. Особенности предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних 88
Бронникова Д.А. Честь и достоинство личности как предметы судебной защиты 93
Бычков А.Н. Актуальные проблемы квалификации заражения вич-инфекцией 98
Ваулин А.А. К вопросу о налогообложении субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации 102
Веккер А.А. Взаимодействие работодателя и дистанционного работника: проблемы правоприменения 108

Вертий В.В. Принцип непосредственности: действие в процессе обеспечения доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве 110
Вершинин С.А. Сравнительно-правовой анализ процесса усыновления в Российской Федерации, Соединенных штатах Америки и Японии 114
Волынкина А.М. Правовой режим охраны информации, составляющей коммерческую тайну в Российской Федерации 118
Воронина Е.А. Стимулирующие выплаты в трудовом законодательстве ... 125
Вырлеев-Балаев Е.В. Особенности участия Роспотребнадзора по делам о защите прав потребителя 129
Гаврилова К.А. К вопросу о судебной защите прав военнослужащих в Российской Федерации 132
Гайсин Р.Р. Использование искусственного интеллекта при предоставлении государственных и муниципальных услуг: возможности и риски 136
Галахова А.О. Основные подходы к пониманию понятия злоупотребления гражданским правом 140
Галахова М.Н. К вопросу о понятии межбюджетных отношений в Бюджетном кодексе Российской Федерации 144
Гвоздева А.О. Некоторые аспекты правового регулирования сделок с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью 148
Герасимова Т.С. Личная и семейная тайна: вопросы содержания и правового регулирования 151
Гисс И.А. Некоторые проблемы банковского кредитования в Российской Федерации и пути их решения 156
Голева О.С. Проблемы реализации принципа состязательности при производстве судебной экспертизы в досудебном производстве по уголовным делам 159
Горбунова Е.А. Некоторые проблемы локального нормотворчества в современной России 164
Горшкова А.А. Права работников в случае несостоятельности (банкротства) работодателя 166
Громовая М.С. Характеристика приговора: требования или свойства 169
Гусева Е.П. Правовая природа недействительности сделок 172
Давыдов Д.Е. Эволюция судебной защиты договоров, являющихся производными финансовыми инструментами 178
Данилов И.В. Современное состояние и перспективы применения домашнего ареста в качестве меры пресечения в уголовном процессе РФ 186
Доронцова Е.С. Юридическая природа постановлений конституционного суда Российской Федерации 190
Дусикенова А.А. Некоторые аспекты принудительного исполнения нотариально удостоверенного медиативного соглашения 195
Дусь Н.С. Проблемы правового института изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд 198
Евсеев Л.Н. Проблемы законодательства Российской Федерации об антикоррупционной экспертизе 204
Евтушенко Е.В. Особенности предмета прокурорского надзора за соблюдением прав граждан органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации 207

Ефимов А.Д. Понятие и структура правового статуса избирательных комиссий в субъектах РФ 210
Ефимовых К.А. О понятии и особенностях государственного (муниципального) контракта 214
Жабина О.Д. Устойчивость организованной группы, как оценочный критерий разграничения от группы лиц по предварительному сговору 218
Жилкина Е.А. Проблемы защиты чести и достоинства работника в трудовых отношениях 221
Жогина Л.А. Дискриминация в сфере труда: понятие и причины 224
Жумабеков В.Е. Некоторые аспекты антимонопольного регулирования торгов 228
Загидуллин Р.Р. Цифровизация государственного управления как условие эффективного взаимодействия России со странами ШОС 234
Запольских А.В. Уголовно-правовая ответственность за побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью за рубежом 238
Зеленина А.Е. Юридическая и социальная природа полномочий конституционного суда Российской Федерации 242
Иваневич Д.В. Особенности применения меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении 246
Иванникова Я. Дезертирство: изменение законодательной характеристики преступления и судебная практика 249
Иванова Н.А. Предмет доказывания по делам о разделе общей совместной собственности супругов 254
Иванова А.С. Установление судами факта трудовых отношений в условиях платформенной занятости 258
Иващенко М.А. Развитие и современное состояние правового регулирования договора переработки давальческого сырья в РСФСР и Российской Федерации 263
Иликаирова Г.М. Электронное средство платежа как средство совершения преступления, предусмотренного ст. 159^3 УК РФ 269
Искаков Ж.У. Материнство, отцовство и детство: проблемные аспекты определения в Российском законодательстве 273
Ишмухаметов Р.Р. История становления полномочий федеральных органов власти в сфере охраны здоровья и медицинской помощи 278
Кадырбаева А.Н. Проблемы определения критериев специальной дисциплинарной ответственности работников 284
Казеева В.С. О понятии систем видеоконференцсвязи и веб-конференции в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации 287
Калашникова П.С. Место электронных доказательств в системе средств доказывания в гражданском судопроизводстве 290
Картыменов Б.К. Механизмы управления карьерой работника 295
Кириллова Н.А. Отдельные аспекты применения упрощённого производства в гражданском судопроизводстве 298
Князева А. Понятие особой экономической зоны и отграничение ее от смежных категорий 302
Колганова А.М. Новеллы законодательства о рекламе, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» 306

Коломасова Т.С. Отдельные аспекты рассмотрения судами дел о взыскании алиментов (изменении их размера) на несовершеннолетних детей 316
Комарова М.С. Особенности порядка возбуждения дел об установлении границ земельных участков 319
Кондусова А.С. Государственное регулирование предпринимательской деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую среду плата за НВОС 323
Коптлеуова А.Н. Правовые аспекты изменения условий трудового договора..... 328
Кофанова В.П. Дебиторская задолженность: понятие, классификация, способы оценки 332
Кроткова А.В. К вопросу о реализации юридической ответственности предпринимателей..... 339
Кручинина С.А. Социальное предпринимательство и его роль в сфере социально-трудовых отношений 345
Кублякова Д.М. Безопасность банковской деятельности через призму доменного имени 347
Кузьмина Ю.С. История становления и развития процессуальной самостоятельности следователя в Российском уголовно-процессуальном законодательстве..... 352
Лобазова И.А. Легализация использования онлайн-собраний акционеров и участников: проблемы идентификации участников..... 356
Лысенко В.К. Цифровой рубль. Перспективы внедрения в правовую систему РФ..... 361
Ляпкина Т.С. К вопросу о цифровых финансовых активах в дистанционных сделках..... 365
Мавкова В.С. Предмет доказывания по делам о возмещении убытков, причиненных нарушением обязательств по договору поставки, в арбитражном процессе..... 371
Марич А.С. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: проблемы освобождения от наказания..... 375
Марухян П.А. Причины и формы возможных проявлений коррупции в аппаратах федеральных судов 379
Масальская М.А. Отнесение cookie-файлов к персональным данным: за и против 383
Мельников С.А. Перспективы развития законодательства в сфере банкротства коммерческих организаций..... 387
Меркулова А.А. К вопросу о лицах, обладающих правом на обращение в суд с заявлением о компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок..... 391
Моисеев К. Правовая природа признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений в арбитражном процессе Российской Федерации..... 395
Муллабаева А.А. Некоторые проблемные аспекты по уголовным делам частного обвинения 399

Мурадян В.И. Некоторые особенности доказывания по делам о лишении родительских прав 404
Мурзина А.С. Понятие, содержание и правовая природа деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности 408
Норманова К.В. Межмуниципальное сотрудничество: к проблеме правовой конструкции 412
Нуреева Э.И. Посредничество в области трудоустройства 416
Павлова А.Ю. Вопросы местного значения и полномочия по их решению в компетенции местного самоуправления 420
Панченко И.Н. Правовое регулирование оказание информационных услуг: проблемы теории и практики 423
Пастухова Т.Н. Судебная защита конституционного права граждан на жилище 428
Пастухова Т.Н. Гарантии реализации гражданами конституционного права на жилище в Российской Федерации 430
Писарев К.И. К вопросу о возможности участия защитника в доказывании 432
Планкин А.В. Интеграция социального предпринимательства в систему социальной помощи Российской Федерации 436
Плешивцева Е.В. Технологии искусственного интеллекта как объект предпринимательской деятельности в Российской Федерации 442
Подпорин И.В. Особенности определения правового статуса депутата представительного органа муниципального образования в Оренбургской области 447
Поповкина Д.В. Запреты, как правовые средства управления персоналом 452
Прокофьев М.К. Некоторые особенности порядка обжалования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства 455
Прокошева И.И. К вопросу об объектах состава преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ 460
Пышнова Е.С. Проблемы правового статуса государственного гражданского служащего Российской Федерации 464
Рахматуллина Р.Р. Участие психолога при проведении допроса несовершеннолетнего 469
Родионова М.С. Добровольная форма ликвидации юридических лиц 472
Родыгин Д.Д. Доведение до самоубийства: проблемы квалификации 478
Рублев Е.В. Подсудность исковых дел о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей 482
Русакова П.А. Процессуальная правосубъектность арбитражного управляющего по делам о несостоятельности (банкротстве) организаций 492
Ряховская А.В. Проблема законодательного закрепления механизма стимулирования физических и юридических лиц к уплате инициативных платежей 497
Сарманова В.К. Разъяснение судебного решения вынесшим его судом, как способ устранения неясности его содержания 501
Семин Р.А. Саморегулирование в сфере наружной рекламы 506

Сергазиева Д. Понятие конституционно-правовых гарантий деятельности сенатора Российской Федерации 509
Сластов А.И. Принцип состязательности при подготовке дела к судебному разбирательству 514
Соболева Е.В. О практике участия прокурора в гражданском процессе в защиту жилищных прав несовершеннолетних (на примере Оренбургской области) 517
Сотникова А.А. Принудительное исполнение решений по делам о взыскании алиментов: некоторые проблемы и пути решения 523
Сулеманов Р.Р. Новеллы законодательства, регулирующего труд иностранных работников в Российской Федерации 527
Таженкулова А.Н. Некоторые аспекты правового регулирования производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции 531
Тактаева К.В. Участие третьих лиц в делах о защите прав потребителей.. 536
Танаупова Б.Б. Проблемы и перспективы развития способов защиты трудовых прав персонала в условиях банкротства работодателя..... 540
Тимофеева А.Д. Принципы обеспечения технологического суверенитета в национальной концепции научно-технологической безопасности в Российской Федерации 545
Тимофеева П.А. Особенности реализации отдельных имущественных прав супругов в корпоративных правоотношениях в Российской Федерации 551
Токарев Д.Р. Коррупция в России и зарубежных странах: состояние и детерминанты..... 558
Толченникова Е.Ю. Правовые аспекты привлечения субъектов предпринимательской деятельности к ответственности 562
Трофимова Д.С. Проблемы применения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением 569
Уйманова С.Э. Предмет и основание искового заявления о разделе общего имущества супругов в случае несостоятельности (банкротства) одного из супругов 580
Уразгалиева Д.Ж. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу 584
Ухалова А.А. Наследственный фонд: основные проблемы и перспективы правового регулирования 589
Хабибуллина А.Р. Особенности правового статуса работодателя в условиях нетипичной занятости в сфере труда в Российской Федерации 593
Холькина А.А. Предметная и функциональная взаимосвязь принципов гражданского процесса и условий реализации субъективных процессуальных прав 596
Хусаинова О.Р. Проблемы правоприменения электронного кадрового документооборота в Российской Федерации 601
Хухровская А.А. Развитие национальной системы платежных карт в рамках национальной платежной системы Российской Федерации 607
Чулюкова Н.А. К вопросу о способе доведения до самоубийства..... 611
Чумакова В.Н. Виды судебного нормоконтроля 615

Шинкарева С.С. Взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в период конституционного реформирования в Российской Федерации 620
Шмакова А.В. Основные институциональные модели реализации полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления, включая опыт Оренбургской области..... 624
Шуваев А.А. Экологическое предпринимательство: подходы к определению и проблемные аспекты правового регулирования..... 628
Щарихин А.В. Ответственность по договору перевозки грузов автомобильным транспортом в РФ 634

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОГОВОР: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Айдаргужина А.Т. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Захарова А.Э.

При современных условиях общество все больше стремится к повышению благосостояния и решению определенных проблем. В связи с этим предпринимательская деятельность с каждым годом набирает популярность. Данное обстоятельство обуславливает важность развития предпринимательских договоров, которые служат основным правовым инструментом в условии рынка, дающий возможность эффективному движению товаров, услуг и работ от производителя к потребителю.

Классическое понятие «договор» указан в ч. 1 ст. 420 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Самого термина «предпринимательский договор» не употребляется в ГК РФ, но данное понятие часто применяется в учебной и научной литературе.

В.С. Анохин дает такое определение: Предпринимательский договор - соглашение сторон, направленное на установление, изменение или прекращение их прав и обязанностей как участников предпринимательских правоотношений[1].

А.Н. Левушкин отмечает, что «предпринимательские договоры рассматриваются как группа гражданско-правовых договоров, отвечающих заранее установленным требованиям. Отличительными критериями данных договоров

[1] Анохин В.С. Предпринимательское право. М.: ВЛАДОС, 2016. С. 96.

является принадлежность лиц к предпринимательской деятельности, особый субъектный состав, а также наличие предпринимательской цели»[1].

М.В. Ковалев указывает, что «существует два подхода к определению места предпринимательского договора. Согласно первому, различные гражданско-правовые договоры образуют единый институт предпринимательского договора. Однако, во втором подходе такая возможность отсутствует, поскольку могут возникнуть трудности при определении правовой природы таких договоров, как купля-продажа, аренда, подряд и иные»[2].

С.С. Занковский говорит о предпринимательском договоре как о правовом инструменте, который связывает предпринимателя с внешним миром, позволяя ему получать прибыль от передачи своего имущества в пользование другим лицам, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг[3].

Следовательно, предпринимательский договор — это соглашение двух или нескольких лиц, осуществляющую предпринимательскую деятельность, об установлении, изменении или прекращении прав и обязанностей, направленных на достижение установленных целей и получении прибыли.

Значение предпринимательского договора заключается в том, что он представляет собой необходимое условие реализации экономических процессов, социального развития, средством реализации прав граждан, и обеспечивающих гражданский оборот.

По мнению А.Н. Левушкина, С.В. Алборова: договорное обязательство в сфере предпринимательской деятельности призвано:

- урегулировать конкретные правоотношения между контрагентами по сделке;

---

[1] Левушкин А.Н. Коллекторская деятельность как вид экономической деятельности в Российской Федерации: теория и практика применения // Право и экономика. 2019 № 4 С. 124.

[2] Ковалев М.В. Предпринимательский договор в системе Российского гражданского права: автореферат дис.. кандидата юридических наук : 12.00.03 Моск. гос. юрид. акад. - Москва, 2004 С. 25.

[3] Занковский С.С. Предпринимательские договоры. М.: "Волтерс Клувер", 2015. С. 48.

- установить приемлемые для сторон способы взаимодействия в рамках данного договорного обязательства;

- конкретный порядок и условия исполнения принятых на себя обязательств, а также объем и условия привлечения виновного контрагента к ответственности в случае нарушения принятого договорного обязательства[1].

Предпринимательский договоры имеет следующие признаки:

1) Главным отличием предпринимательского договора является его субъектный состав. Предпринимательским может считаться договор, заключаемый между контрагентами, являющимися предпринимателями в определенной организационно-правовой форме, установленных гражданским законодательством. А также предпринимательским является договор, в котором одна сторона (предприниматель) заключает с физическим лицом (потребителем), например, договор розничной купли-продажи.

2) Неразрывность с предпринимательской деятельностью. Ведь в процессе осуществления предпринимательской деятельности заключаются предпринимательские договоры.

3) Соотношение свободы договора и повышенных требований. Один из главных принципов гражданского права – принцип свободы договора, но они имеют ряд исключений. Принцип свободы договора, выражающийся в возможности свободного заключения договора, выбора его вида, характера, контрагентов, широкого усмотрения при определении его условий (ст. 421 ГКРФ), наиболее характерен для предпринимательских договоров. Данный принцип открывает большие возможности для развития предпринимательского оборота. В то же время закон устанавливает ряд повышенных требований к предпринимателям, являющимся сторонами (стороной) соответствующих договоров. Это обусловлено различными факторами: возложением

[1] Левушкин А.Н., Алборов С.В. Правовая природа предпринимательских договоров и обязательств, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности // Lex russica. 2021. Т. 74. № 2. С. 31.

риска негативных последствий от предпринимательской деятельности на самого предпринимателя, его экономически более сильным положением по сравнению с гражданином-потребителем, доминирующим (монопольным) положением предпринимателя на рынке и т.п. Некоторые из таких «жестких» требований связаны с необходимым ограничением упомянутой свободы договора в сфере предпринимательства. Оно состоит, в частности, в обязанности стороны заключить договор в обязательном порядке или с определенными контрагентами и т. д. Ограничение свободы договора допускается в случаях, когда обязанность его заключения предусмотрена законом или добровольно принятым обязательством. Так, при необоснованном уклонении коммерческой организации от заключения публичного договора другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор (п. 3 ст. 426 ГКРФ)[1].

4) Возмездный характер. Одна из сторон данного договора должна получить прибыль (оплату) за исполнение своих обязанностей. Цель предпринимательской деятельности направлена на получение прибыли, следовательно договор будет иметь возмездный характер. Также в ГК РФ установлен запрет дарения в отношениях между коммерческими организациями (п.4 ст. 575 ГК РФ).

5) Специальный порядок разрешения споров, вытекающих из предпринимательских договоров. Как правило, споры, связанные с заключением, изменением или расторжением предпринимательских договоров являются экономическими, следовательно, они разрешаются арбитражными судами в соответствии в Арбитражным процессуальным кодексом.

Виды предпринимательских договоров бывают различными:

- в зависимости от субъектного состава, договоры можно подразделить на стороны, где все являются предпринимателями и в которых в качестве од-

[1] Смагина И.А. Предпринимательское право: учебное пособие. 2-е изд., стер. Москва: Омега-Л, 2008. С. 185.

ной из сторон выступает предприниматель. К примеру, одна из сторон выступает в качестве предпринимателя – это договор розничной купли-продажи, перевозки грузов, банковского вклада, банковского расчета и другие. Договоры, в которых все стороны предприниматели – это лизинг, договор складского хранения, страхования предпринимательских рисков, договор простого товарищества и другие.

- предпринимательские договоры можно выделить по продаже (реализации) товаров, передаче имущества в пользование, выполнению (производству) работ, оказанию услуг и некоторые другие[1].

К предпринимательским договорам по продаже (реализации) товаров можно отнести договор купли-продажи, договор контрактации, договор энергоснабжения, договор продажи предприятия договор поставки товаров для государственных нужд и другие.

К числу предпринимательских договоров по передаче имущества в пользование относятся различные виды договора аренды – аренда транспортных средств, прокат, аренда предприятий, сооружений и др. Это позволяет арендодателю получить прибыль при предоставлении имущества во временное владение и пользование. А также получение в аренду и использование в своей деятельности в определенных случаях выгоднее и эффективнее, чем приобретать имущество в собственность.

Предпринимательскими договорами по выполнению (производству) работ можно отнести: договор строительного подряда, государственный контракт на выполнение подрядных работ для государственных нужд, договор подряда на выполнение проектных и изыскательских работ и другие.

Поименованные и непоименованные договоры. Поименованные – это договоры, которые прямо упомянуты в ГК РФ, например договор купли-продажи, договор аренды. Непоименованные договоры не упомянуты в ГК РФ, например биржевые сделки, смарт-контракты.

---

[1] Смагина И.А. Предпринимательское право: учебное пособие. 2-е изд., стер. Москва: Омега-Л, 2008.

Таким образом, предпринимательский договор – это соглашение двух или нескольких лиц, осуществляющую предпринимательскую деятельность, об установлении, изменении или прекращении прав и обязанностей, направленных на достижение установленных целей и получении прибыли. Признаками данного договора является субъектный состав, неразрывность с предпринимательской деятельностью, возмездный характер, соотношение свободы договора и повышенных требований. Классификация предпринимательских договоров различна: в зависимости от субъектного состава; по продаже (реализации) товаров, передаче имущества в пользование, выполнению (производству) работ, оказанию услуг; поименованные и непоименованные договоры.

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аймаханов А.Х. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент Ефимцева Т.В.

История малого и среднего бизнеса в России относительно коротка по сравнению с другими странами, в основном из-за политических изменений в период Советского Союза. В начале 1990-х годов были предприняты первые шаги по созданию правовой базы для предпринимательской деятельности, в частности, были приняты "Закон о собственности РСФСР" и "Закон о предприятиях и предпринимательской деятельности" в 1990 году. Как утверждает А.А. Лебедева, эти законы создали необходимый юридический фундамент для предпринимательской деятельности и сыграли важную роль в формировании института предпринимательства[1].

[1] Лебедева А.А. Становление малого предпринимательства в постсоветской России: к проблеме законодательного обеспечения (1990-1995 гг.) // Политический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 72. С. 507-515.

Согласно данным Росстата, доля малого и среднего бизнеса в валовом внутреннем продукте (ВВП) России практически не меняется. В 2019 году она составляла 20,7%, в 2020 году – 20,8%, в 2021 году – 20,3%. Тем не менее абсолютные показатели растут, что свидетельствует об общем росте российской экономики. Внутри бизнеса малые и средние предприятия демонстрируют положительную динамику: в 2022 году отмечен рост на 4,5% числа субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) и увеличение оборота МСП на 37% от общего оборота по РФ согласно данным ФНС на основе реестра.

Хотя информация за 2022 год пока не опубликована можно предположить, что тенденция сохранится. В связи с этим вопрос государственного регулирования сферы малого и среднего предпринимательства остается актуальным, поскольку государство заинтересовано в росте этого сектора экономики, который мог бы стать двигателем развития страны.

Относительно основного документа Российской Федерации – Конституции РФ, то ряд ее статей определяют принципы рыночной экономики и право граждан на предпринимательскую деятельность. Так, статья 8 гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансов, поддержку конкуренции, а также свободу экономической деятельности. Важным правилом также является признание и защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности.

В статье 34 Конституции РФ говорится о том, что каждый человек имеет право свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и другой, законом не запрещенной, экономической деятельности. Другие статьи Конституции РФ устанавливают важные правила для ведения предпринимательской деятельности, такие как право распоряжения частным имуществом (статья 35), землей и ресурсами (статья 36), ведение трудовой деятельности (статья 37), а также запрет на ограничения свободного перемещения товаров, услуг и финансовых инструментов (статья 74, пункт 1). Кроме того, Конституция РФ гарантирует право на судебную защиту прав и свобод,

что применяется и к предпринимателям (статья 46). Таким образом, в Конституции РФ определены основные общие права, необходимые для ведения предпринимательской деятельности.

Кроме того, в настоящее время в России действует 20 кодексов, разделенных на две группы: кодексы, напрямую связанные с предпринимательской деятельностью, и кодексы, регулирующие различные области деятельности в стране и включающие правила для предпринимательской деятельности в каждой из этих областей. К первой группе относятся Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ, Уголовный кодекс РФ. Ко второй группе относятся Кодекс административного судопроизводства РФ, Градостроительный кодекс РФ, Гражданско-процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, Земельный кодекс, Жилищный кодекс РФ, Семейный кодекс РФ и другие.

Гражданский кодекс РФ представляет собой ключевой документ, который устанавливает правила взаимоотношений в сфере предпринимательской деятельности. Данный Кодекс направлен на регулирование правил бизнеса в стране. При этом ГК РФ не делает различий между субъектами малого, среднего или крупного бизнеса, охватывая все виды юридических лиц.

Налоговый кодекс РФ содержит основные положения относительно налогов и сборов. В частности, для малого и среднего бизнеса в этом кодексе предусмотрены специальные налоговые режимы, из которых предприятия могут выбирать (6 видов). Эти режимы позволяют использовать особые правила расчета и установления налогов, что, как указывается на сайте Корпорации МСП, предоставляет субъектам малого бизнеса определенные льготы и освобождение от части обязательных платежей.

Трудовой кодекс РФ регулирует трудовые отношения между работодателями (юридическими лицами) и гражданами (физическими лицами). Осо-

бую важность представляет глава 48.1, посвященная особенностям регулирования труда лиц, занятых у работодателей - субъектов малого предпринимательства, отнесенных к микропредприятиям. Согласно этой главе, микропредприятия могут обходить локальные акты, содержащие нормы трудового права, учитывая все основные аспекты в трудовом договоре.

В свою очередь Кодекс об административных правонарушениях РФ и Уголовный кодекс РФ устанавливают перечень правонарушений, за которые могут быть наказаны предприниматели. Различные кодексы второй группы определяют правила для различных областей, где также могут действовать субъекты малого и среднего бизнеса.

Помимо льгот для малого и среднего бизнеса, Налоговый кодекс РФ также содержит информацию об акцизах – косвенных налогах, применяемых к определенным видам товаров. Недавние изменения внесли новый акциз на сахаросодержащие напитки, согласно Федеральному закону от 21 ноября 2022 года № 443-ФЗ. С 1 июля 2023 года сахаросодержащие напитки признаются подакцизными товарами, и производителям необходимо будет уплачивать 7 рублей за 1 литр продукции в бюджет.

Под подакцизными сахаросодержащими напитками подразумеваются упакованные в потребительскую упаковку напитки, изготовленные с использованием питьевой или минеральной воды, в состав которых входит сахар. Важно отметить, что объемная доля этилового спирта в таких напитках не должна превышать 1,2 процента. Эти изменения вызвали неоднозначные реакции среди производителей напитков, с некоторыми компаниями выражающими опасения относительно негативного воздействия на развитие сегмента безалкогольных напитков. Например, Ассоциация производителей пива высказала беспокойство о том, что акциз на сахар может негативно повлиять на сектор безалкогольного пива. Московский пивобезалкогольный комбинат «Очаково» объявил о заморозке новых инвестиций на 2023-2024 годы, выражая определенные экономические сложности.

Хотя «Очаково» не является субъектом малого предпринимательства, можно предположить, что дополнительные расходы на акциз могут отрицательно сказаться на развитии малых и средних предприятий, у которых ограниченный доступ к финансовым ресурсам и инвестициям. Таким образом, налоговый кодекс, помимо предоставления преференций, также вводит дополнительные ограничения в виде акцизов, затрагивая определенные сферы бизнеса, в которых функционируют субъекты малого и среднего предпринимательства.

В настоящее время основным ключевым документом на федеральном уровне, ориентированным на регулирование деятельности малого и среднего бизнеса в Российской Федерации, является Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее - ФЗ о МСП). Этот закон делегирует региональным и муниципальным властям ответственность за стимулирование развития МСП, предоставляя им соответствующие финансовые ресурсы из бюджета. Поддержка, предоставляемая государством, имеет централизованный характер, при этом каждый регион может дополнительно разрабатывать программы поддержки бизнеса из своего регионального бюджета.

Согласно статье 2 этого Закона нормативно-правовую основу для МСП составляют Конституция РФ, указанный закон и другие федеральные нормативные акты, которые должны соответствовать федеральным законам и Конституции. ФЗ о МСП содержит все необходимые определения и понятия для успешного функционирования малого и среднего бизнеса в России. Основные критерии, такие как состав активов, среднегодовая численность работников и доход, определяют, попадает ли хозяйствующий субъект в категорию МСП.

Статья 7 ФЗ о МСП прямо устанавливает особенности нормативно-правового регулирования МСП в России, предлагая 9 мер поддержки. Среди них специальный налоговый режим, упрощенный бухгалтерский учет, легкий порядок ведения статистики, привилегированный расчет за имущество, участие в государственных закупках, меры государственного контроля, финансовая

поддержка, инфраструктурное развитие и прочие. Некоторые из этих мер закреплены в кодексах, таких как Налоговый кодекс РФ, в то время как другие определены в различных федеральных нормативных актах.

В сфере предпринимательства в России, включая малый и средний бизнес, действует несколько федеральных законов, регламентирующих различные аспекты этой деятельности. К ним относятся Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности», и Федеральный закон «О защите конкуренции», среди прочих. Всего в России действует 546 федеральных законов, регламентирующих различные аспекты жизни общества.

Важно подчеркнуть, что документы, регулирующие деятельность малого и среднего предпринимательства в России, можно разделить на федеральные, региональные и муниципальные, а также на общие и специальные. Эта иерархия источников права типична и для других сфер. Специалисты полагают, что для МСП сформировался специальный правовой режим, который представляет собой установленные законом особенности правового регулирования и направлен на поддержку и развитие малых и средних предприятий[1].

Проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели, включают высокую административную нагрузку, "несправедливость" налоговой системы, избыточную отчетность и документооборот, высокую регуляторную нагрузку, а также неэффективное взаимодействие с государственными органами. Для решения этих проблем предлагаются принципы новой политики в сфере регулирования МСП, такие как признание государством социальной значимости

[1] Ершова И.В. Специальный правовой режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: доктринальные и законодательные подходы // URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/90525-specialnyj-pravovoj-rezhim-deyatelnosti-subektov-malogo-srednego (дата обращения: 20.01.2024).

МСП, повышение информирования предпринимателей, упрощение языка законов, создание единого центра обращений предпринимателей и другие меры, направленные на стимулирование развития бизнеса в России.

В период с 2021 по 2023 год, когда весь мир столкнулся с пандемией коронавируса, малые и средние предприятия, особенно в сфере общепита и услуг, почувствовали негативные последствия в связи с ограничениями на посещение общественных мест. Государство реагировало на эту ситуацию, вводя различные меры поддержки на федеральном и региональном уровнях. Эти меры включали в себя налоговые льготы, субсидии и льготные кредиты с целью сохранения работоспособности предприятий МСП и предотвращения роста уровня безработицы[1].

И.В. Ершова и Е.В. Трофимова подчеркивают, что текущий подход государства к развитию сектора МСП основан на "антикризисных" решениях, направленных на снижение административной нагрузки, расширение использования налоговых льгот и обеспечение финансовой поддержки. Эти шаги приобрели особую актуальность в свете распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) и западных санкций, оказывающих негативное воздействие на российскую экономику[2].

Итак, в заключение отметим, что государственное регулирование сектора МСП в России базируется на законодательных актах, принятых как на федеральном, так и на региональном уровне. Эти акты подразделяются на общие, охватывающие всех предпринимателей в России, и специальные, касающиеся только МСП. Кроме того, помимо преференций и мер поддержки, МСП также подпадают под влияние косвенных налогов, таких, как акцизы на напитки с сахаром, что, по мнению самих предпринимателей, может негативно

[1] Арутюнян С.Г. Защита и поддержка предпринимателей в период пандемии // Научные исследования и инновации. 2021. С. 166-169.

[2] Ершова И.В. Трофимова Е.В. Специальный правовой режим малого и среднего бизнеса в контексте поиска перспективных направлений поддержки иных сегментов отечественной экономики // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2 (147). С. 103-115.

сказаться на их финансовом положении. При этом важно отметить, что в условиях пандемии Правительство РФ оперативно реагировало на вызовы, предоставляя сектору МСП необходимую поддержку и стремясь смягчить негативные последствия для экономики.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Акашев Ю.И. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Захарова А.Э.

Любой хозяйствующий субъект, в том числе муниципальное унитарное предприятие, может быть признано несостоятельным (банкротом). В процессе рассмотрения данной категории дел могут принимать участие сотрудники прокуратуры. Их роль в арбитражном процессе характеризуется как действенное средство укрепления законности и предупреждения правонарушений в экономической сфере, защиты государственных и общественных интересов. В первой половине 2023 года прокуратурой Оренбургской области обеспечено участие в делах о банкротстве муниципальных унитарных предприятий (МУП), в рамках которых рассматривались вопросы о передаче в муниципальную собственность социально-значимого имущества, о привлечении муниципального образования к субсидиарной ответственности по долгам предприятий-банкротов.

Говоря о процедуре банкротства муниципальных унитарных предприятий, следует дать определение несостоятельности (банкротства) в целом. И.В. Ершова определяет банкротство как признанную арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей[1].

[1] Ершова И.В. Предпринимательское право: учебник для бакалавриата и специалитета. Москва: Проспект, 2020. 688 с.

На основании положений ст. 2 Федерального закона от 14.11.2002 №-161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» под унитарными предприятиями понимаются коммерческие организации, не наделенные правом собственности на имущество, закрепленное за ними собственником[1].

В своем научном труде С.В. Чудинова приводит следующее определение банкротства муниципального унитарного предприятия: процедура признания его финансовой несостоятельности, которая направлена на решение проблемы с долгами перед кредиторами в строго урегулированном процессуальном порядке[2].

Процесс признания предприятий финансово несостоятельными опирается на положения ст. 65 Гражданского кодекса и Федеральный закон от 27.10.2002 №-127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Признаками, выделяющимися в качестве условий признания несостоятельным (банкротом) муниципального унитарного предприятия, являются:

- размер долговых обязательств, подтвержденных документально, превышает 300 тыс. рублей;

- неисполнение обязательств в течение 3 месяцев, с момента, когда они должны быть исполнены;

- не способность поставлять муниципальными унитарными предприятиями, имеющими статус управляющих компаний в сфере ЖКХ, коммунальных услуг должного качества.

В настоящее время законодательно предусмотрено участие прокуратуры в делах о банкротстве муниципальных унитарных предприятий (МУП). Согласно Федеральному закону от 07.10.2022 № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»

[1] Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

[2] Чудинова С.В. Понятие, критерии и признаки несостоятельности (банкротства) муниципальных унитарных предприятий // Вестник науки. 2021. Т. 2. № 9(42). С. 26-33.

прокурор наделен самостоятельным правом на предъявление в арбитражный суд исков[1]. Помимо этого, представители прокуратуры содействуют мирному урегулированию споров, принимая участие в судебных заседаниях при рассмотрении обоснованности заявлений о признании должника несостоятельным (банкротом).

По делу А47-9593/2023 между энергоснабжающей организацией и муниципальным унитарным предприятием было заключено мировое соглашение, и производство по делу прекращено. В процессе рассмотрения заявления о признании должника несостоятельным (банкротом) активное участие принимал представитель прокуратуры. Стороны пришли к заключению мирового соглашения, сотрудником надзорного ведомства данное решение было поддержано, поскольку это защищает государственные и общественные интересы, и способствует погашению задолженности перед кредиторами.

Деятельность муниципальных унитарных предприятий направлена на выполнение публично-правовых задач, таких как: осуществление услуг по перевозке пассажиров, теплоснабжение, водоснабжение, водоотведение и ряд других. Чаще всего функционирование МУПов в отсутствие субсидирования носит заведомо убыточный характер и предприятие не способно надлежащим образом исполнять обязательства перед кредиторами, что приводит к нарастанию долговой нагрузки и служит поводом для обращения последних в суд с заявлением о банкротстве и привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.

На практике собственная инициатива банкротства МУП встречается довольно редко из-за неспособности руководства принимать кардинальные решения без дополнительного согласования с контролирующими инстанциями. Не все руководители муниципальных унитарных предприятий своевременно

[1] Федеральный закон от 07.10.2022 № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6949.

информируют о наличии возникших признаков банкротства, что в свою очередь лишает учредителей, собственников имущества должника - унитарного предприятия принять своевременные меры по предупреждению банкротства. Это все приводит к обращению кредиторов в арбитражный суд с заявлением о признании должника несостоятельным.

Учредителями МУПов являются администрации МО, в связи с этим прокуратурой уделяется пристальное внимание к процедуре банкротства, поскольку при недостаточности имущества у МУПа кредитор, либо конкурсный управляющий могут инициировать обособленный спор по взысканию компенсации, привлечению к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. В случае удовлетворения судом заявления -взыскать с администрации МО денежные средства в счет погашения задолженности перед кредиторами.

Необходимо отметить, что прокуратурой Оренбургской области проводятся проверки в отношении деятельности МУПов и в случаях выявления нарушений - их руководители привлекаются к административной ответственности. Примером может служить возбужденное дело об административном правонарушении по ст. 15.14. КоАП РФ (нецелевое использование бюджетных средств) в отношении должностного лица МУП «РЖКХ».

Итак, в заключение отметим, что банкротство муниципальных унитарных предприятий, восстановление их платежеспособности находится в зоне особого внимания органов прокуратуры, поскольку это затрагивает бюджет соответствующей Администрации МО, которая являются учредителем МУПа.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ЦЕЛИ И СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Аммосова Д.В. – магистрант Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Рогова Н.Н.

Институт освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в уголовном законе - одно из наиболее сложных и противоречивых явлений, которое до сих пор не получило однозначной правовой оценки в научном сообществе. Исходя из содержания норм, их расположения в Общей части УК РФ, данный институт уголовного права имеет неоднородную юридическую природу. С одной стороны это одно из оснований для освобождения от уголовной ответственности, с другой стороны - мера уголовно-правового характера, о чем свидетельствует включение законодателем его в Раздел VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера». Такая двойственная природа института судебного штрафа определяет его социальное значение и цели.

Важно указать, что УК РФ не определяет ни цели освобождения от уголовной ответственности, ни цели мер уголовно-правового характера, за исключением ст. 98 УК РФ, нормативно закрепляющей цели принудительных мер медицинского характера. Однако, из ч. 2 ст. 7 УК РФ вытекает, что судебный штраф не может иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Отсюда вопрос о перечне и содержании целей судебного штрафа является дискуссионным. Верховный суд РФ придерживается мнения, что при назначения судебного штрафа виновному лицу достигаются цели наказания. Если обратиться к содержанию Пояснительной записки к проекту Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности", то заметим неоднократное указание на тождественность целей наказания и судебного штрафа. Так п. 3.2 Пояснительной записки гласит: «…такой порядок позволит обеспечить единообразный подход к исполнению разных мер уголовно-правового характера (уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера), имеющих одинаковые цели».

В науке поставлен вопрос о достижении цели восстановления социальной справедливости при освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. По мнению Н.С. Луценко, судебному штрафу не присуща цель восстановления социальной справедливости. Судебный штраф – это не принудительная мера, она носит «компромиссный характер» между виновным и государством, поэтому изначально не связана с соразмерностью тяжести совершенного преступления и той меры, которая будет выбрана данному лицу[1].

Другая группа ученых признает полное совпадение целей наказания и судебного штрафа. Так, Е.А. Хлебницына полагает, что сам факт возбуждения уголовного дела, участие виновного в процессуальных мероприятиях оказывают на него травмирующее нравственно-психологическое воздействие, которое соответствует характеру и степени общественной опасности личности и деяния. Условием освобождения является возмещение ущерба потерпевшему, что способствует возникновению у них мысли о защищенности принадлежащих им прав[2]. Следовательно, восстанавливается и социальная справедливость. Понятием «восстановление социальной справедливости» автор охватывает компенсацию причиненного вреда (ущерба) личности, обществу, государству (оплата лечения, возмещение стоимости похищенного, принесение публичного извинения и т.д.).

Полагаем, что судебный штраф должен применять, когда все цели могут быть достигнуты. Указанное подтверждается судебной практикой. Так, суд отказал стороне защиты в прекращении уголовного дела в отношении К.В. с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, поскольку с учетом обстоятельств совершенного осужденным преступления, являющегося преступлением коррупционной направленности,

[1] Луценко Н.С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения: дис. … канд. юрид. наук. Хабаровск, 2019. 237 с.

[2] Хлебницына Е.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: монография. М.: Юрлитинформ, 2020.

освобождение его от уголовной ответственности не будет являться справедливым и отвечать целям уголовного наказания, а добровольное перечисление осужденным в детский дом ГБУ Калужской области "Центр содействия семейному воспитанию им П.", участие социально-патриотической акции по оказанию гуманитарного содействия военнослужащим ВС РФ, участвующим в специальной военной операции в Украине не свидетельствует о восстановлении нарушенных в результате его действий законных интересов общества и государства[1]. Таким образом, цель восстановления социальной справедливости не достигнута.

Анализ теоретических источников и судебной практики позволяет сформулировать такую цель как исправление лица и предупреждение совершения новых преступлений. Конституционный суд РФ в одном из своих определений подчеркнул, что введение в УК РФ института освобождения от уголовной ответственности и назначения судебного штрафа направлено в том числе на усиление исправительного воздействия и предупреждение совершения новых преступлений[2]. Кроме того, стоит отметить, что цель предупреждения совершения новых преступлений была отмечена как основная цель в пояснительной записке Верховного Суда РФ к проекту Федерального закона от 03.07.2016 г. № 323- ФЗ. В свою очередь исправление лица, совершившего преступление, связано с его перевоспитанием путем уплаты определённой суммы, при этом ориентирована на обеспечение предупреждения новых преступлений, тем самым, являясь, целью-средством. Предупреждение совершения новых преступлений выражается в общей и специальной превенциях. Специальная превенция выражается в предупреждении совершения новых преступлений лицом, в

[1] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27.09.2023 N 77-4518/2023 // СПС «Консультант Плюс».

[2] Определение Конституционного суда РФ от 26 октября 2017 г. № 2257-О от 26 октября 2017 г. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС «Консультант Плюс».

отношении которого применяется судебный штраф, а общая превенция воздействует на все общество, создавая у других представление о возможных материальных потерях.

Наряду с вышеперечисленными целями исследователи называют следующие: цель процессуальной экономии, социальную цель, компенсационную цель.

Про цель процессуальной экономии упоминал Верховный суд РФ в пояснительной записке к законопроекту, согласно которой новое основание освобождения от уголовной ответственности будет способствовать повышению возможностей «объединения уголовной ответственности и иных мер в предупреждении и борьбе с противоправными действиями… Такая мера позволит предоставить возможность органам предварительного расследования сосредоточить свои кадровые, технические и иные ресурсы на расследовании опасных преступлений». Кроме того, проявление процессуальной экономии прослеживается при регламентации порядка прекращения уголовного дела или уголовного преследования и назначения судебного штрафа по уголовному делу. В законопроекте, а в дальнейшем в ст. 25.1 УПК законодатель закрепил возможность для следователя с согласия руководителя следственного органа возбуждать перед судом ходатайство, при этом согласие прокурора на это не требуется, что в значительном экономит временные ресурсы для качественного расследования тяжких и особо тяжких преступлений.

Еще одна цель, про которую пишет Верховный Суд РФ, заключается в снижении числа лиц, имеющих судимость, что в свою очередь способствует положительным изменениям в социальной структуре общества. На данный момент количество преступлений небольшой и средней тяжести значительно превышает количество тяжких и особо тяжки преступлений. Так, согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ за первое полугодие 2023 года за преступления небольшой тяжести осуждено 131 171, средней тяжести – 52 392. Нередко деяния, квалифицируемые как преступления небольшой тяжести, либо лица, их совершившие, не обладают достаточной степенью

общественной опасности, но его осуждение влечет негативное последствие в виде судимости, что негативно сказывается и не только для самого осужденного, но и для его близких родственников.

Вопросы экономики в любые времена наиболее актуальны, в связи с этим большинство авторов указывается в качестве одной цели судебного штрафа компенсационную. В своей работе О.А. Михаль в качестве одного из положительного последствия применения судебного штрафа называет уменьшение материальных затрат на содержание органов уголовной юстиции, и «разгрузку» в необходимых пределах следственных изоляторов и мест лишения свободы[1]. Действительно, уплата судебного штрафа способствует пополнению федерального бюджета, при это компенсирует затраты, связанные с рассмотрением и разрешением дела. Вышеприведенное подтверждается статистическими данным Судебного департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Так, за первое полугодие 2023 года в федеральный бюджет Российской Федерации от уплаты денежного взыскания, назначенного в порядке ст. 104.5 УК РФ, поступил 136 256 431 рублей[2]. Кроме того, компенсацию может получить и сам потерпевший, возможные способы возмещения ущерба и заглаживания причиненного преступлением вреда законом не ограничены[3].

Подводя итог, отметим, что судебный штраф представляет собой сложный институт уголовного права, обладающий уникальностью и двойственностью правовой природы, а также преследующий определенные цели, которые достигаются без применения принуждения со стороны государства и носят добровольный порядок исполнения.

---

[1] Михаль О.А. Освобождение от уголовной ответственности: соотношение с категориями преступлений // Российский следователь. 2005. № 1. С. 17-22.

[2] Судебный департамент при Верховном Суде российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 25.02.2024).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 (ред. от 29.11.2016) "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности" // СПС «Консультант Плюс».

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Антонов А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент Иванова С. В.

Уполномоченный по правам человека вместе с его аппаратом являются государственным органом, который имеет свою структуру, определенные полномочия, цели, а также достоинства и недостатки, требующие разработки соответствующих предложений по совершенствованию как внутренней, так и внешней работы. Одним из востребованных инструментов правового просвещения являются доклады уполномоченных по правам человека. Они содержат информацию о рассмотрении уполномоченными индивидуальных и коллективных жалоб и обращений, противоречиях между международным и национальным правом, законодательных коллизиях и иных проблемах в области прав человека, а также предложения, направленные на совершенствование законодательства, правового просвещения, международного сотрудничества и правоприменительной практики[1].

Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»[2] вступил в силу в марте 1997 года и установил, что Уполномоченный независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам.

С принятием федерального закона регионы получили возможность создания нового правозащитного органа. В целях обеспечения дополнительных гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами на уровне областного руководства в 2010 году принято решение о введении должности регионального правозащитника.

---

[1] Косцов А. Европейский суд по правам человека М., 2020. С 27.

[2] Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

На заседании Законодательного собрания Оренбургской области 15 июня на эту должность Уполномоченного по правам человека в Оренбургской области был назначен Анатолий Михайлович Чадов.

Первый прием граждан состоялся 25 июня 2011 года. С этого времени в Оренбуржье появился правовой посредник между гражданами и органами власти. Сотрудники сформированного аппарата активно принялись за работу. За полгода был получен значительный объем информации, что позволило подготовить первый в истории региона Ежегодный доклад о соблюдении прав и свобод человека на территории Оренбургской области.

На момент учреждения института Закон Оренбургской области об Уполномоченном, как и аналогичные законы в большинстве других субъектов Российской Федерации, содержал правовые возможности, сопоставимые полномочиям федерального омбудсмена, за исключением тех, которые нельзя было урегулировать региональным законодательством.

В 2015 году вступил в силу Федеральный закон от 6 апреля 2015 г. № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека»[1], который не только определял основы статуса регионального уполномоченного. Тогда были определены полномочия рассматривать жалобы на решения или действия (бездействие) территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, а также организаций федерального подчинения, в том числе проводить проверки, запрашивать информацию, получать объяснения должностных лиц и государственных служащих указанных территориальных органов, организаций по вопросам, подлежащим выяснению в ходе рассмотрения жалоб.

Формирование института Уполномоченного в Оренбургской области

[1] Федеральный закон от 06.04.2015 № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека» // СЗ РФ. 2015. № 14. Ст. 2016.

происходило в плоскости увеличения пакета возможностей для выполнения стоящих задач. В частности, необходимость решения правовых проблем граждан, зачастую связанных с обжалованием решений и действий (бездействия) органов и должностных лиц, потребовало расширение механизмов в работе.

В 2012 году Уполномоченный наделен правом законодательной инициативы по совершенствованию регионального законодательства, что на тот период было присуще не всем коллегам из регионов. В начале деятельности разработаны законопроекты по вопросам, связанным с работой аппарата Уполномоченного, административной ответственностью за воспрепятствование деятельности, порядком рассмотрения обращений граждан. В дальнейшем вносились предложения по корректировке нормативных актов федерального и регионального уровня.

Право законодательной инициативы неразрывно связано и с другим направлением работы – правовое просвещение населения. В целях правового информирования стали разрабатываться и распространяться методические пособия, памятки по самым разным вопросам. Изданы методические материалы по самым актуальным правозащитным направлениям, в которых – ответы на часто встречающиеся вопросы, в том числе по досудебному и судебному порядку разрешения спорных ситуаций, органах и их компетенции в конкретных правоотношениях, способы обжалования действий и решений чиновников и др.

Главной целью создания государственного института Уполномоченного является дополнение существующих средств защиты прав и свобод человека и гражданина, усиление государственных гарантий. В то же время законодательное регулирование статуса региональных омбудсменов на федеральном уровне на начальном этапе развития института практически отсутствовало. Это вносило некоторую неопределенность при решении задач, связанных с взаимодействием с органами государственной власти, поскольку практически весь объем компетенции регионального уполномоченного обусловлен взаимодействием с государственными и муниципальными органами, должностными

лицами, руководителями организаций.

Многолетний опыт правозащитной работы показал необходимость в урегулировании вопросов взаимодействия между омбудсменами региона и летом 2019 года состоялось подписание трехстороннего соглашения о сотрудничестве. Уполномоченный по правам человека, Уполномоченный по правам ребенка и Уполномоченный по защите прав предпринимателей объявили о совместной деятельности, направленной на решение вопросов, возникающих при защите прав и законных интересов человека и гражданина, несовершеннолетних лиц, субъектов предпринимательской деятельности, и оказание друг другу содействия в осуществлении практической деятельности с использованием всего комплекса имеющихся у сторон правовых и иных ресурсов.

Особое положение Уполномоченного при осуществлении своих функций – независимость и неподотчетность каким-либо государственным органам и должностным лицам позволяют говорить о его незаинтересованности и, по сути, народном статусе в деле защиты прав человека.

Принятый весной 2020 года федеральный закон о региональных омбудсменах[1], наделяя их дополнительными правозащитными механизмами и возможностями в конечном счете будет способствовать развитию общественного правосознания.

Основная задача Уполномоченного по правам человека в Оренбургской области – добиваться, чтобы каждый человек ощущал достаточный уровень государственного внимания к себе и конструктивное решение своих проблем. Но еще более важным представляется способность каждого человека осознавать свои права и потребность активно применять в своей жизни самые важные правила их защиты. На выполнение таких задач направлена дальнейшая деятельность Уполномоченного.

[1] Федеральный закон от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1640.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯНИЙ, СОСТОЯЩИХ В НЕЗАКОННЫХ ВЫДАЧЕ И ПОЛУЧЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ БЮЛЛЕТЕНЕЙ, БЮЛЛЕТЕНЕЙ ДЛЯ ГОЛОСОВАНИЯ НА РЕФЕРЕНДУМЕ (СТ. 142.2 УК РФ)

Аполоненко А.Ю. – аспирант ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет», группа ОА23УПН, сот. тел. 8 9026732045, г. Омск
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет», к.ю.н., доц. Пестерева Ю.С.

Начиная с 90-х годов 20 века становление «нового, молодого» государства Российская Федерация было своеобразным катализатором реформ. Распад старого уклада жизни и переход к демократизации государственной власти и местного самоуправления, появление институтов гражданского общества требовало принципиально новых механизмов ее обновления, используемых в странах развитой демократии,- одним из которых стал институт выборов, реформирование которого, было сложным процессом и сопровождалось многочисленными нарушениями избирательных прав граждан, что, несомненно отразилось на криминализации новых составов преступлений. Уголовно-правовой запрет, который будет предметом исследования настоящей статьи, был введен в Уголовный кодекс Федеральным законом от 29.07.2017 г. № 249-ФЗ «О внесении изменения в УК РФ»[1] и заключается в незаконной выдаче и получении избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме. При этом стоит отметить, что до появления нового состава ответственность за указанное деяние регламентировалась статьей 5.22 КоАП РФ.

Положения ст. 142.2 УК РФ содержат два основных состава преступлений – незаконная выдача (ч.1) и незаконное получение (ч.2) избирательного бюллетеня с квалифицированным составом (ч.3). Говоря об объекте преступного посягательства, многие авторы исследований чаще всего раскрывают его так же, как и применительно к другим преступлениям рассматриваемой

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2017 № 249-ФЗ // СЗ РФ (СЗ РФ). 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4798.

группы и определяют, как нарушение права граждан избирать и быть избранными, а также на установленный порядок голосования[1], что не отражает реально существующей общественной опасности и социальной направленности деяния. Думается, что рассматриваемое преступление нарушает общественные отношения, складывающиеся в сфере защиты конституционного строя РФ, а также легальности и легитимности государственной власти, сформированной на основе справедливых выборов, проведенных с соблюдением законодательства РФ[2].

Предметом в обоих составах (ч.1 и ч. 2) выступает: 1) избирательный бюллетень; 2) бюллетень для голосования на референдуме. Объективная сторона преступления представлена альтернативными действиями: 1) выдача избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме 2) выдача гражданам заполненных избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме. В любом случае, выдача бюллетеней должна быть незаконной, т.е. противоречить положениям Федерального конституционного закона от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (в ред. от 30.12.2021) «О референдуме Российской Федерации»[3] и Федеральному закону от 12.07.2002 г. № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»[4], а также принятым на их основании нормативно-правовым актам. Для квалификации деяния значение имеют два обстоятельства: 1) предоставление его избирателю вопреки имеющемуся запрету; 2) нарушение требований, ко-

[1] Дегтерев А.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступлениям против основ политической системы России: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. Режим доступа: https://raa.ru/diss/Degterev-3/DIS-Degterev_Dissertat-210423.pdf

[2] Там же

[3] СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710; 2022. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[4] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.07.02. № 67-ФЗ (в ред. от 01.06.2017 № 104-ФЗ) // Парламентская газета. 2002. № 110–111; СЗ РФ. 2017. № 23. Ст. 3227.

торые ведут к предоставлению бюллетеня. Иные нарушения не имеют уголовно-правового значения, если они не привели и не могли привести к выдаче избирательного бюллетеня.

По мнению автора, преступление также можно совершить путем предоставления бюллетеня – «ненадлежащему» избирателю, так как используемое в норме понятие гражданин (граждане), шире, чем избиратель. Лицо может быть гражданином РФ, но при этом не являться избирателем по следующим основаниям: недостижения установленного законом возраста 18 лет; граждане, признанные судом недееспособными; граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда (ст.32 Конституции РФ).

Для наличия состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 142.2 УК РФ члену УИК достаточно незаконно выдать бюллетень для голосования хотя бы одному лицу, это обусловлено использованием в диспозиции статьи слов «гражданину (гражданам)». На практике, трудности в применении данной нормы возникают, когда необходимо установить, сколько выданных бюллетеней образует состав рассматриваемого преступления? Дело в том, что предмет преступления указан во множественном числе, без какой-либо конкретизации. Последнее имеет место только применительно к голосованию самим получателем бюллетеня – более двух раз. Из этого можно сделать вывод, что речь идет как минимум о трех бюллетенях, но тогда необходимо констатировать наличие противоречия не только между названием статьи и его содержанием, но и соотношением норм уголовного права и административного права, которое устанавливает ответственность за аналогичные действия (статья 5.22 КоАП РФ).

Преступления, предусмотренные ч.1, ч. 2 ст. 142.2 УК РФ — это формальные составы, считаются оконченными с момента выдачи (ч.1), получения (ч.2) гражданином избирательного бюллетеня. Субъектом незаконной выдачи бюллетеня, выступает член избирательной комиссии, т.е. субъект специальный. Законодатель в анализируемой норме не разделил понятие член УИК с

правом совещательного голоса и с правом решающего голоса. Согласно Федеральному закону от 12.07.2002 г. № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (далее – ФЗ № 67) правом выдачи бюллетеня наделен член УИК с правом решающего голоса, что не нашло своего отражения в норме. Поправками, внесенными ч.5 ст. 9 Федерального закона от 14 марта 2022 года № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1], статус члена УИК с правом совещательного голоса был упразднен.

Субъективная сторона ч.1 и ч.2 ст. 142.2 УК РФ характеризуется виной в виде прямого умысла, с установлением ее обязательного признака - цели совершения преступления. В законе она отражена следующим образом: 1) предоставление гражданину (гражданам) возможности проголосовать вместо избирателей, участников референдума, в том числе вместо других избирателей, участников референдума; 2) предоставление гражданину (гражданам) возможности проголосовать более двух раз в ходе одного и того же голосования (ч.1); 1) участие в голосовании вместо избирателей, участников референдума, в том числе вместо других избирателей, участников референдума; 2) участие в голосовании более двух раз в ходе одного и того же голосования (ч.2). Мотивы преступления лежат за пределами состава рассматриваемого преступления.

Говоря о возрасте лица, с которого оно признается субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142.2 УК РФ, многие авторы придерживаются мнения, о наступлении ответственности по достижении им 18 лет. На наш взгляд, ученые исходят из установленного законодательством активного и пассивного избирательного права, однако незаконно получить избирательный бюллетень, может также лицо, не достигшее указанного возраста. Этот вывод вытекает из анализа ч. 2 ст. 142.2 УК РФ во взаимосвязи её с ч. 1, в которой, как уже указывалось, говорится не об избирателе, а о гражданине.

[1]Федеральный закон № 60 от 14.03.2022 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

Исходя из этого, можно утверждать, что субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142.2 УК РФ может быть лицо, достигшее возраста 16 лет, а если принимать реальную, а не закрепленную в научной литературе общественную опасность преступление, то можно говорить об уголовной ответственности лица, начиная с 14 лет.

Преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 142.2 УК РФ, генетически взаимосвязаны, совершение только одного из них невозможно: незаконная выдача избирательного бюллетеня предполагает его получение и наоборот. Имеет место ситуация, которая схожа с получением – дачей взятки. Но поскольку в рассматриваемом случае нет отдельного состава посредничества, то пособничество оценивается исходя из того, чьи интересы представлял пособник, в связи с этим действия последнего подлежат оценке как пособничество в незаконной выдаче избирательного бюллетеня или незаконном его получении. В ч. 3 ст. 142.2 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак – совершение указанных в ч. 1 и 2 данной статьи деяний группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Понятие совершения преступления группой лиц дано в ч. 1 ст. 35 УК РФ. Это форма соучастия характеризуется тем, что, во-первых, преступление совершается двумя или более исполнителями (соисполнителями), умышленно участвующими в совершении умышленного преступления; во-вторых, имеет место внезапно возникшая совместная преступная деятельность или присоединение одного лица к уже начавшейся преступной деятельности другого. Вряд ли можно себе представить применительно к рассматриваемому преступлению ситуацию, когда совместная преступная деятельность возникает внезапно (она более характерна насильственным посягательствам), но вполне возможно присоединение одного из членов избирательной комиссии к преступной деятельности другого при отсутствии предварительного сговора[1].

[1] Дегтерев А.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступлениям против основ политической системы России: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022 - Режим доступа: https://raa.ru/diss/Degterev-3/DIS-Degterev_Dissertat-210423.pdf

Подводя итоги, хочется отметить, что, несмотря на предпринимаемую законодателем деятельность по дальнейшей криминализации и совершенствованию норм уголовно-правовой охраны прав граждан на свободные и легитимные выборы она слабо влияет на практику их применения, несмотря на постоянный рост нарушений на избирательных процедурах. Это связано с отсутствием четко сформулированных законодательных разграничений схожих правовых нарушений в области обеспечения избирательных прав между УК РФ и КоАП РФ, чрезмерной бланкетности электорального законодательства, нарушением законодательной техники при криминализации деяний, что в совокупности приводит к проблемам в правоприменительной практике и отсутствию действенных мер по пресечению и привлечению к ответственности лиц за нарушение конституционного права граждан на легитимные выборы.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА (СТ. 106 УК РФ) И УБИЙСТВА (СТ. 105 УК РФ)

Атанова А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: профессор кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доц. Шнитенков А.В.

Жизнь человека представляет высшую ценность, охраняемую законом. Концепция приоритета защиты человека, его прав и свобод красной нитью пронизывает все действующее законодательство Российской Федерации. Конституция Российской Федерации в ст. 2 провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Статья 7 УК РФ гласит, что уголовное законодательство обеспечивает безопасность человека, наказание не может иметь своей целью причинение физических страданий или унижения человеческого достоинства. Законодатель при структурировании статей об ответственности за «Преступления против жизни и здоровья» (гл. 16 УК РФ) поста-

вил их на первое место в Особенной части УК РФ. В данном аспекте представляет особый интерес уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка.

По УК РФ убийство матерью новорожденного ребенка является привилегированным составом преступления.

Однако не все криминалисты согласны с таким законодательным решением. Так, например, Кузнецов А.П., Бычков С.Н. и Хатуев В.Б. полагают, что:

1. Не следует считать совершение преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, деянием, которое менее опасно, чем обычное убийство (ст. 105 УК РФ). Убийство матерью новорожденного ребенка должно рассматриваться в качестве одного из видов убийства с отягчающими обстоятельствами (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

2. Закрепление законодателем более мягкого наказания за данное преступление позволяет сделать вывод о пониженной степени защиты прав новорождённого ребёнка, так как за убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), предусматривается более суровое наказание, чем за простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

3. Сущность уголовного наказания заключается не в «отмщении» преступнику за нарушение норм уголовного закона, а в целях, которые предусмотрены ч. 2 ст. 43 УК РФ, а именно в восстановлении социальной справедливости, исправлении преступника, а также частной и общей превенции. На основании этого за более тяжкие преступления следует предусматривать более суровые наказания[1].

На наш взгляд, вышеуказанное мнение является спорным. Важно иметь в виду, что в данном случае речь идёт о проявлении гуманизма к женщине, находящейся в состоянии волнения, вызванного родами.

[1] Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка) // Психология и право.2021. Том 11. № 2.

Подтверждением этой точки зрения является представление о том, что научно доказано негативное влияние беременности и физиологических родов на психическое состояние женщины, в связи с чем женщина находится в особом психофизиологическом состоянии. Так, А.М. Чихрадзе считает: «Степень общественной опасности преступления, предусмотренного статьей 106 УК РФ, считается меньшей по сравнению со статьей 105 УК РФ на основании установленного медициной факта, что имеют место особенности психофизического состояния женщины во время родов или сразу после родов. Это связано с гормональными и физическими изменениями в организме беременной женщины, в результате чего происходит трансформация ее психического состояния. Результатом данного изменения является неспособность роженицы в полной мере осознавать свои действия и руководить ими в период родов и сразу после них». Л.Л. Кругликов полагает, что психические отклонения матери во время родов и в последующий короткий период, обусловливающие ослабление ее способности к осознанной регуляции поведения, «презюмируются законодателем, и эта презумпция объявляется неопровержимой»[1]. Помимо этого, норма об убийстве матерью новорожденного ребенка выделена в самостоятельную статью во многих кодексах зарубежных стран (Азербайджан (ст. 121 УК), Аргентина (ст. 81 УК), Беларусь (ст. 140 УК) и другие).

Одним из обязательных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, является убийство матерью новорождённого ребёнка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. При анализе двух составов (п. «в» ч. 2 ст. 105 и ст. 106 УК РФ) очевидна разница в потерпевшем (в ст. 105 УК РФ - лицо, не достигшее 14 лет, в ст. 106 УК РФ - лицо, не достигшее 1 месяца с момента рождения), на основании чего можно разграничить возраст ребенка, при котором деяние квалифицируется по ст. 105 УК РФ. Убийство ребенка возрастом до 1 месяца наказывается по ст. 106 УК РФ, а, начиная с 1 месяца и 1 дня, - по ст. 105 УК РФ.

[1] Кругликов, Л.Л. Преступления против личности. Ярославль: ЯрГУ, 1998. 76 с.

В научном сообществе имеется точка зрения, согласно которой новорожденным ребенком является ребенок с момента рождения и до момента, пока организм новорожденного не приспособится к нормальным условиям окружающей среды, в среднем период адаптации занимает около 28 дней. Однако, нельзя не согласиться с точкой зрения С.В. Бородина, который полагал, что невозможно установление заранее определенного срока, когда ребенок считается новорожденным, и писал о необходимости установления его в каждом конкретном случае, так как есть случаи, когда по окончании 28 дней организм новорождённого ребенка не адаптировался к внешней среде[1].

Кроме того, следует учитывать, что в ст. 106 УК РФ указан специальный субъект преступления. Помимо общих признаков субъекта (вменяемое физическое лицо, достигшее возраста наступления уголовной ответственности) он должен соответствовать 4 признаку - быть матерью, при этом, не любой, а только генетической (биологической либо суррогатной).

Таким образом, убийство матерью новорожденного ребенка - одно из распространенных и опасных преступлений против жизни личности. Вместе с тем законодатель обоснованно включил в УК РФ самостоятельную норму, предусматривающую менее суровое наказание за убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ).

КОНФИДЕНЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Атасян А.А. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедойы трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Черепанцева Ю.С.

[1] Бородин С.В. Преступления против жизни. М.: Юрист, 2000. 620 с.

Информация - важнейший продукт общественного производства, постоянно наращиваемый ресурс человечества[1]. На международном уровне сформировалась система взглядов на информацию как на ценнейший ресурс жизнеобеспечения общества, имеющий социальное значение.

Определение правового понятия информации впервые было дано в Федеральном законе от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации». В действующем Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2] (далее – Закон об информации) содержится определение в более общем виде: «информация» - сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. В п.1 ст. 5 указанного закона говорится о том, что информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений. Информация может свободно использоваться любым лицом и передаваться одним лицом другому лицу, если федеральными законами не установлены ограничения доступа к информации либо иные требования к порядку ее предоставления или распространения.

Отдельную категорию охраняемой законом информации в российском законодательстве составляют конфиденциальная информация и персональные данные.

«Конфиденциальность» появляется в нормативных правовых актах СССР после 1990 г. и присутствует только в трех документах. Ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (п.1 ст.9 Закона об информации). Таким образом, конфиденциальной может быть любая информация, которая может повлечь указанные последствия.

---

[1] Иванов Д.В. О понятии конфиденциальной информации. // Современное право. 2008. №10 (1). С. 7.

[2] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

Конфиденциальная информация определена в п. 7 ст.2 Закона об информации через требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя. Надо сказать, что ее режим довольно резко критикуется в литературе как весьма неопределенный, Закон об информации использует лишь самые общие нормативные установки, например: «Федеральными законами устанавливаются условия отнесения информации к сведениям, составляющим коммерческую тайну, служебную тайну и иную тайну, обязательность соблюдения конфиденциальности такой информации, а также ответственность за ее разглашение» (ч. 4 ст. 9 Закона об информации). С учетом высказанных соображений можно предложить для обсуждения следующее определение понятия конфиденциальной информации.

Под конфиденциальной информацией следует понимать легально полученную информацию, которая, в силу закона или иного акта, имеющего юридическое значение, доступна строго определенному кругу лиц, и в отношении которой установлен режим определенного рода секретности.

Обладателем конфиденциальной информации всегда является работодатель и работник, причем последний обладает не только сведениями о себе (персональными данными), но в силу трудового договора может хранить секреты производства и иные тайны.

В законодательстве насчитывается около сорока видов тайны (некоторые авторы говорят о тридцати[1], другие - вообще «об обилии тайн в российском законодательстве...»[2]), точнее, видов конфиденциальной информации, так как далеко не в каждом нормативном правовом акте говорится именно о тайне. Во многих случаях речь идет о сведениях, сохранять которые вменено в обязанность определенных лиц.

Трудовой кодекс Российской Федерации оперирует понятиями тех или иных видов тайны, но не определяет их. Между тем совершенно ясно, что в

[1] Лопатин В.Н. Концепция развития законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности Российской Федерации (проект). М., 1998. С. 155.

[2] Шевердяев С.Н. Конституционно-правовой режим информации ограниченного доступа. // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 1. С. 23.

качестве условия трудового договора любой вид конфиденциальной информации должен быть предельно конкретизирован. В противном случае вменять в обязанность и требовать ее исполнения от субъекта трудового договора нет оснований. Поэтому определения данных понятий должны быть даны для целей трудового законодательства.

Поскольку трудовой договор является основанием возникновения соответствующего правоотношения, прежде всего, формируются его условия, которые трансформируются в права и обязанности субъектов возникшего правоотношения. В Трудовом кодексе содержанию трудового договора посвящена статья 57. В действующем ТК РФ эта статья изложена в редакции Федерального закона от 30 июля 2006 г., значительно изменившей ее содержание. Она состоит из двух частей. Первая часть - сведения о работнике и работодателе; вторая часть - собственно содержание, условия трудового договора, в свою очередь, состоит из двух групп условий: обязательных и дополнительных. От термина «существенные условия» в первоначальной редакции ТК РФ законодатель отказался.

Обязательные и дополнительные условия различаются между собой не порядком установления (он один и тот же: по соглашению), а значением для существования трудового договора. Трудовой договор может считаться заключенным, лишь когда согласованы обязательные условия. При этом надо иметь в виду, что согласовываются только договорные условия. Те, что предусмотрены законодательством, распространяются на стороны в силу юридического факта заключения трудового договора.

Перечень обязательных условий, названных в ст. 57 ТК, не является исчерпывающим и может быть расширен за счет условий, предусмотренных в других нормативных правовых актах. Например, в соответствии с Федеральным законом от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»[1] трудовым

[1] СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

договором с руководителем организации должны предусматриваться его обязательства по обеспечению охраны конфиденциальности (ч. 6 ст. 11), что делает их обязательным условием трудового договора с руководителем.

Дополнительные — это условия, также включенные в трудовой договор по соглашению сторон, однако последний может существовать и без них (классический пример дополнительного условия - испытательный срок). В то же время, если соглашение по поводу дополнительных условий их сторонами достигнуто, и они включены в содержание договора, то становятся столь же обязательными для выполнения обеими сторонами. У дополнительных условий трудового договора все-таки несколько иная правовая природа: они включаются в него не в определенном, можно сказать, почти императивном порядке, а по усмотрению сторон.

Условия трудового договора о конфиденциальной информации, в том числе об охраняемой законом тайне, могут быть не только дополнительными, как указано в ст. 57 ТК РФ, но и производными, и обязательными. Государственная тайна, а также абсолютное большинство видов профессиональной тайны (банковская, налоговая, врачебная и др.), и некоторые иные конфиденциальные сведения определены законодательно. Это дает основание утверждать, что, будучи неотъемлемым содержанием трудовой функции, они являются не договорными, а, по принятой в науке трудового права терминологии, - производными, т.е. условиями, привнесенными в трудовой договор из законодательства.

ВЫЯВЛЕНИЕ АФФИЛИРОВАННЫХ ЛИЦ В ПРОЦЕДУРЕ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Баженова К.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Аффилированные лица участвуют в деле о банкротстве в нескольких процессуальных ролях. Во-первых, аффилированные лица нередко предъявляют свои требования при формировании реестра требований кредиторов. Во-вторых, аффилированные лица становятся ответчиками в обособленных спорах в рамках дела о банкротстве при признании сделок должника недействительными.

В соответствии с абз. 3 п. 1 ст. 19 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве) в целях настоящего Федерального закона заинтересованными лицами по отношению к должнику признаются лица, которые являются аффилированным лицом должника[1]. Однако, развёрнутое понятие «аффилированные лица» Закон о банкротстве не формулирует.

В связи с тем, что п. 2 ст. 129 Закона о банкротстве [2]на конкурсного управляющего накладываются обязанности по заявлению возражений, относительно требований кредиторов, предъявленных к должнику, взыскивать задолженность у третьих лиц перед должником, а п. 3 даёт ему возможность подавать заявления о признании сделок недействительными, он является основным лицом, проводящим работу по выявлению аффилированных лиц.

Однако, конкурсные кредиторы наделены правами по оспариванию сделок должника (п. 2 ст. 61.9 Закона о банкротстве[3]), что также позволяет им представлять доказательства аффилированности, истребуя сведения о должнике у конкурсного управляющего.

Шайдуллин А.И. отмечал, что «несомненно, ключевой фигурой, от которой зависит сбор необходимой информации и его раскрытие кредиторам, является арбитражный управляющий. В силу того, что именно арбитражный управляющий фактически управляет конкурсной массой должника, он обладает гораздо большей информацией, по сравнению с той, которая имеется в

[1] Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[2] Там же.

[3] Там же.

материалах дела о банкротстве. Поэтому право кредиторов на информацию не может сводиться к ознакомлению с материалами дела о банкротстве.

Таким образом, право кредитора на информацию в деле о банкротстве в виде возможности ознакомиться с материалами дела о банкротстве отходит на второй план, а гораздо большее значение имеет право на запрос необходимой информации, адресованной именно арбитражному управляющему.

Закон о банкротстве довольно скудно регулирует право кредиторов на информацию, по-видимому, исходя из того, что кредиторы получают всю необходимую информацию в рамках собрания кредиторов, в том числе предусматривая необходимость подготовки отчета арбитражным управляющим[1]».

Добросовестное и надлежащее исполнение своих обязанностей арбитражным управляющим и активное участие добросовестных кредиторов в деле о банкротстве гарантируют выявление аффилированных лиц, которые могут взять под контроль процедуру банкротства, скрывать имущество должника.

Рассмотрим основные признаки аффилированности и методы их выявления из которых складываются доказательства в деле о банкротстве юридического лица.

К признакам аффилированного к должнику лица, по нашему мнению, можно отнести:

- одни и те же лица являются руководителем или учредителем должника и контрагента;
- родственные отношения между учредителями и руководителями должника и контрагентом;
- должник и контрагент зарегистрированы по одному адресу;
- должник и контрагент пользуются единым IP-адресом;
- должник и контрагент имеют одних представителей;
- совпадение сотрудников организаций должника и контрагента;
- заключение сделок, недоступных для иных участников рынка;

[1] Шайдуллин А.И. Защита права кредиторов на информацию в процедурах банкротства // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 7 - 49.

- заключение безвозмездных сделок, таких как дарение, беспроцентный займ, который не взыскивается в случае, когда срок исполнения наступил, а денежные средства не возвращены;
- взаимное кредитование должника и контрагента;
- регистрация единых номеров телефонов должника и контрагента;
- наличие поручительства между должником и контрагентом.

Также, нередки ситуации, когда бывший руководитель отказывается передать бухгалтерскую и иную документацию должника, чтобы скрыть факт аффилированности с другими юридическими или физическими лицами.

Существует несколько методов выявления аффилированных с должником лиц, которыми пользуются арбитражные управляющие в своей практике, однако в законодательстве Российской Федерации о банкротстве какие-либо чёткие правила отсутствуют.

К таким методам можно отнести:

- получение выписок из Единого государственного реестра юридических лиц, Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей;
- анализ банковских операций по счетам должника за три года, предшествующих банкротству;
- истребование из регистрирующего органа регистрационного дела должника;
- получение выписок из Единого государственного реестра недвижимости на должника и контрагента;
- анализ совершённых должником сделок в пределах трёх лет до принятия заявления о банкротстве;
- поиск поручителей должника по договорам кредитования;
- истребование сведений из банка, обслуживающего должника и контрагента, и налогового органа об используемом IP-адресе;

- проверка в информационно-справочных системах проверки контрагентов юридических лиц, таких как «Контур.Фокус», «СберКорус», «СПАРК», «СБиС Контрагенты».

Судебная практика по представлению доказательств аффилированности в настоящее время складывается также под влиянием того, что в законодательстве отсутствует понятие «аффилированные лица» и их признаки.

Согласно позиции, изложенной в определении Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2016 г. № 308-ЭС16-1475[1], доказывание в деле о банкротстве факта общности экономических интересов допустимо не только через подтверждение аффилированности юридической (в частности, принадлежность лиц к одной группе компаний через корпоративное участие), но и фактической.

Второй из названных механизмов по смыслу абзаца 26 статьи 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» не исключает доказывания заинтересованности даже в тех случаях, когда структура корпоративного участия и управления искусственно позволяет избежать формального критерия группы лиц, однако сохраняется возможность оказывать влияние на принятие решений в сфере ведения предпринимательской деятельности.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.05.2017 г. № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015 сформулировало правовую позицию, согласно которой о наличии такого рода аффилированности может свидетельствовать поведение лиц в хозяйственном обороте, в частности, заключение между собой сделок и последующее их исполнение на условиях, недоступных обычным (независимым) участникам рынка.

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.06.2016 г. № 308-ЭС16-1475 по делу № А53-885/2014 // СПС КонсультантПлюс

Кроме того, суд может переложить бремя доказывания отсутствия признаков аффилированности на такое лицо. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017 г.)[1] в п. 13 указывает, что при представлении доказательств аффилированности должника с участником процесса (например, с лицом, заявившем о включении требований в реестр, либо с ответчиком по требованию о признании сделки недействительной) судом на такое лицо может быть возложена обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения сделки либо мотивы поведения в процессе исполнения уже заключенного соглашения.

Как указывает Шевченко И.М. в своей работе «зачастую в процедурах банкротства выявляется, что сделка по отчуждению активов должника совершена в пользу лица, юридически или фактически аффилированного с должником. Пункт 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве содержат презумпции, облегчающие доказывание недобросовестности контрагента должника при его заинтересованности по отношению к последнему»[2].

Таким образом, на практике существует множество способов выявить признаки аффилированности, даже когда должник и контрагенты стараются их скрыть. Кроме того, как арбитражный управляющий, так и конкурсные кредиторы имеют широкий выбор методов по выявлению признаков аффилированности лиц с должником.

ВАЛЮТНАЯ ВЫРУЧКА ДЛЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В 2023 ГОДУ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ.

Балохнин И.Е.– магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

[1] «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 11.

[2] Шевченко И.М. О применении последствий недействительности сделки в отношении должника, находящегося в процедуре банкротства // Российский судья. 2020. N 2. С. 3 - 8.

Научный руководитель: заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент Ефимцева Т.В.

Обязательная продажа валютной выручки есть разновидность валютного ограничения, которое выражается в обязательной продаже индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами денежных средств (иностранной валюты), поступающие им на валютные счета по международным сделкам.

Такая валюта продается уполномоченному банку, который, в свою очередь, обязан сконвертировать иностранную валюту в рубли, и зачислить в рублевом значении сумму денежных средств на счет клиента.

В теории есть достаточно много аспектов, относительно содержания понятия валютной выручки. Например, «валютная выручка» – это сумма денежных поступлений от экспорта продукции, выпуска ценных бумаг и предоставления международных кредитов, выраженная в иностранной валюте. Также можно рассмотреть другое определение, где «валютная выручка» – это перечисленные на транзитные счета резидента России по внешнеэкономической (внешнеторговой) деятельности сумма денежных средств. Согласно абз. 4 ч. 1 ст. 2 ФЗ от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» под внешнеторговой деятельностью понимается деятельность по осуществлению сделок в области внешней торговли товарами, услугами, информацией и интеллектуальной собственностью. Соответственно под внешней торговлей понимается импорт и (или) экспорт товаров.

В соответствии с ФЗ от 10.12.2003 №173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» российские компании могут проводить валютные операции, в том числе, получать валютную выручку от продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг.

Однако, следует обратить внимание, что в законодательстве есть пробелы, в частности ни в одном законе нет точного определения «валютная выручка», однако это понятие часто используется у правоведов и законодателя, считаю, что следует закрепить данную дефиницию в таком виде.

Валютная выручка – это доходы юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных на территории Российской Федерации, которые образуются у данных субъектов права от продажи товаров, оказания услуг за пределами Российской Федерации в иностранно валюте. Выбор в использовании валюты происходит контрагентом, а также зависит от требований резидента.

11 октября 2023 года президент России Владимир Владимирович Путин Указ №771 «Об осуществлении обязательной продажи выручки в иностранной валюте, получаемой отдельными российскими экспортёрами по внешнеторговым договорам (контрактам)».

До этого момента, крайний раз введения ограничений на продажу валютной выручки датировались 28 февраля 2022 года. Тогда, президент России подписал указ, обязав резидентов-участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) продавать 80% иностранной валюты со своих счетов на основании внешнеторговых контрактов с нерезидентами. В мае 2022 года доля понизилась до 50%, а в июне 2022 года требование к экспортерам было полностью отменено.

Цели нововведения – создать долговременные условия для повышения прозрачности и предсказуемости валютного рынка и снизить возможность для валютных спекуляций.

Согласно документу, вводятся три основных нововведения.

Первое нововведение – сроком на 6 месяцев для отдельных компаний вводится обязательная репатриация и продажа валютной выручки на российском рынке. Объемы и сроки репатриации, продажи выручки определило Правительство РФ в Постановлении Правительства РФ от 12.10.2023 № 1681

«О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 771». В частности, в данном Постановлении сказано, что российские экспортеры, включенные в перечень, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 11 октября 2023 г. N 771 «Об обязательной продаже иностранной валюты некоторыми российскими экспортерами»:

а) начиная с 16 октября 2023 г. зачисляют на свои счета в уполномоченных банках иностранную валюту в размере не менее 80 процентов иностранной валюты, полученной в соответствии с условиями внешнеторговых договоров (контрактов), заключенных с нерезидентами и предусматривающих передачу нерезидентам товаров, выполнение для нерезидентов работ, оказание нерезидентам услуг, передачу нерезидентам информации и результатов интеллектуальной деятельности, в том числе исключительных прав на них;

б) осуществляют обязательную продажу на внутреннем валютном рынке Российской Федерации, зачисленной в соответствии с подпунктом "а" настоящего пункта иностранной валюты в размере 90 процентов суммы иностранной валюты в срок, не превышающий 14 дней со дня зачисления;

в) обеспечивают выполнение своими дочерними хозяйственными обществами (в том числе созданными в соответствии с законодательством иностранных государств и имеющими местонахождение за пределами территории Российской Федерации) мероприятий по обязательной продаже иностранной валюты, полученной в соответствии с условиями внешнеторговых договоров (контрактов), в сроки и размерах, которые установлены настоящим пунктом.

Второе нововведение – вводится обязанность для отдельных компаний по представлению в Банк России и Росфинмониторинг индикативных планов-графиков по покупке и продаже иностранной валюты на внутреннем рынке. Таким образом, государство переходит на плановый режим управления курсом- теперь власти будут точно знать, сколько, когда и какой валюты поступит на рынок.

Это позволит финансовым властям точнее оценивать валютные ресурсы экспортеров и корректировать свои меры по управлению валютным рынком.

Третье – в отдельные компании вводятся уполномоченные представители Росфинмониторинга, в задачи которых входит мониторинг и обеспечение соблюдения правил валютного регулирования. Представители Росфинмониторинга смогут запрашивать любую информацию о соблюдении валютного контроля и даже участвовать в заседаниях советов директоров в качестве слушателей.

В указе определен конкретный перечень из 43 экспортеров, относящихся к отраслям топливно-энергетического комплекса, черной и цветной металлургии, химической и лесной промышленности, зернового хозяйства, которых коснутся эти меры. Согласно документу, для этих компаний на полгода вводится обязательная репатриация и продажа валютной выручки на российском рынке.

При этом утвержденный указом президента список компаний-экспортеров, которые будут обязаны продавать валютную выручку, не будет публиковаться. Об этом сообщил ТАСС пресс-секретарь главы государства Дмитрий Песков. «Нет, он [указ] не будет публиковаться. Он для служебного пользования. По понятным причинам список этих компаний не будет опубликован», – пояснил Песков.

Поэтому стоит только догадываться, какие компании могут включить в это список, однако можно предполагать, что в этом списке будут крупные игроки бизнеса и финансового сектора.

Каковы же будут последствия для предпринимателей с принятием Указ №771 «Об осуществлении обязательной продажи выручки в иностранной валюте, получаемой отдельными российскими экспортёрами по внешнеторговым договорам (контрактам)»?

Первый вице-премьер Андрей Белоусов объяснил, что цели нововведения – создать долговременные условия для повышения прозрачности и предсказуемости валютного рынка и снизить возможность для валютных спекуля-

ций[1]. «Рассчитываем, что вводимые обязательства по продаже валютной выручки не станут обременительны для добросовестных участников рынка», – подчеркнул он.

Глава Центробанка России Эльвира Набиуллина подчеркнула[2], что обязательная продажа валютной выручки экспортерами будет носить точечный и временный характер, на постоянной и всеобщей основе применять эту меру не планируется.

Зачем же государство решило, чтобы бизнес продавал валютную выручку в обязательном порядке? Ответ прост- России нужно остановить ослабления рубля, и Указ № 771 должен сделать это. По задумке правительства, обязательные продажи выручки должны стабилизировать курс рубля. Логика такая: чем больше будет на бирже валюты, тем крепче будет рубль.

На основании проведенного анализа, необходимо отметить, что существуют преимущества и недостатки в обязательной продаже валютной выручки предпринимателями. Из преимуществ можно выделить увеличение доходов предприятия, возможность диверсификации и расширения бизнеса, доступ к рынкам иностранных потребителей. Однако есть и свои недостатки: зависимость от курсов валют, нестабильность мировой экономики и санкционное давление многих государств, что приводит к ограничению заключения договоров. Также стоит отметить, что необходимо введение в законодательство определения «валютная выручка», которое было предложено в данной статье, потому что это поможет устранить пробел в законе.

В заключении, следует высказать свое мнение и сделать вывод. Считаем, что все новеллы законодательства, которые принимаются по данному вопросу в настоящее время, носят длящийся характер, и результат не будет мгновенным, чтобы его увидеть, должно пройти определенное время.

[1] http://government.ru/news/49778/

[2] https://www.kommersant.ru/doc/6268447

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Баушева Е.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Янева Р.Р.

Необходимость изучения правовой природы приказного производства обусловлена его важной ролью в современных условиях осуществления правосудия, поскольку этот упрощенный порядок разрешения гражданских дел позволяет снять нагрузку с судов и обеспечить наиболее быстрое и эффективное осуществление правосудия.

На сегодняшний день в современной процессуальной научной литературе можно встретить различные точки зрения относительно природы приказного производства в Российской Федерации.

По мнению А.В. Сазыкина приказное является отдельным видом производства, которое осуществляется в гражданском процессе. М.А. Черемин, поддерживая данную позицию, определяет приказное производство в качестве особой формы защиты прав как кредитора, так и лица, опирающегося на письменные доказательства против стороны, которая не выполняет свои обязательства перед ним[1].

В свою очередь, О.А. Бахарева отмечает, что в приказном производстве мировой судья, осуществляя полномочия властного характера, возбуждает дело и разрешает заявленное требование, в результате чего выносит судебное постановление — судебный приказ, а следовательно, приказное производство находится в плоскости строго определенной процессуальной формы[2]. Соглашаясь с ней, С.К. Загайнова полагает, что несмотря на то, что процедура вы-

[1] Черемин М.А. Приказное производство в российском гражданском процессе: автореф. дисс. … к.ю.н., Москва, 1999. С. 12.

[2] Бахарева О.А. Приказное производство в современном гражданском процессуальном праве РФ: перспективы развития // Мировой судья. 2020. № 9. С. 32.

несения судебного приказа имеет упрощенный порядок по сравнению с судебным решением, это не влечет лишения его свойств акта отправления правосудия[1], а, следовательно, и приказного производства в целом.

Иной точки зрения придерживается Ю.В. Ефимова, которая полагает, что правосудие в приказном производстве не осуществляется, поскольку его основной задачей является подтверждение требований взыскателя[2]. С ней соглашается С.В. Редких, акцентируя внимание на том, что приказное производство не предусматривает соблюдение принципа состязательности, а следовательно, деятельность суда, осуществляемая в рамках приказного производства, не является правосудием[3]. По мнению Г.А. Жилина, приказное производство нельзя отнести к самостоятельному виду гражданского судопроизводства, а нужно рассматривать его в качестве альтернативы, осуществляемой судьей для быстрой защиты прав и установления спорности или бесспорности требования[4].

Приказное производство представляет собой судебный порядок разрешения требования взыскателя к должнику при отсутствии возражений со стороны последнего[5]. Стоит отметить, что по существу приказное производство — один из порядков судебного разрешения дела, который урегулирован исключительно нормами процессуального законодательства, и, следовательно, отрицать отнесение деятельности суда в рамках данного вида производства к правосудию, нельзя. Приказное производство не сводится к простому вынесе-

---

[1] Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дисс. … доктора юридических наук: 12.00.15 / Загайнова Светлана Константиновна; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. Екатеринбург, 2008. С. 14.

2 Ефимова Ю.В. Специализация гражданской процессуальной деятельности: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.15 / Сарат. гос. акад. права. Саратов, 2005. С. 34.

[3] Редких С.В. К вопросу о пробелах законодательного регулирования приказного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 2. С. 30-32

[4] Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Г.А. Жилина. М.: ТК Велби. 2003. С. 298.

[5] Гражданский процесс В 2 т. Т. 2: учебник для академического бакалавриата / под 175 ред. В.А. Баранова. М: Издательство Юрайт, 2015. С. 16.

нию судебного акта, поскольку в нём имеет место определенный уровень проверки обоснованности доводов взыскателя, полученных из поданной в суд документации.

Критике подлежат и доводы теоретиков, которые считают, что в приказном производстве не соблюдается такой важнейший принцип гражданского процессуального права как состязательность сторон. Исходя из положений статей 9 АПК РФ и 12 ГПК РФ, признак состязательности выражается в автоматической отмене судебного приказа при наличии возражений другой стороны — должника, который, узнав о его принятии имеет право заявить возражения или воздержаться от таких действий.

Несостоятельными являются аргументы о несоблюдении процессуальной формы в приказном производстве. Принимая во внимание то, что процессуальная форма предполагает совершение каждого процессуального действия, следует отметить, что процедура вынесения судебного приказа также подчинена требованиям о соблюдении строгого порядка, закрепленного в законодательстве Российской Федерации (глава 11 ГПК РФ, глава 29.1 АПК РФ, глава 11.1 КАС РФ).

Приказное производство может рассматриваться как форма упрощенного и оперативного осуществления правосудия. Однако указанный вид производства обычно характеризуется более ограниченными гарантиями и исключительно исполнительным направлением, нежели полноценное судебное разбирательство.

Уровень гарантий для участников института приказного производства значительно снижен в связи с ограниченной реализацией принципов состязательности, диспозитивности, устности. К примеру, у должника до момента вынесения судебного приказа отсутствует возможность предоставлять возражения, рассмотрение заявления происходит без вызова участников, соответственно, объяснений они не дают. Должник вынужден заявлять свои требования после получения копии соответствующего судебного приказа, процедура

получения которого может быть затянута. Таким образом, при детальном исследовании особенностей процедур рассмотрения дел в порядке приказного производства необходимо отметить ограниченность процессуальной формы, обусловленной желанием законодателя ускорить разрешение требований, отразившейся в отдельных ограничениях для участников спора.

Вывод об упрощенном характере приказного производства следует из следующих аспектов: отсутствие обязательного досудебного претензионного порядка разрешения дела; сокращенный состав участников процесса; особый порядок вынесения судебного акта; осуществляется по строго определенному перечню требований, закрепленному в законе; допускается исключительно в отношении бесспорных требований.

Таким образом, приказное производство, несмотря на эффективность в разрешении бесспорных дел, ограничено более узким спектром правовых вопросов. В сравнении с полноценным судебным разбирательством, в приказном производстве ограничены возможности для представления доказательств и объяснений, что может затруднить разрешение сложных правовых вопросов. Тем не менее, такие ограничения компенсированы оперативностью и удобством этой формы производства.

Подводя итог можно отметить, что приказное производство является самостоятельным видом гражданского судопроизводства, который осуществляется в соответствии с нормами процессуального законодательства (ГПК, АПК, КАС РФ), создано в целях процессуальной экономии и снижения нагрузки на суды. Перечисленные выше особенности и определяют приказное производство в качестве отдельной формы упрощенного судопроизводства.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПО ДОГОВОРУ РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Бердегулов В.Э. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Буянова Е.В.

Современное состояние защиты прав потребителей в Российской Федерации демонстрирует востребованность механизма судебной защиты прав участников указанной группы общественных отношений. Несмотря на то, что вопросу защиты прав потребителей в юридической литературе уделено значительное внимание, данная проблема не утрачивает своей актуальности.

Согласно статитистическим данным, представленным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, за первое полугодие 2023 года судами общей юрисдикции были рассмотрены и разрешены 79 179 дел, из числа которых по 68 445 спорам были вынесены решения в пользу потребителей[1].

Процессуальные особенности разрешения дел о защите прав потребителей по договорам розничной купли-продажи предопределяются материально-правовой природой данной категории споров. Анализ практики судебного рассмотрения дел о защите прав потребителей по договорам розничной купли-продажи позволяет выделить следующие характерные признаки данного вида правоотношений:

Во-первых, специфический субъектный состав правоотношения обусловливает круг лиц, участвующих в деле. На стороне истца, как правило, выступает физическое лицо - потребитель, который приобрел определенный товар для целей, не связанных с предпринимательской деятельностью, и осуществляющий защиту нарушенного права. Необходимо обратить внимание на то, что потребитель с точки зрения законодателя является потенциально слабой стороной, в связи с чем законодательство о защите прав потребителей предусматривает комплексную систему гарантий для данной категории участ-

1 Сводные статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации «Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2023 года» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.vsrf.ru (дата обращения: 12.03.2024).

ников правоотношения. Стоит согласиться с позицией Н.А Внукова, указавшего, что истцами в указанных делах являются лица, в чьих интересах суд возбуждает гражданское дело[1].

На стороне ответчика выступают продавец или изготовитель - коммерческие организации, в том числе индивидуальные предприниматели, реализующие товары в розницу и совершившие правонарушение в виде ненадлежащего выполнения своих обязанностей по договору розничной купли-продажи.

Во-вторых, специфическое основание и предмет иска дифференцируется в зависимости от содержания соответствующего правоотношения, правовое регулирование которого осуществляется нормами параграфа 2 главы 30 Гражданского кодекса Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей»[2].

Несмотря на детальную регламентацию прав, которыми наделен потребитель в связи с заключением договора розничной купли-продажи, в правоприменительной практике остаются сложности, которые препятстсвуют гражданам осуществлять их защиту. Одной из таких сложностей являются трудности доказывания, в том числе при приобретении товара в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Действительно, в последнее время отмечается значительный рост числа требований о защите прав потребителей при приобретении товаров дистанционным способом (на онлайн-площадках, маркетплейсах) при общем снижении количества споров, связанных с покупкой товара обычным способом.

Поскольку гражданским процессуальным законодательством установлена обязанность, вытекающая из ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ, о необходимости доказывать обстоятельства, на которых основана

1 Внуков Н.А. Судебный порядок защиты субъективных гражданских прав сторон в договорах с участием граждан-потребителей // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. №1. С. 145.

2 Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. От 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 43. Ст. 140.

позиция спорящей стороны, потребитель должны представить подтверждения нарушеня своего права и доказать законность требований.

При неисполнении продавцом обязанности о предоставлении потребителю информации о товаре, последний должен будет доказать следующие обстоятельства: во-первых, факт обращения к продавцу и заключения договора розничной купли-продажи;

во-вторых, факт отсутствия необходимой информации о товаре или её недостоверности, неполноты;

в-третьих, факт причинения убытков и их размер;

в-четвертых, обосновать причинно-следственную связь, подтверждая, что убытки явились следствием именно непредоставления информации или её недостоверности.

В данном случае достаточно установить хотя бы одно нарушение требований Закона о защите прав потребителей к информации для потребителя, обосновать способы доведения информации до потребителя.

Распределение бремени доказывания в делах о защите прав потребителей предопределено действием целого ряда доказательственных презумпций, которые направлены на защиту прав более слабой, в смысле возможностей предоставления доказательств, стороны. Так, продавец несет бремя доказывания, а его вина презюмируется, если им не доказано обратное, в случае если покупатель заявил требование о возврате денежных средств за товар в пределах гарантийного срока или срока годности. В соответствии с разъяснениями, прежставленными в пункте 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 17, бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, также лежит на продавце[1].

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

В то же время пункт 6 ст. 18 Закона о защите прав потребителей указывает, что продавец отвечает за недостатки товара, на который не установлен гарантийный срок, если потребитель докажет, что они возникли до передачи товара потребителю или по причинам, возникшим до этого момента. Соответственно, факт появления недостатка до передачи товара потребителю доказывается им самостоятельно. Однако, часто потребитель не обладает необходимыми ресурсами для истребования соответствующего доказательства. При дистанционном способе продаже, к примеру на онлайн торговых площадках, у потребителя не остается на руках даже кассового чека, а подтвердить он может только скриншотом страницы личного кабинета, где отображается статус его заказа. Также продавец легко может удалить с торговой площадки запись о соответствующем товара или дополнить её необходимой информацией, которая ранее отсутствовала. Указанные обстоятельства в дальнейшем негативно могут влиять на процесс подтверждения своей позиции по делу.

Таким образом, можно сделать вывод, что при разрешении дел о защите прав потребителей несмотря на кажущуюся простоту этой категории, встречает определенные трудности, преимущественно в области распределения бремени доказывания, характеризующейся крайней неоднозначностью. Полагаем, что судам необходимо тщательно и детально анализировать все фактические обстоятельства дела, а также характер конкретного договора между потребителем и продавцом. Кроме того, не следует подходить формально к вопросу истребования доказательств, исключая существование фактов, препятствующих потребителю в истребовании соответствующего доказательства.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бикбова А.А. - магистрантка Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., Ефимцева Т.В.

Государственное управление инвестиционной деятельностью является необходимым элементом современного, экономического общества. Так именно государство должно направлять свою деятельность на урегулирование процессов, связанных с инвестированием, поскольку это влияет на приток капитала. Существующие механизмы регулирования инвестиционной деятельности направлены на усиление влияния и создание благоприятной атмосферы и среды для развития капитала[1].

Государственное управление инвестиционной деятельностью–необходимый элемент современного общества, поскольку разрешает существующие противоречия между участниками, устанавливает ряд правил по реализации инвестиционного процесса и формирует необходимую совокупность методов и средств урегулирования со стороны государства[2].

Отмечается, что государство регулирует инвестиционную деятельность путём создания необходимой правовой базы. Именно благодаря ей возможно качественное изменение указанной сферы деятельности. Так среди основных источников можно выделить Конституцию Российской Федерации и Гражданский кодекс. Помимо них выделяются и иные источники, которые подразделяются на ряд определённых уровней.

Первый уровень составляют международные акты, в том числе Конвенции. На данный момент РоссийскаяФедерация ратифицировала не все существующие международные акты в данной сфере, а наиболее подходящие. Так, действует Конвенция об учреждении многостороннего Агентства по гарантиям инвестиций от 1985 года и Конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государством и лицом другого государства от 1965 года. Данные международные Конвенции регулируют общие положения о реализации инвестиционной деятельности и представляют собой базовые элементы,

[1] Бексултанова А. И. Формы и методы государственного регулирования инвестиционной деятельности // ЕГИ. 2020. № 3. С. 18–25.

[2] Белова Л. А. Государственное регулирование инвестиционной деятельности в системе обеспечения экономической безопасности региона // Естественно–гуманитарные исследования. 2020. № 27(1). С. 30–35.

направленные на урегулирование данного процесса. Благодаря этим международным актам разрешаются необходимые споры и возникающие противоречия[1].

Следующий уровень – это федеральное законодательство. На данный момент оно представляет собой наиболее развитый массив законодательных актов, принятых и действующих на территории Российской Федерации. Основным регулятором инвестиционных процессов являются Федеральный Закон от 25 февраля 1999 г. № 39–ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»[2] и Федеральный Закон от 09 июля 1999 г. №2 160–ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»[3].

Исследователи же отмечают, что федеральное законодательство в сфере инвестиционной деятельности развито недостаточным образом, поскольку нормы противоречат друг другу. Так, О.С. Лиликова[4] в своей работе говорит о непоследовательности принятых законов, а по мнению И.А. Холчевой законодательство необходимо «привести в гармоничное состояние» путем регламентации всех микропроцессов.

Отталкиваясь от данной позиции, в рамках исследования было установлено, что существует проблема противоречия терминов, поскольку «инвестиции» рассматриваются в двух смыслах: как объект гражданского права, имеющий соответствующую денежную оценку (в нормах Федерального Закона от 25 февраля 1999 г. № 39–ФЗ) и как деятельность лица по участию в инвестиционных отношениях (в нормах Федерального Закон от 09 июля 1999 г. №2 160–ФЗ).В связи с этим, высказывается мнение о необходимости исключить

[1] Кожевина О.В. Интеграция инвестиционных стратегий в систему стратегического планирования развития территорий // Управление. 2019. № 2. С. 8–15.

[2] Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений № 39–ФЗ. М.: Проспект; СПб.: Кодекс, 2017. 210 с.

[3] Об иностранных инвестициях в Российской Федерации: федер. Закон № 160–ФЗ. М. : Проспект; СПб. : Кодекс, 2017. 158 с.

[4] Лиликова О.С. Механизм правового регулирования инвестиционной деятельности в Российской Федерации: проблемы и пути совершенствования // Юрист. 2021. № 10. С. 9 – 13.

дублирование и противоречивость между федеральными законами и создать единый закон об инвестициях, либо единый инвестиционный кодекс Российской Федерации. Таким образом, станет возможным разграничить сложившийся понятийный аппарат, и устранить существующие противоречия.

Третий уровень составляет региональное законодательство, которое на данный момент является достаточно разнообразным. Оно включает в себя как Постановления Правительств конкретного региона, так и приказы профильных Министерств. Среди примеров такого законодательства можно привести Законы области, которые в полной мере отражают существующие реалии инвестиционной деятельности в конкретном субъекте. Выделяется специальное законодательство по инвестиционной деятельности, действующее на региональном уровне в Оренбургской области. Оно включает в себя Закон Оренбургской области от 5 октября 2009 г. № 3119/712–IV–ОЗ «Об инвестиционной деятельности на территории Оренбургской области, осуществляемой в форме капитальных вложений»[1].

Местные нормативно–правовые акты представлены актами органов местного самоуправления и местной администрации. В качестве примера можно привести Решение Думы Кировского городского округа «О земельном налоге на территории Кировского городского округа». На данный момент указанный нормативный акт закрепляет право на предоставление льготы по налогу в размере 50% для субъектов инвестиционной деятельности.

Помимо данных местных нормативных актов существует иные, которые регулируют данную деятельность в особых экономических зонах или зонах особого социального развития, в том числе в технопарках, инновационных площадках и инвестиционных сферах. Так, например, это законодательство о региональных агропромышленных парках.

[1] Об инвестиционной деятельности на территории Оренбургской области, осуществляемой в форме капитальных вложений: закон Оренбургской области № 3119/712–IV–ОЗ // Бюллетень Законодательного Собрания Оренбургской области. 2009. 30 заседание. Часть 3.

Государство участвует в данном процессе прямым образом либо косвенными способами. Прямое участие представляет собой использование определённых мер государственного регулирования. Так, во–первых это привлечение инвестиционных средств, которые направлены на реализацию конкретных инвестиционных проектов и освоение инвестиций. Органы государственной власти выбирают своей целью развитие конкретной территории, создание максимально благоприятных условий для осуществления предпринимательской деятельности. В результате этого государственные органы предлагают использовать:

– определённые налоговые льготы, создают условия для реализации свободных средств среди населения, предоставляют определённые и залоговые кредитные элементы, формируют фонды развития, создают эффективное антимонопольное регулирование, сокращают существующие административные барьеры и в целом развивают отдельную среду для помощи инвесторам.

Среди косвенных методов можно выделить:

– региональную помощь, которая исходит из конкретных особенностей региона, государственное финансирование за счёт бюджетных средств и предоставление данных денежных средств на конкурсной основе, конкретные концессионные соглашения посредством конкурентных процедур и реализуются и предоставляются объекты, находящиеся в государственной собственности, бюджетное финансирование проектов, когда инвесторами выступают как российские компании, так и иностранные, совокупность иных методов и способов, направленных на воздействие на инвестиционные процессы[1].

Ряд авторов выделяют и иные методы государственной поддержки, которые включают в себя защиту инвесторов, в том числе представление интересов на международном рынке и организацию экспертизы для инвестиционных проектов.

[1] Сарана Д.С., Вертий М.В. Приоритеты инвестиционного развития экономики Краснодарского края // Экономика и управление: актуальные вопросы теории и практики. 2018. С. 197–202.

Нельзя недооценивать значение государственного участия в период кризисных явлений. Так российская действительность пережила экономический кризис в период эпидемии COVID–19 и санкции за внедрение спецоперации. Однако, государство несмотря на сложившуюся тяжёлую экономическую ситуацию старается поддерживать инвестиционную деятельность, в том числе путём оказания поддержки для предприятий, осуществляющих инвестиции, создание благоприятного инвестиционного климата и поддержка бизнес–сферы.

Таким образом, государственное регулирование представляет собой комплексный элемент, который реализуется на всех уровнях развития, в том числе федеральном, региональном и местном. Степень поддержки на этих уровнях зависит от конкретных бюджетных возможностей.

Роль государственного участия напрямую зависит от политической стабильности, поскольку инвестиционный процесс - сложный элемент. В связи с этим требуется достаточное содействие инвестиционному процессу со стороны всех государственных органов.

Исследование также показало, что государство в инвестиционной деятельности выступает необходимым системным фактором и реализует свою активную функцию при помощи нормативно–правовой базы, исходя из конкретных стратегических направлений. Тем не менее на данный момент очевидно противоречие между нормами федерального законодательства, что указывает на необходимость принятия единого федерального закона или кодифицированного акта.

НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ

Бикулова А.Р. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Залавская О.М.

Дифференциация корпоративных конфликтов на виды подразумевает под собой огромную ценность как для систематизирования юридических знаний о корпоративных конфликтах, так и для детализированного научного исследования этого правового явления.

Вся совокупность представленных в литературе видов корпоративных конфликтов не может быть информативна и полезна в теоретическом и практическом аспекте. Во многом, определение критерия (основания) деления корпоративных конфликтов на виды влияет на полноту классификации, ее правильности.

Ввиду того, что корпоративный спор является одной из стадий корпоративного конфликта, то, прежде всего, нужно отметить легальную классификацию, принимая во внимания перечень споров, рассматриваемых арбитражным судом в соответствии со статьей 225.1 АПК РФ.

Классификации могут быть и доктринальными, основанными на авторских разработках.

Наиболее распространенными являются классификации корпоративных конфликтов по субъектному составу.

Например, А.А. Данельян предлагает разделить корпоративные конфликты по составу участников на следующие виды: между участниками корпорации; между участниками и органами управления корпорации; между участниками корпорации и иными лицами; между органами управления в корпорации; между менеджментом и корпорацией; между менеджментом и участниками корпорации[1].

Дополняющая рассмотренную выше классификацию – деление корпоративных конфликтов по объекту.

[1] Данельян А.А. Корпорация и корпоративные конфликты: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2006.

Так, Д.И. Дедов в зависимости от объекта корпоративных отношений выделяет следующие корпоративные конфликты: прекращение прав собственности на акции; нарушение прав акционеров, удостоверенных акциями; нарушение интересов общества[1].

По критерию объекта корпоративные конфликты классифицируют также И.В. Мишурова, Е.А. Панфилова, О.С. Нестерова. Согласно данной классификации, выделяются корпоративные конфликты в отношении ресурсов; активов; статуса; прав; деятельности; дохода; стратегии компании; конкурентной позиции.

В литературе также предлагается классификация корпоративных конфликтов по их основному предмету (под предметом подразумеваются основные цели, реализуемые участниками наиболее распространенных корпоративных конфликтов). Приводя классификацию корпоративных конфликтов в соответствии с их целями, Е.В. Штанова разделяет их на следующие группы: инциденты, направленные на получение контроля над обществом акционеров определенной группой акционеров (агрессивные поглощения, собственные банкротства); внутренние конфликты, связанные с разрешением противоречий, возникающих между акционерами при решении конкретных проблем управления обществом; шантаж в коллективе.

По целям предлагает разграничивать корпоративные конфликты также И.С. Шиткина, которая утверждает, что по целям участников корпоративных конфликтов последние целесообразно разделить на три большие группы: корпоративные противоречия; недружественные поглощения (корпоративные захваты); корпоративный шантаж (гринмейл)[2]. Аналогичную классификацию предлагает и Е.Л. Богачева.

---

[1] Дедов Д.И. Корпоративное право / Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Волтерс Клувер, 2018. С. 537.

[2] Там же.

А. Мирошниченко использует целевой признак классификации корпоративных конфликтов, где цели направлены на установление контроля над компанией, разрешение противоречий по конкретным вопросам управления и корпоративный шантаж.

Отдельные авторы предлагают так называемый «экономический» подход к разделению корпоративных конфликтов на виды, включая в их число 1) нарушение норм законодательства органами управления либо самим обществом, 2) слияние и поглощение (конфликт в процессе консолидации либо разделения бизнеса), 3) конфликты по поводу дивидендной политики (споры об объеме извлечения прибыли из организации), 4) конфликты участников корпорации с представителями управленческого аппарата, 5) конкурентные конфликты, 6) гринмейл (корпоративный шантаж)[1].

Как видно из классификации, несколько подвидов касаются системы управления в корпорациях. Проблемный аспект заключается в возможном оппортунистическом поведении лиц, осуществляющих управление юридическим лицом, что, в итоге, приводит к корпоративному конфликту.

Краеугольный камень заключается в отсутствии должного законодательного, а также локального регулирования. Так, Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и ряд иных нормативных актов, регулирующих принятие решений о заключении юридическим лицом сделок, регулируют конфликты интересов только в отношении сделок, не предполагая специального порядка для иных юридически значимых действий[2]. Так, порядок совершения сделок с заинтересованностью не распространяется на голосование на общем собрании участников (акционеров), на выдвижение кандидата в члены совета директоров, то есть на принятие управленческого решения, в то время как конфликт интересов напрямую

[1] Корпоративные конфликты: Причины их возникновения и способы преодоления / Под ред. А.С. Семенова и Ю.С. Сизова. Изд. 2-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2018. С. 11.

[2] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

связан с наличием у субъекта права противоречия, возникающего в результате определенных обстоятельств. Норма права же должна распространяться на все возможные случаи конфликта интереса и места его появления.

В доктрине под конфликтом интересов в управленческих отношениях понимается не столько ситуация, разъясняемая нормами о сделках с заинтересованностью, т.е. наличие связи между органами управления общества и контрагентами при заключении сделки, сколько в целом столкновение интересов общества и акционера, возникающее вследствие и на почве действий (актов) общества.

Резюмируя вышеизложенное, практическая значимость классификации корпоративных конфликтов состоит в возможности учитывать полученные теоретические выводы при разработке действенных мер, направленных на предотвращение и разрешение корпоративных конфликтов, устранение пробелов в действующем законодательстве, а порой становится фундаментом для формирования новых норм права.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕСТАНДАРТНОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бобровникова А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент Яковенко Н.А.

В последние годы вопросы, связанные с нестандартными формами занятости, привлекают все большее внимание исследователей. Однако, теоретический обзор научных исследований показал, что вопросы практики применения и перспективы развития нестандартных форм занятости в организациях, а также сегмента нестандартной занятости по категориям персонала и профессиям недостаточно изучены. Это свидетельствует о необходимости проведения дальнейших исследований в данной области.

Необходимость изучения нестандартных форм занятости обусловлена рядом факторов. Во-первых, современные экономические условия и быстро меняющиеся требования рынка труда приводят к росту нестабильности в трудовых отношениях. Стандартная форма занятости, предполагающая постоянное трудоустройство и стабильный доход, все чаще уступает место нестандартным формам, таким как временная занятость, фриланс, контрактная работа и другие. Это вызывает необходимость изучения и анализа этих форм, их особенностей и влияния на рынок труда.

Во-вторых, нестандартные формы занятости могут иметь как положительные, так и отрицательные последствия для работников и организаций. С одной стороны, они могут предоставлять большую гибкость и возможность самореализации для работников. С другой стороны, они могут приводить к нестабильности, неопределенности и низким заработкам. В связи с этим, важно изучить эти формы занятости с целью понимания их влияния на трудовую сферу и разработки эффективных стратегий управления.

Проведение данного исследования обладает новизной в свете ограниченных научных данных исследований, посвященных практике применения нестандартных форм занятости и их перспективам развития. В основном, существующие исследования ограничиваются анализом этих форм исключительно с экономической точки зрения, уделяя мало внимания практическим аспектам и перспективам развития.

В данном исследовании будет проведен анализ не только экономической составляющей нестандартных форм занятости, но и организационных, социальных и психологических аспектов.

Происходящие изменения способствуют развитию нестандартных форм занятости, отличающихся от стандартного представления о занятости.

Под нестандартной занятостью понимается такая форма занятости, условия которой отклоняются от стандартных условий, в рамках нестандартной формы занятости отсутствует как минимум одна из следующих составляющих: трудоустроенность у одного работодателя, рабочее место, находящееся

в помещении и оснащенное орудиями труда, которые принадлежат работодателю; стандартная нагруженность по работе в течение дня (недели, месяца, года); бессрочная составляющая любого трудового договора.

В нашей стране нестандартные формы занятости появились позднее, нежели, например, в зарубежных странах, но уже широко применяются в организациях. Рассматривая данную тему, следует отметить, о том, что нестандартная занятость имеет не только преимущества, но и ряд недостатков, но, несмотря на это, тенденция к ее развитию очень высока.

Целью настоящей работы является исследование применения нестандартных форм занятости в организациях и выявление ее структуры.

С конца XX века нестандартная занятость стала объектом исследования ученых, однако в начале XXI века этот интерес значительно усилился. В современных условиях "турбулентной экономики" на рынке труда широко распространены и востребованы нестандартные формы занятости, которые все больше проникают в сферу работы, вытесняя традиционный формат занятости.

Многие отечественные ученые анализируют в своих исследованиях факторы и предпосылки, способствующие появлению нетрадиционных форм трудоустройства на рынке труда. Одним из ключевых факторов, обозначаемых Е.В. Масловой, Т.О. Разумовой и другими учеными, является научно-технический прогресс и внедрение информационно-коммуникационных технологий и Интернета в организацию работы. Одна из главных тем, которую рассматривают в своих работах профессиональные писатели с обширным опытом, связана с влиянием технических изменений на структуру экономики. В настоящее время мы наблюдаем значительное увеличение доли занятых в сфере услуг, что в свою очередь приводит к появлению новых профессий на рынке труда. Интересно отметить, что эти новые профессии способны реализовываться в условиях, которые являются нестандартными для трудовой деятельности.

Значительное влияние на развитие нестандартных форм занятости оказывают демографические факторы, которым посвящено множество исследований как в России, так и за рубежом. О.В. Киселкина отмечает, что одновременно с ростом «среднего возраста эффективного человека» происходит увеличение доли пожилого населения, чей трудовой потенциал может быть активно использован в рамках гибкой нестандартной занятости.

Большая доля работ посвящена гендерному аспекту использования нестандартной занятости в связи с увеличением на рынке труда доли женщин, в том числе женщин с семейными обязанностями, женщин, ухаживающих за малолетними детьми. В своих работах О.А. Коропец, Д.Д. Ильиных поднимают такие важные вопросы, как управление карьерой женщин и возможность соблюдения баланса между работой и личной жизнью, что в современных условиях становится возможным при использовании новых форм занятости.

В работах Е.К. Димитровой, Н.В. Тонких и других авторов исследуются внутренние факторы развития нестандартных форм занятости - социальные, связанные с изменением внутренних ценностей и установок работников, с возрастающей потребностью в саморазвитии, соблюдении work-life balance. Work-life balance определяют как бесконечное стремление к идеалу, когда человек упорядочивает свою деятельность в работе и частной жизни для того, чтобы чувствовать себя лучше. Ученые в своих исследованиях отмечают, что особенно ярко эти внутренние мотивы отмечаются у молодого поколения.

Многие ученые в своих работах поднимают вопросы классификации нестандартных форм занятости. Так, В. Гимпельсон и Р. Капелюшников одними из первых среди российских ученых предложили подробную классификацию нестандартных форм занятости на российском рынке труда. Н.В. Дорохова в своей авторской классификации выделяет типы занятости в зависимости от технологического уклада: индустриальный, постиндустриальный, информационный. Автор все имеющиеся формы нестандартной занятости разделяет на

два вида, к первому относит «прогрессивные формы нестандартной занятости» - в случае наличия положительных критериев достойного труда, ко второму виду -«регрессивные», при наличии их отрицательных критериев.

Н.С. Землянухина исследует разнообразие различных форм занятости и специфику их применения в зависимости от сферы деятельности, например отмечает распространение сверхзанятости, применение неполной или вторичной занятости в большей степени в бюджетной сфере, таким образом выявляет профессиональную структуру нестандартных форм занятости.

Теоретический обзор научных исследований показал, что вопросы практики применения и перспективы развития нестандартных форм занятости в организациях, а также сегмента нестандартной занятости по категориям персонала и профессиям недостаточно изучены. Всё вышеизложенное подтверждает актуальность и новизну данного исследования.

Анализ исследований, посвященных нестандартным формам занятости, позволяет сделать вывод о широкой практике их применения. Появление нестандартной занятости стало следствием различных факторов в условиях «турбулентной экономики». Всё это будет способствовать дальнейшему развитию нестандартных форм занятости.

Нестандартная занятость широко распространена в организациях и имеет высокие перспективы дальнейшего развития, так как практика ее применения несет ряд преимуществ для работодателей. Существуют недостатки использования нестандартных форм занятости, которые являются препятствием ее развития.

Исследование практики применения и перспектив развития нестандартных форм занятости является актуальной задачей, которая требует дальнейшего изучения. Настоящее исследование имеет целью заполнить пробелы в научных исследованиях, уделяя внимание практическим аспектам и перспективам развития. Результаты исследования могут быть полезными для организаций, работников и государственных органов, которые стремятся разработать

эффективные стратегии управления нестандартными формами занятости и создать благоприятные условия для всех сторон.

СИСТЕМА СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ПО РАЗРЕШЕНИЮ ТРУДОВЫХ СПОРОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Бойкова А.В. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент Черепанцева Ю.С.

Во многих странах существуют разнообразные системы для разрешения трудовых споров, предназначенные для регулирования конфликтов между работниками и работодателями. Стоит отметить, что органы по разрешению трудовых споров в разных странах могут отличаться по своей структуре, компетенциям и процедурам.

Говоря о судебных органах по разрешению трудовых споров, они подразделяются на суды общей юрисдикции и специализированные трудовые суды.

В зарубежных странах суды общей юрисдикции обычно занимаются разрешением трудовых споров, которые могут возникать между работниками и работодателями. Эти суды имеют свои собственные процедуры и правила, которые регулируют процесс разрешения трудовых споров.

К странам, где суды общей юрисдикции играют главную (и нередко эксклюзивную) роль в разрешении трудовых споров о правах, относятся Нидерланды и Италия.

Более того, даже в тех странах, где существуют системы судов по трудовым спорам или трудовые арбитражи, многие трудовые споры о правах могут решаться только судами общей юрисдикции. Так, например, в Скандинавии суды по трудовым спорам имеют право рассматривать только дела, связанные

с невыполнением коллективных договоров. Все прочие споры о правах рассматривают суды общей юрисдикции[1].

Специализированные трудовые суды существуют в таких странах, как: Германия, Великобритания, Австрия, Франция, Дания и др[2]. При этом существует две основные модели организации судов по разрешению трудовых споров.

Первая модель отличается единой системой судов общей юрисдикции, в рамках которых существуют специализированные суды по трудовым спорам. Зачастую при построении судебной системы имеет место внутренняя специализация, которая проводится путем выделения внутри каждого судебного органа судебных составов (присутствия, коллегии) или отдельных судей, специализирующихся на рассмотрении определенных категорий дел[3].

Например, в США на данный момент действует ряд специализированных судов: трудовой, претензионный, суд по таможенным делам, апелляционный суд по таможенным и патентным делам, налоговый, военные суды и др. Однако учреждения, наделенные правом разрешать определенные споры, не являются судебными органами в полном смысле слова, зачастую они представляют собой административные органы, занимающиеся квазисудебной деятельностью[4]. Это характерно и для других государств, в которых действует единая система общих судов. В некоторых из них, к примеру, в Великобритании, деятельность квазисудебных органов находится под контролем обычных судов. Следовательно, решения этих органов могут быть обжалованы в судебном порядке.

---

[1] Костян И.А., Пискарев И.К., Шеломов Б.А. О специализированных судах по трудовым делам и Трудовом процессуальном кодексе // Хозяйство и право. 2003. № 8. *С.58*

[2] Козлов А.В. Сравнительная характеристика методов профилактики конфликтов в организациях Федеративной Республики Германия и Российской Федерации // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. № Т34. С. 146.

[3] Оробец В.М. Специализированные трудовые суды: зарубежный опыт и российское законодательство // Журнал российского права. 2003. № 9. С. 98.

[4] Никеров Г.И. Административно-процессуальное право США // Государство и право. 1997. № 12. С. 102.

Вторая модель отличается наличием нескольких автономных подсистем, которые обладают своей компетенции. То есть, помимо судов общей юрисдикции существуют отдельные специализированные суды. Классическим примером данной модели является судебная система Федеральной Республики Германия.

В настоящее время систему органов судебной власти Германии составляют пять самостоятельных судебных систем: общая; административная; трудовая; финансовая; социальная. Все они характеризуются внутренней организационной структурой. Каждая ветвь судебной власти имеет свой верховный суд: Федеральная судебная палата возглавляет систему общих судов, Федеральный административный суд находится во главе системы административных судов, Федеральный финансовый суд возглавляет систему финансовых судов, Федеральный трудовой суд - систему трудовых судов, Федеральный социальный суд - систему социальных судов[1]. Трудовые суды состоят из профессионального судьи и двух заседателей - представителей работодателей и работников. Судья выступает как беспристрастный арбитр в интересе спорящих сторон в процессе разрешения трудового конфликта[2].

Важная особенность судебного рассмотрения трудовых дел в Германии — это направленность его на достижение компромисса, иными словами, на заключение мирового соглашения. Разбирательство начинается с обязательных попыток примирения. В процедуре примирения участвуют профессиональный судья и обе стороны спора.

Таким образом, каждая страна разрабатывает свои методы и процедуры по разрешению трудовых споров, учитывая особенности своего законодательства, трудовых традиций и социальной политики.

[1] Киселев И.Я. Зарубежное право. М.: Норма. 1998. С. 257.

[2] Клишин А.А., Шугаев А.А. Трудовое право зарубежных стран. Германия: учеб. пособие. Москва: Юрайт, 2019. С. 188.

МЕДИАЦИЯ И МЕДИАТИВНЫЙ ПОДХОД В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИУСОВ. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МЕДИАТИВНЫХ СОГЛАШЕНИЙ, ЗАВЕРЕННЫХ В НОТАРИАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ.

Борисков С.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург.
Научный руководитель: заведующий кафедрой гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Томина А.П.

Процедура внесудебного примирения сторон является одной из форм разрешения правовых конфликтов наряду с осуществлением правосудия судом. Государство, признавая важность и приоритет судебной защиты, также предоставляет возможность использования альтернативных (примирительных) процедур в разрешении экономических споров. Эти процедуры могут быть реализованы в виде переговоров, третейского разбирательства, посредничества и медиации как его разновидности.

Настороженность российского общества к новым явлениям в жизни и доверие граждан к органам судебной власти оказывают влияние на востребованность процедуры медиации в субъектах Российской Федерации. Учитывая эти факторы, законодатель предпринимает различные меры для популяризации этого института. Например, признание права судей, находящихся в отставке, участвовать в качестве медиаторов, безусловно, повышает доверие граждан к этой процедуре, учитывая личность и авторитет судьи, который не подвергается сомнению.

В связи с этим, значимость медиации для развития гражданского общества и формирования правового государства достаточно высока. Е.А. Любофеева рассматривает медиацию как форму развития гражданского общества[1]. С этим можно согласиться лишь отчасти, поскольку для российского права было бы несправедливо утверждать, что наличие или отсутствие совершенно

[1] Любофеева Е.А. Медиация как форма развития гражданского общества // Аллея науки. 2018. Т. 3. N 11 (27). С. 696.

нового и необычного для российского государства правового института является показателем развития.

Применительно к российским реалиям и приоритетам законодателя по совершенствованию уже существующих правовых институтов, наиболее точной представляется характеристика медиации, данная О.В. Мавриным, как «элемента» модернизации общества современной России.

Согласно определению О.В. Маврина, медиация выполняет функцию воспитания правовой автономности граждан, которая выражается в способности самостоятельно разрешать частноправовые споры без органов государственной власти и должностных лиц или при их минимальном участии. Это, в свою очередь, способствует формированию доверия между участниками гражданского оборота, что, в свою очередь, ведет к надлежащему и полному исполнению обязательств. Все это в совокупности свидетельствует о высокой правовой культуре граждан Российской Федерации[1].

В связи с этим, в целях адаптации медиации к отечественным социально-экономическим и правовым реалиям, законодатель принимает нормы, которые должны повысить эффективность процедуры медиации в Российской Федерации. Эти меры направлены на обеспечение исполнения соглашений, которые были достигнуты в рамках данной процедуры.

Например, к таким законодательным изменениям относится придание федеральным законом от 26 июля 2019 г. N 197-ФЗ медиативному соглашению, достигнутому сторонами в результате процедуры медиации и проведенной без передачи спора на рассмотрение суда, в случае его нотариального удостоверения силы исполнительного листа[2].

---

[1] Маврин Е.А. Медиация как элемент модернизации гражданского общества современной России // Вестник экономики, права и социологии, 2013. № 1. С. 156-158.

[2] Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (последняя редакция) // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4099.

Таким образом, медиативное соглашение, удостоверенное нотариусом, приобрело статус исполнительного документа наравне с нотариальным соглашением об алиментах или нотариальной надписью, в соответствии с положениями статьи 12 Федерального закона № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», которая закрепляет перечень актов, имеющих силу исполнительного документа и которые могут быть направлены или предъявлены судебному приставу-исполнителю[1].

Нотариальное удостоверение сделок подтверждает возникновение у участников медиативного соглашения субъективных прав. Это облегчает заинтересованной стороне доказывание своего права, поскольку содержание сделки, время и место ее совершения, намерения субъекта сделки и другие обстоятельства, официально зафиксированные нотариусом, считаются очевидными и достоверными. Это означает, что для каждой из сторон становится проще при необходимости доказать факт внесудебного урегулирования спора на согласованных условиях, в том числе в качестве возражения на вновь заявленное требование. Таким образом, данная мера позволяет в полной мере защитить права участников спора: в случае уклонения одной из сторон от исполнения медиативного соглашения, вторая сторона имеет право обратиться напрямую к судебному приставу для возбуждения исполнительного производства. Результатом этого становится возрастание эффективности медиации, а решение конфликта требует наименьших временных и финансовых затрат для обеих сторон[2].

Нотариальное удостоверение медиативных соглашений выступает в качестве дополнительного гаранта и средства защиты прав одной из сторон данного соглашения в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения дру-

[1] Федеральный закон от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (последняя редакция) // СЗ РФ. 2007 г. № 41. Ст. 4849.

[2] Актуальные новости**.** Медиативные навыки для нотариуса – еще один фактор для развития досудебной медиации. 24.09.2020 /[2][Электронный ресурс] URL: https://amur.notariat.ru/ru-ru/news/mediativnye-navyki-dlya-notariusa-eshe-odin-faktor-dlya-razvitiya-dosudebnoj-mediacii // (дата обращения: 27.02.2024).

гой стороной - участником медиативного соглашения. Это нотариальное действие не подразумевает обязательного и неминуемого обращения одной из сторон медиативного соглашения к принуждению об исполнении обязательства.

Процедура медиации основана на принципе добровольности и добросовестности поведения своих участников, что в идеальных условиях и при качественной работе посредника (медиатора) минимизирует вероятности возникновения негативных обстоятельств, таких как уклонение или отказ стороны - участника медиативного соглашения от исполнения своих обязанностей, поскольку в ходе процесса, предшествующего заключению медиативного соглашения, уже должны быть проведены все мероприятия, направленные на учет и удовлетворение всех интересов сторон. Из этого следует главная особенность медиации в том, что вопрос, который подлежит разрешению, состоит не в том, чьи притязания больше соответствуют нормам действующего права, а в том, какое конкретное решение удовлетворит обе стороны.

Указанный правовой институт нуждается в постоянном совершенствовании, в чём значительную роль могут сыграть нотариусы с помощью интеграции медиации в нотариальную деятельность. Для этого необходимо способствовать возбуждению интереса к данной процедуре среди нотариусов, проводить их обучение основам технологий медиации в рамках повышения квалификации, прямо закрепить на законодательном уровне возможность проведения нотариусами процедуры медиации.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Боталова Д.И. – магистрант Сибирского юридического университета (СибЮУ), г. Омск
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (СибЮУ), к.ю.н., доц. Тимошенко С.Е.

Общий предмет доказывания содержится в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), а в отношении несовершеннолетних статья 421 УПК РФ указывает на дополнительные обстоятельства, подлежащие выяснению. Основополагающими факторами детализации предмета доказывания в отношении несовершеннолетних, как отмечают С.Н. Кабельков и Л.А. Зудилова, являются: во-первых, обстоятельства, касающиеся непосредственно личности несовершеннолетнего (возраст, условия жизни и воспитания, уровень психического развития и иные особенности его личности); во-вторых, возможность исправления несовершеннолетнего без назначения уголовного наказания – ст. 427 УПК РФ[1]. Данные правила обязательны и важны для изучения личности и установления возраста несовершеннолетнего с целью возможного применения судебными органами альтернативных лишению свободы мер воздействия.

Как показывает практика, установление возраста несовершеннолетнего на сегодняшний день не вызывает проблем. В большинстве случаев возраст устанавливается на основании документов о личности несовершеннолетнего, в случае отсутствия таковых назначается судебная экспертиза.

Сложности в ряде случаев возникают при установлении условий жизни и воспитания несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, уровня его психического развития и иных особенностей личности. Для установления условий жизни несовершеннолетнего должны быть собраны сведения о родителях или иных его фактических воспитателях, о характере взаимоотношений с другими родственниками, сведения о взаимоотношениях с соседями, сверстниками в школе. Также подлежат сбору сведения об учебе или работе подростка, его успеваемости, взаимоотношениях с педагогами, с администрацией места работы и т.д. Необходимо установить данные о материальной обеспе-

[1] Кабельков С.Н., Зудилова Л.А. Определение предмета доказывания в условиях дифференциации современного уголовного процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3 (38). С. 83–86.

ченности несовершеннолетнего и его семьи, получить информацию об условиях жизни подростка можно из показаний родственников и лиц из ближайшего окружения[1]. Эффективной формой выяснения условий жизни и воспитания является специальное обследование, которое проводит инспектор по делам несовершеннолетних, после чего составляется справка и приобщается к материалам дела как характеризующий материал. Также при установлении контакта с самим несовершеннолетним возможно установить условия его жизни и воспитания, чаще всего следователи пренебрегают данным методом, либо поверхностно проводят допрос по данному поводу[2]. Следователю также стоит обратить внимание, что в настоящее время несовершеннолетние проводят большое количество времени за компьютером и телефоном с доступом в интернет, что оказывает негативное влияние на психологическое состояние несформированной личности. При воспитании подростков законные представители не придают этому значения, не осознавая, что это может повлечь за собой риск их десоциализации, девиантного и противоправного поведения, включая совершение ими действий, представляющих угрозу собственной жизни[3].

Требуется отметить, что установление взаимоотношений несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого со своими законными представителями является существенным обстоятельством из всех сведений об условиях воспитания и жизни несовершеннолетнего, поскольку именно данные сведения ложатся в основу решения вопроса о возможности применения отдачи под

[1] Тимошенко С.Е. Использование сведений о личности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) при производстве допроса // Международные юридические чтения: материалы науч.-практ. конф. Омск: Ом. юрид. ин-т, 2005. Ч. 5. С. 109-111.

[2] См., напр.: Тимошенко С.Е. О выяснении условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, совершившего преступление // Соотношение досудебного и судебного производства: вопросы права, процесса и криминалистики: материалы межвуз. науч.-практ. конф. (16 февраля 2006 г.). Омск: Ом. юрид. ин-т, 2006. С. 260 -64.

[3] Бастрыкин А.И. Интервью Российской газете / А. Бастрыкин. – Текст: электронный // Российская газета. 19.04.2023. – URL: https://rg.ru/2023/04/19/malenkij-i-ochen-opasnyj.html (дата обращения: 28.02.2024 года)

надзор в порядке ст. 105 УПК РФ «Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым». При неудовлетворительности взаимоотношений подростка и его фактических воспитателей применение данной меры пресечения бессмысленно[1].

Еще одним обстоятельством, которое следует установить, является влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. Так, Омским районным судом Омской области рассмотрено уголовное дело в отношении четырех лиц, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 131, двое из которых на момент совершения преступления были несовершеннолетними. Суд назначил наказание несовершеннолетним по 5 лет лишения свободы. Однако, при расследовании преступления следователь не в полной мере установил влияние старших товарищей на подростков, кто именно был инициатором совершения данного преступления. Влияние старших по возрасту лиц на поведение несовершеннолетних относится к обстоятельствам, учитываемым судом при назначении наказания. Воздействие на подростка со стороны взрослых может иметь характер физического или психического принуждения, интенсивность которого подлежит установлению, ведь в зависимости от характера принуждения оно может иметь различное правовое значение: с одной стороны, возможна оценка принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния, с другой – совершение преступления в результате физического или психического принуждения, не исключающего преступность деяния, является обстоятельством, смягчающим наказание.

Смысл п. 3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ заключается в обследовании всего механизма влияния окружающих взрослых лиц на несовершеннолетнего лица, совершившего преступление. В связи с этим данное обстоятельство необходимо устанавливать в совокупности с условиями жизни и воспитания несовершеннолетнего. Более того, можно сказать, что взаимодействие со взрослыми явля-

[1] Нуркаева М.К. Особенности предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 3 (11). С. 67–74.

ется частным случаем установления условий жизни и воспитания. Стоит обратить внимание, что влияние на несовершеннолетнего может не ограничиваться взрослыми, а может быть оказана и со стороны младших по возрасту лиц. По формальным причинам такое влияние не подлежит учету, но в действительности психическое развитие несовершеннолетних происходит по-разному. Бывает, когда младшие по возрасту лица являются доминирующими среди группы несовершеннолетних, являясь в то же время авторитетом и примером для подражания старших по возрасту.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, обладает своими особенностями. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам несовершеннолетних, представляют собой систему взаимосвязанных сведений о личности преступника и причинах, способствующих совершению преступлений, требующих всестороннего исследования, выявление и установление которых обеспечивает вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора. Именно поэтому должно уделяется большое внимание изучению персональных качеств личности несовершеннолетнего.

Необходимо более четко детализировать положения ст. 421 УПК РФ, поскольку ряд обстоятельств, подлежащих установлению, недостаточно четко изложены. Так, например, предлагаем изложить круг таких обстоятельств, как «условия жизни и воспитания несовершеннолетнего», включив в них семейную атмосферу, общественно-полезную деятельность, ближайшее окружение, и взаимоотношение с ним, интересы и увлечения несовершеннолетнего. К «иным особенностям личности несовершеннолетнего» в рассматриваемую норму ввести необходимость установления таких сведений как мировоззрение подростка, его психическое развитие, индивидуальные особенности характера и темперамента.

Влияние на несовершеннолетних в некоторых случаях не зависит от возраста, законодателю необходимо учесть этот момент и внести изменения

норму УПК РФ в данной части, изложив п. 3 ч. 1 ст. 421 следующим образом: «3) влияние на несовершеннолетнего иных лиц».

ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДМЕТЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

Бронникова Д.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Янева Р.Р.

Стабильно высокий уровень защиты прав и свобод человека неразрывно связан с идеями правового государства и демократии. Вместе с тем, нарастающие темпы информатизации современного общества посредством сети Интернет, телевидения, деятельности средств массовой информации обуславливают необходимость совершенствования судебного порядка защиты таких личных неимущественных прав как честь и достоинство.

Какого-либо легального определения честь и достоинство не получили. Судебной практикой также не разработаны дефиниции данных нематериальных благ, поэтому при рассмотрении дел о защите чести и достоинства, судами используются определения, предлагаемые научным сообществом. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости определения чести и достоинства в целях их более точного понимания как предметов правовой защиты.

В доктрине существует два основных подхода к определению понятия «честь»: объективный и объективно-субъективный.

Сторонниками первого подхода являются Л.О. Красавчикова, Г.П. Савичев и М.Н. Малеина, которые рассматривают «честь» как определенную социальную оценку лица[1].

[1] Советское гражданское право: учебник. М., 1979. Т. 1. С. 196; Гражданское право: учеб. для вузов / под общ. ред. Т.И. Илларионовой и др. М., 1998. Ч. 1. С. 186; Малеина М. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. 1995. № 10. С. 104.

В монографии С.В. Потапенко и А.С. Даниеляна «честь» определяется как «морально-правовая категория позитивно-объективного характера, определяющая общественную оценку личности»[1].

Указанный подход позволяет раскрыть важный аспект содержания «чести» - а именно, ее объективную сторону, которая заключается в требованиях, предъявляемых к личности со стороны общества, в случае соблюдения которых сложатся положительные представления о человеке и соответственно, сформируется положительная оценка обществом его деятельности. Следует отметить, что в содержание «чести» как предмета судебной защиты входит именно положительная оценка личности со стороны общества, поскольку защита последней происходит от умаления в лице социума.

Объективно-субъективный подход отражен в определении В.Н. Барсуковой: «честь как социально-правовая категория представляет собой исторически детерминированное этическое благо нематериального характера, отражающее положение личности в обществе, формирующееся в результате ее общественной оценки с точки зрения критериев соответствия ее качеств и поведения социальным нормам, принятым в рамках конкретной общественно-экономической формации, и адекватного восприятия личностью данной оценки, подлежащее защите со стороны государства»[2].

При объективно-субъективном подходе в содержание понятия «честь», наряду с оценкой личности со стороны общества, включается ее восприятие конкретной личностью, то есть способность человека самостоятельно определять последствия своих действий и поступков, а также осознавать какое мнение будет о нем в конкретном общественном окружении.

---

[1] Защита чести, достоинства и деловой репутации: гражданско-правовой и процессуально-правовой аспекты: монография // С.В. Потапенко, А.С. Даниелян; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 62.

[2] Барсукова В.Н. Честь и достоинство личности: понятие и общая характеристика // Современное право. 2014. № 12. С. 21.

Таким образом, честь как предмет судебной защиты в гражданском процессе характеризуется, во-первых, принадлежностью гражданину, как участнику общественных отношений; во-вторых, ее наличие определяется на основе сопоставления качеств, присущих конкретной личности с содержанием социальных норм, принятых в обществе; в-третьих, честь является объективной категорией.

Исследование определений, предлагаемых научным сообществом, позволяет выделить три основных подхода к формулированию дефиниции «достоинство»: объективный, субъективный и комбинированный.

Например, объективный подход можно увидеть в определении В.Л. Суховерхого, который рассматривал достоинство как объективное свойство человека, его социальную ценность и значимость[1]. По мнению М.Л. Гаскаровой «достоинство» должно рассматриваться, как право-принцип, выступающий одновременно как ценность и как субъективное право[2].

Сторонники объективного подхода придерживаются мнения о том, что достоинство принадлежит любому человеку независимо от оценки общества человеком, самооценки. Однако данная позиция, служит больше для целей конституционного права, перед нами же стоит задача определить «достоинство» как предмет защиты в гражданском процессе.

С точки зрения субъективного подхода А.М. Эрделевский определяет «достоинство» как «сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в собственном сознании»[3]. Похожее определение можно увидеть в монографии С.В. Потапенко и А.С. Даниеляна, которые полагают, что достоинство «морально-правовая категория позитивно-субъективного характера, определяющая оценку собственной личности»[4].

---

[1] Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997. С. 235.

[2] Гаскарова М.Л. Правовая защита чести и достоинства личности: вопросы теории: дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. С. 41.

[3] Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. М.: Р. Валент, 1996. С. 16.

[4] Защита чести, достоинства и деловой репутации: гражданско-правовой и процессуально-правовой аспекты: монография // С.В. Потапенко, А.С. Даниелян; Министерство

В основе субъективного подхода к формулировке понятия «достоинство» лежит самооценка личности. Можно сделать вывод о том, что в содержание дефиниции «достоинство» для рассмотрения его как предмета судебной защиты в гражданском процессе следует включать самооценку человеком своих качеств и положения в обществе. Данная оценка так же, как и в случае с общественной оценкой, входящей в содержание понятия «честь», может быть только положительной.

Заслуживает внимания и позиция, сторонников комбинированного подхода. Например, по мнению В.Н. Барсуковой «достоинство как социально правовая категория есть исторически детерминированное этическое благо нематериального характера, подлежащее всесторонней государственной защите, характеризующее, с одной стороны, человека как высшую ценность, не зависящее ни от каких внешних факторов, а с другой, отражающее ценность личности в глазах общества и самосознание ею своей социальной значимости с позиции соответствия ее качеств и поведения социальным нормам, принятым в рамках конкретной общественно-экономический формации»[1]. Представляется, что это наиболее удачный подход к формулировке понятия «достоинство» в связи с тем, что в нем наиболее полно характеризуются признаки данного нематериального блага, такие как: ценность любой личности, независимо от факторов объективного либо субъективного характера, а также внутренняя самооценка лицом собственных качеств.

Достоинство как предмет судебной защиты характеризуется тем, что, во-первых, принадлежит любому человеку; во-вторых – его объективной стороной является признание человека как ценности безотносительно к его качествам и поступкам, а субъективной - осознание личностью своей ценности; в-третьих, наличие достоинства определяется на основе сопоставления инфор-

науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021.С. 66.

[1] Барсукова В.Н. Честь и достоинство личности: понятие и общая характеристика // Современное право. 2014. № 12. С. 21.

мации о социальных нормах, принятых в обществе, совокупности качеств личности, её поступков и мотивов поведения, а также осознания личностью своих качеств и поведения.

Таким образом, в целях формирования единообразия судебной практики, наиболее полной, своевременной и правильной защиты таких нематериальных благ как честь и достоинство предлагаем п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»[1] дополнить абзацем следующего содержания:

«Судам следует иметь в виду, что критериями, характеризующими такое нематериальное благо как честь, являются: принадлежность гражданину, объективность, его наличие определяется на основе общественной оценки качеств, присущих конкретной личности. Критериями, характеризующими достоинство, являются: признание человека как высшей ценности, осознание личностью своего общественного значения, его наличие определяется на основе внутренней самооценки лицом своих качеств на предмет соответствия социальным нормам, принятым в обществе».

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАРАЖЕНИЯ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ

Бычков А.Н. – обучающийся по программе магистратуры 2 курса Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров

Научный руководитель: доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров, кандидат педагогических наук, доцент Тупицына Е.Г.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

Статья 122 УК РФ предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности за сознательное, осознаваемое и своевременно скрываемое заболевание ВИЧ-инфекцией при половом сношении лиц, с которыми нет близких и длительных отношений, или в отношении беременных женщин с тем, чтобы заразить ребенка. Практика применения данных норм зависит от конкретной ситуации и обстоятельств дела. В каждом случае суд принимает решение, опираясь на имеющиеся факты, доказательства и законодательные нормы.

Статья 122 УК РФ содержит три самостоятельных состава, различающихся между собой по признакам объективной стороны, субъективной стороны и субъекта преступления.

Содержание непосредственного объекта в указанных составах совпадает – это общественные отношения, определяющие недопустимость распространения ВИЧ-инфекции, как элемент обеспечения неприкосновенности жизни и здоровья человека. В этой связи следует отметить, что заражение ВИЧ-инфекцией находящегося в утробе женщины плода при ненадлежащем исполнении медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей или в результате поведения самой беременной не образует ни одного из составов рассматриваемых преступлений, так как отсутствует соответствующий объект уголовно-правовой охраны[1].

В соответствии с частью 1 статьи 122 УК РФ, предусмотрена уголовная ответственность за намеренное оставление другого лица в опасности заражения ВИЧ-инфекцией. Этот состав преступления конструируется по формальному типу, поэтому преступление считается оконченным в момент совершения действия, которое может привести к заражению другого лица ВИЧ-инфекцией в конкретной ситуации. Небезосновательное отнесение данного состава

[1]Сидоренко Э. Заражение ВИЧ-инфекцией: вопросы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2007. № 1. С. 55–59.

к числу составов создания реальной опасности[1] обусловлено необходимостью наличия обязательного для уголовной ответственности свойства деяния, состоящего в реальной3 возможности заразить другого человека ВИЧ-инфекцией.

Заведомое поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией предполагает не любую вероятность инфицирования, а только ситуации, при которых угроза передачи инфекции будет реальной в конкретной обстановке[2]. При этом правоприменительные решения должны приниматься с учетом соответствующих заключений экспертов или специалистов в области эпидемиологии. Данная позиция поддерживается как в науке[3], так и среди правоприменителей.

Деяние, предусмотренное частью 1 ст. 122 УК РФ, действия, которые представляют собой реальную и прямую угрозу заражения другого человека ВИЧ-инфекцией, но не приводят к заболеванию по независящим от преступника причинам.

Предположения о возможности квалификации бездействия по ч. 1 ст. 122 УК РФ19, вероятно, связаны с убежденностью авторов в наличии юридической обязанности ВИЧ-позитивных граждан информировать своих сексуальных партнеров о своем статусе[4]. Тем не менее нормативно такая обязанность нигде не закреплена, поэтому рассматривать умолчание лица о своем положительном ВИЧ-статусе в качестве какого-либо правонарушения со всеми вытекающими последствиями не представляется возможным. При таких обстоятельствах представить себе общественно опасное деяние в форме без-

[1]Ильяшенко А.Н. О некоторых особенностях определения момента окончания преступлений, связанных с заражением ВИЧ-инфекцией // Российский следователь. 2017. № 12. С. 30–33.

[2]Власенко С.С. Поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией // Российский следователь. 2009. № 12. С. 6–7.

[3]Безверхов А.Г., Решетникова Д.В. О классификации конструкций составов преступлений по моменту их юридического окончания // Общество и право. 2010. № 5. С. 79–83.

[4]Романов А.К. Актуальные проблемы уголовной ответственности за совершение ВИЧ-релевантных преступлений // Философия социальных коммуникаций. 2012. № 1 (18). С. 87–97.

действия, состоящее в заведомом поставлении другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, крайне затруднительно. С учетом возможных путей передачи ВИЧ-инфекции указанное деяние может быть совершено только посредством создающих опасность заражения действий (вступление в незащищенный сексуальный контакт, потребление инъекционных наркотиков с использованием нестерильных инструментов и т.п.). Данную позицию разделяют А. В. Наумов[1], П. С. Яни[2] и др.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления (ч. 1 ст. 122 УК РФ) характеризуется только прямым умыслом. Виновный должен осознавать, что его действия создают реальную угрозу заражения потерпевшего ВИЧ-инфекцией и желать их совершения.

Часть 2 ст. 122 УК РФ предусматривает ответственность за заражение другого лица ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этой болезни. Субъективная сторона преступления, предусмотренного частью 2 ст. 122 УК РФ, характеризуется как умышленной (в силу конструкции состава возможен как прямой, так и косвенный умысел), так и неосторожной формой вины. С учетом характера деяния, а также обязательной осведомленности виновного о своем положительном статусе следует вывод о возможности совершения рассматриваемого преступления только по легкомыслию.

Согласно закону субъектом преступления, предусмотренного частью 4 ст. 122 УК РФ, является лицо, в профессиональные обязанности которого входит соблюдение мер, направленных на недопущение распространения ВИЧ-инфекции. В первую очередь (но не только) это, конечно, работники, обязанные соблюдать нормативные требования санитарии и гигиены при осуществлении медицинских вмешательств.

Кроме того, законодательное описание диспозиции ч. 4 ст. 122 УК РФ не содержит указания на неосторожную форму вины, поэтому анализируемое

---

[1]Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / под ред. Г. М. Резника. М., Волтерс Клувер, 2005. С. 260

[2]Яни П.С. Конец преступления // Законность. 2016. № 9. С. 32–37; № 10. С. 45–51.

преступление нельзя признать исключительно неосторожным (ч. 2 ст. 24 УК РФ). Как представляется, субъективная сторона преступления, предусмотренного частью 4 ст. 122 УК РФ, по действующей редакции закона характеризуется как умышленной (прямой и косвенный умысел), так и неосторожной формой вины. При этом следует иметь в виду, что замысел законодателя состоял в криминализации именно неосторожного заражения ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, поэтому дополнение ч. 4 ст. 122 УК РФ указанием на неосторожное отношение к последствию видится более чем уместным.

Завершая уголовно-правовую характеристику заражения ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ), нельзя обойти вниманием примечание к данной статье. Многие исследователи полагают, что в этой норме содержится единственное в своем роде обстоятельство, исключающее уголовную ответственность, — согласие потерпевшего на причинение вреда[1]. Вместе с тем следует отметить, что никаких правовых оснований, свидетельствующих о волеизъявлении потерпевшего на причинение ему вреда, нет. Целью указанного примечания, как представляется, является благоприятствование безопасному социальному поведению ВИЧ-инфицированных, не способных в настоящее время излечить свою болезнь, но имеющих равные права и возможности наряду с другими гражданами, а также стимулирование персональной ответственности за свое здоровье. Положительный эффект данной нормы становится очевидным при изучении статистических данных о количестве дискордантных пар в России и количестве абсолютно здоровых детей, родившихся у них[2].

[1]Волков К.А. Заражение ВИЧ-инфекцией // Российский следователь. 2017. № 13. С. 19–22.

[2]Калачева Г.А., Рубина Ю.Л., Рудаков Н.В. Дискордантные пары, вспомогательные репродуктивные технологии и ВИЧ-инфекция в Сибирском федеральном округе // Инфекция и иммунитет. 2017. № S. С. 683

К ВОПРОСУ О НАЛОГООБЛОЖЕНИИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ваулин А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Кузьмина М.В.

Исходя из краткого исторического анализа введенных в Российской Федерации систем налогообложения, на сегодняшний день можно сделать следующие выводы. По существу, из пяти специальных налоговых режимов, предусмотренных для субъектов малого предпринимательства, наиболее востребованными оказались такие режимы как упрощенная система налогообложения, патентная система, а также единый налог на вмененный доход по отдельным видам деятельности. Трансформацию вводимых систем налогообложения нельзя назвать категорически удачной. Так, курс на внедрение патентной системы налогообложения фактически обнажил проблемы формализма, громоздкости действующих специальных режимов в отношении индивидуальных предпринимателей. Основная задача, выполняющаяся при реализации данной фискальной политики, по сути, состояла в постоянном контроле над деятельностью индивидуальных предпринимателей с массой мер по отчетности налоговым органам. При таких обстоятельствах говорить об эффективности налоговой системы не приходится. Именно данные обстоятельства объясняют заинтересованность индивидуальных предпринимателей к использованию общих налоговых режимов. Слабые места обнаруживаются в большинстве специальных налоговых режимов. Патентная система на практике оказалось чрезмерно узкой в плане реального применения. Нежелание использования субъектами малого предпринимательства таких режимов как упрощенная система налогообложение и единого дохода на вмененный доход объясняется несогласованностью в применении с налогом на добавленную стоимость. Аналогичным образом о це-

лом ряде недостатков налоговой системы в отношении субъектов малого предпринимательства пишут и исследователи данной проблематики. По мнению Л.А. Буровой, к числу таких недостатков стоит отнести:

- сильную дифференциацию в уровне налоговой нагрузки по видам и подвидам экономической деятельности и в территориальном разрезе;

- отсутствие гарантированной системы контроля и эффективного администрирования малого бизнеса;

- использование данных режимов средним и крупным бизнесом в целях минимизации налоговых платежей;

- сохранение спорных и неоднозначных толкований норм законодательства и др.[1].

Данные выводы следует признать небеспочвенными. Переходя к вопросу о состоянии и особенностях современной действующей налоговой системы, необходимо подчеркнуть следующее.

В рамках данного исследования мы не стремимся к рассмотрению вопроса об общем порядке налогообложения субъектов малого субъектов малого предпринимательства. Считаем более целесообразным рассмотреть основные проблемы перспективы изменения российской налоговой системы в свете реформирования специальных налоговых режимов в отношении индивидуальных предпринимателей. В настоящее время в отношении индивидуальных предпринимателей в России предусмотрены следующие виды специальных налоговых режимов:

- упрощенная система налогообложения;

- патентная система налогообложения;

- единый сельскохозяйственный налог;

- налог на профессиональный доход.

[1] Бурова Л.А. Становление и развитие современной российской системы налогообложения малого субъектов малого предпринимательства: специальные налоговые режимы // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2. С. 148.

Несмотря на наличие особенностей каждой из представленных форм, на практике обнаруживаются достаточно схожие проблемы при их применении индивидуальными предпринимателями. Одной из основных проблем выступает реальная величина налоговой нагрузки на предпринимателей, перешедших с общего на специальный налоговый режим. Так, исследователями отмечается, что фактически тарифы страховых взносов и ставки налогов для предпринимателей, осуществляющих свою деятельность как на общих, так и на специальных налоговых режимах идентична[1]. Исходя из сравнения размеров уплачиваемых налогов по наиболее востребованным формам специальных налоговых режимов (в виде УСН, ЕСХН и патентной системы) следует сделать вывод об относительно равной степени налоговой нагрузки. При этом основные виды предпринимательской деятельности, представленные данными налоговыми режимами, относятся к сфере розничной торговли. Все это свидетельствует о тенденции государства к установлению льготного порядка налогообложения.

При этом следует учитывать, что изначальные цели введения данных режимов – борьба с уклонением от уплаты налогов на сегодняшний день является менее приоритетной по сравнению с периодом введения. Таким образом, реально действующая система в России не учитывает потребности и мотивы деятельности субъектов малого предпринимательства[2].

Иными словами, одной из особенностей действующей налоговой системы индивидуальных предпринимателей является статичность и отсутствие адаптации к реально складывающимся отношениям. На наш взгляд, на сегодняшний день допустимо утверждать о том, что снижение тарифов на страховые взносы в пользу предпринимателей в значительной мере повысит прозрачность деятельности предпринимателей и выходу в законные рамки деятельности тех из

[1] Пансков В.Г. Налогообложение малого субъектов малого предпринимательства: нужны кардинальные перемены // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 1. С.113.

[2] Пансков В.Г. Налоговый маневр: каким он видится // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 6. С. 13–20.

них, чья деятельность носит сейчас нелегальный характер. Иными словами, мера по снижению страховых взносов:

- увеличит число индивидуальных предпринимателей и как следствие темпы экономического роста;

- увеличения оборотов в бюджетах всех уровней за счет активизации деятельности индивидуальных предпринимателей.

Считаем, что данная мера носит реальный практический характер, удовлетворяющий интересы государства в области бюджетного планирования и общества, заинтересованного в осуществлении предпринимательской деятельности без кабальной системы налоговой нагрузки.

Одной из современных характерных черт налогообложения субъектов малого субъектов малого предпринимательства выступает нежизнеспособность системы представляемых налоговых льгот. Несмотря на изначально положительную тенденцию в применении данных мер, их фактическая реализация не дает нужного экономического эффекта. На сегодняшний день механизм налоговых льгот в общей схеме действует по следующему принципу. При предоставлении налоговых льгот в отношении доходов для налогоплательщика уменьшаются налоговые ставки, осуществляются вычеты из налоговой базы, используется полное или частичное освобождение от налогообложения прибыли, дохода или другого объекта налогообложения. В этом случае налогоплательщик, имеющий право на использование данной налоговой льготы, получает от государства в свое полное распоряжение дополнительные финансовые ресурсы, которые он может использовать по своему усмотрению. Это фактически означает, что в части этих средств он свободен от каких-либо обязательств перед государством.

К сожалению, стоит констатировать, что подобный механизм совершенно не гарантирует того экономического эффекта, на который могло рассчитывать государство. Более того, мировая практика идет по этой же тенденции – большинство хозяйствующих субъектов нацелено на получение прибыли и сбере-

жение денежных средств, исходя из принципа «здесь и сейчас». Низкая экономическая эффективность налоговых льгот в России доказана и 25-летней практикой применения в нашей стране. Аналогичным образом в российской практике при высвобождении денежных средств, предпринимателями они не использовались для направления на цели экономического и социального развития[1].

Таким образом, налицо необходимость изменения самой концепции предоставляемых налоговых льгот. Считаем необходимым предложить ввести на законодательном уровне иной порядок исчисления налоговых льгот в отношении индивидуальных предпринимателей. В частности, производить исчисления налоговых льгот из сумм произведенных расходов плательщиком, имеющих целевой характер по перечню, установленному государством. Считаем, что в перечень таких расходов необходимо внести ряд видов социально полезной деятельности, носящей в экономическом потенциале инвестиционный характер, например, расходы на научные изыскания, затраты на исследовательские и инновационные проекты, способные приносить полезный экономический эффект в перспективе. Полагаем, что данный формат льгот будет способствовать росту заинтересованности налогоплательщиков в указанных затратах и как следствие получении льгот, с учетом ряда иных преференций в виде отсутствия срока действия представленных программ льгот, отсутствия сложной процедуры контроля и аудита ввиду повышенной прозрачности деятельности.

Данные меры считаем необходимым внедрять с учетом ряда изменений в применяемых налоговых режимах. Так, помимо прочего необходимо:

- достигнуть ограничения сфер деятельности, имеющих право на переход на упрощенную систему налогообложения, оставив в числе подобных лишь экономически приоритетные отрасли (промышленное производство, инновации и др.);

[1] Пансков В.Г. Российская система налогообложения: проблемы развития. М.,2003. С. 134.

- установить ряд дополнительных льгот для предпринимателей приоритетных отраслей, не перешедших на УСН;

кроме того, обеспечить возможность предпринимателям осуществлять дополнительную индексацию предельного размера дохода на величину коэффициента-дефлятора.

Итак, особенности современной системы налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства характеризуются в основном с негативной стороны и состоят в наличии ряда сдерживающих факторов и недейственных механизмов. Данные обстоятельства вызывают необходимость комплексного пересмотра всей системы налогообложения с учетом высказанных предложений.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАБОТОДАТЕЛЯ И ДИСТАНЦИОННОГО РАБОТНИКА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Веккер А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент Черепанцева Ю.С.

Процессы цифрового реформирования трудового законодательства стали следствием того, что в настоящее время дистанционный труд - неотъемлемая часть социально-экономической жизни России. За несколько лет новые гибкие формы занятости приобрели правовую основу, законодательно закреплены формы взаимодействия работника и работодателя, в частности, при дистанционной работе. Однако, дальнейшее развитие и трансформация дистанционных правоотношений позволили отметить проблемы, требующие скорейшего разрешения.

Одной из проблем является режим рабочего времени дистанционного работника. Несмотря на довольно гибкий характер установления режима рабочего времени и времени отдыха, статья 312.4 ТК РФ не лишена недостатков. Формулировка нормы, согласно которой время взаимодействия дистанционного работника с работодателем включается в рабочее время не приводит к

адекватному закреплению так называемого «права на офлайн»[1]. В порядке взаимодействия должна быть предусмотрена не только обязанность дистанционного работника отвечать на звонки, электронные письма и запросы работодателя, но и срок (временные интервалы), когда дистанционный работник обязан реагировать на данные запросы, и по истечении которого законно наступает то самое «право на офлайн». Такое важное уточнение способствует ограничению злоупотреблений со стороны работодателя, в том числе и в вопросе привлечения работника к ответственности за несвоевременный ответ или отсутствие ответа на запросы, связанные с выполнением трудовой функции.

Другой важной проблемой в вопросе взаимодействия работодателя и дистанционного работника является контроль со стороны работодателя. Сложность указанной проблемы усугубляется спецификой дистанционной работы, поскольку работодатель в данном случае изначально ограничен в возможности контролировать исполнение работником своей трудовой функции. Усеченность контроля работодателя обусловлена сразу несколькими обстоятельствами: во-первых, сложно оценить, насколько дистанционный работник подчиняется положениям, установленным в локальных нормативных актах, а во-вторых, возникает проблема технической возможности и соответствующего оборудования, позволяющих контролировать, сколько времени дистанционный работник выполнял трудовую функцию, в какие часы отлучался, какие источники (сайты) посещал т.д. Преодоление проблемы видится в обязанности работодателя закрепить регламентацию использования технических средств контроля за работником, и, соответственно, получить согласие работника на использование технических средств, отслеживающих распорядок его трудового дня, соблюдая при этом разумные пределы и не допуская нарушения права на защиту частной жизни. Оптимальным вариантом представляется осуществление контроля в сочетании нормативного закрепления на локальном

[1] Носова Ю.Б., Дистанционный труд: достижения и несовершенство современного трудового законодательства //Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. №. 3. С. 137.

уровне и использование более «мягких методов», ориентированных на систему командного контроля и развитие инструментов самоконтроля.

Еще одной проблемой в вопросах организации дистанционного труда является обеспечение работника оборудованием и техническими средствами, необходимыми для выполнения работы. Несмотря на закрепленную в законе обязанность работодателя обеспечить дистанционного работника необходимым оборудованием или компенсировать соответствующие затраты работника при использовании им личного оборудования, некоторые вопросы все еще не урегулированы законодателем. Рациональным видится обязать работодателя ввести на локальном уровне порядок (правила) обеспечения дистанционного работника необходимым оборудованием надлежащего качества, правила пользования данным оборудованием, проверку пригодности оборудования для выполнения порученных заданий[1]. Также представляется целесообразным регламентировать порядок оплаты за использование принадлежащего работнику или арендованного им оборудования, программно-технических средств, средств защиты информации и иных средств, а также возмещение расходов, связанных с их использованием.

Таким образом, отмечая прогрессивность российского законодателя в правовом регулировании особенностей дистанционного труда, многие аспекты, вызванные спецификой данной формы занятости, еще предстоит преодолеть. Внесение всех необходимых дополнений и изменений в Трудовой кодекс РФ и другие нормативные правовые акты позволит обеспечить как права дистанционных работников, в значительной степени снизив количество злоупотреблений со стороны работодателя, так и обеспечить работодателю необходимый контроль за качеством выполнения труда.

[1] Коноваленко О.Л., Хабуда Е.С. Решение правовых проблем в сфере организации дистанционной трудовой деятельности // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 7А. С. 86.

ПРИНЦИП НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ: ДЕЙСТВИЕ В ПРОЦЕССЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Вертий В.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Саттарова З.З.

О принципе непосредственности, как в гражданском, так и в арбитражном процессе, часто пишут, как о форме восприятия материала судом.[1] Традиционно в характеристике этого принципа присутствуют следующие составляющие: исследование доказательств судом, рассматривающим и разрешающим дело по существу; личное участие суда в исследовании доказательств; проведение исследования доказательств судом в судебном заседании[2].

Суд далеко не всегда может ознакомиться с доказательствами первоначальными, именно поэтому законодатель пошел по пути упрощения судопроизводства, благодаря чему существует институт обеспечения доказательств и институт судебных поручений. Это и есть исключения из принципа непосредственности, наряду с осмотром и исследованием вещественных доказательств, подвергающихся быстрой порче (ст. 75 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК), ст. 79 Арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК), допроса свидетеля в месте его пребывания, если он по уважительным причинам не в состоянии явиться по вызову суда (ст. 70 ГПК).

В науке сформировались две основные точки зрения по поводу действия принципа непосредственности в обеспечении доказательств. Согласно первой – использование обеспечения доказательств влечет нарушение принципа непосредственности. В таком случае суд имеет дело только с производными

[1] Гражданский процесс: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. А.Г. Коваленко, д.ю.н. проф. А.А. Мохова, д.ю.н., проф. П.М. Филиппова. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», 2008. С. 32-33.

[2] Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 102-106.

доказательствами, так как самостоятельно с первоначальными доказательствами не взаимодействует, а получает их за подписью и печатью иного органа, осуществляющего обеспечение доказательств, то есть в виде протокола осмотра доказательства, протокола допроса свидетеля и иных документов.

Согласно второй точке зрения – принцип непосредственности не нарушается, так как полученное в результате процедуры обеспечения доказательство тоже является доказательством, но уже в новом виде, как письменное.

Соглашаясь со второй вышеприведенной позицией, отметим, что доказательства, полученные в результате процедуры обеспечения доказательств (производные), имеют специфические характеристики. Во-первых, они создаются уполномоченными лицами. В частности, нотариус осуществляет полномочия от имени Российской Федерации, может быть подвергнут всем видам ответственности, предусмотренным законодательством Российской Федерации, и в целом задача нотариата состоит, главным образом, в защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц, все это не может не вызывать доверия лиц, обращающихся за совершением нотариальных действий. Во-вторых, предусмотрены процессуальные правила проведения обеспечения доказательств, несоблюдение которых приводит к потере их юридической силы, так как в этом случае они будут получены с нарушением закона (ч. 2 ст. 55 ГПК, ч. 3 т. 64 АПК, ст. 103 Основ законодательства о нотариате[1]).

Надо сказать, что суды в процессе обеспечения доказательств создают специальные производные доказательства[2]. Из положений статей 64-66 ГПК следует, что обеспечение доказательств производится судом только после принятия искового заявления. Можно ли в данной ситуации говорить о производности доказательства, если суд, рассматривающий дело и выносящий судеб-

[1] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Российская газета. 1993. 13 марта.

[2] Григоревский В.А. Обеспечение доказательств в системе институтов гражданского и арбитражного процессуального права автореферат дис. ...канд. юрид. наук: 5.1.3.; [Место защиты: МГУ]. Москва, 2023. С. 122-123.

ное решение, непосредственно осуществляет эту процедуру? Очевидно, да, потому что доказательство преобразуется в иную форму (письменную). Важный аспект: совпадение субъекта в процедуре обеспечения доказательств и принятии решения по делу.

В арбитражном процессе, в отличие от гражданского, есть возможность досудебного обеспечения доказательств органами правосудия, это второй вариант преобразования доказательств в специальные производные. Часть 4 статьи 72 АПК демонстрирует указанную возможность, в соответствии с которой арбитражный суд до подачи иска лицом в суд проводит обеспечение доказательств. Следует вывод о том, что субъекты процедуры обеспечения доказательств и принятия решения по делу могут и не совпасть, так как последующее обращение в суд с исковым заявлением не является обязательным. Аналогичный результат получается и при выполнении судебных поручений.

Таким образом, принцип непосредственности в рамках процедуры обеспечения доказательств не нарушается, но действует ограниченно. В случае, когда суд, рассматривающий дело по существу и выносящий по нему итоговое решение, производит самостоятельно обеспечение доказательств, указанный принцип раскрывается в полном объеме и ни у кого не вызывает сомнений в том, что состав суда лично воспринял содержание того или иного доказательства, убедился в необходимости его сохранения на случай невозможности или затруднительности их представления в дальнейшем.

Границы действия принципа непосредственности исследования доказательства сужаются в рамках обеспечения доказательства судом в ходе исполнения судебного поручения, или нотариусом. Это ограничение условное, потому как требования к порядку обеспечения доказательства одинаковы для любого субъекта его проведения. К примеру, нотариус, осуществляя на основании просьбы заявителя обеспечение доказательств, не может перепоручить это другому нотариусу, иному должностному лицу, все нотариальные действие он обязан совершать лично, кроме случаев его временного отсутствия, во время которого его замещает временно исполняющий обязанности. Судья

или нотариус, совершившие обеспечение доказательств, не имеют полномочий на принуждение суда, выносящего окончательное решение по делу, к принятию результата их работы. Только суд в рамках судебного разбирательства по своему внутреннему убеждению, сформированному на основании всех имеющихся доказательствах в совокупности и каждом доказательстве в отдельности, примет решение, которое сочтет верным в конкретной ситуации.

Передать полномочия по обеспечению доказательств в руки суда, чтобы исключительно этот орган занимался всеми вопросами исследования доказательств, будет чрезмерным, таким образом лица, чье право нарушено, будут ограничены в привнесении доказательств, если их нельзя добыть и предоставить в суд для непосредственного исследования в момент рассмотрения дела.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА УСЫНОВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ И ЯПОНИИ

Вершинин С.А. – обучающийся по программе бакалавриата 3 курса Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского и семейного права Кировского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Буторина Т.Н.

В российском законодательстве не предусмотрено понятие усыновления или удочерения, но проанализировав нормативно-правовые акты, мы можем вывести самостоятельно определение. Усыновление — это некое установление семейно-правовых отношений между усыновителем и усыновленным, при котором усыновленный, оставшийся без попечения родителей переходит на воспитание в семью усыновителя.

Обращаясь к истории, можно установить, что к усыновлению в рамках имперского законодательства относились как к замене природных детей чужими, а обычное право под усыновлением подразумевало договор.[1] Нельзя не

[1] Бимбаева О.Л. К вопросу о понятии усыновления // Baikal Research Journal. 2013. №5.

отметить, что уже тогда государство всячески оказывало содействие приемным семьям, не забывая о защите прав самих детей. В настоящее время тенденция по чёткому контролю данной процедуры динамично развивается.

Изучив российское законодательство, мы можем понять, что существует несколько форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, а именно: передача детей в семью на воспитание (усыновление (удочерение)); под опеку или попечительство; в приемную семью; в патронатную семью; – или временно, на период до их устройства на воспитание в семью, передаются в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, всех типов. Обратившись к гл. 19 Семейного кодекса РФ (далее- СК РФ), мы можем понять, что усыновление является приоритетной формой устройства детей. Не удивительно, ведь на наш взгляд, именно данная форма позволяет наиболее полно компенсировать ребенку отсутствие семьи, так как при устройстве ребенка должны учитываться его этническое происхождение, принадлежность к определенной религии и культуре, родной язык, возможность обеспечения преемственности в воспитании и образовании; а также с учетом возможностей обеспечить ребенку полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие. Помимо этого, законом установлен запрет на усыновление братьев и сестер разными лицами, а также указано положение о том, что усыновлению подлежат только несовершеннолетние граждане, в чем существует принципиальное различие с Японией. В Японии усыновлению подлежат также уже зрелые граждане, достигшие совершеннолетия, таким образом, японцы сохраняют семейный бизнес, в стране восходящего солнца считается, что бизнес, переданный биологическим детям, ждет гибель. Помимо этого, особенностью является то, что могут быть усыновлены родители жены, это налагает обязанность по их содержанию, а в случае их смерти, усыновитель будет наследником, что ведет к увеличению числу наследников, а это уменьшает налог. Можно констатировать, что это некая хитрость, чтобы обойти строгость японских налогов, сохранив свое имущество. На наш взгляд,

в российское законодательство можно было бы ввести положение об уменьшении налогов для усыновителей, которые взяли в свою семью двое и более детей, что, возможно, смогло бы привести к увеличению роста количества усыновлений[1].

Обращаясь к законодательству США, можно утверждать, что В США, в отличие от России, 25 штатов позволяют усыновлять людей старше 18 лет, но при определенных условиях, в частности, если человек является недееспособным или умственно отсталым; если кандидат в усыновление является недееспособным, или пасынком, отношения с которым уже существовали во время его несовершеннолетия; если человек приходится усыновителю племянницей или племянником и проживал в течение трех месяцев с ним до наступления совершеннолетия если он моложе усыновителя не менее чем на 15 лет[2]. В законодательстве США мы можем увидеть исключения, но, все же сравнивая с РФ в рамках данного вопроса присутствует некоторая диспозитивность.

Задевая вопрос о порядке усыновления детей в РФ, можно обратиться к ст. 125 СК РФ, в которой указано, что усыновление производится судом по заявлению лиц, желающих усыновить ребенка. ГПК РФ регламентирует вопрос о подсудности, указывая, в какой суд необходимо обратиться усыновителям. Соответственно, можно сделать вывод о том, что в России существует один способ- судебный. Опять видим отличие от Японии, там предусмотрено два способа: административный. судебный и касаясь первого способа, можно утвердить, что по процедуре должно быть написано письменное заявление в муниципалитет, заверенное подписями двумя свидетелей. Усыновления, произведенные в судебном и административном порядке, отличаются по правовым последствиям. Так, усыновленные в административном порядке не пол-

[1] Хаконова И.Б. Специфические особенности усыновления в законодательстве Японии и Китая // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. №4 (167). С. 185-189.

[2] Попов В.А., Н.В. Котеленец. Сравнительный анализ усыновления (удочерения) детей в приемных семьях России и США // Молодой ученый. 2015. № 12 (92). С. 795-798.

ностью утрачивают связь со своей семьей. Наследственное право Японии допускает наследование усыновленного после родителей, если усыновление было произведено в административном порядке. Кроме того, такое усыновление легче расторгнуть. Есть основания полагать, что административный способ был создан для того, чтобы снизить нагрузку на судебную систему, в России применять административный способ, на наш взгляд, не стоит, так как этот вопрос был бы передан органам местного самоуправления, что могло бы привести к злоупотреблению правом со стороны недобросовестных усыновителей, преследующих корыстные цели. В США данный вопрос регулируется законами штатов. Но, в целом, можно сказать, что в Агентство по усыновлению семьей подается заявление, которые в свою очередь, собирает всю необходимую информацию, включая медицинские документы, сведения о доходах и иные.

Обращая внимание на вопрос о требованиях к усыновителям, в СК РФ этому вопросу посвящена ст. 127, в которой указано, что усыновителями могут быть совершеннолетние лица обоего пола, за исключением: лиц, лиц, состоящих в союзе, заключенном между лицами одного пола, признанном браком и зарегистрированном в соответствии с законодательством государства, в котором такой брак разрешен, а также лиц, являющихся гражданами указанного государства и не состоящих в браке; лиц, изменивших пол и иные требования, перечисленные в законодательстве.

Обращаясь к данному вопросу, относительно Японии, мы видим, что требованиями к нормальному усыновлении. следующие: По японскому законодательству усыновитель не обязательно должен состоять в браке. Но если он семейный человек, необходимо согласие второго супруга. Исключением из этого правила является ситуация, когда супруг не может выражать свое волеизъявление (например, признан недееспособным вследствие душевной болезни)[1]. Можно утверждать, что требования от страны к стране схожи, особенностью является то, что в США существует возможность усыновления лицами

[1]. Кустова В. Усыновление в Японии. // Окно в Японию. Текст: непостредственный.

нетрадиционной сексуальной ориентации, так как считается, что данный факт не помешает правильному воспитанию ребенка. В РФ на это установлен запрет, более того, существует ограничение на усыновление лицами, сменившими пол.

Необходимо отметить тот факт, что усыновление в России является бесплатным. В США усыновление детей является платным. Его стоимость варьируется от $1 000 до $50 000, где усыновление взрослых детей обходится в $1 000, иногда и меньше, а принятие на воспитание грудного младенца составляет от $20 000 до $30 000[1]. В законодательстве Японии условия о платности усыновления нет, значит, можно сделать вывод, что усыновление является бесплатным.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать выводы о том, что процесс усыновления в различных странах представляет собой процесс, направленный, в основном, на воспитание детей в семье, не считая исключении. В каждой рассматриваемой стране есть свои особенности, которые необходимо учитывать при желании осуществить усыновление.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОХРАНЫ ИНФОРМАЦИИ, СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОММЕРЧЕСКУЮ ТАЙНУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Волынкина А.М. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Толочкова Н.Г.

В период повышения активности предпринимательской деятельности в России актуальное место занимает вопрос о коммерческой тайне. В предпринимательской деятельность должна присутствовать конкурентоспособность, но возможна ли она без получения информации о деятельности конкурентов? Частая закрытость добросовестного и законного доступа к такой информации

[1] Попов, В.А. Н.В. Котеленец. Сравнительный анализ усыновления (удочерения) детей в приемных семьях России и США // Молодой ученый. 2015. № 12 (92). С. 795-798.

порождает стремление злонамеренных конкурентов в ее получении незаконным путем. Как показывает практика, лица, которым интересно стать получателями коммерческой тайны, часто прибегают к попыткам заполучить ее путем шпионажа.

Актуальность охраны коммерческой тайны в России определяется еще несколькими факторами:

- конкурентное окружение: в условиях рыночной экономики предприятия постоянно конкурируют друг с другом, и защита коммерческой информации становится особенно важной. Коммерческая тайна позволяет предотвратить незаконное получение и использование конкурентами ценной информации, такой как бизнес-стратегии, технологии, отчетность, клиентская база;

- защита интеллектуальной собственности: Коммерческая тайна часто является одним из способов защиты интеллектуальной собственности, когда правовая охрана патентов и авторских прав не является эффективным или неуместным. В отличие от патентов и авторских прав, права на коммерческую тайну могут быть постоянными и неограниченными по времени;

- защита конфиденциальности клиентов: Многие предприятия и организации хранят конфиденциальную информацию о своих клиентах или партнерах. Коммерческая тайна позволяет защитить эту информацию от несанкционированного доступа или утечки;

- экономическая выгода: Защита коммерческой тайны может повысить коммерческую ценность предприятия. Когда компания имеет уникальные бизнес-процессы, ноу-хау или клиентскую базу, коммерческая тайна может стать ключевым активом, влияющим на стоимость предприятия при привлечении инвестиций или при продаже компании.

Согласно крупнейшей в сети базе судебных актов и нормативных документов Российской Федерации - https://sudact.ru/ - в период с 2018 год по 2023 год судами РФ было рассмотрено более 300 судебных дел касающиеся правового регулирования вопроса «коммерческой тайны».

Коммерческая тайна – это информация организации, которая имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность, не является общедоступной и к которой организация применяет меры конфиденциальности. Составляющей коммерческую тайну может быть разнообразная информация: технические, научные, производственные, коммерческие, финансовые данные, методы управления. Право на охрану коммерческой тайны распространяется на различные виды информации, включая технологические процессы, методики, рецептуры, производственные ноу-хау, цены, бизнес-планы и другие сведения, которые могут быть использованы конкурентами или нанести ущерб владельцу информации.

Правовой режим коммерческой тайны устанавливается при возможном непризнании технической новинки объектом интеллектуальной промышленной собственности из-за несоответствия условий патентоспособности[1].

Если обратиться к международному опыту, например, правовому регулированию данного вопроса в Германии, то мы можем увидеть, что предметом коммерческой тайны также является незафиксированная на каких-либо материальных носителях информация (пример: информация, обсуждаемая на переговорах; коммерческое или маркетинговое предложение и т.д.).

Признаками коммерческой тайны является:

- информативность;

- применимость;

- достоверность;

- коммерческая ценность в силу неизвестности ее третьим лицам;

- ограниченность законом (существует информация, которую закон запрещает относить к коммерческой тайне).

Коммерческой тайной могут считаться все сведения, кроме:

- конституционных и правовых актов РФ, федеральных законов, постановлений Правительства РФ и других нормативных актов;

[1] Кархалев Д.Н., Качур Н.Ф. Секрет производства в гражданском обороте // Хозяйство и право. 2022. № 1. С. 119-128.

- сведений, которыми являются общедоступными, то есть доступными широкому кругу лиц без каких-либо ограничений или ограничены только для государственных нужд;

- личных данных граждан, включая фамилию, имя, отчество, дату рождения, адрес проживания и другие сведения, которые необходимы для регистрации граждан и осуществления гражданами прав и обязанностей (за исключением случаев, когда соблюдение конфиденциальности этих сведений предусмотрено законом);

- сведений об организациях, товарах и услугах, которые являются общедоступными или доступными для пользования всеми желающими без каких-либо ограничений;

- результатов научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, которые не являются коммерческой тайной в соответствии с законодательством о научной и инновационной деятельности;

- сведений об экологической обстановке и состоянии окружающей среды, включая данные об уровне загрязнения воздуха, воды, почвы и других природных объектов;

- судебных актов и актов других государственных органов, которые являются публичной информацией и подлежат свободному доступу для всех;

- информации, которая содержится в учредительных документах ИП или юридического лица и государственных реестрах;

- другой информации, которую по закону нельзя скрывать. Например, банки обязаны публиковать финансовую отчетность.

Правовой режим охраны информации, составляющей коммерческую тайну в Российской Федерации, устанавливается законодательством, включая Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «О коммерческой тайне», а также другие нормативно-правовые акты.

В соответствии с законодательством охрана коммерческой тайны основывается на принципах закрепления, ограничения доступа и неразглашения

информации. Руководство организаций обязано разработать внутренние документы, регулирующие правила и процедуры охраны коммерческой тайны, а также контролировать их соблюдение сотрудниками.

Охрана информации, составляющей коммерческую тайну, требует применения различных мер защиты. К таким мерам относятся контроль доступа к информации, использование шифрования, установка систем защиты информации, контроль использования информации, проведение аудита информационных ресурсов и другие технические и организационные меры. Нарушение правил конфиденциальности может влечь за собой материальную ответственность, включая штрафные санкции для нарушителей.

Для охраны коммерческой тайны также распространяются меры гражданско-правовой защиты, предусмотренные Гражданским кодексом РФ. Организации могут использовать различные способы защиты информации, такие как заключение неразглашательных договоров с сотрудниками и партнерами, использование специальных систем шифрования данных, контроль доступа к информации и т.д.

Государственная охрана коммерческой тайны осуществляется органами правопорядка и специализированными службами безопасности, которые могут проводить проверки организаций на соблюдение правил охраны коммерческой тайны. В случае выявления нарушений организация может быть привлечена к административной или уголовной ответственности, соответственно.

Охрана коммерческой тайны осуществляется ее обладателем самостоятельно, но есть обязательные меры, которые должны быть включены в охрану:

- должен быть определен и утвержден перечень информации, который составляет коммерческую тайну;

- персонификация и создание уровней доступа к материальным носителям информации, содержащей коммерческую тайну;

- учет лиц, которым выдан доступ к информации, которая составляет коммерческую тайну и лиц, которым такая информация была передана;

- регулирование отношений между сотрудниками на основании договоров по вопросу коммерческой тайны;

- маркировка грифом «Коммерческая тайна» материальных носителей (документов), которые содержат в себе информацию, составляющую указанную тайну;

- разработка, утверждение и доведение до всех лиц, которые допущены до работы с информацией, составляющую коммерческую тайну – инструкции по соблюдению вопроса конфиденциальности;

- ведение специального делопроизводства, обеспечивающего выделение и сохранность носителей, содержащих коммерческую тайну.

В Российской Федерации обязательства о неразглашении коммерческой тайны регулируются Федеральным законом от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»[1]. Согласно этому Закону, коммерческая тайна определяется как сведения о предпринимательской деятельности, которые имеют реальную или потенциальную коммерческую ценность, являются неизвестными третьим лицам и составляют объект законной защиты.

Обязательства о неразглашении коммерческой тайны возникают в рамках трудовых отношений или при заключении договоров о предоставлении услуг или выполнении работ. Стороны могут заключить специальное соглашение о неразглашении коммерческой тайны, в котором определяются условия обязательства и последствия его нарушения. При прекращении трудовых отношений с работником, который был допущен к информации, составляющей коммерческую тайну, обязательства о неразглашении коммерческой тайны сохраняют свою силу в течение 3 лет, если иное не оговаривается в договоре. Лица, заключившие с обладателем коммерческой тайны гражданско-правовой договор (например, договор подряда), должны определить условия охраны конфиденциальности информации, составляющей коммерческую тайну.

[1] Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О коммерческой тайне» // СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

Согласно законодательству лица, имеющие доступ к коммерческой тайне в рамках своей трудовой деятельности или выполнения работ, обязаны соблюдать конфиденциальность и не разглашать эту информацию третьим лицам без соответствующего разрешения. Нарушение обязательств о неразглашении коммерческой тайны может привести к гражданско-правовым и административным возмещениям ущерба, а также к уголовной ответственности в случае умышленного нарушения.

Для создания правового механизма регулирования отношений работодателя с работником, допущенным к коммерческой тайне, в ст. 243 Трудового кодекса РФ содержатся нормы о полной материальной ответственности работников за разглашение сведений, составляющих охраняемую законом тайну (служебную, коммерческую или иную), в случаях, предусмотренных федеральными законами. Предприниматель (работодатель) в соответствии со ст. 81 Трудового кодекса РФ вправе уволить работника в случае разглашения охраняемой законом тайны (государственной, коммерческой, служебной и иной), ставшей ему известной в связи с исполнением трудовых обязанностей[1].

В заключение отметим, что правовой режим охраны информации, составляющей коммерческую тайну, играет важную роль в защите прав и интересов владельцев коммерческой информации. Этот режим предоставляет владельцу право требовать соблюдения конфиденциальности информации, а также устанавливает ответственность за ее нарушение. Применение мер защиты информации и соблюдение правил по обращению с коммерческой тайной являются неотъемлемой частью работы предприятий и организаций в России.

СТИМУЛИРУЮЩИЕ ВЫПЛАТЫ В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Воронина Е. А. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

[1] Жуманов Н.А. Установление режима коммерческой тайны: трудоправовой аспект // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 1. С. 31-32.

Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Черепанцева Ю. С.

Стимулирующие выплаты являются одним из важнейших и наиболее спорных элементов в структуре заработной платы. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) не дает четкой формулировки понятию «стимулирующая выплата», хотя в состав заработной платы, согласно статье 129 ТК РФ, оно включается. На практике стимулирующими считаются выплаты, направленные на мотивирование работника к качественному результату труда и основанные на деловых качествах работника и оценке эффективности его труда.

Как отмечает Р.А. Яковлев, «отсутствие легального определения данного понятия приводит к тому, что на практике представление о месте стимулирующих выплат в организации заработной платы у работников и работодателей зачастую не совпадают»[1]. И действительно работники нуждаются в высокой и стабильной оплате труда (т.е. тариф – оплата за норму труда больше, а стимулирующие выплаты меньше), работодатель считает, что ситуация должна быть обратной.

В качестве стимулирующих выплат в части 1 статьи 129 ТК РФ указаны доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты, сущностные признаки которых не раскрываются. Здесь работодатель не ограничен в выборе способа и порядка дополнительного материального стимулирования работника, определении размера доплат и надбавок. Данный перечень стимулирующего характера является открытым и устанавливается работодателем самостоятельно[2].

В силу части 2 статьи 135 ТК РФ системы доплат и надбавок стимулирующего характера и системы премирования как элемент системы оплаты

[1] Яковлев Р.А. Стимулирующие выплаты как форма вознаграждения за труд. Справочник кадровика. 2004. № 10. С. 23.

[2] Письмо Минтруда России от 28 сентября 2020 г № 14-1/ООГ-15412. URL: https://buhexpert8.ru/npa/pismo-mintruda-ot-28-09-2020-n-14-1-oog-15412.html (дата обращения: 17.03.2024).

труда устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. Это может быть любой документ из перечисленных, преимущественного среди них нет. Упомянутые локальные нормативные акты принимаются с учетом мнения представительного органа работников, что следует из ч. 4 ст. 135 ТК РФ, и не должны ухудшать положение работника по сравнению с действующим законодательством, что следует из положений ч. 4 ст. 8 ТК РФ.

Несмотря на закрепленный порядок установления стимулирующих выплат, отсутствие представления о правовой сущности каждой из них, искаженное толкование правоприменителями норм об оплате труда, включение к этой группе иных выплат, не являющихся таковыми, приводит к нарушению прав как работников, так и работодателей.

В трудовом законодательстве стимулирующая часть заработной платы определяется и как выплаты стимулирующего характера, и как стимулирующие выплаты, и как поощрительные выплаты, и как материальное поощрение работников и т.п., что не совсем правильно. Для решения этой проблемы в литературе предлагается закрепить в ТК РФ, в качестве универсального определения стимулирующей части заработной платы, понятие «выплаты стимулирующего характера, обусловленные системой оплаты труда» или «стимулирующая часть заработной платы»[1]. Данное предложение позволит обеспечить единство юридической терминологии в сфере оплаты труда и исключить возможность ложного толкования норм ТК РФ.

Системы оплаты труда и стимулирующих выплат устанавливаются актами работодателя, что дает ему достаточно широкую свободу усмотрения в их установлении и выплате. Отсюда возникает спорный вопрос, связанный с осуществление премирования работников, уволенных до установленной даты

[1] Абалдуев В.А. Стимулирующая часть оплаты труда: государственная правовая политика и локальное правотворчество // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2010. № 8. С.69.

их выплаты. Позиция о том, что работники, которые уже не состоят в трудовых отношениях с работодателем на дату окончания расчетного периода или на дату начисления премии, претендовать на такую выплату не могут, представлена в Письме Министерства труда и социальной защиты РФ от 14 марта 2018 г. № 14-1/ООГ-1874 и отражается в судебной практике[1]. Однако существует точка зрения о том, что прекращение трудового договора с работодателем не может лишать работника права на получение вознаграждения за труд (в том числе и премии) за отработанное время, так как подобного рода ограничения, будут относиться к дискриминационным[2].

Поскольку в современной действительности большую часть заработной платы составляют премиальные и иные выплаты, то их произвольное ограничение может привести к нарушению прав работника на получение достойного уровня оплаты его труда. Так как свобода работодателя ничем не ограничена, совершение работником даже малозначительного дисциплинарного проступка дает работодателю возможность лишить этого работника существенной части заработной платы, причем нередко - на весь (годичный) срок действия такого взыскания. Отсюда возникает вопрос насколько правомерно применять к работнику такое депримирование.

В случае невыполнения работником порученного ему задания, входящего в его должностные обязанности, работодатель вправе применить только тот вид дисциплинарного взыскания, который предусмотрен трудовым законодательством. В силу совокупности положений ч. 1 ст. 8, абз. 7 ч. 1 ст. 22, ч. 2 ст. 135 ТК РФ в локальном нормативном акте можно предусмотреть основания неначисления премии работнику. Одним из них может быть, например, привлечение работника к дисциплинарной ответственности в том временном периоде, по результатам работы за который осуществляется премирование[3].

---

[1] Определение Оренбургского областного суда от 28 ноября 2019 г. № 33-8766/2019. URL: https://www.law.ru/npd/doc/docid/83762908/modid/98 (дата обращения: 17.03.2024).

[2] Определения Седьмого КСОЮ от 21 января 2021 г. № 8Г-18372/2020. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/55309378 (дата обращения: 17.03.2024).

[3] Письмо Государственной инспекции труда в г. Москве от 26 февраля 2020 г. № 77/7-5692-20-ОБ. URL: https://base.garant.ru/74325448/ (дата обращения: 17.03.2024).

Данный вопрос был рассмотрен Конституционным Судом РФ, который указал на неправомерность полного лишения работника дополнительных выплат, входящих в состав его заработной платы, при совершении работником дисциплинарного нарушения на весь срок действия дисциплинарного взыскания. Факт применения к работнику дисциплинарного взыскания может учитываться при выплате лишь тех премиальных выплат, входящих в состав зарплаты, которые начисляются за период, когда к работнику было применено дисциплинарное взыскание. Снижение размера таких выплат не должно уменьшать размер месячной заработной платы работника больше чем на 20 процентов. Также применение взыскания не является препятствием для начисления работнику тех дополнительных выплат, право на которые обусловлено его непосредственным участием в осуществлении отдельных, финансируемых в особом порядке видов деятельности и достижением определенных результатов труда (экономических показателей)[1].

Таким образом, стимулирующие выплаты выполняют важную роль, поскольку они непосредственно влияют на формирование у работника мотивов к труду, повышают его производительность и позволяют получать от него высокие результаты труда. Указанные факторы, на наш взгляд, требуют закрепления определения стимулирующих выплат, разграничения понятий «стимулирующая надбавка», «стимулирующая доплата», «премия» и условий их применения. Это позволит применять данные нормы трудового законодательства на практике, не нарушая, как работника, так и работодателя.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ РОСПОТРЕБНАДЗОРА ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЯ

Вырлеев-Балаев Е.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Буянова Е.В.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2023 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Царегородской» // Российская газета. 2023. № 9083. 27 июня.

Достаточно интересным в контексте лиц, участвующих в деле, является вопрос обращения Роспотребнадзора в защиту прав потребителей. В отношении данной фигуры применимы общие положения гражданского процессуального законодательства, в соответствии с которыми Роспотребнадзор участвует в процессе посредством двух форм:

– предъявления иска в защиту интересов конкретных потребителей или неопределенного круга лиц;

– дачи заключения по делу[1].

Для реализации первой формы необходимо направить соответствующее обращение в Роспотребнадзор. Только в этом случае указанное лицо может обратиться с иском в защиту прав и законных интересов потребителя. Однако данная форма защиты прав потребителей на практике реализуется нечасто.

Зачастую Роспотребнадзор вступает в процесс для дачи заключения по делу. Однако необходимо отметить, что в судебной практике подобные заключения не являются обязательными при рассмотрении и разрешении дела о защите прав потребителя. Суды оценивают данные доказательства в совокупности со всеми представленными и самостоятельно применяют нормы действующего законодательства[2]. Заключение Роспотребнадзора в делах о защите прав потребителей является формой участия данного органа в споре и позволяет в точности сформировать потребителю его позицию, но только в том случае, если Роспотребнадзор посчитает её законной и соответствующей нормам действующего законодательства.

Представляется, что в Законе о защите прав потребителей необходимо установить специальные случаи, когда дача заключения Роспотребнадзором по соответствующей категории дел будет являться обязательной. Это позволит

[1] Линник А.Д. Деятельность Роспотребнадзора в сфере защиты прав потребителей // Молодой учёный. 2022. № 12 (407). С. 169.

[2] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.08.2023 г. № 88-19662/2023 по делу № 2-1237/2022 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.02.2024).

при обращении потребителя с исковым заявлением в суд помочь ему верно отразить свою позицию и применить нормы действующего законодательства в конкретной ситуации. Причем, данная инициатива является обоснованной в действующих правовых реалиях. Так, в настоящее время в связи с введенными санкциями участились случаи предъявления исков потребителей к продавцам, связанные с недопоставкой товара или изменениями продавцами условий заключенного договора (увеличения цены продукции). Как правило, в подобных случаях суды встают на сторону продавца, оценивая санкции в качестве обстоятельства, влекущего невозможность исполнения обязательства. В частности, Третий кассационный суд общей юрисдикции при рассмотрении подобного дела отметил следующее: «…Учитывая изложенное, суд апелляционной инстанции пришел к обоснованному выводу, что запрет на ввоз товаров в Российскую Федерацию является обстоятельством, которое влечет невозможность исполнить обязательство. Данный вывод также соответствует нормам пункта 1 статьи 417 Гражданского кодекса Российской Федерации (в связи с изданием акта органа государственной власти). Судом апелляционной инстанции установлено, что невозможность поставки товара покупателю была связана с задержкой поставки телефонов корейским производителем в Россию, в том числе для ответчика была обусловлена не обычными для гражданского оборота обстоятельствами, а обострением международных отношений и введением санкционной политики, ограничивающей торговые операции, что не охватывается понятием предпринимательского риска…»[1]. Однако, необходимо отметить, что предприниматели не должны использовать санкции в корыстных целях. То есть даже в случае введения санкций необходимо выяснить не был ли товар поставлен ранее в Российскую Федерацию, и продавец продал его по более высокой цене другому клиенту, добросовестно ли исполнял продавец свою обязанность по ввозу товара (не затягивал ли сроки). Потребитель как

[1] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.07.2023г. № 88-12435/2023 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.02.2024).

непрофессиональный участник не может акцентировать внимание на указанных обстоятельствах. Для защиты его прав ему необходима помощь со стороны государства в лице Роспотребнадзора. Именно данный орган способен оценить фактические обстоятельства с точки зрения норм действующего гражданского законодательства и законодательства о защите прав потребителей, и дать заключение по делу.

В связи с этим Роспотребнадзор должен привлекаться к участию в делах о защите прав потребителей для дачи заключения в случаях:

– осложнения дела трансграничными поставками;

– при ссылке продавца на обстоятельства, влекущие невозможность исполнения обязательства.

В подобных случаях Роспотребнадзор сможет помочь потребителю проанализировать позицию продавца на соответствие действительности и нормам действующего законодательства. При этом заключение Роспотребнадзора по делу необязательно должно указывать на правоту потребителя. Данный государственный орган должен стремиться дать объективное заключение по делу.

Для защиты прав потребителю необходима помощь со стороны государства в лице Роспотребнадзора. Именно данный орган способен оценить фактические обстоятельства с точки зрения норм действующего гражданского законодательства и законодательства о защите прав потребителей и дать заключение по делу. Именно форма процессуального участия в виде дачи заключения по делу является эффективным средством защиты прав потребителей в процессе.

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЕ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гаврилова К.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Жукова С.М.

Эффективность и успешность деятельности и выполнения возложенных на военнослужащих обязанностей зависит от степени правовой защищенности личности и интересов военнослужащего. В общей системе защиты прав и граждан Российской Федерации защита прав военнослужащих занимает особое место. Специфика судебной защиты прав и интересов военнослужащих обусловлена двойственностью их правового статуса: распространение на них норм общего законодательства, с одной стороны, и специального – с другой.

Право каждого находит закрепление в ч. 1, 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации. Это право является естественным и неотчуждаемым, при этом выступает в качестве основы всех других прав и свобод человека и гражданина. Специфические условия осуществления военной службы (связь с опасностью для жизни и здоровья) предопределяет необходимость установления особых государственных гарантий защиты их прав и свобод.

Право военнослужащего на судебную защиту реализуется по двум направлениям: во-первых, собственно право на восстановление нарушенного права (материальный аспект) и право на обращение в орган судебной власти (процессуальный аспект). Кроме того, это право может быть реализовано военнослужащим при наличии совокупности организационных условий, в том числе, связанных с беспрепятственным доступом каждого к правосудию.

Конституционная норма о праве граждан на обращение в суд конкретизируется в ст. 21 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»[1], ст. 109 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации[2], в соответствии с которыми военнослужащие имеют право на защиту своих прав и законных интересов путем обращения в суд в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

[1] Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (ред. от 26.02.2024) // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

[2] Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 47 (часть I). Ст. 5749.

Следует отметить, что на протяжении длительного периода времени право военнослужащего на обращение в суд за защитой прав и законных интересов носило декларативный характер и не получало практической реализации. Лишь с принятием Закона РФ от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»[1], данное право получило свое законодательное оформление. В науке такое законодательное оформление не получило однозначной оценки. Так, например, И.Б. Цимбаренко подчеркивал необходимость последующего совершенствования созданного механизма с учетом норм международного права и международно-правовых обязательств Российской Федерации[2]. В.А. Синюков указывал, что «военное правосудие является пережитком прошлого», «военные суды исторически выступали органом судебной репрессии против политических противников»[3]. Напротив, Н.А. Петухов подчеркивал традиционность военного правосудия. Наличие в судебной системе Российской Федерации военных судов не вступает в противоречие с принципами российского законодательства и нормами международного права[4].

Полагаем, что существование в рамках отечественной системы специальных судов, защищающих права отдельных категорий граждан – военнослужащих – не противоречит ни принципам международного права, ни принципам отечественного законодательства. Данный вывод основан на том, что, во-первых, судопроизводство в военных судах осуществляется в соответствии с общими правилами, установленными в положениях ГПК РФ, КАС РФ, УПК

[1] Закон РФ от 27.04.1993 № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 19. Ст. 685.

[2] Цымбаренко И.Б. Рассмотрение судом жалоб военнослужащих на неправомерные действия и решения воинских должностных лиц и органов военного управления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 17.

[3] Синюков В.А. Гражданское судопроизводство в военных судах России: на примере рассмотрения жалоб военнослужащих на неправомерные действия военного командования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 10.

[4] Петухов Н.А. История военных судов России. М., 2003. С. 37.

РФ, КоАП РФ. Во-вторых, судья военного суда не обладает статусом военнослужащего. В-третьих, основная цель деятельности военных судов на современном этапе состоит, в первую очередь, в защите прав военнослужащих. Иными словами, в отличие от предыдущего исторического опыта, направленность деятельности военных судов исключает репрессивный характер.

Право военнослужащего на защиту своих прав и законных интересов путем обращения в суд следует признать основным механизмом обеспечения принудительной реализации прав и свобод данной категории граждан[1]. Органы судебной власти, обладая универсальным характером, осуществляют, в том числе, функции контроля. Судебный контроль позволяет не только защитить права и законные интересы военнослужащих, но и способствует укреплению законности деятельности федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, командиров воинских частей, должностных лиц органов воинского управления. Содержание судебного контроля составляют проверка законности: 1) изданных указанными субъектами нормативных и ненормативных (индивидуальных) правовых актов; 2) совершаемых ими в ходе осуществления административной деятельности властных действий (бездействия). Основанием активизации контрольной функции суда служит заявление военнослужащего, чьи права и законные интересы такими актами и действиями (бездействием) были нарушены[2]. В соответствии с этим можно заключить, что деятельность суда как субъекта, заинтересованного одновременно и в реализации субъективных интересов военнослужащего, так и в обеспечении законности деятельности органов военной службы, служит наиболее эффективным средством и способом защиты.

[1] Федотова Ю.Г. Проблемы и направления совершенствования судебной защиты прав и законных интересов военнослужащих и иных граждан в сфере обороны и безопасности Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 1. С. 36.

[2] Райконен Д.М. Судебная защита прав военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2008. № 12.

Резюмируя изложенное, следует заключить, что право военнослужащего на защиту своих прав и законных интересов путем обращения в суд обеспечивает реализацию его конституционного права как гражданина Российской Федерации, лично обращаться в государственные органы. Это право объективно способствует обеспечению законности в сфере военно-служебных отношений. Основу реализации права военнослужащего на обращение в суд составляют возникшие спорные правоотношения, обусловленные действиями (решениями) органов военного управления и воинских должностных лиц в военно-служебной сфере, затрагивающими права, свободы и интересы военнослужащего.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ.

Гайсин Р.Р. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Васякина Е.В.

Оптимизация административных регламентов заключается в упорядочении административных процедур, сокращении сроков предоставления услуги, устранении избыточных требований и сокращении количества документов, представляемых гражданами для получения услуг. Оптимизация также должна включать в себя и оптимизацию самого нормативного материала, т.е. текста документа.

Здесь появляется значимая проблема, относящейся к вопросу предоставления как государственных, так и муниципальных услуг, а именно отсутствие отлаженного механизма работы органов исполнительной власти с органами местного самоуправления в части утверждения административных регламентов предоставления данного вида услуг. Количество муниципальных услуг, которое население имеет возможность получить в зависимости от субъекта Российской Федерации, определяется от 50 до 100. По каждой запрашиваемой услуге ответственное подразделение обязано утвердить административный

регламент, который должен соответствовать методическим рекомендациям. Методические рекомендации в зависимости от изменений в законодательстве подвергаются постоянной корректировке. Органам местного самоуправления вследствие редактирования наименования одной графы или параграфа необходимо проводить изменения муниципальных услуг порой в многостраничном регламенте. Это приводят к простоям по оказанию услуг в муниципальных образованиях.

Серьезным шагом вперед в процессе сокращения рутинных операций в рамках внесения изменений административным регламентам может стать искусственный интеллект[1].

В 2022-2023 гг. в мире произошел новый скачок в развитии технологий искусственного интеллекта благодаря совершенствованию больших генеративных моделей в области языка, изображений (включая видеоизображения) и звука. Это открывают новые возможности для переосмысления того, как государственный сектор могут лучше удовлетворять потребности устойчивого развития. Такие страны, как Китай, США и страны Евросоюза активно разрабатывают и реализуют национальные стратегии развития искусственного интеллекта, а также внедряют данную технологию в государственное управление, в том числе в сферу предоставления услуг и взаимодействия с гражданами.

Россия, как и многие другие страны, находится на начальном этапе внедрения технологий искусственного интеллекта. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» одним из приоритетных направлений развития и использования технологий искусственного интеллекта является повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг, а также снижение затрат на их предоставление[2].

---

[1] Обушева К.А. Цифровая трансформация государственного управления // Молодой ученый. 2022. № 20 (415). С. 490.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией

Так, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации планирует в 2024 году начать внедрение на Едином портале государственных и муниципальных услуг технологии генеративного искусственного интеллекта для консультации граждан[1]. В качестве другого примера, можно привести Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии, который применяет искусственный интеллект для оптимизации своих процессов. В частности, технологии искусственный интеллект предложено использовать в сервисе по распознаванию документов. Этот инструмент нужен для сокращения трудозатрат на создание электронного архива, проверки документов и нахождении в них ошибок[2].

Решение проблемы с административными регламентами видится в платформе «ГосТех». «ГосТех» – это облачное платформенное решение для федеральных, региональных органов власти и бизнеса с единой средой разработки, сервисными системами, маркетплейсом с возможностью переиспользования компонентов.

Указом Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» (далее – Указ № 124), предусмотрено обеспечение внедрения и использования доверенных технологий искусственного интеллекта для выполнения органами публичной власти текущих задач[3].

развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[1] Минцифры планирует внедрить GPT-технологии для консультации граждан на «Госуслугах». [Электронный ресурс]. URL: https://rb.ru/news/gpt-gosuslugi/ (дата обращения 25.02.2024).

[2] Малкин В.Ю. Тренды обеспечения гибкости на рынке единых государственных услуг // Modern Economy Success. 2023. № 3. С. 102.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // СЗ РФ. 2024. № 8. Ст. 1102.

Таким образом, необходимо создать на базе цифровой платформы «ГосТех» в рамках домена «Госуправление» федеральную государственную информационную систему, которая будет в автоматическом режиме уведомлять об изменениях в административных регламентах, а также вносить эти изменения в текст административных регламентов.

Однако, стоить отметить, что использование искусственного интеллекта порождает новые риски. Проявляющаяся опасность при предоставлении государственных и муниципальных услуг заключается в ошибочном принятии решения цифровым сервисом. Например, ошибка системы искусственного интеллекта при отказе назначения пособия по безработице. Безусловно, платформа предоставляет возможность обжалования этих решений, но оно ведет к тому, что при слишком длительных процедурах возможны негативные последствия для человека, например, его маргинализация при непредоставлении социальных выплат как безработному[1].

Возникает вопрос, кто будет нести ответственность в случае ошибочного принятия решений системой искусственного интеллекта.

Определяются несколько подходов:

1. В качестве субъектов юридической ответственности должны рассматриваться исключительно физические и юридические лица, которые обеспечивают функционирование искусственного интеллекта, а также используют его. К таким лицам относятся его создатели (разработчики, производители), а также владельцы (пользователи). Их юридическая ответственность будет зависеть от характера и размера причинённого вреда (гражданская, уголовная, административная и др.)[2].

[1] Зотов В.В. Опасности и риски принятия решений системами искусственного интеллекта при оказании государственных услуг // Общество в поисках баланса: Материалы XII международной социологической Грушинской конференции, Москва, 23–27 мая 2022 года / отв. ред. А.В. Кулешова; Фонд «Всероссийский центр изучения общественного мнения». М.: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2022. С. 79.

[2] Балалаева Ю.С. Проблема определения субъектов юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом: анализ путей решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3(99). С. 12.

2. Субъектом юридической ответственности следует признать сам искусственный интеллект.

Согласно Указу № 124, ответственность за все последствия работы систем искусственного интеллекта всегда несет физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПОНЯТИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИМ ПРАВОМ

Галахова А.О. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Толочкова Н. Г.

Осуществление гражданских прав и обязанностей не всегда следует рассматривать, как правомерное поведение лица. Любая правовая норма может быть интерпретирована субъектом не в том значении, которое было заложено при ее создании. В настоящее время все чаще можно встретить в решении арбитражных судов и судов общей юрисдикции выводы о злоупотреблении правом одним из лиц, участвующем в деле. Однако, ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике нет единого понимания понятия «злоупотребления правом» и его признаков, что препятствует формированию единообразной правоприменительной практики и актуализирует научную проблему.

Среди позиций в области публичных и частных отраслей права можно выделить две позиции по вопросу о том, является злоупотребление правом действием лица, разрешенным в рамках осуществления субъективных гражданских прав, либо же злоупотребление правом выступает гражданским правонарушением. Вторая имеет множество различных конструкций злоупотребления, сформулированных разные учены в различные исторические периоды

становления российского государства и формирования гражданского права в нем[1].

В соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Данное конституционное требование реализовано в ряде норм гражданского законодательства, направленных против злоупотребления правом участниками гражданского оборота[2].

Одной из таких норм служит п. 1 ст. 10 ГК РФ, в котором содержится запрет на осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, то есть злоупотребление правом.

В.П. Грибанов внес значительный вклад в развитие темы о злоупотреблении гражданским правом в монографии «Пределы осуществления и защиты гражданских прав». Автор считает, что наличие у гражданина субъективного гражданского права и его осуществление в противоречии с социальным назначением являются главными для квалификации любого злоупотребления, но в случае злоупотребления правами требуется третье условие: наличие в составе правомочия, однако дело не в наличии или отсутствии «специального правомочия на совершение действий», а в установлении законодателем определенных пределов юридической возможности лица распоряжаться правом. Работа

[1] Гурылева К.И. Злоупотребление правом субъектами отношений несостоятельности (банкротства): дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2023. С. 317.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2001 № 292-О "Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства граждан Бухтиярова Александра Ивановича, Бухтиярова Ивана Дмитриевича и Бухтияровой Стеллы Ивановны о разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2001 года об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бухтиярова Александра Ивановича, Бухтиярова Ивана Дмитриевича и Бухтияровой Стеллы Ивановны на нарушение их конституционных прав статьей 333 Гражданского кодекса Российской Федерации" // pravo.gov.ru (дата обращения: 02.08.2021).

ученого показывает, что принцип добросовестного осуществления прав должен быть закреплен в законе[1].

Под злоупотреблением правом подразумевается неправомерное поведение субъекта, состоящее в недобросовестном использовании субъектами гражданских прав путями, противоречащими действительному их назначению, и, как следствие, нанесение вреда обществу, государству, индивидууму.

По мнению А.А. Кислого, предложенное законодателем определение категории «злоупотребление», предложенное законодателем в ст. 10 ГК РФ, крайне неудачно, так как порождает собой возникновение проблем несовершенства правовой структуры нормы законодательства о злоупотреблении правом, что допускает безнаказанность фактов реального злоупотребления правами в последствии осуществления субъективным гражданским правом[2].

Выделяется пять подходов к пониманию злоупотребления гражданским правом:

1. В соответствии с официальной доктриной, злоупотребление субъективным гражданским правом представляет собой правонарушение, заключающееся во вредоносном осуществлении лицами субъективных гражданских прав.

Например, О.А. Портикова считает злоупотребление правом особым гражданским правонарушением[3].

2. Злоупотребление правами является законным деянием. Подход поддерживается А.Е. Наумовым. Подход обоснован тем, что лицо при совершении конкретного деяния не выходит за рамки применения субъективного гражданского права, но что касается правонарушения, возникшего в результате установления запретов на злоупотребления правами, то его некорректно

[1] Грибанов В.П. Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1970. С. 11.

[2] Кислый А.А. Проблемы злоупотребления правом в гражданских правоотношениях // Молодой ученый. 2020. № 7 (297). С. 97.

[3] Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: монография. М.: Издательство Юрайт. 2018. С. 23.

рассматривать в качестве злоупотребления, поскольку лицо действовало не на основании субъективного гражданского права.[1]

3. Злоупотребление субъективным гражданским правом представляет собой самостоятельный тип правового поведения. Реализуя субъективное гражданское право, лицо может нарушить определенную границу дозволенного поведения (предел осуществления такого права), не нарушив другой (границы субъективного права), – данное явление будет признаваться злоупотреблением правом.

4. Злоупотребление правом может являться как правомерным, так и неправомерным деянием. А.А. Малиновский определяет злоупотребление субъективным гражданским правом, как способ осуществления субъективным правом в противоречии с его назначением, посредством которого причиняется вред личности, обществу, государству. По мнению автора, возможность реализации субъективного права «во зло» ограничено запрещающей нормой права, не содержащей санкций, что не позволяет привлечь управомоченное лицо к юридической ответственности. С целью предупреждения, а также пресечения злоупотребления гражданами субъективными гражданскими правами, законодательство имеет ряд юридических последствий: меры юридической ответственности и меры защиты[2].

5. В правовой природе не существует явления «злоупотребление правом», поскольку незаконное осуществление права теоретически невозможно – в случае совершения правонарушения лицо уже действует вне рамок закона. Подход заключается в том, что закон, как регулятор общественных отношений, устанавливающий единый объем свободы для всех, не позволяет субъектам гражданского права использовать право «во зло». Авторы считают, что

[1] Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: Автореф. дис. … к.ю.н. М., 2011. С. 7.

[2] Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: Автореф. дис. … д.ю.н. М., 2009. С. 20.

термин «злоупотребление правом» противоречив из-за того, что содержит взаимоисключающие единицы: в рамках закона не может быть злоупотреблений, злоупотребление правом противоречит юридической природе.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БЮДЖЕТНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Галахова М.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Колодина М.В.

Понятие межбюджетных отношений в первоначальной редакции было определено в статье 129 Бюджетном кодексе Российской Федерации (далее – БК РФ). В частности регламентировалось, что: «Межбюджетные отношения – отношения между органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления».

В 2004 году ст. 6 БК РФ закреплено определение межбюджетных отношений, под которыми понимаются взаимоотношения между публично-правовыми образованиями по вопросам регулирования бюджетных правоотношений, организации и осуществления бюджетного процесса.

Е.Ю. Грачева отмечает существенные недостатки данного определения как с точки зрения общей теории права, так и юридической техники. «Во-первых, понятие какого-либо явления не дается через использование того же понятия, поэтому нельзя определять отношения через отношения; во-вторых, отношения не регулируют ни отношения, ни правоотношения, так как правоотношения – это уже урегулированные нормами права общественные отноше-

ния; в-третьих, исходя из приведенного определения, следует, что к бюджетным правоотношениям не относятся отношения по организации и осуществлению бюджетного процесса, что не верно[1].

Разделяя мнение Е.Ю. Грачевой полагаем, что, несмотря на сделанную попытку улучшить формулировку данного понятия, оно до настоящего времени не отражает суть процессов межбюджетных отношений. В частности, на сегодняшний день недостаточно точно изложен состав субъектов межбюджетных отношений, цель, а также основания возникновения межбюджетных отношений необоснованно расширены, охватывающие почти все группы бюджетных отношений.

В науке в области бюджетного права предлагаются альтернативные подходы к данному определению.

Н.А. Шевелева рассматривает межбюджетные отношения как «отношения, возникающие между публичными образованиями по поводу предоставления или получения средств бюджета одного уровня бюджетом другого уровня на условиях, установленных предоставляющим образованием». Автор выделяет ряд особенностей межбюджетных отношений: характерен особый субъектный состав – только публичные образования через свои органы власти могут вступать в межбюджетные отношения. По мнению Н.А. Шевелевой, в межбюджетных отношениях характерно то, что в качестве сторон действует совокупность органов (представительной и исполнительной власти)[2].

Ю.А. Крохина предлагает рассматривать под межбюджетными отношениями совокупность, урегулированных специализированным законодательством, отношений между органами государственной (федеральной и властью

[1] Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л.Л. Арзуманова, Н.М. Артемов, Е.М. Ашмарина и др.; под ред. Е.Ю. Грачевой. М.: Проспект, 2009.С.4.

[2] Бюджетная система России: опыт и перспективы правового регулирования в период социально-экономических реформ / Шевелева Н.А. С.-Пб.: Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.С. 190.

субъектов РФ), так и муниципальной властью по множеству вопросов: реализации бюджетного федерализма, бюджетного устройства, первичного и вторичного распределения доходов.[1]

Данное определение заслуживает внимания, но, по-нашему мнению, имеет ряд недостатков, так, во-первых, в нем указано специализированное законодательство в качестве норм, регулирующих данные отношения, хотя логичнее отразить, что данные нормы регулирует бюджетное законодательство. Во-вторых, в связи с тем, что это универсальное теоретическое определение в нем присутствует логическая ошибка попытка приравнять характеристику целого к части. Межбюджетные отношения существуют не только в федеративных государствах, но в унитарных, поэтому включение в определение бюджетного федерализма считаем неверным. Примером унитарного государства, в котором используются межбюджетные трансферты, является Франция, причем формы использования носят как целевой, так и нецелой характер.

В-третьих, не отражена цель межбюджетных отношений, что препятствует определению их правовой природы.

О.Н. Горбунова в своих исследованиях определяет данный институт, как упорядоченную систему отношений, которые возникают между местной, региональной, федеральной властью с целью закрепления правомочий в области бюджета, соблюдения обязанностей и прав, а также ответственности властных органов в бюджетном процессе по вопросу исполнения, утверждения и составления бюджета.[2]

Отличительной чертой данного определения является внесение нового элемента, а именно, «ответственность властных органов на различных уровнях». Добавление этого элемента имеет, безусловно, важное значение для развития правового осмысления межбюджетных отношений, поскольку он гарантирует соблюдение и защита законных прав и интересов.

---

[1] Бюджетное право России: учебник для вузов / Ю. А. Крохина. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. С. 207.

[2] Горбунова, О.Н. Бюджетное право России: учебное пособие / О.Н. Горбунова, А.Д. Селюков, Ю.В. Другова. М.: КноРус: ТК Велби, 2002. С. 75.

В связи вышеизложенным, предлагаем изложить понятие межбюджетных отношений статьи 6 БК РФ в следующий редакции «Межбюджетные отношения – деятельность по взаимодействию уполномоченных органов публично-правовых образований по вопросам, связанным с формированием, распределением, перераспределением, а также регулированием бюджетных полномочий и источников их финансирования для максимального обеспечения лиц, проживающих на определенных территориях соответствующими бюджетными ресурсами».

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СДЕЛОК С ДОЛЯМИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Гвоздева А.О. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент Ефимцева Т. В.

В настоящее время в Российской Федерации насчитывается 3 939 662 ООО, что составляет примерно 95,77 % от общего числа всех коммерческих организаций в Российской Федерации, запись о которых внесена в ЕГРЮЛ по состоянию на 1 июня 2016 г. (4 113 826), при этом в ПФО насчитывается 621 958 ООО, запись о которых внесена в ЕГРЮЛ, что составляет примерно 96,55 % от общего числа всех коммерческих организаций в ПФО, запись о которых внесена в ЕГРЮЛ по состоянию на 1 июня 2016 г. (644 153).

Отчуждение доли по договору купли-продажи доли в уставном капитале ООО является более эффективным способом продажи бизнеса по сравнению с продажей предприятия как имущественного комплекса в силу того, что:

- отчуждение доли в уставном капитале ООО не требует от покупателя доли переоформления или повторного получения лицензий, выданных ООО на занятие определёнными видами деятельности, чего не удастся избежать при продаже предприятия;

- срок продажи бизнеса посредством отчуждения доли в уставном капитале ООО может быть значительно короче, чем срок продажи предприятия;

- реализация долей в уставном капитале ООО, в отличие от реализации предприятия как имущественного комплекса, не облагается налогом на добавленную стоимость.

В действующем российском законодательстве, регулирующем деятельность ООО, отсутствуют такие понятия, как «доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью», «переход доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью», «сделки с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью» и др. Судебная практика и юридическая наука также не содержат единого подхода к определению правовой природы доли в уставном капитале ООО.

Касательно правовой природы доли и отнесения доли ООО к определенным объектам гражданских прав существует много мнений, наибольшее число ученых относят долю ООО к имуществу в связи со спецификой ее приобретения и отчуждения.

Вещь и объект вещных прав – синонимичные понятия. Кроме того, теория вещных прав основывается на выделении индивидуально-определенной вещи.

Если рассматривать долю в уставном капитале ООО как вещь, то главный признак отнесения доли к вещам, так это то, что вещь имеет определенную экономическую ценность. Причем данная вещь может входить в гражданский оборот. Можно в некоторой мере утверждать, что доля – это индивидуально-определенная вещь в силу того, что обладает определёнными признаками:

- имеет размер в виде процентов или дроби;

- имеет фирменное наименование, связанное с обществом;

- имеет особенности, если они предусмотрены уставом.

Вопрос отнесения доли ООО к объектам корпоративных прав также является спорным. Некоторые ученые, в частности Кукушкин С.Н.[1], придерживаются позиции, что объектами корпоративных прав следует считать права участия, права управления и связанные с ними обязательственные права. Другие же авторы, например, В.Ф. Попондопуло[2], утверждают, что корпоративными правами следует считать доли, акции и иное, то есть, то, по поводу чего возникают корпоративные правоотношения. Считается, что второй вариант является наиболее обоснованным, потому как права управления, участия и обязательственные права – это средства реализации и обеспечения корпоративных прав (чтобы участник общества имел возможность более эффективно ими распоряжаться).

Хозяйственные общества являются преобладающей организационно-правовой формой для ведения коммерческой деятельности (это подтверждается, прежде всего, количеством ООО). Для того, чтобы говорить о доли ООО, необходимо объяснить то, от чего она производна, то есть от уставного капитала. В научной литературе существует большое количество разъяснений данного понятия. Наиболее часто встречается позиция, что уставный капитал – это фундаментальная часть ведения любой коммерческой деятельности, для которой законодательством предусмотрена обязанность внесения уставного капитала. Иными словами, можно сделать вывод, что уставный капитал формируется из долей участников.

Если исходить из постулатов этимологии, то «доля» – это часть чего-либо. Следуя законам логики, очевидно, что доля – часть уставного капитала. Уставный капитал же формирует минимальный размер для деятельности хозяйственного общества, а также является гарантией для кредиторов. Таким образом, доля, как и уставный капитал, является имуществом.

---

[1] Кукушкин С.Н. Проблема квалификации объекта корпоративного правоотношения // Юрист. 2014. № 21. С. 13.

[2] Попондопуло В.Ф. Корпоративное право: понятие и природа // Юрист. 2014. № 20. С. 11.

Встречаются мнения и касательно обязательственно-правовой природы доли ООО. В частности, исследователь В. Залесский, утверждает, что доля ООО указывает на размер и характер обязательственного требования участника к самому обществу[1]. Многие ученые, в частности А.В. Ремизова, в своих исследованиях, также указывают на комплексный характер правовой доли ООО, то есть, как совокупность имущественных прав и неимущественных[2]. В частности, к неимущественным следует относить право на информацию, на управление делами общества и т.д.

Если рассматривать права, которые участник общества получает с момента приобретения доли в уставном капитале ООО, то все они отражены в действующем гражданском законодательстве. По мнению С.А. Зинченко[3] можно сделать вывод, что доля является самостоятельным объектом гражданских прав в силу того, что это комплекс имущественных и неимущественных прав, которые носят обязательственный характер.

Права, которые предусмотрены вследствие владения долей, являются корпоративными. На это указывает ряд статей ГК РФ. В частности, можно обратиться к п. 2 ст. 65 ГК РФ, который прямо указывает на то, что, что при участии в хозяйственных обществах и товариществах, участники приобретают определенные корпоративные обязанности и права по отношению, прежде всего, к самому созданному юридическому лицу. О корпоративных правах разъясняется и в п. 8 ст. 63 ГК РФ.

В современных реалиях, когда гражданское право активно развивается и изменяется, уже нельзя утверждать, что доля ООО – имущественные права, имеющие обязательственный характер, как было всегда принято в судебной практике ранее.

---

[1] Залесский В. Общество с ограниченной ответственностью в системе хозяйственных товариществ и обществ // Право и экономика. 1998. № 3. С. 14.

[2] Ремизова А.В. Переход доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в порядке наследственного правопреемства: автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 2013. С. 6.

[3] Зинченко С.А. Акции (доли) хозяйственных обществ и корпоративный договор: правовая природа, взаимодействие // Гражданское право. 2015. № 1. С. 25.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что доля ООО – это особый комплекс имущественных и неимущественных прав владельца данной доли и самостоятельный объект гражданских и корпоративных правоотношений.

ЛИЧНАЯ И СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА: ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Герасимова Т.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Жукова С.М.

Частью 1 статьи 23 Конституции Российской Федерации установлено, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

Развивая нормы Конституции Российской Федерации во многих нормативных правовых актах, регулирующих различные сферы общественных отношений, следует отметить, что понятия личная и семейная тайна стали активно использоваться. Гражданский кодекс Российской Федерации личную и семейную тайну относит к категории нематериальных благ, принадлежащих гражданину (ст. 150).

Вместе с тем, легальная дефиниция личной и семейной тайны в российской законодательстве отсутствует, как и нормативно-правовое закрепление конкретных критериев, которые позволяли бы ту или иную информацию отнести к рассматриваемым видам тайн. В правовой доктрине представлены различные точки зрения относительно дефиниций личной и семейной тайны.

Большинство авторов, при определении содержаний личной и семейной тайн указывают лишь на конкретные примеры проявления личной и семейной тайн, не выделяя при этом их существенных признаков или свойств, позволяющих их разграничивать. С. Г. Ощуков к личной тайне относит следующую информацию: «личную тайну составляют сведения о состоянии здоровья, чаще всего в тех случаях, когда человек страдает такими болезнями, которые считаются постыдными с позиции общественной морали; любовные связи;

дурные привычки, пристрастия, врожденные, наследственные и приобретенные пороки; скрытые физические недостатки; порочное социальное прошлое (например, погашенная судимость); порочащие человека дружеские связи»[1].

По мнению, И.В. Балашкиной «личная тайна – это неизвестная третьим лицам, скрываемая и охраняемая человеком информация о себе (своих интересах, мыслях, чувствах, убеждениях, привычках и т.д.), а также об отношениях с другими людьми (дружеские связи, интимные отношения и т.п.), правомерный доступ к которой закрыт»[2].

Семейная тайна складывается в пределах семейного союза и касается интересов лиц, состоящих в семейных отношениях и связанных взаимными правами и обязанностями. Члены семьи обладают единой заинтересованностью в сохранении конфиденциальности по отношению к той или иной информации. В связи с этим, следует определить тот факт, что семейная тайна носит «коллективный характер», о чем в одном из своих решений указал и Конституционный суд Российской Федерации[3].

В юридической литературе существует ряд авторов, которые также делают акцент на данной особенности при определении семейной тайны. Так, по мнению В.А. Новикова, «семейная тайна – это групповая тайна, носителями которой являются члены одной семьи, представляющая информацию о взаимоотношениях между ними»[4]. В качестве носителей семейной тайны В.А. Новиков предлагает рассматривать «не только супругов, родителей и детей, но и других лиц, совместно проживающих и ведущих совместное хозяйство

---

[1] Ощуков С.Г. Права на личные и профессиональные тайны как составные элементы института неприкосновенности частной жизни // Вестник сибирского университета потребительской кооперации. 2012. № 2. С. 129.

[2] Балашкина И.В. Тайна как разновидность информации: философско-правовые основания / И.В. Балашкина // Информационное право. 2010. № 1. С. 3-6.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 26. Ст. 3944.

[4] Новиков В.А. Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны // Юридический мир. М., 2014. № 7 (211). С. 19.

(например, иждивенцев, не имеющих кровного родства с другими членами семьи)»[1].

А.А. Елисеева семейную тайну определяет как «информацию, которая может состоять из следующих сведений: тайна частной жизни супругов, в том числе личные неимущественные отношения между ними, сведения о фактах биографии членов семьи, о родах их занятий, о взглядах, убеждениях, об отношениях в семье, тайна усыновления и т.д.»[2].

Конституционный Суд Российской Федерации, в Определении от 28 июня 2012 г. № 1253-О, сформулировал следующую правовую позицию: «… лишь само лицо (а, стало быть, семейная общность) вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной (личной, семейной) жизни, должны оставаться в тайне, а потому и сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует Конституция Российской Федерации»[3].

Отсутствие четкой аргументированной позиции разделяющей понятия личной и семейной тайн приводит к произвольному ограничению прав конкретных лиц на доступ к информации, а также создает угрозу привлечения к уголовной ответственности за незаконный сбор и распространение определенных сведений без достаточных к тому оснований и формирует невозможность в полном объеме использовать конкретные механизмы защиты информации, составляющей личную и семейную тайну.

В настоящее время признано, что «личную и семейную тайны» следует понимать не как самостоятельные виды тайн, а как собирательные понятия.

---

[1] Там же. С. 20.

[2] Елисеева А.А. Правовое регулирование личных неимущественных отношений в семейном праве Российской Федерации: диссертация ... канд. Юрид. наук: 12.00.03 / Елисеева Анна Александровна; [Место защиты: Рос. гос. социал. ун-т] С. 78.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Такой подход объясняется тем, что личная и семейная тайна, по сути, объединяют в себе уже существующие и закрепленные в отдельных федеральных законах виды тайн, затрагивающие различные личные и семейные правоотношения. Например, к личной тайне можно было бы отнести такие виды тайн, как врачебная тайна, тайна завещания; примером же семейной тайны является тайна усыновления.

В таком случае, решая вопрос об ограничении доступа к документам под предлогом защиты личной и семейной тайны должностное лицо, а также прокурор, следователь или суд, обязаны обосновать свой вывод о наличии в тех или иных сведениях личной или семейной тайны ссылкой на статью федерального закона, в которой определен конкретный вид личной и семейной тайны, а ни субъективным мнением каких-либо лиц. Как следствие, в таком случае ограничение конституционного права на доступ к информации не будет считаться произвольным.

Сторонником данной позиции является Л.О. Красавчикова, которая личную и семейную тайну определяет, как составную часть частной жизни лица, понятие которой складывается из наиболее важных прав, закрепленных в Конституции Российской Федерации. «Объектом права на частную жизнь является комплекс нематериальных благ: здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность и неприкосновенность жилища, свобода передвижения, выбора места пребывания и жительства, честь и доброе имя, деловая репутация, изображение (внешний облик), личные и семейные тайны и пр.»[1].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны является неотъемлемым правом человека и гражданина, относится к нематериальным благам и гарантируется государством.

[1] Красавчикова Л.О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М., 1983. С. 15-16.

2. Отсутствие четкой аргументированной позиции относительно понятий «личной и семейной тайн» приводит к неоднозначному толкованию правоприменителем, что в итоге может привести к нарушению таких принципов, как справедливость, равенство и соразмерность.

3. Выделение конкретных сфер и аспектов права частной жизни лица, для отнесения к личной и семейной тайне не представляется возможным, поскольку данный перечень не имеет исчерпывающих характеристик. «Личная и семейная тайна» – собирательные понятия.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Гисс И.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Захарова А.Э.

В последнее время в судах существенно увеличилось количество исков, направленных на защиту интересов заемщика в сфере банковского кредитования. Как правило, проблемы в кредитных правоотношениях в первую очередь возникают в результате несистематизированного и несовершенного законодательства и требуют грамотного подхода к их решению и правовому регулированию. Данные противоречия требуют дополнительного анализа, а также теоретической проработки предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Кредитование, как правило, связано с сопровождением бизнеса, требующего колоссальных затрат на производство. Одним из таких направлений бизнеса является жилищное строительство. В настоящее время действуют следующие меры государственной финансовой поддержки льготного банковского кредитования в жилищном строительстве:

1. Государственная программа поддержки жилищного строительства;

2. Льготное кредитование малого и среднего бизнеса;

3. Льготное кредитование системообразующих организаций[1];

4. Государственная программа «промышленная ипотека».

Учитывая развитость мер государственной поддержки льготного ипотечного кредитования, ставших локомотивом развития строительства в сфере жилья, государственная поддержка в предоставлении заемных источников оборотных средств системообразующим предприятиям в сфере промышленности и, в частности, в жилищном строительстве и производстве необходимых строительных материалов имеет особую актуальность.

В целях сглаживания негативных тенденций в ценообразовании на рынке жилищного строительства предлагается разработать правовой акт, регулирующий субсидирование предоставляемых кредитными организациями льготных кредитов системообразующим предприятиям, работающим в жилищном строительстве с подклассом ОКВЭД2 41.2 «Строительство жилых и нежилых зданий» раздела F. Вместе с тем предлагаем для финансирования банковского кредитования субъектов деятельности в строительной промышленности в рамках Постановления № 393 дополнить перечень ОКВЭД2 в разделе Б. Это даст возможность с помощью привлечения кредитных ресурсов расширить производство строительной продукции для обеспечения потребностей в строительстве жилья. Как показывает практика, рост цен на строительство вытекает из роста цен на материалы, а не из-за льготных ипотечных программ граждан в жилищном строительстве.

Помимо указанных проблем, банковское кредитование сегодня повсеместно сталкивается с такой проблемой, как «интернет-мошенничество». Как сообщает интернет-портал RG.RU Государственная Дума в первом чтении одобрила законопроект, вводящий особый механизм защиты от мошенников. И если его примут, россияне смогут оформить самозапрет на выдачу кредитов. Тогда никто не сможет ни получить кредит за спиной гражданина,

[1] Постановление Правительства РФ от 17.03.2022 № 393. URL: http://base.garant.ru/403713584/ (дата обращения: 09.11.2023).

ни сбить его с толку и заставить взять деньги, чтобы тут же с ними расстаться. «Самозапрет на выдачу кредитов может пригодиться как средство дополнительной защиты от мошенников, которые могут по поддельным паспортам оформить кредит через микрофинансовую организацию», - отметил директор федерального методического центра по финансовой грамотности, доцент кафедры мировых финансовых рынков и финтеха РЭУ им. Г.В. Плеханова Денис Перепелица. При этом эксперт добавил, что подобное нововведение поможет людям с низким уровнем самоконтроля не совершать импульсивные покупки в кредит[1].

Группа депутатов внесла этот законопроект в Госдуму весной 2023 года, а в октябре он уже прошел первое чтение. В конце августа эту инициативу поддержало Правительство РФ. Как отметили разработчики законопроекта, в 2022 году «объем операций по переводу денежных средств без согласия клиента по сравнению с 2021 годом увеличился на 4,29% и составил свыше 14,1 млрд рублей». В этой связи депутаты предлагают предоставить гражданам право подать заявление во все квалифицированные бюро кредитных историй через портал Госуслуг, а также запросить информацию о наличии в кредитной истории сведений о подобном ограничении. Если закон примут, то он вступит в силу со второй половины 2024 года.

Механизм работы самозапрета на выдачу кредита состоит в следующем: банки и МФО до заключения договора должны будут запросить у бюро кредитных историй информацию о наличии самозапрета у клиента. Если ограничение установлено, в выдаче кредита откажут. «Процедура активации такого запрета будет аналогична запрету совершению сделок с недвижимостью без личного присутствия. Если же банк не проверит и выдаст кредит вопреки блокировке, то будет сам нести за это ответственность. Потребовать

[1] «В России скоро может появиться самозапрет на выдачу кредитов. Убережет ли это деньги от финансовых мошенников». URL: https://rg.ru/2023/02/13/legkaia-nazhivka.html (дата обращения: 11.11.2023).

деньги с человека он не сможет. При этом нововведение не распространяется на ипотеку и автокредитование» - добавил эксперт.

Глава ЦБ РФ, Э.С. Набиуллина, в свою очередь, заявила следующее: «Мы, естественно, поддерживаем и продвигаем эту идею о самозапрете на предоставление кредитов, онлайн-кредитов и установление лимитов по кредитам. Мы дали, как Центральный банк, указание банкам, чтобы они были обязаны предоставлять своим клиентам такую услугу. Но, на наш взгляд, такой закон все равно нужен, потому что вне сферы нашего регулирования остаются получение кредита и осуществление переводов, которые осуществляются через офис».

Итак, можно сделать вывод, что проблемы банковского кредитования на сегодняшний день имеют весьма разносторонний характер, включая затруднения данного правового института в развивающейся цифровой среде. Для решения возникших проблем необходимо решение не только правовых, но и экономических, и технологических вопросов, что, в результате, позволит преодолеть затруднения не, в частности, а в общем смысле.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Голева О.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Великий Д.П.

На сегодняшний момент правом назначения судебной экспертизы по уголовному делу в досудебном производстве наделено только лицо, ведущее предварительное расследование. Сторона защиты не может никаким образом провести экспертизу, даже за счет собственных средств, поскольку субъект данного права четко определен в ст. 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее – УПК РФ).

Если сторона защиты обратится самостоятельно в экспертное учреждение для дачи заключения, то ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела данного заключения к материалам уголовного дела будет мотивированно отклонено следователем на основании ранее указанных обстоятельств.

В связи с этим остается актуальным вопрос участия стороны защиты в производстве судебной экспертизы, какие у нее есть реальные возможности повлиять на данную процедуру.

При назначении судебной экспертизы УПК РФ закрепляет за стороной защиты некоторые права, например, знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении, ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту и другие. Тем не менее, разрешает данные ходатайства лицо, осуществляющие предварительное расследование. Таким образом, происходит спор между интересами обвинения и защиты, решение по которому принимает сторона обвинения, что может негативно сказываться на производстве по делу.

Кроме того, в законодательстве не закреплен момент ознакомления с постановлением о назначении экспертизы. По данной причине на практике часто встречаются случаи, когда такое ознакомление происходит уже после направления материалов для производства экспертизы или даже после ее проведения, что лишает сторону защиту воспользоваться правами, предусмотренными УПК РФ.

В качестве альтернативного решения указанных ранее проблем исследователями уголовно-процессуального законодательства предлагается привлечение стороной защиты специалиста. В УПК закреплено право защиты собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведе-

ний, опроса лиц с их согласия. Также Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ[1] среди полномочий адвоката закреплено право адвоката привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи.

Действительно, такое право закреплено, и оно неоспоримо, тем не менее в данном случае также возникают проблемы.

Если сторона защиты обращается к специалисту по тем же вопросам, что и ставил следователь перед экспертом в постановлении о назначении судебной экспертизы, то, во-первых, в большинстве случаев для проведения исследования необходимы материалы, которыми сторона зашиты не располагает, и органы предварительного расследования предоставить данные материалы не могут. Во-вторых, заключение, которое предоставит специалист, подлежит приобщению к материалам уголовного дела только по ходатайству стороны защиты к следователю. Здесь возникает проблема, указанная выше, следователь может мотивированно отказать в данном ходатайстве, т. к. вопросы, рассмотренные специалистом, были уже рассмотрены экспертом.

Если сторона защиты обращается к специалисту по другим вопросам, которых нет в постановлении о назначении экспертизы, то следователь может отказать в ходатайстве о приобщении заключения специалиста к материалам уголовного дела используя часто встречающуюся на практике формулировку, что данные обстоятельства не имеют отношения к уголовному делу.

Также УПК РФ закрепляет, что заключение эксперта или его сообщение о невозможности дать заключение предъявляются следователем стороне защиты и ей разъясняется при этом право ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной судебной экспертизы. Однако момент предъявления заключения УПК РФ не установлен и фактическое предъявление может быть произведено уже на этапе ознакомления с материалами уголовного дела

[1] Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23 Ст. 2102.

после вынесения обвинительного заключения, что ограничивает права стороны защиты. Если сторона защиты не согласна с данным заключением, и она захочет обратиться к специалисту, то данное обстоятельство может значительно сократить сроки такого обращения, и ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела заключения специалиста может быть заявлено уже только суду. Так, например, в Постановлении 235 гарнизонного военного суда от 06.03.2020[1] по жалобе адвоката Злотина Р.А. в интересах М.А.И в порядке ст. 125 УПК РФ на бездействие старшего следователя по ОВД 1 СО СУ ГВСУ СК России полковника юстиции С.Ю.Г, связанное с неознакомлением с заключением экспертизы судья указывает, что положения УПК РФ не регламентируют и не обязывают органы следствия знакомить сторону защиты с заключением эксперта в процессе расследования до начала выполнения требований ст. 215-217 УПК РФ. Данное постановление было после отменено вышестоящим судом, и апелляционная инстанция указала, что следователь при решении вопроса о моменте ознакомления с заключением эксперта должен руководствоваться временем до и после производства экспертизы, а не возможностью предоставления заключения при выполнении требований ст. 215–217 УПК РФ. Несмотря на это, мы считаем, что отсутствие в УПК РФ норм, устанавливающих момент ознакомления с заключением эксперта существенным пробелом, приводящем к излишним жалобам на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым внести в действующее уголовно-процессуальное законодательство изменения, а именно: закрепить момент ознакомления стороны защиты с постановлением о назначении судебной экспертизы; установить, что собранные стороной защиты предметы, документы, сведения, а также иные данные, необходимые для оказания юри-

[1]Постановление 235 гарнизонного военного суда от 06.03.2020 № 3/12-22/2020 // URL: https://235gvs--msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num= 1&name_op= case&n_c=1&case_id=15240315&case_uid=fa0fc57b-a83d-4688-88a2-766b921dca7f& deloid=1610001&new=0 (дата обращения: 06.02.2024).

дической помощи подлежат обязательному приобщению к материалам уголовного дела и порядок приобщения; закрепить момент предъявления стороне защиты заключения эксперта или его сообщение о невозможности дать заключение.

Противники внесения данных изменений в аргументации к своей позиции часто апеллируют к тому, что сторона защиты имеет право обжаловать действия (бездействия) или решения органов предварительного расследования руководителю следственного органа, прокурору или в суд[1].

Тем не менее, данное право не отменяет несовершенств уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, процедура обжалования является бюрократическим усложнением дела, а также в данном институте уголовного процесса имеются свои недостатки как правового регулирования, так и практики применения.

На основании изложенного, приведенные ранее предложения по внесению изменений в законодательство считаем обоснованными.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛЬНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Горбунова Е.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Яковенко Н.А.

Сегодня вопросы локального нормотворчества изучены в меньшей степени, чем нормотворчества в целом. Локальные акты – это нормативные документы, разрабатываемые на уровне предприятия и регулирующие его внутренние правила, и процедуры. Они являются важным инструментом для эффек-

[1]Арстанова А.К. С не усмотрел нарушений в невозможности защиты самостоятельно оспаривать заключение эксперта. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-usmotrel-narusheniy-v-nevozmozhnosti-zashchity-samostoyatelno-osparivat-zaklyuchenie-eksperta/ (дата обращения: 30.01.2024).

тивного управления организацией, однако, в ряде случаев, возникают определенные проблемы и трудности в их применении. Однако, как и большинству элементов системы правового регулирования локальному нормотворчеству свойственны общие недостатки и практические проблемы реализации.

Главной теоретической проблемой локального нормотворчества является неопределенность его места в системе российского права. Несмотря на то, что в большинстве случаев они направлены на регулирование отношений между работодателем и работником, а также направлены на решение широкого перечня внутриорганизационных вопросов, отраслевую принадлежность локального регулирования не стоит сводить только к трудовому праву, например Карнаухова Е.В. относит некоторые локальные акты в качестве источника административного права[1].

Локальное нормотворчество затрагивает различные отрасли права, к примеру, в трудовом это могут быть вопросы организации труда на предприятии, в организации, учреждении; в гражданской отрасли права локальные акты могут затрагивать вопросы статуса и организации деятельности хозяйствующих субъектов; в административной отрасли оно будет направлено выполнение различных распорядительных функций. Из чего мы можем сделать вывод, что локальные акты являются межотраслевыми, объединяя частноправовые и публично-правовые начала.

Одной из главных практических проблем локальных актов на предприятиях также является их сложность и объемность. В связи с постоянными изменениями в законодательстве и динамичными требованиями бизнеса, многие организации вынуждены разрабатывать и утверждать большое количество документов, что приводит к возникновению огромного объема локальных актов.

[1] Карнаухова Е.В. Понятие и значение систематизации локальных нормативных правовых актов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2007. № 1 (2). С. 110.

Это создает проблемы в понимании и применении этих документов сотрудниками предприятия, а также требует больших временных и ресурсных затрат на их разработку и поддержание в актуальном состоянии[1].

Таким образом, несмотря на значение процесса локального нормотворчества существуют определенные проблемы, разрешение которых позволит существенным образом усовершенствовать процесс правового регулирования общественных отношений.

Сложность и объемность документов, непоследовательность и дублирование положений, необходимость регулярного обновления и непонятность для сотрудников – все это создает препятствия в применении локальных актов и требует внимательного и компетентного подхода со стороны руководства и специалистов предприятия. Только путем анализа и оптимизации процессов разработки, утверждения и применения локальных актов можно достичь эффективного функционирования организации и повысить ее конкурентоспособность на рынке.

ПРАВА РАБОТНИКОВ В СЛУЧАЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) РАБОТОДАТЕЛЯ

Горшкова А.А. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., Яковенко Н.А.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона РФ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)[2] кредиторами являются лица, имеющие по отношению к должнику права требования по денежным обязательствам и иным обязательствам, об уплате обязательных платежей, о выдаче выходных пособий и об оплате труда лиц,

[1] Румянцев М.Б. Локальное правотворчество: особенности формирования и виды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 1. С. 93.

[2] Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

работающих или работавших по трудовому договору. Таким образом, отношения работника как кредитора по отношению к несостоятельному работодателю возникают в силу определения арбитражного суда о возбуждении дела о несостоятельности банкротства.

Согласно ст. 7 Закона о банкротстве работник, имеющий право на выплату выходных пособий и (или) заработной платы, обладает правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом.

Следует отметить, что у руководителя должника возникает обязанность по обращению с заявлением в арбитражный суд в случае непогашения в течении более чем трех месяцев задолженности по выплате выходных пособий, заработной платы и других причитающихся работнику компенсаций в размере и в порядке, которые устанавливаются в соответствии с трудовым законодательством. (ст. 9 Закона о банкротстве)

При несостоятельности (банкротстве) работодателя работники могут выбрать своего представителя, который будет уполномочен представлять законные интересы работников при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве.

Кроме того, работники имеют преимущественное положение по отношению к другим кредиторам в соответствии с очередностью удовлетворения требований кредиторов, после расчетов по требованиям граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, но до удовлетворения требований конкурсных кредиторов и уполномоченных органов (п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве).

Несмотря на все предоставляемые права и гарантии работников, статистические данные свидетельствуют о значительных показателях задолженности работодателей перед работниками.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики[1] за 2021-2024 гг. задолженность по заработной плате в организациях, находящимся в процессе конкурсного производства составляет:

По состоянию на:	Количество работников	Сумма задолженности, млн. руб.
1 января 2024	4684	138 832 000
1 января 2023	3229	197 847 000
1 января 2022	6807	477 462 000
1 января 2021	13446	918 960 000

Анализируя статистические данные четырех лет, можно сделать вывод, что с каждым годом количество работников, попавших в ситуацию несостоятельности (банкротства), работодателя уменьшается, но тем не менее цифра остается высокой. Пик роста пришелся на 2021 год, как экономические последствия «COVID-19».

В законодательстве о банкротстве гарантией прав работников является их особое положение по отношению к иным кредиторам должника, а именно включение их требований во вторую очередь реестра. Как показывает практика, данный механизм не будет являться эффективным в случаях, когда у работодателя недостаточно или вовсе отсутствуют активы. И тогда на помощь могли бы прийти гарантийные учреждения, за идею создания которых выступают многие ученые и специалисты[2].

В связи с тем, что не все работники могут компенсировать своим работникам потерянный заработок, это может вызвать цепную реакцию и последует как обращение работников к потребительским банкротствам[3].

---

[1] Федеральная служба государственной статистики РФ (Росстат). О просроченной задолженности по заработной плате. // URL:https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13267.?print=1 (дата обращения: 13.03.2024)

[2] Лютов Н.Л. Защита права работников на заработную плату в случае банкротства работодателя: несоответствие российского законодательства международным стандартам // Трудовое право. 2010. № 1. С. 2.

[3] Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография / отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: «Юстицинформ», 2022.

Ю.В. Васильева предлагает воспринять в России подход «Pro-employee approach», предполагающий полное страхование от безработицы в случае банкротства работодателя, включающее возмещение оплаты труда сроком до двух лет. Осуществить это можно путем создания единого страхового фонда, что к тому же позволило бы снизить нагрузку на федеральный бюджет[1].

Во избежание создания фондов и иных государственных учреждений, вариантом для создания гарантирующих выплат от работодателя в случае его банкротства может послужить обязанность на законодательном уровне о создании в кредитной организации расчетного счета с определенными полномочиями на его распоряжения, для отчислений на случаи банкротства. Действие счета начинает свою работу в случае вынесения в отношении работодателя определения арбитражного суда о возбуждении дела о банкротстве.

Таким образом, выплата задолженности по заработной плате работникам при банкротстве организации является болезненным вопросом, который требуется разрешить в первую очередь. Дипломатичность, взаимопонимание и соблюдение действующего законодательства – это три обстоятельства, которые позволят урегулировать ситуацию[2].

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИГОВОРА: ТРЕБОВАНИЯ ИЛИ СВОЙСТВА

Громовая М.С. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Великий Д.П.

Юридическим воплощением результата деятельности по отправлению правосудия является приговор суда.

[1] Васильева Ю.В., Жукова Т.М. Особенности правового положения работников в деле о банкротстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2. С. 56.

[2] Волкова В.С. Защита прав лиц, работающих по трудовым договорам, в условиях банкротства организации: статья // Трудовое право. 2019. № 7. С. 23.

Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым (ст. 297 УПК РФ). Полагаю, законодательным пробелом является отсутствие указания на то, что приговор должен быть мотивированным.

В науке нет единого мнения о наименовании данных характеристик приговора. В одних источниках их именуют как требования, предъявляемые к приговору, в других именуют свойствами приговора.

Такие ученые как И.Д. Перлов, А.В. Борбат, П.А. Лупинская законность, обоснованность и мотивированность рассматривали как требования, предъявляемые к приговору.

И.Л. Петрухин, Ю.М. Грошевой признавали данные характеристики свойствами приговора.

Если рассматривать соотношение этих терминов, то можно использовать их как синонимы. Тем не менее, между ними есть и отличия.

Свойство, это качество объекта, признак, а требования –это условия, которым должен удовлетворять объект.[1] Свойства – это реально существующий результат, а требования – это желаемый результат.

С.А. Ворожцов считает, что приговор должен быть ясным для всех, должен быть составлен так, чтобы было понятно почему суд решил именно так, а не иначе. В конце приговора всегда указывается порядок и сроки его обжалования в вышестоящую инстанцию. Все эти требования не могут считать свойствами приговора.[2]

В науке так же существует смешение свойств приговора с его признаками. Ученые разделяют внутренние и внешние свойства приговора. К внутренним свойствам относят обоснованность и законность, к внешним –законную силу, обязательность и исключительность.

[1]Грошевой Ю.М. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие. М., 1986. С. 109.

[2]Ворожцов С.А. Приговор в уголовном процессе. М., 2003. С. 10.

Ю.Ю. Чурилов считал, что внутренними свойствами являются справедливость, обоснованность, законность, внешними - неизменность, исключительность, обязательность, преюдициальность[1].

Приговор обладает свойством свободы обжалования до вступления в законную силу. Е.А. Матвиенко писал, что к свойствам приговора относят обязательность, исключительность, неизменность, преюдициальность[2]. Именно они раскрывают суть законной силы приговора, ее значимости. Свойство обязательности состоит в его исполнении всеми лицами, интересы которых в нем затрагиваются. Исключительность состоит в том, что не допускается принятие иного решения в отношении одного и того же лица, по одному и тому же обвинению, если имеется вступивший в законную силу приговор. Неизменность означает, что приговор не может быть изменен или отменен судом того же уровня. Изменения в приговор вправе вносить суд вышестоящей инстанции, но в этом случае действуют иные положения. Кроме того, если при вынесении приговора, соблюдены процессуальный порядок и предусмотренные законом условия, и вышестоящие инстанции не обнаружили оснований для отмены, то он приобретает преюдициальное свойство. Все вышеуказанные свойства тесно взаимосвязаны.

Таким образом, можно сделать вывод, что свойства приговора определяют его внутреннюю форму.

На мой взгляд, содержанием внешней формы приговора являются требования, предъявляемые к нему.

Требование законности – это его строгое соответствие предписаниям материального и процессуального права, то есть приговор долен быть вынесен только на основании закона. Законность приговора включает в себя обязательность, неизменность, преюдициальность, то есть включает в себя свойства приговора. Соответственно в этом и состоит единство внутренней и внешней

[1]Чурилов Ю.Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве: автореферат дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. С. 14.

[2]Мативенко Е.А., Бибило В.Н. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. М., 1982. С. 33.

формы приговора, где требования, предъявляемые к приговору и его свойства взаимозависимы и внутренне обусловлены.

Обоснованность приговора означает, что выводы суда, изложенные в приговоре, соответствуют обстоятельствам дела, подтвержденным совокупностью доказательств, которые исследованы в судебном заседании и признаны судом достаточным и достоверным. Требование обоснованности вытекает из общих условий судебного разбирательства, а именно непосредственность и устность. Несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела служит основанием для изменения или отмены приговора.

Требования обоснованности и законности тесно взаимосвязаны. Поскольку необоснованный приговор всегда является незаконным, но в некоторых случаях и обоснованный приговор может оказаться незаконным.

Мотивированность – означает, что в нем излагается, в соответствии с правовыми и логическими правилами доказывания, все фактические и юридические аргументы, которые подтверждают выводы, и решения, содержащиеся в описательной-мотивировочной и резолютивной частях приговора (ст. 314 УПК), но такое понимание мотивирования не распространяется на изложении вердикта, постановленного судом присяжных (ст.462 УПК). Мотивировка является выражением обоснованности приговора и условием его законности.

Требование справедливости означает восстановление нарушенных общественных отношений путем принятия беспристрастного и соответствующего истине решения. Справедливость приговора сводит к справедливости назначенного наказания.

Значение свойств приговора и требований, предъявляемых к нему по уголовному делу, заключается в том, что их несоблюдение влечет за собой отмену или изменение приговора в вышестоящей инстанции.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК

Гусева Е.П. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Толочкова Н.Г.

Вопрос о правовой природе недействительности сделок в последние годы в правоприменительной практике приобретает особую актуальность на основании того, что является одним из наиболее дискуссионных.

Отсутствие легального понятия недействительности сделки, несомненно, влечет за собой разнообразие взглядов по данному вопросу.

Одной из сторон является мнение И.Б. Новицкого, который разбирая понятие сделки на составляющие, полагает, что такой элемент, как правомерность носит не обязательный характер, а факт недействительности сделки влияет только на последствия, то есть в данном случае растворяется граница между сделкой и правонарушением. И таким образом, он применяет в свою очередь понятие «противоправной сделки». После совершения противоправной сделки однозначно возникают правовые последствия, но они являются иными, чем те, которые изначально планировали получить стороны, заключая данную сделку [1]. Д.М. Генкин также поддерживал данную позицию. Опровергая мысли о том, что признавая ничтожные сделки за сделки, стирается общепринятое различие между сделками и неправомерными действиями - деликтами, приводил существенный, по его мнению, аргумент, который подтверждал различие указанных понятий, таким доводом выступало обстоятельство, что для сделки как юридического факта, в отличие от деликта, характерно наличие действия (воли), направленного на установление, изменение, прекращение гражданского правоотношения, тогда как при деликте лицо, его совершившее, вовсе не желает наступления тех или иных правовых последствий[2].

[1] Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954. 247 с.

[2] Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Ученые записки. Ученые записки ВИЮН. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. Вып. 5. С. 50.

Профессор И.С. Перетерский попытался отграничить от сделок «недействительные сделки». Он указывал, что не всякое действие, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских юридических отношений, порождает те юридические последствия, для достижения которых произведено это действие. И.С. Перетерский утверждал, что сделка – это действие, дозволенное законом. Да, различные действия могут порождать собой юридические последствия, но они в своем роде будут категорически отличаться от тех последствий, которые в конечном итоге хотели бы обладать участники действия, вследствие чего такие «недействительные сделки» не пользуются защитой закона и также не являются сделками[1].

В.А. Тархов, анализируя положение с правомерностью понятия сделки, пришел к выводу, что понятие недействительности сделок логически противоречиво, так как сделка - правомерное действие, а потому недействительным быть не может. Говоря о соотносимости понятий сделки и правонарушения, А.А. Киселев утверждает, что растворяя границы между понятиями сделки и неправомерными действиями, мы признаем, что ничтожные сделки вопреки закону являются сделками наравне с правомерными, а отличием являются лишь последствия и данный подход только усугубляет понимание недействительности сделки, так как возникают сложности при разграничении данных понятий друг от друга[2].

Однако, иное мнение складывается так, что в конструкции недействительной сделки отсутствует сама сделка, а все происходящие действия, в сущности, составляют правонарушение, так как сделку характеризуют правомерные действия. Приверженец данной теории Ф.С. Хейфец считает, что «правомерность действия – это конструктивный элемент сделки, отличающий ее от правонарушения. Отсутствие в конкретной сделке элемента правомерности означает, что возникшее по форме как сделка действие на самом деле является

[1] Перетерский И.С. Гражданский кодекс РСФСР. Научный комментарий. Вып. 5. Сделки. Договоры. - М.: Юриздат НКЮ РСФСР, 1929.442 с.

[2] Киселев А.А. Недействительные сделки: проблемы составов, квалификации и правовых последствий: монография / под ред. В. А. Рыбакова М., 2004. С. 9.

не сделкой, а правонарушением»[1]. Но задумываясь об истинном смысле понятия правонарушение, оно как будто не имеет возможности сравняться с понятием недействительной сделки, как это утверждают ученые, ведь базис определения правонарушения намного глубже и шире, нежели «недействительности сделки». Впрочем, такие ученые как О.А. Красавчиков, Ю.К. Толстой, поддерживая взгляды по данному вопросу ученого С. Хейфец, выдвигают тезис о том, что если приравнять недействительную сделку к неправомерным действиям, то и сделкой такие действия считать отсутствует возможность. Мотивируют они данный тезис тем, что правомерность носит конституционный характер и тем самым если признавать недействительную сделку правомерной, то данное суждение будет означать, что такая сделка считается соответствующей конституции, но данное понимание не соответствует применяемым последствиям[2].

Срединным мнением, учитывающим оба взгляда по данному вопросу к пониманию недействительных сделок, является представление Н.В. Рабинович. В своих работах, она сформулировала позицию, что недействительная сделка по своей правовой природе одновременно является и сделкой, и правонарушением, поскольку, с одной стороны, она (по содержанию, форме и направленности) соответствует сделке, а с другой стороны, она нарушает норму закона, что, конечно, является правонарушением. Н.В. Рабинович считает недействительные сделки неправомерными действиями, поскольку «именно неправомерность недействительной сделки обусловливает аннулирование сделки и определяет те последствия, которые влечет за собой объявление ее недействительной»[3]. При этом сама по себе недействительность не лишает такую сделку статуса сделки, он не никуда не пропадает и не уничтожается, и не подлежит аннулированию в связи с признанием того факта, что

[1] Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М.: Юрайт, 2000. 162 с.

[2] Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: в 2 т. М., 2005.

[3] Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960. С. 11.

сделка является недействительной. Н.В. Рябинович выдвигала такое предложение, при котором недействительная сделка считалась правонарушением особого порядка, в свою очередь не тождественная противозаконным действиям, она выделяла его в отдельную категорию «неделиктных правонарушений». Так, недействительные сделки нарушают нормы права и необходимо применять к ним определенные действия, которые в свою очередь будут предусматривать последствия, как для любого неправомерного деяния, а именно: к отмене их юридической силы, предотвращению наступления вызываемого ими правового эффекта или устранению уже наступившего результата, восстановлению положения, соответствующего закону. В конечном исходе Н.В. Рабинович утверждала, что недействительные сделки являются одновременно и сделками, и правонарушениями «особого порядка». Это промежуточное звено между полярными взглядами на обстановку является одним из самых интересных, в связи с тем, что в соответствии с ним дифференцируются понятия правонарушение и деликт. Представляется совершенно справедливым выделение особой категории неделиктных правонарушений, к которой относятся действия, влекущие за собой неосновательное обогащение; неисполнение договора; недействительные сделки.

Схожее мнение у Н.Д. Шестаковой, она утверждает, что такой элемент, как правомерность или неправомерность характера действий участников сделки нельзя считать определяющим признаком, потому что он имеет значение только для последствий сделки. И на этом основании нет возможности говорить о том, что сделка является правонарушением.

Так, Н.Д. Шестакова высказывает мнение о том, что недействительны только ничтожные сделки либо оспоренные, по которым состоялось необходимое для этого решение суда. Остальные действия, которые также могут быть ничтожными или оспоренными, а также которые не соответствуют каким-либо положениям закона, являются в своем роде сделками действительными[1].

[1] Шестакова Н.Д. Недействительность сделок. СПб., 2001. С. 10–11.

В свою очередь, поддерживая вышеупомянутую позицию, О.В. Гутников говорит о том, что «недействительная сделка может быть как правомерным, так и неправомерным действием»[1].

Стоит обратить внимание на мнение Д.И. Мейера, который считает, что феномен недействительности сделки следует рассматривать в призме схожести в общих чертах с юридическими действиями, так как сделки могут быть разделены на законные и незаконные. По его мнению, недействительные (незаконные) сделки, также можно приравнять к сделкам. Однако, далее Д.И. Мейер добавляет, что, собственно, только законные сделки можно назвать сделками в полном объеме всех признаков, причитающихся данному понятию, ибо сделки незаконные не считаются действительными, следовательно, и существующими. Но, вследствие чего, ничтожество поражает эти сделки только при соприкосновении их с общественной властью, а независимо от того они существуют точно так же, как и сделки законные, и встречаются нередко в действительности"[2].

Также присутствует мнение о том, что недействительная сделка представляет собой внешне вид сделки, но при своей противоправности не создает ожидаемого результата, на основании чего некоторые ученые приходят к выводу о том, что такие сделки не являются юридическими фактами, а их наличие в законодательстве не оправдано, так как они не входят в число правовых категорий и нормы о недействительности сделок оказываются беспредметными[3].

Впрочем, рассматривая целесообразность употребления такого термина, как недействительность сделки, нельзя прийти к единому умозаключению о том, чем конкретно оно является, возможно, подобно мыслям Н.В. Рабинович есть смысл изменения самого употребления понятия, то есть заменить его на

---

[1] Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве: Теория и практика оспаривания. М., 2003. С. 94.

[2] Мейер Д.И. Русское гражданское право. Ч.1. [Текст]. М.: Статут. 2003. С. 203-204.

[3] Гражданское право: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007. С. 388, 390–391. (автор очерка – Ю.А. Тарасенко).

«недействительность соглашений», тем самым оно представляется более корректным в применении. Так как отсутствует смешивание понимания недействительной сделки и противоправных действий, которые своей целью имеют нарушение законов.

Недействительность соглашений предполагает под собой то, что совершенное действие, закрепленное при помощи сделки, не будет признаваться в качестве юридического факта и тем самым данное действие не может порождать гражданско-правовые последствия. Таким образом, заключенная сделка не будет являться основанием для изменения, возникновения или прекращения правоотношений. Отсутствие указанных последствий свидетельствует о том, что данной сделки не существует, а последствия от данного соглашения будут иметь иной характер, нежели тот, который изначально предполагался участниками, заключая данную сделку.

ЭВОЛЮЦИЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ДОГОВОРОВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ПРОИЗВОДНЫМИ ФИНАНСОВЫМИ ИНСТРУМЕНТАМИ

Давыдов Д.Е. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Чашкин П.В.

На развитие срочного рынка серьезное влияние оказывают споры между участниками, которые рассматриваются в судах и широко обсуждаются в профессиональном сообществе. Нестабильность регулирования и непредсказуемость судебных решений отражаются на объеме заключаемых сделок, видах сделок, которые могут заключить участники, тарифах, которые устанавливают профессиональные участники, применимом праве для таких сделок.

Судебные решения по спорам из деривативов оказывают огромное влияние на развитие нормативного регулирования срочного рынка, вскрывают противоречия и недостатки такого регулирования.

Изначально судебная защита исковым требованиям, возникших из договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, не предоставлялась.

Прецедентом стало дело МКБ «Москомприватбанк» против КБ «Русский банк развития», которое рассматривалось в том числе высшей инстанцией[1].

Между МКБ "Москомприватбанк" и КБ "Русский банк развития" заключено генеральное соглашение от 24.03.97 № 110 "Об общих условиях совершения валютных конверсионных сделок и по предоставлению межбанковских кредитов на внутреннем и внешнем валютных рынках Российской Федерации" (далее - соглашение). На основании данного соглашения между сторонами путем обмена документами посредством электронной связи были заключены 17 конверсионных сделок (по купле - продаже валюты) на условиях "расчетный (индексный) форвард" со сроками исполнения 16, 19, 26 февраля и 4, 5 марта 1998 года.

В соответствии с пунктом 3.2 соглашения под сделками типа "Форвард" понимаются конверсионные операции, дата валютирования (исполнения) по которым отстает от даты заключения сделки более чем на два рабочих дня. Предмет расчетно - форвардных контрактов без права отказа определен соглашением как "перечисление курсовой разницы между курсом ММВБ рубль/доллар и курсом рубль/доллар, оговоренный в заключенном контракте".

Обязанной стороной оказался КБ "Русский банк развития", но он не исполнил свои обязательства, в результате чего МКБ "Москомприватбанк" обратился с иском о взыскании 4 681 024 руб.

В удовлетворении иска было отказано, так как суды решили, что расчетные валютные форвардные контракты подпадают под пари, которым в соответствии со ст. 1062 ГК РФ не предоставляется судебная защита.

Основные аргументы:

[1] См: Постановление Президиума ВАС РФ от 08.06.1999 N 5347/98.

1. Действующее законодательство указанные сделки не регулирует и не содержит указаний на предоставление подобным сделкам судебной защиты.

2. Как следует из условий соглашения, по спорным сделкам стороны не предполагали производить фактическую передачу базового актива сделки.

Расчеты по сделкам должны были осуществляться в рублях в сумме, представляющей разницу между стоимостью базового валютного актива по изначально зафиксированному курсу и его стоимостью по курсу, определяемому в будущем периоде (сделки на разницу).

В связи с этим довод протеста о наличии у сторон по спорным сделкам обязанности осуществить реальную передачу продаваемой валюты с одновременным согласием на взаимозачет встречных обязательств не основан на материалах дела.

3. Заключая спорные сделки, стороны принимают на себя риски неблагоприятного для той или другой стороны изменения валютного курса. Предметом сделки является уплата сумм одной из сторон по результатам колебаний курса валют на валютном рынке.

В материалах дела отсутствуют доказательства того, что данные сделки совершались хотя бы одним из участников с какой-либо хозяйственной целью (страхование рисков по валютным контрактам, инвестициям и т.п.).

4. При таких условиях суд первой и апелляционной инстанции обоснованно квалифицировал заключенные сторонами сделки на разницу в качестве разновидности игровых сделок.

В связи с этим правомерен вывод судебных инстанций о распространении на подобные сделки положений статьи 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите.

Возникшие вопросы конституционности статьи 1062 ГК РФ рассматривались в Конституционном суде РФ[1].

Арбитражный суд города Москвы, рассмотрев дело по иску КАБ "Банк Сосьете Женераль Восток" к ОАО АКБ "Автобанк" о понуждении исполнить обязанность по купле-продаже валюты на условиях расчетного форварда, пришел к выводу, что, как следует из материалов дела, сторонами были заключены не договоры купли-продажи, а сделки на условиях расчетного форварда на получение разницы в стоимости валюты в зависимости от колебания курса валюты с указанием начальной цены продажи. Отказ в удовлетворении исковых требований арбитражный суд мотивировал тем, что заключенные сторонами сделки являются игровыми сделками, подпадающими под действие статьи 1062 ГК Российской Федерации, в соответствии с которой требования, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите. Апелляционная инстанция Арбитражного суда города Москвы, подтвердив вывод суда первой инстанции, оставила данное решение без изменения.

Рассматривая дело по заявлению КАБ "Банк Сосьете Женераль Восток" о признании ОАО "ОНЭКСИМ Банк" несостоятельным (банкротом), Арбитражный суд города Москвы признал возражения должника на требования кредитора обоснованными, а индексные (форвардные) сделки, заключенные между сторонами, - по сути сделками игр, в силу статьи 1062 ГК Российской Федерации не подлежащими судебной защите.

Заявитель просит признать оспариваемую статью не соответствующей статьям 34 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она позволяет судам лишать судебной защиты требования, возникающие из расчетных форвардных контрактов, заключенных банками в процессе осуществления ими предпринимательской деятельности.

---

[1] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2002 N 282-О "О прекращении производства по делу о проверке конституционности статьи 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой коммерческого акционерного банка "Банк Сосьете Женераль Восток".

Аргументы Конституционного суда РФ:

1. Гражданское законодательство Российской Федерации не содержит критериев, позволяющих однозначно квалифицировать рисковую сделку, заключенную на условиях расчетного форварда.

2. При толковании условий сделок, именуемых сторонами расчетным форвардным контрактом, арбитражные суды, выясняя в соответствии со статьей 431 ГК Российской Федерации общую волю сторон с учетом цели договора на основе обстоятельств, касающихся его заключения и исполнения (в том числе предшествующих переговоров и переписки, практики, установившейся во взаимных отношениях сторон, последующего их поведения, а также обычаев делового оборота), признают такие сделки вытекающими из игр и пари.

3. Между тем даже в отсутствие гражданско-правового регулирования расчетных форвардных контрактов статья 1062 ГК Российской Федерации не препятствует арбитражным судам при определении юридической природы сделок, заключенных на условиях расчетного форварда, оценивая на основе установления и исследования фактических обстоятельств конкретного дела как формальную сторону, так и действительное содержание, существо сделки, решать вопрос о возможности удовлетворения требований по этой сделке в соответствии с вытекающими из Конституции Российской Федерации общими началами и смыслом гражданского законодательства (статья 8 "Основания возникновения гражданских прав и обязанностей" и статья 421 "Свобода договора" ГК Российской Федерации).

4. Таким образом, как выявлено в ходе заседания по настоящему делу, статья 1062 ГК Российской Федерации не препятствует предоставлению судебной защиты требованиям, вытекающим из расчетного форвардного контракта, - если по своему существу он соответствует гражданско-правовым критериям сделок, требования по которым подлежат защите в судебном порядке, - и как таковая не может рассматриваться как нарушающая право, гарантированное статьей 34 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, КС РФ не нашел оснований для признания статьи 1062 ГК РФ противоречащей Конституции РФ.

Однако, достаточно интересным и аргументированным выглядит особое мнение судьи Г.А. Гаджиева по данному делу. Вот некоторые выдержки из него:

1. Конституционный Суд Российской Федерации мог констатировать, что расчетные форвардные контракты являются непоименованными договорами, которые в силу подпункта 1 пункта 1 статьи 8 и пункта 2 статьи 421 ГК Российской Федерации хотя и не предусмотрены законом, но и не противоречат ему.

2. Заключение расчетных форвардных контрактов представляет собой специфическую, особо рисковую предпринимательскую банковскую деятельность. Утверждение, что данная деятельность не может рассматриваться как предпринимательская, поскольку в ходе ее осуществления не используются способы (виды) экономической деятельности, перечисленные в абзаце третьем пункта 1 статьи 2 ГК Российской Федерации, а именно пользование имуществом, продажа товаров, выполнение работ и оказание услуг, представляется неверным.

3. Необходимо учитывать, что понятие "предпринимательская деятельность" является конституционным и что в статье 34 Конституции Российской Федерации воплощен общеправовой принцип дозволенности любой экономической деятельности, прямо законом не запрещенной.

4. Поскольку арбитражные суды интерпретируют статью 1062 ГК Российской Федерации как распространяющуюся на расчетные форвардные контракты, возникает необходимость выяснения, не является ли такое применение данной статьи чрезмерным ограничением конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности.

5. Принятие Конституционным Судом Российской Федерации определения о прекращении производства по делу, а не постановления сохраняет возможность произвольного применения статьи 1062 ГК Российской Федерации, что в условиях, когда государство легализовало расчетные форвардные контракты в статье 301 Налогового кодекса Российской Федерации, когда имеется (хотя и несовершенное) нормативное регулирование на подзаконном уровне, не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 34 (часть 1) и 46 (часть 1).

Прецедент МКБ «Москомприватбанк» против КБ «Русского банка развития», а также определение Конституционного суда РФ о конституционности статьи 1062 ГК РФ надолго зафиксировали позицию об отсутствии судебной защиты требований, возникающих из договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, что также затормозило развитие срочного рынка РФ, из-за чего участники выискивали возможности использовать документацию, подчиненную иностранному праву, где судебная защита предоставляется.

Поворотным и прогрессивным этапом стали споры начала 2010-х годов. Правовое регулирование договоров-ПФИ было разработано. Немаловажную роль в этом сыграли СРО финансового рынка. АРБ, НАУФОР и НВА была разработана Стандартная документация для срочных сделок на внебиржевом рынке. Редакция 2011 года согласована НАУФОР с ФСФР России (Приказ ФСФР России от 28.12.2011 №11-3600/пз-и).

Дела клиентов против ЮниКредитБанка по процентным свопам[1] явились фактически первыми спорами, в которых разбирались некоторые важные вопросы и позиции по конкретным деривативным конструкциям. Арбитражные суды заняли позицию контрагентов банка, которая взволновала финансовый рынок и вызвала широкую дискуссию. Чтобы разрешить все возникшие

[1] См.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 27.07.2012 по делу № А40-55358/12-100-391; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26.12.2011 по делу № А40-92297/11-46-801.

вопросы ВАС РФ в 2013 разработал проект Информационного письма «Об отдельных вопросах разрешения споров из договоров процентного свопа». Данное письмо по невыясненным причинам так и не было издано.

Дело клиентов Банка «Траст»[1] по кредитным нотам также стало дискуссионным, вскрыло много недостатков регулирования, которое в последующем было устранено.

Вклады клиентов Банка «Траст» путем манипуляций и обманов были конвертированы в кредитные ноты иностранных эмитентов, требования по которым впоследствии были аннулированы. И несмотря на то, что суды отказали гражданам в их исковых требованиях, была проделана работа над недостатками: усложнился порядок получения физическими лицами статуса квалифицированного инвестора, введен запрет на приобретение физическими лицами субординированных облигаций кредитных организаций, установлены особые условия допуска физических лиц к заключению договоров-ПФИ (в частности, введено тестирование).

В настоящее время судебная практика по договорам-ПФИ развивается стремительно, а сами договоры-ПФИ набирают все большую популярность. Наглядно прослеживается эволюция от отрицания судебной защиты договоров-ПФИ до полного разворота и защиты требований как профессиональных участников, так и их клиентов.

Как отмечают в профессиональном сообществе, отрицание судебной защиты было необходимо для спасения российской банковской системы в конкретный период времени, что влекло за собой и отрицательные последствия.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РФ

Данилов И.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

[1] См: Определение Московского городского суда от 23.06.2016 № 4г-6271/2016; Определение судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 19.12.2017 № 18-КГ17-249.

Научный руководитель: заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Великий Д.П.

Уголовный процесс России знает меру пресечения в виде домашнего ареста довольно давно. Впервые четкий прообраз указанной меры появился в Своде законов 1832 года[1]. Однако, существуют и более ранние примеры изоляции лица от общества в своем домовладении до суда. Так, известный дореволюционный деятель юридической науки Люблинский П.И. обращал свое внимание, что еще в 1632 году князь Белосельский по делу Шеина был подвергнут домашнему аресту[2].

Данная мера пресечения имела свое законодательное закрепление и продолжала применяться и после революции 1917 года. Однако, с принятием УПК РСФСР 1960 года домашний арест был исключен из перечня мер пресечения.

Возвращение домашнего ареста произошло лишь спустя почти половину века с принятие нового УПК РФ 2001 года, вступившего в силу 1 июля 2002 года. С того времени ст. 107 УПК РФ, регулирующая меру пресечения в виде домашнего ареста, была существенно расширена. В настоящее время данная статья содержит в себе 14 частей вместо 3-х, как было первоначально, имеет более стройный вид и подробную регламентацию.

Однако, в практике на сегодняшний день наблюдаются инерционные процессы, при которых правоприменитель отдает предпочтение самой строгой мере пресечения, игнорируя домашний арест. Даже в случаях, когда выявленные основания и обстоятельства указывают на разумность избрания не заключения под стражу, а иных менее строгих мер.

С нашей точки зрения такая тенденция губительна в рамках соблюдения основополагающих принципов, затрагивающих права личности, заложенных

[1] Ахминова Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дис…. канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017. С. 19.

[2] Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 228.

не только в уголовно-процессуальной плоскости, но и в рамках Конституции РФ.

По нашему мнению, домашний арест по сравнению с заключением под стражу обладает рядом неоспоримых преимуществ, которые вскоре должны повлиять на подход правоприменителя в сторону увеличения количества избрания именно домашнего ареста в качестве меры пресечения.

К вышеупомянутым преимуществам можно отнести тот факт, что при домашнем аресте обвиняемый (подозреваемый) находится в пределах комфортной знакомой ему «обжитой» территории. Это особенно актуально, когда речь идет об определенных категориях населения, например, о пожилых, инвалидах и других лицах, зачастую менее мобильных и физически в плохой форме.

Из вышеуказанного следует и то, что при нахождении лица на домашнем аресте исключается возможность какого-либо негативного влияния на последнего со стороны специфического контингента, находящегося в следственном изоляторе. Под данным влиянием следует понимать прививание новоприбывшим в СИЗО лицам так называемой культуры «блатной романтики», возведение «понятий» выше закона, пропаганду со стороны криминальных элементов образа жизни, при котором преступления считаются нормой и, в некоторых случаях, необходимостью.

Кроме того, домашний арест позволяет разгрузить следственные изоляторы, что в настоящее время является весьма актуальным. Как отмечает Меркачева Е.М., на сегодняшний день в СИЗО находится 109 тысяч человек[1], что естественно требует существенных государственных вложений для содержания данных учреждений, когда как домашний арест менее затратный для бюджета.

[1] За права и человека: о чем доложили президенту на встрече с СПЧ // Известия URL: https://iz.ru/1262321/dmitrii-laru/za-prava-i-cheloveka-o-chem-dolozhili-prezidentu-na-vstreche-s-spch (дата обращения: 28.02.2024).

Конечно, наряду с ощутимыми преимуществами домашнего ареста как меры пресечения, существует несколько серьезных недостатков. Во-первых, реализация домашнего ареста возможна лишь в случае достаточной технической оснащенности контролирующих органов средствами слежения, что на сегодняшний день невозможно на всей территории Российской Федерации. При этом, как верно отмечает Федотов И.С., нельзя гарантировать отсутствие в жилище подозреваемого скрытых средств связи, выхода в «Интернет», любых иных устройств передачи данных, в связи с чем используемые технические приборы нужно применять в достаточной совокупности[1].

Во-вторых, ч. 7 ст. 107 УПК РФ дает возможность суду с учетом ряда факторов применять, помимо, собственно говоря, домашнего ареста, запреты, указанные в п. 3 – 5 ч. 6 ст. 105.1 кодекса. К ним относятся запрет общаться с определенными лицами, запрет отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, а также запрет использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». При этом, исходя из ч. 8 ст. 107, существует возможность одновременного применения всех этих ограничений. То есть фактически суд может лишить обвиняемого или подозреваемого возможности контактировать с внешним миром. С учетом того, что общение является одним из важнейших потребностей личности, нахождение в полном одиночестве на домашнем аресте уже не кажется таким комфортным для подконтрольного лица. Даже при применении заключения под стражу, следственно арестованный, как на это указывает ст. 17 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», имеет право на переписку, свидание с защитником, родственниками и другими лицами, а в ст. 32 данного ФЗ закреплено, что содержание в общих камерах является общим правилом, а размещение подозреваемых и обвиняемых в одиночных камерах на срок более одних суток за некоторыми исключениями допускается

[1] Федотов И.С. Домашний арест и запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 26.

по мотивированному постановлению начальника места содержания под стражей, санкционированному прокурором[1].

В-третьих, частью 8 ст.107 УПК РФ установлено, что при домашнем аресте нельзя ограничить возможность лица в вызове тех или иных специальных служб, общаться со следователем, с дознавателем и контролирующим органом. Однако, при этом не упоминается возможность общения обвиняемого или подозреваемого с защитником и другими значимыми лицами. Ч. 13 ст. 107 УПК РФ, закрепляющая возможность встречи с такими лицами в месте исполнения домашнего ареста, меняет ситуацию не сильно, поскольку в представленной норме отсутствуют указания на возможность телефонной и иной дистанционной связи с защитником, нотариусом, законным представителем, хотя бы для того, чтобы заранее согласовать удобное для каждого лица время встречи.

При дальнейшем совершенствовании законодательства, а также при повышении качества работы контролирующих органов, в том числе в рамках надзора за их деятельностью, представляется, что ряд проблем меры пресечения в виде домашнего ареста в ближайшее время могут быть решены. В таком случае ситуация, при которой двумя самыми распространенными мерами пресечения являются подписка о невыезде и надлежащем поведении и заключение под стражу, которая даже интуитивно ощущается некорректно в рамках соблюдения прав обвиняемого (подозреваемого), изменится в пользу домашнего ареста, который видится более гуманным.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПОСТАНОВЛЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Доронцова Е.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Бровченко Н.В.

[1] Федеральный Закон "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации.

Возникновение в России института конституционного контроля повлекло за собой немаловажные изменения в развитии российского конституционного права, которые касаются регламентации статуса Конституционного суда Российской Федерации, его отношений с иными органами государственной власти. Однако, проблема взаимодействия специализированного органа конституционного контроля, которым является Конституционный Суд Российской Федерации, и российской правовой системы сводится не только к появлению необходимости урегулирования отношений в сфере конституционного правосудия.

Существует более важный аспект рассмотрения обозначенной проблемы – роль и значение для российского правотворчества и правореализации решений Конституционного Суда.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации являются многогранной правовой формой, сочетая в себе акты правоприменения и правотворчества. Законодатель к числу итоговых решений Конституционного суда Российской Федерации относит постановления, заключения и определения[1]. В свою очередь, именно постановления, как один из видов решений Конституционного Суда Российской Федерации, занимают особое место в системе правовых актов.

Анализ юридической литературы показывает, что существует множество проблем конституционного правосудия, и практически нет таких, по которым сформировалось бы полное единство взглядов ученых, как теоретиков, так и практиков. Не является исключением и вопрос о правовой природе постановлений Конституционного Суда Российской Федерации. Вместе с тем «объем» дискуссии по этому вопросу таков, что становится возможным обобщение существующих позиций и объяснение причин их появления.

[1] Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп. от 31.07.2023 № 6-ФКЗ). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.01.2024).

Основополагающие нормы, регулирующие организацию и деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, содержатся в ст. 125 Конституции Российской Федерации. Анализ положений ст. 18 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»[1], а также ст. 1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»[2] позволяют определить Конституционный Суд как судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Таким образом, Конституционный Суд при всей своей специфике является прежде всего именно органом судебной власти.

Как отмечает председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, «юридическая сила итоговых решений Конституционного суда превышает юридическую силу любого закона, а соответственно, практически равна юридической силе самой Конституции, которую уже нельзя применять в отрыве от итоговых решений Конституционного суда, относящихся к соответствующим нормам, и тем более вопреки этим решениям», а «любое толкование высшего закона страны, которое дается Конституционным судом в его правовых позициях, имеет конституционную силу»[3].

М.А. Митюков указывает, что при всем многообразии рычагов обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации и федерального законодательства особое место в этом механизме занимают решения Конституционного Суда Российской Федерации[4]. Их нормативный характер, непосредственное действие, общеобязательность и юридическая сила, позволяющая

[1] Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп. от 16.04.2022 № 1-ФКЗ). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.01.2024).

[2] Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп. от 31.07.2023 № 6-ФКЗ). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.01.2024).

[3] Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 84

[4] Митюков М.А. К истории конституционного правосудия России: дис.... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 143-145.

интерпретировать конституционные нормы, а также косвенным образом давать оценку правоприменительной практике, придают этим решениям высокий авторитет.

Н.В. Витрук приходит к выводу о том, что правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации приравниваются к юридической силе самой Конституции Российской Федерации[1]. Применительно к анализу роли Конституционного Суда Российской Федерации в законотворческом процессе ученый определяет, что судебные органы, признавая неконституционными правовые акты, представляют собой «негативного» законодателя[2]. По мнению А.И. Соколовой, судебные органы, реализуя процедуры нормоконтроля, осуществляют сегодня не функцию негативного законодателя, а исполняют роль эффективного контролера, обеспечивают реальное воплощение системы сдержек и противовесов[3]. Конституционный Суд Российской Федерации не наделен компетенцией устанавливать конкретные правила поведения в решении, он лишь создает своеобразные «донормы», образующие подготовительную базу для законодателя.[4]

Н.А. Богданова считает, что Конституционный Суд не создает право, его решения не являются частью нормативной системы, источником права, а представляют собой источник науки конституционного права, соединяющий в себе теоретическое и правовое начало[5].

---

[1] Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1999. № 3. С. 96.

[2] Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1999. № 3. С. 99.

[3] Соколова А.И. Судебный нормоконтроль: некоторые особенности осуществления в сфере местного самоуправления // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2016. № 3. С. 43.

[4] Соколова А.И., Гвоздева Е.А. Место правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в системе источников права Российской Федерации // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2019. № 1 № 2 (39). С. 64

[5] Богданова Н.А. Конституционный суд Российской Федерации в системе конституционного права // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 13.

С точки зрения С.А. Авакьяна, речь следует вести «о нормативном, и в этом плане о конструктивном значении актов конституционных судов, об их влиянии на развитие общественных отношений, поскольку после появления решения конституционного суда они уже будут возникать на основе не только нормативных актов соответствующих органов, но и актов конституционного суда. Причем нормы, сформулированные конституционным судом, либо могут оставаться самостоятельным фундаментом общественных отношений, либо воплотятся в коррективах, внесенных в свой нормативный акт соответствующим органом»[1].

С этих позиций можно сделать следующий вывод. Конституционный Суд занимает особое место в правовой системе Российской Федерации. Это орган конституционного контроля, осуществляющий конституционное судопроизводство путем принятия решений, обладающих особенной правовой природой.

В целом, можно выделить целый ряд признаков постановлений Конституционного суда Российской Федерации, раскрывающих их особую нормативную природу, а также способность в большей мере, чем все остальные нормативные акты, развивать заложенные в Конституции идеи и принципы:

1) постановления о толковании положений Конституции Российской Федерации, о проверке конституционности актов, перечисленных в ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации, о разрешении споров между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, могут приниматься только Конституционным Судом Российской Федерации;

2) постановления Конституционного Суда Российской Федерации общеобязательны и носят прецедентный характер;

[1] Авакьян С.А. Нормативное значение решений конституционных судов // Юридическая природа актов конституционных судов Республики Болгария и Российской Федерации. София, 2004. С. 64.

3) постановления Конституционного Суда Российской Федерации не требуют дополнительного подтверждения другими государственными органами, имеют юридическую силу, превышающую силу федеральных законов;

4) постановления Конституционного суда Российской Федерации окончательны, обжалованию не подлежат и вступают в силу немедленно после их провозглашения.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что постановления, как один из видов решений Конституционного Суда Российской Федерации, действительно имеют особую природу. Это, прежде всего, обусловлено наличием у этого органа конституционного контроля особой компетенции, не свойственной иным судам, действующим на территории Российской Федерации, в частности признание нормативно-правовых актов не соответствующими Конституции Российской Федерации, а также толкование конституционных норм. Общеобязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации вытекает из принципа верховенства Конституции Российской Федерации, что так же подчеркивает её авторитет.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ НОТАРИАЛЬНО УДОСТОВЕРЕННОГО МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Дусикенова А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Буянова Е.В.

Федеральным законом Российской Федерации от 26 июля 2019 года №№ 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 12 Федерального закона Российской Федерации от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» был включен новый вид исполнительного документа - «нотариально удостоверенные медиативные соглашения или их нотариально засвидетельствованные копии».

Прежде чем охарактеризовать данную законодательную новеллу, нужно отметить, что впервые Федеральный закон Российской Федерации «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[1], предусматривал возможность урегулирования возникшего спора с участием посредника (медиатора). Обращение сторон правового спора к услугам медиатора с целью урегулирования разногласий подтверждает их намерение прийти к взаимовыгодному решению. Однако, возникают вопросы, как часто достигнутое соглашение добровольно выполняется сторонами? В данном случае могут возникнуть вопросы связанные, в первую очередь, с тем какие правовые последствия возникают для сторон при отказе от добровольного исполнения соглашения и существует ли у одной из сторон право понудить к исполнению этого соглашения другую сторону. В связи с чем, ключевым вопросом является не только порядок урегулирования спора с помощью посредника (медиатора), но, как и для судебного решения, исполнение такого соглашения.

Федеральным законом от 26 июля 2019 года №2 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2] были внесены дополнения, расширяющие предмет его регулирования. Помимо гражданских, трудовых и семейных правоотношений, процедура медиации была распространена на правоотношения в случае его нотариального удостоверения и имеющие силу исполнительного документа», о необходимости которого ранее писали многие ученые[3]. Параллельно были внесены соответству-

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Электронный ресурс] // Гарант // URL: https://base.garant.ru/77663886/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_102 (дата обращения: 16.03.2024).

[2] Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329959/ (дата обращения: 16.03.2024).

[3] Ярков В.В., Медведев И.Г. Нотариат и медиация // Нотариальный вестник. 2008. №9. С.13-21.

ющие дополнения в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-1: «Нотариус удостоверяет медиативное соглашение, достигнутое сторонами в соответствии с соглашением о проведении процедуры медиации, предусмотренным Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Медиативное соглашение удостоверяется с обязательным участием медиатора, медиаторов, в соответствии с соглашением сторон о проведении процедуры медиации. Медиативное соглашение должно содержать сведения об участии указанных лиц при его удостоверении и его (их) подпись (подписи)»[1]. Введение такой новеллы в законодательстве позволило упрочить роль медиативного соглашения при разрешении споров и придать ему силу исполнительного документа, обеспеченного государственным принуждением. Так, уже через несколько месяцев после принятия, были заключены первые медиативные соглашения, удостоверенные нотариусом[2]. Исходя из законодательных положений, стороны должны вначале заключить в письменной форме соглашение о применении процедуры медиации, выбрав по взаимному согласию медиатора с уплатой вознаграждения либо без такового. Затем с помощью медиатора достичь согласия по предмету спора и составить медиативное соглашение, которое представляется нотариусу для удостоверения. Нотариус, в свою очередь, установив действительное выражение воли каждой из сторон и проведение процедуры медиации, удостоверяет медиативное соглашение, после чего данное соглашение принимает силу юрисдикционного документа. Если в добровольном порядке кто-либо из сторон не выполнит удостоверенное нотариусом медиатив-

[1] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-I [Электронный ресурс] // Консультант Плюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/f662130035c02ee2c25485bc059dd114c9873703/ (дата обращения: 16.03.2024).

[2] В России появилось первое удостоверенное нотариусом медиативное соглашение // Сайт Федеральной нотариальной палата [Электронный ресурс] // URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/v-rossii-poyavilos-pervoe-udostoverennoe-notariusom-mediativnoe-soglashenie (дата обращения: 16.03.2024).

ное соглашение, то оно может быть передано судебному приставу-исполнителю для принудительного исполнения. В этом случае, судебный пристав-исполнитель будет осуществлять свою деятельность по принудительному исполнению данного медиативного соглашения исходя из полномочий, предоставленных Федеральным законом Российской Федерации от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

В связи с этим, возникает вопрос о том, все ли нотариально удостоверенные медиативные соглашения могут быть исполнены в принудительном порядке? Представляется, что большинство гражданских правоотношений, связанных с имущественными обязательствами и обязательствами из причинения вреда, могут быть исполнены с применением исполнительных процедур. Неоднозначно обстоит дело и с исполнением медиативных соглашений при урегулировании отдельных семейно-брачных правоотношений. Например, супруги, расторгнув брачные отношения могут заключить нотариально удостоверенное медиативное соглашение о порядке общения с ребенком одним из родителей в порядке статьи 55 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 года, однако, впоследствии, по разным причинам, этот родитель перестает общаться с ребенком. В данном случае нужно принимать во внимание содержание части 4 статьи 109.3 Федерального закона Российской Федерации от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», в которой записано: «При исполнении исполнительного документа, содержащего требование о порядке общения с ребенком, судебный пристав-исполнитель должен установить, что должник не препятствует общению взыскателя с ребенком»[1], вместе с тем, обязанность заставить родителя-взыскателя, против его воли, общаться с ребенком, не входит в полномочия судебного пристава-исполнителя.

Таким образом, процедуры исполнения нотариально удостоверенных медиативных соглашений или их нотариально засвидетельствованных копий

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 2.10.2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс.

нуждаются в дальнейшем нормативном регулировании. Если в настоящее время Министерством юстиции Российской Федерации уже подготовлены проекты приказов, уточняющих правила оформления нотариусами медиативных соглашений, то в отношении действий судебных приставов-исполнителей по их исполнению такая нормативная деятельность не наблюдается.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ДЛЯ ГОСУДАСРВТЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Дусь Н.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент Ефимцева Т.В.

Земля — это залог наших сил в будущем,
Земля — это Россия.
П.А. Столыпин

Актуальность вопроса изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд обусловлена тем, что земельные ресурсы, согласно конституции РФ, используется и охраняется «как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.». Хотя конституционная формулировка выглядит расплывчато, но всё же она подтверждает мысль великого российского государственного деятель П.А. Столыпина, которую мы решили использовать в качестве эпиграфа для нашей статьи. Однако, нормы, содержащиеся в Земельном кодексе РФ, особенно ст. 56.8., касающиеся изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд, заставляют задуматься о соответствии этих норм духу Конституции РФ и чаяниям великих государственных мужей.

Прежде всего, ответим себе на вопрос, что законодатель подразумевает под «государственными или муниципальными нуждами».

Несмотря на то, что данное понятие активно используется в земельном (ст. ст. 49, 56.2.–56.11., 70.1. Земельного кодекса РФ) и гражданском

(ст. 239.2., 279, 280, 282, 525–526, 529–530, 532, 763 Гражданского кодекса РФ) законодательстве некоторых других нормативных правовых актах федерального уровня нет четкого определения того, что является государственной или муниципальной нуждой, нет четких качественных и количественных характеристик данного явления[1]. Лишь в ст. 49 Земельного кодекса РФ приведён перечень основания для изъятия земель для государственных и муниципальных нужд.

Здесь мы видим достаточно широкий перечень оснований, при отсутствии понятия соответствующей нужды, что открывает свободу для злоупотребления правом на изъятие земельного участка.

Нерешенным остаётся вопрос – что понимается под интересами общества и как определяются общественно полезные цели. Предполагается, что они должны исходить из положений Конституции РФ. Однако, в Основном законе закрепляется и защищается только право собственности граждан на земельные участки и не содержится четкого определения общественных интересов и целей, при удовлетворении которых право собственности может быть принудительно прекращено[2].

Рассмотрим, что законодатель предполагает под основаниями для изъятия земельного участка, предусмотренными ст. 49 Земельного кодекса РФ. Можно уверенно сказать, что часть данных оснований соответствует подлинным интересам государства и общества.

Помимо данных оснований, существуют также следующие обстоятельства: изъятие для объектов использования атомной энергии; объектов транспорта, объекты связи регионального значения, объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования; линейных объектов федерального и регионального значения, обеспечивающих деятельность субъектов

1 Чернигова Н.А. К вопросу о недостатках юридической техники: на примере понятия «государственные (муниципальные) нужды» // Молодой учёный. 2016. №28 (132). С. 713-716.

[2] Быкова А.О., Данилова Н.В. Изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд: проблемы правоприменительной практики // Актуальные вопросы юриспруденции и экономики. 2017. С. 30-36.

естественных монополий; иным основаниями, предусмотренными федеральными законами.

Таким образом, законодатель даёт возможность субъектам естественных монополий – фактически коммерческим организациям с высокой прибылью – и иным коммерческим организациям, забирать землю у граждан и иных субъектов земельных правоотношений, которые в имущественном плане находятся в менее выгодном финансовом состояние, чем данные коммерческие организации.

Из сложившейся ситуации вытекает несколько последствий:

1) Обесценивается понятие государственных и муниципальных нужд;

2) Происходит отождествление государственных и муниципальных нужд с интересами коммерческих организаций.

Допустим, что это действительно так: экономическое процветание коммерческих предприятий идёт на пользу обществу, так как они являются источниками занятости для населения и крупными налогоплательщиками. Тогда было бы правильно предположить, что собственники, у которых изымают земельные участки, взамен получат достойную компенсацию за проявленную невольную службу интересами общества. И здесь всё неоднозначно.

Согласно ст. 35 Конституции РФ принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. В то же время нельзя не отметить то обстоятельство, что в настоящее время со стороны российского законодателя так и не получила должной правовой оценки проблема определения критериев «равноценного» и «справедливого» возмещения в случаях изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд.

В соответствии с Земельным кодексом РФ сумма возмещения определяется исходя из рыночной цены земельного участка за день до принятия решения (п. 5 ст. 56.8.). При определении размера возмещения в него включаются рыночная стоимость земельного участка, право собственности на который

подлежит прекращению, или рыночная стоимость иных прав на участок, а также убытки, причиненные изъятием (п. 2 ст. 281 ГК РФ).

В действительности, вышеуказанные нормы не гарантируют защиту прав собственника земельного участка. В законе ничего не сказано о компенсации морального вреда, выплаты расходов на переселение.

Более того, сумма, которую получит собственник земельного обычно не так велика. Расходы на установление рыночной стоимости недвижимости и размера убытков на досудебной стадии несет уполномоченный орган, принявший решение об изъятии.

Стоит отметить, что в зарубежных странах существует иной подход к определению размера возмещения за изымаемый земельный участок для государственных или муниципальных нужд. Например, в Индии кроме рыночной стоимости изымаемого земельного участка и расположенного на нем недвижимого имущества в размер возмещения входит также дополнительная компенсация, а еще оплачиваются транспортные расходы, связанные с переселением. Расходы, связанные с переселением на другое место, также входят в стоимость возмещения и в США. Но кроме данных расходов, в США помимо прочего возмещаются также расходы по оплате услуг оценщика, юридические услуги[1].

Необходимо также отметить, что некоторыми учеными (М.А. Губанищева, Д.М. Хлопцова) выдвигается предложение о введении расчета возмещения по кадастровой стоимости. Сторонники данного подхода определения размера возмещения обосновывают свою позицию, ссылаясь на то, что кадастровая стоимость чаще всего в несколько раз превышает рыночную стоимость. При этом налог также рассчитывается исходя из кадастровой стоимости. Также сторонники данной позиции отмечают, что кадастровая стоимость наиболее полно учитывает индивидуальные характеристики земельного участка.

[1] Кисвянцева А.О. Возмещение за земельные участки, изымаемые для государственных или муниципальных нужд // Молодой ученый. 2020. № 11 (301). С. 111-113.

Итак, можно сделать вывод о том, что текущее законодательное регулирование правого института изъятия земельного участка для государственных и муниципальных далеко от совершенства. Нормы, регулирующие изъятие земельного участка для публичных нужд, создают простор для злоупотребления правом коммерческими организациями, ставят их в более выгодное положение по сравнению с собственниками изымаемых земельных участков, которые в обмен на свой земельный участок, представляющий ценность для предпринимателей, получает рыночную стоимость своего земельного участка. Всё это противоречит букве и духу Конституции РФ, согласно которой: земля – это основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Чтобы сделать законодательство в этой сфере соответствующим Конституции РФ и общим принципам права, предлагаем осуществить следующие изменения:

1) Установить коэффициент расчёта суммы компенсации, с учётом предназначения земельного участка. Было бы справедливо обязать коммерческие организации, в чью пользу изымается земельный участок, выплачивать дополнительные средства за изъятие земельного участка;

2) Гарантировать возмещение затрат на переселение;

3) Установить компенсацию морального вреда в случае наличия такого.

4) Выплачивать компенсацию исходя из кадастровой стоимости, а не из рыночной.

5) Дать исчерпывающее понятие государственным и муниципальным нуждам в законодательстве.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Евсеев Л.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург, к.ю.н. Шабетя И.В.

Одной из существующих проблем института антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в правотворческом процессе является несовершенство действующего законодательства, которое выражается в отсутствии официального нормативного закрепления определения антикоррупционной экспертизы. Легальное определение указанного института необходимо для уяснения содержания антикоррупционной экспертизы как инструмента противодействия коррупции, отсутствие нормативно закрепленного понятия свидетельствует о наличии правового пробела в федеральном законодательстве.

Данное несовершенство закона приводит к неурегулированности определенных общественных отношений, что может сопровождаться нарушением требований иных нормативных актов антикоррупционной направленности на этапе правоприменения. По нашему мнению, в целях совершенствования действующего законодательства необходимо ввести изменения в Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», закрепив понятие антикоррупционной экспертизы, под которой следует понимать деятельность уполномоченных органов государственной власти Российской Федерации, организаций и их должностных лиц, осуществляемую в установленном законом порядке по проверке нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения[1].

Также предлагается ввести обязательное проведение антикоррупционной экспертизы при внесении изменений в нормативные правовые акты Российской Федерации. Ввиду значительного практического опыта субъектов антикоррупционной экспертизы и установленных процессуальных сроков, данное нововведение не воспрепятствует принятию законодательных изменений

[1]Сюваев П.И. Понятие и особенности антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Научный формат. 2020. № 6 (9).

в оперативном порядке, но поможет избежать нарушений, связанных с использованием коррупциогенных факторов нормативного акта, в который были внесены некачественные изменения.

В результате анализа деятельности прокуратуры Российской Федерации в сфере противодействия коррупции можно также отметить необходимость в расширении полномочий данного органа, посредством внесения изменений в действующее законодательство. Так, предлагается включить в понятие объекта антикоррупционной экспертизы правоприменительные акты, непосредственно влияющие на общественные отношения. Данное предложение аргументировано тем, что правоприменительные акты напрямую затрагивают права и законные интересы человека и гражданина, содержание в данных актах коррупциогенных факторов, может привести к существенным нарушениям и ограничениям прав. Проведение антикоррупционной экспертизы данных актов позволило бы снизить уровень коррупционных нарушений, и положительно отразиться на доверии населения правоохранительным органам, ввиду проведения данных мер на уровне, непосредственно затрагивающем граждан Российской Федерации. Кроме того, экспертиза правоприменительных актов должностных лиц может выступать дополнительным показателем качества и проработки нормативно правового акта, выступающим основанием реализации тех или иных полномочий органами государственной власти и их должностными лицами. Содержание коррупциогенных факторов в правоприменительном документе будет служить свидетельством недоработки того нормативно правового акта, на основании которого действовало должностное лицо, и являться основанием для проведения антикоррупционной экспертизы нормативно правового акта.

О востребованности данного изменения законодательства свидетельствует и исследование, проведенное в 2021 году. В ходе проведенного опроса должностных лиц прокуратуры посредством анкетирования, результаты пока-

зали, что из 80 опрошенных лиц, данную инициативу поддержали 65%, отметив потребность в данной мере надзора, а также возможность проведения указанных экспертиз благодаря наработанной практике[1].

Проведение антикоррупционной экспертизы в отношении правоприменительных актов предлагается закрепить в полномочиях прокуратуры, внеся соответствующие изменения в федеральное законодательство. Правовые механизмы и меры воздействия, реализуемые в случае выявления коррупциогенных факторов, могут быть сформированы на основе уже имеющихся правовых инструментов и методах, применяемых в отношении нормативно правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы. Ввиду значительного объема наработанной практики проведения антикоррупционной экспертизы органами прокуратуры Российской Федерации, данный надзорный орган сможет эффективно реализовывать представленные полномочия, повысив качество правоприменительных актов и общий уровень проработки законодательства.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ГРАЖДАН ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Евтушенко Е.В. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург, к.ю.н. Борисов Я.Е.

Проблема защиты прав и свобод человека и гражданина на настоящий момент является одной из наиболее актуальных. Ее значимость напрямую следует из содержания ст. 2 Конституции Российской Федерации, в которой человек, его права и свободы провозглашаются высшей ценностью. Их призна-

[1]Платов Е.В. Антикоррупционная экспертиза как вид деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию коррупции // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4(64). С. 116.

ние, соблюдение и защита являются обязанностью государства. Данную обязанность государство выполняет через систему различных государственных органов, в числе которых особое место отводится органам прокуратуры.

Работа органов исполнительной власти оказывает значительное влияние на жизнь граждан, поэтому важно, чтобы их действия соответствовали закону и не нарушали права и свободы человека. В рамках данного надзора прокуратура осуществляет контроль за деятельностью органов исполнительной власти, выявляет нарушения прав граждан и принимает меры по их устранению.

Прокурорский надзор за соблюдением прав граждан органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации законодательно закреплён, прежде всего, статьей 26 Федерального Закона от 17.01.1992 № 2201-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[1]. Данный надзор является самостоятельной отраслью прокурорского надзора. Он имеет собственный предмет и характеризуется свойственными ему полномочиями прокуроров.

Применительно к теме настоящего исследования предмет надзора в наиболее общем виде – соблюдение прав граждан органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации и их должностными лицами в процессе реализации конституционных прав в сфере государственного управления.

Определению предмета и содержания прокурорского надзора посвящены научные исследования российских ученых В.А. Баскова, А.Д. Берензона, С.Г. Березовской, В.В. Гаврилова, А.Х. Казариной, В.П. Рябцева, В.Б. Ястребова и др.

Так, А.Д. Берензон выделяет общий, родовой и развернутый предмет прокурорского надзора. Под общим предметом понимается законность актов и действий (воздержание от действий) государственных органов и общественных организаций, должностных лиц и граждан. Родовым предметом является

[1] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (действующая редакция) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

законность актов и действий государственных органов и общественных организаций, должностных лиц и граждан, ограниченных конкретными сферами государственной деятельности.[1]

Развернутое понятие предмета прокурорского надзора приводится А.Д. Берензоном, который включает надзор за законностью правовых актов министерств и ведомств, подчиненных им предприятий и учреждений, исполнительно-распорядительных органов, их предписаний, содержащихся в письмах и иных официальных документах, направленных вышестоящим органом на места; письменных и устных предписаний должностных лиц; действий (бездействия), относящихся к сфере государственного управления[2].

В.И. Басков, Б.В. Коробейников справедливо считают, что «предмет прокурорского надзора – это соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов физическими (должностными) и юридическими лицами, соответствие закону действий (бездействия) поднадзорных органов и должностных лиц, а также издаваемых ими актов»[3]. Данный подход в теории является обоснованным, раскрывающим сущность прокурорского надзора. И такой подход в полной мере соответствует положениям Закона о прокуратуре.

Обобщение принятых в науке подходов к пониманию предмета прокурорского надзора предполагает, что в ходе осуществления надзора прокурор проверяет соблюдение поднадзорными объектами прав граждан органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации в рамках закона. Имеется объективная необходимость в определении предмета надзора органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации, установлении границ надзорной деятельности, от четкого представления о которых зависит эффективность работы прокурора.

Органы исполнительной власти действуют на основе законов, но многие из них при этом обладают правом издания нормативных правовых актов. Все

---

[1] Берензон А.Д. Основные направления совершенствования общего надзора советской прокуратуры: автореферат дис. … канд. юрид. наук. М., 1977. С. 12.

[2] Там же.

[3] Басков В.И., Коробейников Б.В. Курс прокурорского надзора. М., 2000. С. 66.

это связано с тем, что государственный орган, должностное лицо, осуществляющее исполнительно-распорядительную деятельность, действует по поручению государства, выражает государственную волю, участвует в выполнении функций государства.

В связи с тем, что большинство прав граждан в области взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации конкретизируются нормами федеральных и региональных законодательных актов, то и предмет прокурорского надзора в исследуемой сфере не должен ограничиваться рамками перечисления прав, закрепленных исключительно конституционными нормами.

Так, к правам граждан в сфере государственного управления можно отнести те права, реализация которых зависит только от волеизъявления гражданина (право на участие гражданина в государственном управлении, право на медицинскую помощь, право на неприкосновенность личности и другие), права, для реализации которых необходимо содействие исполнительной власти, должностных лиц органов государственного управления, а также права и обязанности граждан в сфере государственного управления, чья реализация требует от органов исполнительной власти, должностных лиц многообразной функциональной деятельности по их защите, государственной гарантии, создания условий для практического осуществления.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что предмет прокурорского надзора за соблюдением прав граждан органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации можно охарактеризовать как соблюдение конституционно установленных и законодательно конкретизированных прав граждан в сфере государственного управления исполнительными органами государственной власти субъекта Российской Федерации.

Таким образом, на основании результатов проведенного исследования представляется возможным выделить следующие особенности предмета прокурорского надзора за соблюдением прав граждан органами исполнительной

власти субъекта Российской Федерации, обусловливающие его исключительное значение:

– наличие широкого спектра прав граждан в сфере государственного управления, соблюдение которых обеспечивает прокуратура, а порядок реализации регламентирован межотраслевыми правовыми нормами;

– широкий круг объектов прокурорского надзора, определяемый его предметом.

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ПРАВОВОГО СТАТУСА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В СУБЪЕКТАХ РФ

Ефимов А.Д. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доц. Иванова С.В.

В праве достаточно обширно используется понятие "статус". Данное понятие в конституционном праве имеет правовое положение субъекта конституционно-правовых отношений[1].

Избирательные комиссии вправе принимать в пределах своей компетенции решения и иные акты, обязательные для исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц, избирателей и участников референдума.

Действующая система избирательных комиссий в Российской Федерации представляет собой важный организационный механизм, обеспечивающий периодическое демократическое обновление избираемых органов государственной власти и органов муниципальных образований.

[1] Авакьян С.А. Конституционный лексикон. Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. С. 593.

Правовой статус избирательных комиссий в Российской Федерации как субъектов избирательного процесса определяет их правовое положение по отношению к государству и его органам, а также к другим субъектам правоотношений в сфере организации и проведения выборов и референдумов.

Оформление указанного статуса избирательных комиссий (его основных компонентов) связано с переходом государства к демократическому развитию, что предполагает необходимость правового закрепления избирательного процесса и, прежде всего, правового статуса его основных субъектов (участников). Речь идет о таком направлении в развитии федерального и субъектного избирательного законодательства, как оформление правового статуса избирательных комиссий в качестве единственных органов, обеспечивающих организацию волеизъявления избирателей в ходе проведения свободных и политически конкурентных выборов, а также референдумов. Поэтому принципиально важно, чтобы все виды выборов проводились системой избирательных комиссий, установленной в законодательстве. Приоритетным направлением является совершенствование федерального и субъективных законов об избирательных комиссиях, в которых будут комплексно определены юридическая природа этих органов, их функции и полномочия, и в полном объеме предоставлено право законодательной инициативы по вопросам организации и проведения выборов, расширены возможности в деле обеспечения избирательных прав и свобод граждан и других участников избирательного процесса[1].

Надо отметить, что правовой статус (правовое положение) избирательных комиссий менялись на протяжении всей истории нашей страны.

Основной характеристикой избирательных комиссий в советском государстве считалось их определение, как формы самоорганизации избирателей. Структурами, обеспечивающими самоорганизацию избирателей на выборах,

[1] Колюшин Е.И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. М.: Норма: ИНФРА-М. 2021. 384 с.

служат избирательные комиссии. Советское законодательство о выборах возлагало на комиссии главную миссию в обеспечении избирательного процесса.

Избирательные комиссии для обеспечения законного и демократического избирательного процесса должны быть в юридическом, организационно-техническом и материально-финансовом отношении независимы от какой-либо политической партии, государственных органов и их должностных лиц. Для того чтобы сделать планомерной и стабильной работу комиссий, обеспечить преемственность в их деятельности, потребовался перевод их на новый режим, то есть на постоянную основу. Время и опыт подтвердили правильность второго подхода, ибо слишком сложным оказался избирательный процесс.

Система и статус избирательных комиссий определены в Федеральном законе от 12 июля 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[1].

Избирательная комиссия – «коллегиальный государственный орган, не относящийся ни к одной из ветвей власти, независимый в пределах своей компетенции от органов государственной власти и органов местного самоуправления, взаимодействующий с избирательной комиссией сложноустроенного субъекта Российской Федерации, в который он входит, на основе разделения полномочий, предусмотренных законодательством субъекта Российской Федерации, и осуществляющий на территории своей юрисдикции руководство деятельностью нижестоящих избирательных комиссий по выборам в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъекта Федерации, оказывающего содействие муниципальным избирательным комиссиям при проведении выборов представительных органов местного

[1] Федеральный закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023): федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

самоуправления, глав и иных выборных должностных лиц муниципальных образований»[1].

Избирательные комиссии являются значимыми субъектами избирательного права. Их правовой статус характеризуется как государственный или муниципальный орган с особым статусом[2]. Неопределенность избирательных комиссий в системе разделения властей связана с закреплением за ними статуса государственного органа. В связи с этим необходимо изменить роль избирательных комиссий, произвести их реформу. Закрепление статуса государственного органа не означает отсутствие властных полномочий, носит общий характер и конкретизирует полномочия, которыми их наделили.

На основе проведенного анализа подходов в определении конституционно-правового статуса субъектов конституционно-правовых отношений, учитывая особенности построения системы избирательных комиссий в Российской Федерации, субъектах Российской Федерации, под конституционно-правовым статусом избирательных комиссий в субъектах Российской Федерации понимается закрепленная в нормах избирательного права совокупность порядка формирования, прав, обязанностей, ответственности, гарантий деятельности, принципов, функций, основ взаимоотношений (системной взаимосвязи) между собой.

О ПОНЯТИИ И ОСОБЕННОСТЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) КОНТРАКТА

Ефимовых К.А. – магистрант Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского и семейного права Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Фадеева С.В.

[1] Гиберт А.Н. Полномочия избирательных комиссий субъектов Российской Федерации: правовые основы и проблемы реализации: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. 12.00.02. Тюмень, 2022. 26 с.

[2] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 2019. 752с.

Основным предназначением государства является обеспечение и защита интересов своих граждан. Для этого государству необходимо предпринять ряд действий: определить конкретные общественные потребности, рассчитать расходы и найти исполнителей государственного (муниципального) заказа, с которыми публично-правовое образование заключает государственный (муниципальный) контракт.

Государственные (муниципальные) закупки носят сложный многоэтапный характер. Кроме того, исполнение государственного заказа опосредуется государственным контрактом, который находится под влиянием гражданского права. Это порождает на практике правовые проблемы, связанные с определением правовой природы государственного контракта.

По мнению Е.Г. Комиссаровой, «изучение правовой сущности юридического явления необходимо осуществлять через определение правовой характеристики»[1]. Исходя из подхода автора, рассмотрим правовую характеристику государственного контракта с точки зрения различных научных взглядов, а также современного российского законодательства.

Большинство авторов рассматривая правовую природу государственного контракта определяют его как гражданско-правовой контракт.

Например, представитель цивилистического подхода Т.Р. Григорян в своих научных изысканиях доказывает, что «государственный контракт – это гражданско-правовой договор с особым субъектным составом, более жестким регулированием, целью которого является обеспечение государственных нужд»[2].

М.В. Шмелева, определяя гражданско-правовой характер государственного контракта, выделяет следующие его сущностные признаки: «а) комплексность и межотраслевой характер воздействия норм, предполагающих правовое

[1] Комиссарова Е.Г. Формальнологические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2 (16). С. 23–29.

[2] Григорян Т.Р. Государственный контракт на закупку товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд: проблемы теории и практики: монография. 2-е изд. Москва: Издательско-торговая корпорация Дашков и К°, 2021. 210 с.

регулирование контрактов положениями нескольких отраслей права; б) особый предмет договора; в) специальный субъектный состав; г) особая природа правоотношений, складывающихся в процессе заключения и исполнения контракта; д) специфическая цель заключения контракта; е) специальные условия заключения и исполнения контракта; ж) особые права и обязанности, а также ответственность сторон»[1].

Л.И. Шевченко же определяет государственный контракт как «гражданско-правовой договор, включающий в себя отдельные административно-правовые (публичные) элементы».

На административный характер государственного контракта обращает внимание В.В. Балакин, который считает, что «государственный контракт обладает всеми признаками административного договора и одновременно имеет частноправовую окраску»[2].

К.В. Ходаковский также считает, что государственный контракт является административным договором, поскольку в данном случае обеспечивается публичный интерес несмотря на то, что регулируется нормами гражданского законодательства[3].

Некоторые ученые полагают, государственный контракт имеет смешанную правовую природу. Так, В.И. Новоселов считает, что существует сфера оборота, базирующаяся на сочетании методов гражданско-правового регулирования, выражающихся в юридическом равенстве сторон, и методов административно-правового регулирования, проявляющихся в процессе реализации принципа административного соподчинения сторон[4].

---

[1] Абдуллаев Р.Р. К вопросу о гражданско-правовой природе государственного контракта на выполнение подрядных работ для нужд системы МВД России Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 3. С. 34-40.

2 Шмелева М.В. Понятие и правовая природа государственного контракта // Вестник Самарской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 248.

[3] Ходаковский К.В. Цель административного договора // Административное право и процесс. 2010. N 4. С. 51 - 53 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Новоселов В.И. О государственных закупках // Вестник гражданского права. 2014. № 2. С. 31.

Как видно из вышеизложенного, в отечественной правовой литературе вопрос о юридической природе государственного контракта носит дискуссионный характер. Однако, согласимся с точкой зрения ученых, которые определяют правовую природу государственного контракта как цивилистическую, несмотря на наличие некоторых элементов административного договора.

Понятие государственного контракта в российском законодательстве, а именно в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) стало первым шагом в правовом регулировании юридического понятия, но все же нормы ГК РФ носят общий характер и не так детально раскрывают вопросы проведения процесса закупок как Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе).

Закон о контрактной системе определяет государственный контракт как вид гражданско-правового договора, заключенного от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования, государственным (муниципальным) заказчиком для обеспечения государственных (муниципальных) нужд[1].

Установление отдельных специальных норм Законом о контрактной системе обусловливается развитием гражданско-правового регулирования, устранением юридических пробелов в сфере государственных закупок, защитой бюджетных средств от коррупционных посягательств, что не меняет гражданско-правовую природу государственного контракта.

Рассмотренные точки зрения ученых, а также определение понятия в законодательстве не дают полное и точное отражение правовой сути государ-

[1] Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 25.12.2023) // СПС «Консультант Плюс».

ственного контракта. Подводя итоги, можно предложить собственное определение понятия «государственный контракт» исходя из его особенностей, выражающихся в:

1) наличии специальных субъектов;

2) особой природе правоотношений при заключении и исполнении государственного контракта;

3) особой цели заключения государственного контракта;

4) специальных условиях заключения государственного контракта – по результатам проведения торгов или иных способов закупки;

5) специальных условиях исполнения государственного контракта;

6) многоэтапном процессе заключения государственного контракта.

Таким образом, государственный контракт – это гражданско-правовой договор, который заключается государственным (муниципальным) заказчиком от имени Российской Федерации или муниципального образования с участником, выигравшим закупочную процедуру, с целью обеспечения государственных (муниципальных) нужд, а также устанавливающий обязанности сторон и их ответственность за выполнение государственного заказа.

УСТОЙЧИВОСТЬ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ, КАК ОЦЕНОЧНЫЙ КРИТЕРИЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОТ ГРУППЫ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ

Жабина О.Д. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., Бессонова И.В.

Организованная преступность, как неотъемлемая часть общественного развития способна оказывать существенное негативное влияние на различные сферы общественной жизни. Однако, сложность, многогранность и изменчивость действительности зачастую не позволяют законодателю предусмотреть все особенности конкретных ситуаций в нормах уголовного права. В таких

случаях приходится использовать приемы юридической техники, такие как применение оценочных понятий.

Одним из важнейших таких понятий является признак «устойчивости» организованной группы, признанный в доктрине уголовного права важнейшим критерием, позволяющим разграничивать и определять степень общественной опасности группы лиц, совершающей преступление по предварительному сговору, и организованной группы.

Устойчивость организованной группы является сложной и многогранной категорией. Для полного понимания ее сущности необходимо обращаться не только к уголовно-правовой доктрине, но и к судебной практике.

В работе Д.В. Токманцева, анализирующего судебные дела, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, основными признаками устойчивости организованной группы называются стабильность состава, распределение ролей при приготовлении и совершении преступления, наличие в составе группы руководителя и длительный временной промежуток существования[1]. Мартыненко Д.Г. критически оценивает позицию Л.М. Прозументова, который акцентирует внимание на «внешней» стороне устойчивости, и предлагает рассматривать устойчивость как определение «внутренней устойчивости» организованной группы, то есть устойчивости самой среды преступников, которая определяется наличием связей между ними[2].

Согласно точке зрения А.Ю. Цветкова, предлагается исключить из определения организованной группы признак ее устойчивости и заменить его указанием на то, что такая группа возглавляется организатором. Ведь устойчи-

[1] Токманцев Д.В. К вопросу о признаках организованных групп // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. №3 (24). С. 8-12.

[2] Мартыненков Д.Г. О признаках организованной группы // Актуальные вопросы публичного права: Материалы XIX Всероссийской научной конференции Студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 12–13 ноября 2020 года. Том Выпуск 19. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2020. С. 287-294.

вость «скорее присуща преступным организациям, а не организованным группам»[1]. Это подтверждается примерами судебной практики, в которых действия виновных квалифицированы по признаку «совершения преступлений организованной группой» в связи с тем, что следствию удалось доказать наличие в группе организатора[2].

Все анализируемые авторские позиции являются ценными и заслуживают особого внимания. Тем не менее, ни одна из этих позиций не может полностью определить устойчивость как абсолютно-определенную «величину».

Верховный Суд РФ неоднократно пытался конкретизировать и наполнить точным содержанием указанный признак, несмотря на это в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ трактовка понятия «устойчивость» недостаточно конкретна и разнообразна.

Иногда в понятие устойчивости включаются факультативные характеристики, которые вовсе не имеют к ней никакого отношения и не конкретизируют. Например, техническая оснащенность, наличие в группе средств связи, транспорта, вооружения, маскировочных и разведывательных средств, а также использование членами группы средств конспирации[3]. Указанное нельзя смешивать с устойчивостью организованной группы.

В большинстве случаев раскрыть оценочность «устойчивость» той или иной формы соучастия предстоит лишь правоприменителю, что влечет за собой отсутствие единообразного применения уголовного закона, а, следовательно, нарушение основных правовых принципов уголовного права.

Следовательно, учитывая оценочность признака устойчивости, признание его в качестве единого критерия для разграничения организованной группы от группы лиц по предварительному сговору является, по меньшей

---

[1] Цветков Ю.А. Преступное сообщество (преступная организация): уголовно-правовой и криминологический анализ: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Ин-т государства и права РАН. Москва, 2004. С.6.

[2] Апелляционное постановление Брянского областного суда от 16 сентября 2022 г. по делу N 22-1303/2022 URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/329760801/paragraph/50:0 (дата обращения: 01.03.2024).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" // Российская газета. 2003. 18 янв. (№ 9).

мере, сомнительным, а перед правоприменительной практикой стоит задача не только поиска формализованного критерия для толкования показателя устойчивости группы, но и выделения иных критериев их отграничения.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА РАБОТНИКА В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Жилкина Е.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и право социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., Яковенко Н.А.

Различные виды отклоняющегося поведения в профессиональной сфере и трудовых отношениях находят отражение в негативных продолжительных межличностных, межгрупповых и личностно-групповых отношениях, последствия которых носят как материальный, так и нематериальный характер, а именно финансовые, психологические потери, вред здоровью. Проблема отклоняющегося поведения (моббинга) в трудовых отношениях впервые была поднята в 1980-х шведским психологом Х. Лейман после изучения поведения местных чиновников и служащих[1].

Рассматривая опыт по борьбе с моббингом в других странах, можно выделить два основных способа: создание специального законодательства или использование уже действующих норм. Так, выбрав первый путь, Правительство Чехии модернизировало уже существующее законодательство о труде, добавив положения о необходимости соблюдения на предприятии правил хорошего тона, за нарушение которых работник имеет право подать в суд на работодателя. Германия, выбрав второй путь, использует в качестве инструмента по борьбе с этим явлением специальное соглашение, в котором сотруднику разъясняется, к кому можно обратиться в случае негативного отношения со

[1] Шекурова В.Н. Проблемы моббинга в трудовых правоотношениях: правовые пробелы российского трудового законодательства и зарубежный опыт борьбы с ними // Право и правосудие в современном мире. 2022. № 3. С. 254-258.

стороны руководства или коллектива. По данной категории дел суды при вынесении решений ссылаются на ст.1 и 2 Основного Закона ФРГ, согласно которым такие виды отклоняющегося поведения рассматриваются как посягательство на честь и достоинство работника[1].

Официальной статистики в Российской Федерации по данному вопросу не ведется, однако согласно некоторым исследованиям, от 5 до 20% работников становятся жертвами различных видов негативного психологического воздействия[2].

Вместе с тем, в национальном законодательстве отсутствуют правовые нормы, которые напрямую регулировали бы психологические аспекты трудовых отношений. Ученые путем расширительного толкования действующих норм находят возможную основу для выстраивания механизма защиты. Например, О.В. Щербакова отмечает, что ст. 2 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) налагает на работодателя обязанность не только воздерживаться от посягательства на достоинство работника (пассивное обязательство), но и обеспечивать защиту достоинства работника от посягательств третьих лиц (активное обязательство)[3].

Трудовое законодательство также содержит обязанность работника сообщать работодателю о возникновении ситуации, представляющей угрозу жизни и здоровью людей (п. 2 ст. 21 ТК РФ), но, как правило, речь идет о несчастных случаях на производстве, авариях и т.д., а не о психологическом давлении, оказываемом на него.

Согласно ст. 352 ТК РФ у граждан имеются такие способы защиты своих прав и свобод как самозащита, защита прав и интересов работников профессиональными союзами, обращение в федеральный государственный контроль

[1] Тимофеева Е.В. Законодательное регулирование проявлений моббинга: российские правовые реалии и мировой опыт // Administrative Consulting. 2021. № 2. С. 84-96.

[2] Демина Е.В., Милинкис Е.Б., Милинкис С.Е., Полагин К.С. Исследование проявления моббинга в российских компаниях // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2017. № 2. С. 41-47.

[3] Щербакова О.В. К вопросу о понятии психологического насилия (моббинга): социально-психологический и трудоправовой аспекты // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. №4. С. 121.

(надзор) за соблюдением трудового законодательства и судебная защита. Поскольку в России наиболее распространен вертикальный моббинг (т.е. моральное давление на работника исходит от руководителя), то работник, как экономически слабая сторона, должен иметь работающие механизмы защиты своих прав. В данной ситуации самозащита не представляется возможной, поскольку преимущественно работником движет страх усиления психологического давления или увольнения.

Профсоюзные объединения, созданные работниками с целью защиты прав и интересов, на данный момент не выполняют своей защитной функции. Говоря об органах судебной власти, стоит отметить, что категории морального преследования для них не существует, т.к. трудовое законодательство хоть и провозглашает принцип защиты достоинства работника, однако не закрепляет, что его несоблюдение является правонарушением.

Один из механизмов защиты чести и достоинства работника закреплен в статье 128.1 Уголовного кодекса РФ, устанавливающей уголовную ответственность за клевету – распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию.

Если следствием психологического давления является самоубийство, родственникам жертвы необходимо доказать органам следствия наличие состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ для привлечения виновных лиц к ответственности.

В статье 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях установлена ответственность за оскорбление, т.е. унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в форме, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме.

Согласно ст. 152 Гражданского кодекса РФ за гражданином закреплено право требовать в суде опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

Затрагивая практику в гражданском процессе, стоит отметить, что по делам о психологическом преследовании работников, работники-истцы в обоснование своих требований ссылаются на обязанность по возмещению морального вреда, причиненного работнику (ст. 237 ТК РФ), а также на указанные выше принципы защиты достоинства работника (ст. 2 ТК РФ) и нормы, запрещающие дискриминацию в сфере труда (ст. 3 ТК РФ).

Таким образом, ввиду отсутствия механизма защита в специальном законодательстве, проблема негативного психологического воздействия на работника становится актуальным вопросом, решение которого приведет к сокращению случаев правонарушений со стороны участников трудовых отношений и будет способствовать установлению здорового психологического климата на рабочем месте.

ДИСКРИМИНАЦИЯ В СФЕРЕ ТРУДА: ПОНЯТИЕ И ПРИЧИНЫ

Жогина Л.А. – магистрантка Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург.
Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Яковенко Н.А.

Запрет дискриминации в сфере труда является одним из основополагающих принципов права. На международном уровне он нашел свое отражение в таких актах, как Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Декларация МОТ «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» от 18 июня 1998 г. Конвенциях МОТ № 100 «О равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности» 1951 г., № 111 «О запрете дискриминации в области труда и занятий» 1958 г. и др. В Российском законодательстве данный принцип закреплен на законодательном уровне в ст.37 Конституции Российской Федерации, а также в Трудовом Кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ).

В ТК РФ принципу запрещения дискриминации в сфере труда посвящена отдельная ст. 3, в которой сказано: «Никто не может быть ограничен в

трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника».

Запрет дискриминации в настоящее время необходим, так как каждому гражданину должны предоставляться равные возможности в получении работы и профессиональном развитии, что также способствует экономическому развитию и росту производительности в стране.

Дискриминация в сфере труда является огромной проблемой, с которой приходится сталкиваться многим субъектам трудовых отношений по всему миру. Несмотря на прогресс в построении равноправной среды, некоторые люди все еще сталкиваются с несправедливым отношением к ним.

Дискриминацию в сфере труда понимают как «неблагоприятное отношение к людям из-за присущих им свойств, признаков, не имеющих отношения к их заслугам или требованиям к определенной работе (раса, религия, пол, возраст и др.)[1].

Таким образом, можно сказать, что дискриминация в сфере труда – это нарушение прав личности по какому-либо основанию, не связанному с деловыми качествами работника.

Дискриминация в трудовых отношениях имеет множество причин, которые продолжают препятствовать достижению равенства и справедливости в сфере труда. Рассмотрим основные причины появления дискриминации в трудовых отношениях.

[1] Лебедева Л.Ф. Женское страдание: Женщины в глобализованном обществе XXI века// Российское предпринимательство. 2004. № 3. С.9–12.

Во-первых, в законодательстве, регулирующим данный вопрос, нет конкретизации признаков и оснований дискриминации, которая бы могла сформировать единое мнение у юристов по поводу основных понятий и способов решения указанной проблемы.

На сегодняшний момент нет четких критериев разграничения дискриминации от других нарушений прав личности, поэтому на практике у правоприменителя возникает множество вопросов и сложностей, что также отрицательно сказывается на уровне правовой защищенности лиц, подвергшихся дискриминации в сфере труда. В связи с недостаточной конкретизацией критериев дискриминации, там, где один субъект укажет на наличие явных признаков дискриминации, другой с ним будет не согласен, в результате чего отсутствует единообразная правоприменительная практика.

Во-вторых, несмотря на развитие общества, многие люди продолжают руководствоваться предрассудками и стереотипами по отношению к определенным группам людей. Потенциальные работники нередко оцениваются с точки зрения расы, религии, пола, возраста, национальности, а не с точки зрения их профессионализма, опыта и деловых качеств. Все это приводит к тому, что по-настоящему талантливые и перспективные сотрудники остаются без работы, в то время как работодатели отдают свое предпочтение тем, кто наиболее соответствует их субъективным убеждениям о внешности или принадлежности к определенной группе.

В-третьих, недостаточный уровень образования и информированности у работодателей приводят к тому, что, не осознавая своих обязательств в сфере соблюдения прав человека, игнорируя существующие правовые нормы, работодатели неправомерно отказывают в приеме на работу, а также увольняют или отказывают в повышении сотрудникам, на основе своих личных предпочтений.

Еще одной причиной является пассивность и отсутствие веры в справедливость закона лиц, подвергшихся дискриминации на рабочем месте. Огром-

ное количество случаев дискриминации не освещаются и остаются не решенными только потому, что работники не верили в удачный исход дела или не захотели тратить время на разбирательства.

Таким образом, к сожалению, на сегодняшний момент дискриминация является частым спутником трудовых отношений и существует практически на всех стадиях производственного процесса. Когда лица подвергаются неправомерным действиям, основанным на половом, возрастном, религиозном и других признаках – это является огромной проблемой, которая требует серьезного внимания и незамедлительного решения.

Дискриминация в трудовых отношениях является многогранным явлением, в котором существуют разнообразные и серьезные причины. Для преодоления проблемы ущемления прав личности требуется системный подход, который включает в себя проведение законодательных реформ, создание эффективных механизмов защиты прав граждан, разработка образовательных программ, направленных на просвещение и повышение осведомленности о дискриминации. Огромную роль в борьбе с дискриминацией играет формирование гуманитарных ценностей и высокого уровня правосознания в современном обществе.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТОРГОВ

Жумабеков В.Е. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент Ефимцева Т.В.

Эффективное взаимодействие участников рынка, направленное на поиск контрагентов, и надлежащее оформление таких отношений составляет суть функционирования товарных рынков в условиях конкуренции. Именно соперничество на торгах позволяет определить наилучшие условия для организатора торгов по исполнению обязательств в правоотношениях, в установлении которых имеется интерес, повлиять на общие характеристики и условия функционирования рынка. Результаты торгов в виде заключенных сделок и даже

результаты несостоявшихся процедур учитываются при заключении последующих договоров прочими участниками и организаторами.

Антимонопольное регулирование является важным инструментом защиты конкуренции, обеспечивает непосредственное и оперативное воздействие на угрозы ограничения конкуренции, а также предупреждает их возникновение. Государство осуществляет антимонопольное регулирование по нескольким направлениям, формируя антимонопольное законодательство и государственную политику в области конкуренции, принимая прямое участие в конкурентных отношениях, осуществляя государственный контроль за соблюдением антимонопольного законодательства.

Одним из направлений антимонопольного контроля, призванного защитить рынок от антиконкурентного поведения, является контроль за организацией и проведением торгов.

Торги представляют собой особый способ заключения договора, когда контрагент выбирается среди нескольких претендентов как предложивший наиболее высокую цену или лучшие условия и в силу этого выигравший торги. Именно с ним и заключается договор. Получается, что торгам изначально присущ элемент состязательности, отличающий их как способ заключения договора от обычного способа, предполагающего акцепт оферты. Торги, в которых принимал участие только один участник, не могут обеспечить состязательности между участниками и наиболее выгодных условий для организатора торгов, а потому признаются несостоявшимися (п. 5 ст. 447 ГК РФ).

Организация и проведение торгов, как это следует из ст. 448 ГК РФ, осуществляются, как правило, в несколько стадий:

а) организация торгов: опубликование извещения о проведении торгов; подготовка требуемой для участия в торгах документации; получение при необходимости разъяснения положений документации;

б) проведение торгов: подача заявок на участие в торгах; рассмотрение заявок на участие в торгах;

в) проведение оценки и сопоставления заявок на участие в торгах; составление и подписание протокола о результатах торгов; подписание договора (если предметом торгов было только право на заключение договора).

Отказ в допуске к участию в аукционе организаций, имеющих лицензии, предоставляющие право на осуществление функций генерального подрядчика в ходе строительства зданий и сооружений, может привести к ограничению конкуренции. Пункт 1 ст. 706 ГК РФ предусматривает, что, если из закона или договора подряда не вытекает обязанность подрядчика выполнить предусмотренную в договоре работу лично, подрядчик вправе привлечь к исполнению своих обязательств других лиц (субподрядчиков). В этом случае подрядчик выступает в роли генерального подрядчика. Отсутствие в лицензии указания на осуществление работ с использованием природного камня не может являться основанием для отказа в допуске субъекта к участию в аукционе, поскольку имеющаяся у него лицензия предоставляет ему право на осуществление функций генерального подрядчика в ходе строительства зданий и сооружений, за исключением сооружений сезонного или вспомогательного назначения[1].

Нужно также отметить, что при проведении торгов, если организаторами или заказчиками торгов, запроса котировок являются органы власти или органы местного самоуправления, а также при проведении торгов, на размещение заказов на поставки товаров для государственных или муниципальных нужд запрещается не предусмотренное федеральными законами или иными нормативными правовыми актами ограничение доступа к участию в торгах. При проведении торгов запроса котировок на размещение заказов на поставки товаров для государственных или муниципальных нужд запрещается ограничение конкуренции между участниками торгов путем включения в состав ло-

[1] Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.12.2009 по делу № А45-12673/2009.

тов продукции, технологически и функционально не связанной с товарами, работами, услугами, поставки, выполнение, оказание которых являются предметом торгов.

Для определения понятия торгов и для применения на практике положений законодательства, регламентирующих правила организации и проведения торгов, в том числе антимонопольные, немаловажное значение имеет классификация торгов. Надлежащая степень определенности в классификации торгов играет также существенную роль при решении вопроса о применении к тем или иным процедурам приобретения прав антимонопольного законодательства, поскольку в Законе о защите конкуренции установлены антимонопольные требования к торгам, запросу котировок цен, запросу предложений. Критериями классификации торгов могут быть самые различные основания. По критерию доступа к торгам российское законодательство выделяет открытые и закрытые торги.

Согласно положениям статьи 448 ГК РФ открытыми торгами являются торги, в которых может принять участие любое лицо, закрытыми – торги, в которых могут принять участие только специально приглашенные лица. При объявлении открытых торгов организатор должен сделать извещение, адресованное неопределенному кругу лиц. В отличие от открытых торгов, закрытые проводятся в законодательно закрепленных случаях, закрытые торги также называют «торги по приглашению». Это связано с тем, что потенциальным участникам торгов направляют приглашение на участие в торгах, тем самым информируя их о проведения процедуры. Так, согласно части 2 статьи 84 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1] (далее – Закон о контрактной системе) определение поставщиков

[1] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 14.11.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

закрытыми способами возможно только в специальных случаях, связанных, как правило, с необходимостью обеспечения режима государственной тайны.

Главная особенность такого вида торгов заключается в ограничении участников в соответствии с критериями, определенными условиями торгов, участие в которых принимают организации, получившие особое приглашение от заказчика. Еще одной формой торгов по критерию доступа участников можно назвать торги с ограниченным кругом участников, когда участники проходят предварительную квалификацию (отбор), исходя из специальных требований, и затем уже формируется круг непосредственных участников торгов.

Под антимонопольными требованиями к торгам следует понимать совокупность правовых норм, направленных на обеспечение конкурентных условий и сущности торгов. Безусловно, базовые нормы содержатся в статье 17 Закона о защите конкуренции. Ввиду ранее уже обозначенных проблем разного уровня развития отраслевого законодательства антимонопольные требования к торгам содержатся также разрозненно в различных нормативных правовых актах.

Наличие дублирующих в какой-то степени, а иногда и сугубо отраслевых, норм и правил приводит к проблемам право применения. Так, например, самостоятельные антимонопольные требования к торгам сформулированы в статье 17 «Антимонопольные требования при пользовании недрами» Закона РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»[1], которой устанавливается запрет на:

- ограничение доступа юридических лиц и граждан к участию в торгах в нарушение условий конкурсов или аукционов; уклонение от предоставления лицензий победителям конкурсов или аукционов;

- замену прямыми переговорами конкурсов и аукционов, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами;

- дискриминацию пользователей недр.

[1] Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 10.07.2023) «О недрах» // СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

Вместе с тем и в Федеральном законе от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[1] (далее – Закон о защите конкуренции) антимонопольные требования к торгам (там, где торги прямо поименованы в положениях закона) содержатся в статьях 11, 111, 17, 171, 18. При том, что ряд нарушений правил проведения торгов, приводящие к ограничению конкуренции, на практике могут быть квалифицированы и по иным статьям Закона о защите конкуренции, где торги прямо не поименованы.

Для определения системы именно антимонопольных требований к торгам представляется целесообразным, с одной стороны, отделить антимонопольные требования к торгам от правил организации и проведения торгов, нарушение которых может и не приводить к ограничению конкуренции, а с другой стороны, выделить общие для всех торгов антимонопольные требования и специальные требования, которые содержатся как в Законе о защите конкуренции, так и в иных законах. В основу такого разделения может быть положен вывод, сделанный в пункте 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 101, которым утвержден Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с признанием недействительными публичных торгов, проводимых в рамках исполнительного производства, согласно которому при рассмотрении иска о признании недействительными публичных торгов суд должен оценить существенность нарушений и то, повлияли ли они на результат торгов. Исходя из общего положения части 1 статьи 17 Закона о защите конкуренции, такая оценка должна быть основана на том, приводят или могут ли привести соответствующие действия (бездействие) к негативным последствиям для конкуренции или нет.

В любом случае факт участия организаторов торгов или заказчиков и (или) работников организаторов торгов или работников заказчиков в торгах приводит или может привести к недопущению, ограничению или устранению

[1] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

конкуренции. Резюмируемая взаимосвязанность между указанными субъектами противоречит самой идее заключения договора на торгах, базисом которой служит состязательность, свободная конкуренция между участниками, что приводит к выбору в качестве победителя (и соответственно контрагента по договору) субъекта, предложившего наилучшие условия или наиболее высокую цену.

Таким образом, в систему антимонопольных требований к торгам включаются такие правила и запреты, нарушение которых приводит или может привести к ограничению, устранению или недопущению конкуренции, но не все правила организации и проведения торгов.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ШОС

Загидуллин Р.Р. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н., доц. Васякина Е.В.

В последние десятилетия правительства многих государств, включая ведущие страны ШОС, такие как Китай, Индия, Россия и страны Центральной Азии, разработали свои цифровые стратегии для поддержания и ускорения экономического роста и постоянной оптимизации их в соответствии с целями развития.

Например, практически все страны Центральноазиатского региона (за исключением Туркменистана) внедрили свои собственные программы содействия цифровизации. В частности, Казахстан утвердил программу «Цифровой Казахстан» в 2018 году, Узбекистан принял стратегию «Цифровой Узбекистан 2030» в 2020 году, Таджикистан принял концепцию развития цифровой экономики в 2020 году и т. д[1].

[1] Управление проектами: учебник / В.Н. Островская, Г.В. Воронцова, О.Н. Момотова [и др.]. Санкт-Петербург: Лань, 2018. 400 с.

Сегодня основной движущей силой применения прорывных информационных технологий на практике является государственное и муниципальное управление. Информационные технологии позволяют одновременно повышать качество предоставления государственных услуг и эффективность, и действенность государственного управления, а также более полно использовать потенциал отдаленных районов.

Развитие цифровизации приводит к появлению во всем мире новых технологий, таких как 5G, искусственный интеллект, «умные города». Они оказывают сильное влияние на научно-техническое развитие всего мира, структуру производства и социально-экономические процессы.

Национальные цели развития обозначают проблемные стороны жизни российского общества, к которым оно должно принадлежать: старение и естественная убыль населения; высокий уровень бедности и дальнейшее снижение реальных доходов граждан; низкий экономический рост и низкая производительность труда; низкая инвестиционная привлекательность страны как со стороны внутренних, так и со стороны внешних инвесторов; зависимость национальной экономики от колебаний цен на газ и нефть; недостаточная инфраструктура[1].

Преодоление или смягчение этих проблем будет означать новое качество жизни граждан Российской Федерации.

Достижение национальных целей в области развития должно осуществляться посредством 12 национальных проектов, в том числе: здравоохранение; образование; демография; культура; безопасные и качественные дороги; жилье и городская среда; экология; наука; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы; цифровая экономика; производительность труда и поддержка занятости; международная

[1] Зеленцова С.Ю. Реализация национальных проектов в части цифровизации государственного управления в субъектах РФ / С.Ю. Зеленцова, О.Н. Галюта // Научные труды Вольного экономического общества России. Москва, 2021. Т. 231. С. 238-256.

кооперация и экспорт; Комплексная модернизация и расширение магистральной инфраструктуры.

Национальные проекты разделены на 3 блока: «Человеческий капитал» (5,7 трлн. рублей или 86,2 млрд. долл. США), «Комфортная среда для жизни» (9,9 трлн. рублей или 149,9 млрд. долл. США) и «Экономический рост» (10,1 трлн. рублей или 152,8 млрд. долл. США).

Национальные проекты направлены на решение важнейших проблем российской экономики, а достижение национальных целей – это их межпрограммный характер и комплексная реализация национальных стратегий, поскольку каждая из целей может быть достигнута путем реализации нескольких национальных проектов.

Сотрудничество в рамках национальных проектов со странами ШОС может быть необходимым условием экономической повестки дня ШОС для развития российской экономики, поскольку многие задачи, решаемые российскими национальными проектами, актуальны и для стран ШОС.

С точки зрения национальных интересов приоритетными направлениями сотрудничества России со странами ШОС являются те отрасли, которые, с одной стороны, позволяют России реализовать конкурентные преимущества технологической и промышленной державы: горнодобывающая и металлургическая промышленность, военно-технический комплекс, энергетика[1].

Особую роль цифровизации эксперты видят в развитии транспортной инфраструктуры стран Шанхайской организации сотрудничества, что позволяет снизить транспортные расходы на 30% и увеличить пропускную способность на 40%. Совместное строительство мульти модальных транспортно-логистических центров и формирование сети промышленных кластеров вдоль транспортных маршрутов государств-членов ШОС будет способствовать расширению экономических возможностей стран ШОС.

[1] Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: докл. / Высш. шк. экономики. Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. 44 с.

Стремительная цифровизация жизни обществ и государств порождает ряд актуальных проблем в области кибер-безопасности. По оценкам экспертов, количество кибератак во всем мире в 2022 году увеличилось на 50% по сравнению с 2020 годом. В 2023 году сектор образования и исследований занял первое место среди наиболее уязвимых отраслей в мире. Вот почему тема международной информационной безопасности, которая была включена в повестку дня ШОС более 15 лет назад и сохраняет свою актуальность сегодня в контексте цифровизации. За прошедшие годы был выработан единый подход, позволяющий ШОС направлять международные усилия по разработке универсальных правил ответственного поведения государств в информационном пространстве и предотвращению использования ИКТ в незаконных целях. Так, в 2021 году по итогам юбилейного саммита в Душанбе было подписано 30 документов, в том числе разработанный по инициативе Узбекистана и России план сотрудничества стран ШОС по обеспечению международной информационной безопасности на 2022-2023 годы.

Экономическая ситуация в России негативно сказывается на возможности расширения ее влияния в странах ШОС. Прямым конкурентом России в регионе становится Китай. Поэтому важно, чтобы Россия не только не сокращала свое присутствие в странах ШОС, но и использовала сотрудничество в ШОС, используя имеющийся опыт и конкурентные преимущества, для укрепления своих внешнеэкономических связей.

Цифровизация сегодня является ключом к инклюзивному экономическому развитию и повышению инвестиционной привлекательности стран-членов ШОС. С этой точки зрения, несомненно, что принятие на Самаркандском саммите всеобъемлющей программы реализации Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Организации на 2023-2027 годы будет способствовать укреплению многопартийности между государствами-членами ШОС, в том числе в области цифровизации.

Кроме того, несмотря на то что Российская Федерация находится на начальном этапе цифровизации государственного управления, важно учитывать специфику и особенности будущих этапов. То есть, уже сейчас очевидно, что с цифровизацией государственного управления должны исчезнуть некоторые виды государственных услуг, которые упростят государственное управление и повысят эффективность государственного управления.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОБОИ И УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ЛЕГКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ЗА РУБЕЖОМ

Запольских А.В. – магистрант Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., Парышев А.И.

Уголовный кодекс Германии от 13 ноября 1998 г. не закрепляет в себе понятие побои и причинение легкого вреда здоровью, как в российской правовой системе. В законодательстве страны существует такое понятие как «телесное повреждение». Диспозиция статьи подразумевает в себе соединение интересующих понятий: нанесение телесных повреждений другому лицу или вреда его здоровью. Статья 223 Закона предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет или денежного штрафа[1].

При анализе уголовного законодательства Казахстана можно заметить, что интересующие для изучения статьи исключены в 2017 г. путем «перевода» в кодекс по административным делам, но в тоже время выступают в качестве квалифицирующего состава при совершении преступления в отношении специального субъекта. В статье 439 УК Казахстана предусмотрена ответственность за нанесение побоев и причинение легкого вреда здоровью в отношении начальника, совершенные во время несения воинской службы или в связи с

[1] Шестаков Д.А. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyiyi_Kodeks.pdf (дата обращения: 28.07.2023).

выполнением таких обязанностей. Санкция предусматривает альтернативный вид наказания: штраф в размере до одной тысячи месячных расчетных показателей либо исправительные работы в том же размере, ограничение свободы на срок до одного года, лишение свободы на тот же срок[1].

При ознакомлении уголовного законодательства Республики Азербайджан можно заметить, что в нем не предусмотрена самостоятельная статья, посвященная побоям, но в тоже время присутствует преступление в виде умышленного причинения легкого вреда здоровью (ст. 128). Санкция статьи в УК Республики Азербайджан подразумевает штраф от тысячи до тысячи пятисот манатов, общественные работы на срок от двухсот сорока до трехсот шестидесяти часов, исправительные работы на срок до одного года, ограничение свободы на срок до одного года, а также лишение свободы на срок до одного года[2].

Обратимся к законодательству Италии. В уголовном кодексе Италии законодатель закрепил статью 851, касающуюся побоев. Так, ответственность не наступает в случае возникновения у потерпевшего физической либо душевной болезни. Побои являются делом исключительно частного обвинения. С рассматриваемой статьей неразрывно связана норма, касающаяся телесных повреждений. Так, в ст.852 Закона диспозиция статьи состоит в том, что, если человеку причинено телесное повреждение или душевное расстройство наказывается лишением свободы от трех месяцев до трех лет.

В большинстве случаев побои причиняется в процессе драки, поэтому законодатель предусмотрел и данный факт. Так, в ст. 588 предусмотрена ответственность за участие в драке, при которой лицу было нанесено телесное повреждение наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти

---

[1] Уголовный кодекс Казахстана по состоянию на 12.09.2023г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=6530;-36#pos=6530;36&sdoc_params=text%3D%25D0%25BF%25D0%25BE%25D0%25B1%25D0%25BE%25D0%25B8%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D31575252%26spos%3D1%26tSynonym%3D1%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=1 (дата обращения: 13.09.2023).

[2] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353&pos=1523;-47#pos=1523;-47 (дата обращения: 23.12.2023).

лет. В ст. 590 уголовного Закона Италии предусмотрена ответственность за телесное повреждение по неосторожности. Санкция предусматривает за совершение преступления сроком до трех месяцев лишения свободы или штрафом в размере 600 000 лир.

В Уголовном кодексе штата Коннектикут состав причинение вреда здоровью закреплен во главе «проступки», что отличается от российской правовой системы, поскольку проступок не является уголовно наказуемым. Вместе с этим законодатель берет во внимание, что причинение вреда происходит в результате нападения, а также разделил причинение вреда на три степени, где представляет наибольший интерес последняя (третья). Так, лицо признается виновным в результате нанесения телесных повреждений третей степени и должно быть приговорено к тюремному заключению сроком на один год, который не может быть приостановлен или сокращен (ст.53a-61 УК штата Коннектикут)[1].

В то же время в законе об уголовном правосудии Великобритании закрепляется ответственность о побоях как в отношении специального субъекта – сотрудников экстренных служб, так и в отношении общего субъекта уголовного права. Ответственность по ст. 39 Закона включает в себя альтернативный вид наказания – штраф, тюремное заключение на срок до 6 месяцев, который по смыслу законодателя может выступать основным[2].

Уголовный кодекс Израиля не закрепляет понятия «легкое причинение вреда здоровью», но закрепляет «телесные повреждения», «тяжкое телесное повреждение», «опасное телесное повреждение». Сами по себе определения, исходя из их названий, включают признаки, отличающие одно от другого. Если рассматривать с точки зрения российского уголовного права то, «телесные повреждения» соотносятся с легким причинением вреда здоровью, так как характеризуются причинением физической боли единоразово или такая боль

[1] Connecticut General Statutes URL: https://law.justia.com/codes/connecticut/2022/title-53a/chapter-952/section-53a-61/ **(**дата обращения: 17.02.2024).

[2] Domestic Violence, Crime and Victims (Amendment) Act 2012 URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/4/contents/enacted (дата обращения: 17.02.2024).

проходящая. В то время как «тяжкое телесное повреждение», «опасное телесное повреждение» характеризуются причинением необратимого вреда здоровью и смертельной опасностью для человека соответственно[1].

Вместе с этим, ст.334 уголовного закона Израиля признает в качестве самостоятельного состава ранение. Под ранением законодатель понимает незаконное причинение телесного повреждения. В то же время законодатель выделил квалифицирующие признаки в ст.335 - причинение ранения в отношении несовершеннолетнего, а также лица, с кем проживало лицо, совершившее ранение. Санкция по ст.334 предусматривает лишение свободы до четырех лет, по ст.335 – лишение свободы до десяти лет[2].

Причинение телесного повреждения вследствие небрежности (ст.341) является совершение или уклонение от воспрепятствования совершения такого действия, которое оно должно или могло было сделать, в результате которого было нанесено телесное повреждение по уголовному кодексу Израиля наказывается лишением свободы до одного года[3].

Таким образом, можно сделать вывод, что в уголовных законах зарубежных стран прослеживается общая тенденция выделения здоровья человека в самостоятельный объект уголовно-правовой охраны.

Выявленные особенности зарубежного законодательства могут быть использованы не только для развития российской уголовно-правовой науки, но и при изучении проблем квалификации преступных деяний, направленных против здоровья человека, а также при конструировании в УК РФ самостоятельной главы, посвященной преступлениям против здоровья человека.

ЮРИДИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПОЛНОМОЧИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Зеленина А.Е. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

[1] Закон об уголовном праве Израиля (изменениями и дополнениями от 2014 года) URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/15336 (дата обращения: 11.02.2024).

2 Там же.

3 Там же.

Научный руководитель: доцент кафедры конституционного
и международного права Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Жукова С.М.

Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации определены в ст. 125 Конституции Российской Федерации. Особый статус Конституционного Суда Российской Федерации обусловлен его специфическими полномочиями как органа конституционного контроля.

Отметим, что в юридической науке отсутствует единообразный подход к содержанию понятия «полномочия Конституционного Суда». Кроме того, дискуссии порождает ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»[1]. В частности, в ч. 2 ст. 3 используется также понятие компетенции Конституционного Суда Российской Федерации. По мнению А.А. Петрова, «компетенция – более широкое понятие, чем полномочия, а это означает, что содержание ст. 3 Закона о КС за счет упоминания компетенции КС РФ вышло за рамки, заданные ее заголовком»[2].

Как полагает А.Ю. Головкова, под компетенцией следует рассматривать «совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей государственного органа, определяющих его место в системе органов государственной власти»[3].

Т.М. Бялкина отмечает, что наиболее распространенным подходом к пониманию компетенции субъектов публичной власти является ее определение

[1] Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.03.2024).

[2] Петров А.А. Проблемы законодательного регулирования компетенции Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 9(154). С. 144.

[3] Александрова З.К. Конституционный судебный процесс: учебник / отв. ред. М.С. Саликов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 62.

как «совокупность предметов ведения (областей, сфер общественных отношений) и полномочий (совокупности прав и обязанностей в данных областях, сферах) по их решению»[1].

Таким образом, понятие «компетенция» действительно шире, чем понятие «полномочия». Исходя из определения, приведенного в Юридической энциклопедии, можно прийти к выводу, что полномочие представляет собой лишь составную часть компетенции[2].

Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации предопределяются возложенными на него базовыми функциями. Исходя из норм Конституции Российской Федерации, базовой функцией Конституционного Суда Российской Федерации является осуществление конституционного контроля. Однако в современных диссертационных исследованиях подчеркивается более широкая природа полномочий Конституционного Суда Российской Федерации, нежели просто осуществление конституционного контроля.

В частности, К.Ю. Гоглева в своем диссертационном исследовании подчеркивает, что конституционная компетенция Конституционного Суда Российской Федерации «предопределяет специфику статуса высшего судебного органа конституционного контроля, определяемую признаками высокой степени правового обобщения, экстраординарностью разбираемых юридических споров, значительной вовлеченностью в фактическое правотворчество, а также необходимостью конструктивного взаимодействия с Президентом Российской Федерации, палатами Федерального Собрания и другими высшими государственными органами на основе конституционного баланса организационно обособленных ветвей власти, образующих при этом единую публичновластную систему суверенного государства»[3]. Из приведенной трактовки сле-

[1] Бялкина Т.М. Компетенция местного самоуправления в свете поправок к Конституции Российской Федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. №4 (43). С. 28.

[2] Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Издание 5-е, дополненное и переработанное. М.: Юринформцентр, 2001. С. 654.

[3] Гоглева К.Ю. Судебный конституционный контроль как гарантия разделения властей в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2023. С. 13.

дует, что полномочия Конституционного Суда Российской Федерации предопределяются его функциями, которые, в свою очередь, не ограничиваются лишь осуществлением конституционного контроля.

Современный правовой статус Конституционного Суда Российской Федерации опосредован совокупностью различного рода функциональных направлений его деятельности. В науке конституционного права продолжается полемика по вопросу о видах функций данного органа. Так, помимо конституционного контроля ученые выделяют также следующие функции Конституционного Суда Российской Федерации: правотворческая, познавательно-оценочная, функция толкования Конституции, гармонизирующая, правозащитная, контроль за воплощением конституционно-правовых моделей в правотворческой и правоприменительной практике[1].

Особо следует отметить правозащитную функцию Конституционного Суда Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации является частью ее судебной системы. Любой суд создается для осуществления правосудия. Конституционный суд, осуществляя судебную власть посредством конституционного судопроизводства, устанавливает факт наличия или отсутствия нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Юридическая природа полномочий Конституционного Суда Российской Федерации предопределяется возложенными на него функциями:

[1] См. Шелегов Ю.В., Шелегов В.Г. К вопросу о ключевых функциях Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 36; Витрук Н.В. Актуальные проблемы модернизации конституционного правосудия в России // Журнал российского права. 2011. №10 (178). С. 132; Полянский В.В. Гармонизирующая функция Конституционного Суда Российской Федерации (конституционное содержание и перспективы реализации) // Юридический мир. 2013. № 12. С. 21–26; Рафалюк Е.Е., Кичигин Н.В. Реализация правовых моделей: проблемы и поиск решений // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 135–140; Карасев Р.Е. Конституционный Суд Российской Федерации: реализация правозащитной функции: монография / Р.Е. Карасев; предисл. С.А. Авакьяна; под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ Н.М. Добрынина. Москва: ИНФРА-М, 2023. С. 77-94.

правозащитной функцией, правотворческой функцией, функцией конституционного контроля, функцией толкования положений Конституции РФ, функцией формирования системного правового регулирования, познавательно-оценочной функцией, гармонизирующей функцией. Полномочия Конституционного Суда Российской Федерацией, исходя из указанных особых функций, обладают специфичной самостоятельной правовой природой, не характерной для иных органов государственной власти и иных государственных структур.

2. Социальная природа Конституционного Суда Российской Федерации представляется в реализации его правозащитной функции. Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации прямо указывают, что права и свободы, предусмотренные Конституцией Российской Федерации, не могут нарушаться, в том числе и действующим законодательством. Конституционный Суд Российской Федерации пресекает подобные правонарушения.

3. Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации – это предусмотренные нормами Конституции Российской Федерации и нормами действующего специального законодательства права и обязанности указанного высшего судебного органа конституционного контроля, конкретизирующие его функции и осуществляемые в соответствии с целями его деятельности.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ПОДПИСКИ О НЕВЫЕЗДЕ И НАДЛЕЖАЩЕМ ПОВЕДЕНИИ

Иваневич Д.В. – магистр ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет», Россия, г. Омск
Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет», Россия, г. Омск, кандидат юридических наук, доцент Тимошенко Светлана Евгеньевна

Мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ) – наиболее часто применяемая мера пресечения, избираемая и реализуемая по общим правилам и требованиям, установленным УПК РФ, с учетом назначения уголовного судопроизводства.

В первую очередь, отметим, что данная мера пресечения, как и любая иная мера процессуального принуждения, призвана обеспечить надлежащий ход расследования, путем обеспечения присутствия и участия подозреваемого или обвиняемого в процессуально значимых действиях. При том, несмотря на отсутствие прямого физического воздействия на субъект (например, в отличие от привода) – подписка о невыезде имеет правовую природу меры процессуального принуждения, поскольку принятие такого обязательства представляет собой запрет лицу действовать согласно его субъективным желаниям и усмотрениям, как бы предопределяя его действия на будущее.

Раскрывая содержательное наполнение данной меры пресечения, отметим, что она обуславливается личным исполнением субъектом процессуальных обязательств подозреваемого или обвиняемого. Из этого следует, что лицо, в отношении которого избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, в состоянии контролировать свое поведение, оно не представляет особой опасности для общества в данный момент и не будет препятствовать, по мнению органов расследования, производству по уголовному делу. Однако при избрании подписки о невыезде следователь или дознаватель должны быть уверены в эффективности и результативности ее реализации.

В этой связи, нельзя не отметить, что существующие положения об эффективности применения подписки о невыезде указывают на плюрализм мнений авторов. В.С. Латыпов пишет: «Ее сущность заключается в самостоятельном принятии решения подозреваемого, обвиняемого не уклоняться от следствия и суда, а ее реализация не обуславливается значительными затратами, к тому же она полностью понятна и проста, чего не скажешь о иных мерах пресечения»[1].

[1] Латыпов В.С. Отдельные вопросы избрания и применения подписки о невыезде и надлежащем поведении // Актуальные проблемы теории практики уголовного процесса. 2023. №1. С. 77.

Существует и противоположная позиция. Так, А.О. Кононыхина отмечает, что из-за отсутствия жестких ограничений в жизнедеятельности подозреваемого, обвиняемого подписка о невыезде требует некоторых изменений для усиления своей эффективности и реализации[1].

Соглашаясь с данной мыслью автора, дополним, что действительно, подобная уголовно-процессуальная мера пресечения не исключает полностью возможности лица скрыться от следствия или суда, не ограничивает его в совершении преступных посягательств, а также воспрепятствовании производства по уголовному делу. Однако, мы не согласны с выводом А.О. Кононыхиной о том, что «в связи с этим, избрание в отношении лица наиболее радикальных мер пресечения, в том числе заключения под стражу, позволит более эффективно реализовать задачи правосудия». На наш взгляд, довольно широкий перечень уголовно-процессуальных мер пресечения, расположенных в четкой градации, позволяет наиболее объективно избирать и применять в отношении подозреваемого или обвиняемого подходящую меру пресечения, с учетом всех обстоятельств. Это говорит о цивилизованности, гуманизме и современности российского законодательства, где законодатель подразумевает не только уголовно-процессуальные меры, связанные с лишением свободы, но и предоставляет возможность правоприменителю ограничивать подозреваемого, обвиняемого лишь в некоторых его правах.

Избирается подписка о невыезде и надлежащем поведении в отношении, как правило, обвиняемого, с учетом тяжести совершенного преступления, личностных качеств лица, физиологических особенностей, семейного и социального положения и иных обстоятельств, влияющих на выбор меры пресечения. Тем не менее законодатель допускает и возможность избрания подписки о невыезде (как и любой другой меры пресечения) также в отношении подозрева-

[1] Кононыхина А.О. К проблемам правового регулирования подписки о невыезде и надлежащем поведении // Инновационная наука. 2023. №7-2. С. 26.

емого, при условии предъявления ему обвинения не позднее 10 суток с момента применения уголовно-процессуальной меры пресечения. В противном случае подписка о невыезде утратит свою юридическую силу.

Еще одним дискуссионным вопросом в области применения подписки о невыезде является проблема отсутствия четко установленных сроков. В настоящее время, ст. 102 УПК РФ не регламентирует ограничений во времени реализации подписки о невыезде и надлежащем поведении. Иными словами, дознаватель или следователь избирает в отношении обвиняемого меру пресечения в виде подписки о невыезде, не указывая срок ее действия.

Высказывая свою точку зрения на этот счет, отметим, что системный анализ норм УПК РФ все же позволяет частично выделить сроки реализации такой меры пресечения как подписка о невыезде – этот срок будет зависеть от процессуального статуса субъекта преступления. Так, согласно ч. 1 ст. 100 УПК РФ мера пресечения, избранная в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, реализуется в течение 10 суток, т. е., до предъявления ему обвинения, или в течение 45 суток согласно ч. 2 ст. 100 УПК РФ. Однако, что касается обвиняемого и подсудимого, то действительно, приходится констатировать невозможность определить точные временные рамки действия подписки о невыезде. Полагаем, что этот вопрос можно было бы разрешить путем дополнения ст. 102 ч. 2, с указанием: «Мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении сохраняет свою силу с момента ее избрания и до момента обращения к исполнению приговора суда».

Также, рассуждая над вопросом повышения эффективности данной меры уголовно-процессуального пресечения, нельзя не отметить, что основной вектор развития должен быть направлен на введение контроля за ее исполнением, так как сейчас она полностью отдана в ведение самого обвиняемого

или подозреваемого, зависит от его порядочности и добросовестности, которые, как верно отметил М.А. Куликов: «категория столь же несовершенная, как и многое другое в уголовном судопроизводстве»[1].

В этой связи мы полагаем, что допустимо использовать, дабы достичь целей и задач, стоящих перед данной мерой пресечения, различные электронные средства контроля и надзора за подозреваемым и обвиняемым, либо, если такой технической возможности нет, как альтернативу этому, ввести обязательство отмечаться в подразделении исполнительной инспекции, с некоторой долей периодичности. Для этого, ст. 102 УПК РФ необходимо дополнить ч. 3 следующего содержания: «контроль за соблюдением подозреваемым или обвиняемым возложенных на него избранной мерой пресечения запретов и ограничений осуществляется в порядке, установленном ч. 11 ст. 105.1 настоящего Кодекса. По усмотрению следователя или дознавателя, заменой данной меры контроля может стать отобрание у подозреваемого (обвиняемого) обязательства являться в указанное следователем, дознавателем подразделение уголовно-исполнительной инспекции, не менее чем 2 раза в месяц».

«ДЕЗЕРТИРСТВО: ИЗМЕНЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА»

Иванникова Я. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой и профессор кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент Плотников Александр Иванович

Проводимая Российской Федерацией с 2022 г. специальная военная операция затронула систему правового регулирования уголовной ответственности за воинские преступления, в том числе и за дезертирство. В 2022 г., положения ст. 338 УК РФ (Дезертирство) были дополнены ч. 3, определившей

[1] Куликов М. А. Меры пресечения по законодательству Российской Федерации и иных государств романо-германской правовой семьи (континентальной системы права): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 128.

особо квалифицирующие обстоятельства преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время, либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий[1].

Оценивая внесенные изменения в ст. 338 УК РФ, прежде всего обратим наше внимание на терминологию. Законодателем использовано 5 юридических терминов, определяющих режимы, в условиях функционирования которых может быть совершено дезертирство. Обобщенные определения понятий «мобилизация в РФ» и «военное положение» раскрыты в законодательстве. Юридическое содержание определений «военное время», «вооруженный конфликт», «боевые действия» законодателем в положениях федеральных законов не даны, но восполнены в разъяснениях Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» (далее - Постановление Пленума ВС РФ № 11)[2], что свидетельствует о достаточно быстром формировании ориентиров судебной практики для нижестоящих судов при рассмотрении дел о дезертирстве.

Приведем следующий пример дезертирства в современных условиях.

Так, в мае 2023 г. Новосибирский гарнизонный военный суд вынес приговор В. Константинову за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 338 УК РФ, назначив наказание в виде лишения свободы на 5 лет. В рамках частичной мобилизации подсудимый был призван в армию. 29.12.2022 г., накануне отправки в зону СВО рядовой-стрелок В. Константинов сбежал из палаточного лагеря, перемахнув через забор, и уехал на такси к матери, где в течение трех недель помогал ей по хозяйству и присматривал за младшими братьями и сестрами как старший среди пяти детей. В двадцатых числах января 2023 года после телефонного разговора со следователем рядовой явился в военный следственный отдел СКР по Новосибирскому гарнизону. Вменяе-

[1] СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 7.

мое ему в вину дезертирство в период мобилизации В. Константинов полностью признал. Приговором суда категория преступления, совершенного подсудимым в соответствии с ч.6. ст.15 УК РФ, была изменена с особо тяжкой на тяжкое преступление[1].

Как следует из приговоров, вынесенных до включения ч.3 в ст. 338 УК РФ, равно как и после ее включения в текст УК РФ, дезертирство в большей степени совершали подсудимые, заключившие ранее контракт о прохождении военной службы, т.е. выразившие свободное волеизъявление для подписания контракта. В связи с этим, полагаем, что в целях исключения дезертирства, как в мирное время, так и в условиях режимов, перечисленных в ч. 3 ст. 338 УК РФ, следует включить в законодательство о контрактной службе условие о взимании денежного штрафа в гражданском порядке в сумме 3 млн. руб. за уклонение от процесса прохождения военной службы. Подобное условие будет способствовать повышению предупредительной эффективности закона.

Некоторые судебные приговоры по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 338 УК РФ, содержали ошибки в квалификации рассматриваемых признаков преступления.

Приговором Тульского гарнизонного военного суда подсудимому И.А. Богатыреву назначено наказание в виде 8 лет лишения свободы за совершение преступления, выразившегося в отсутствии в месте прохождения военной службы, в период:

- с 14 ноября 2022 г. по 10 января 2023 г., по ч. 5 ст. 337 УК РФ (явился добровольно в военную комендатуру);

- с 12 ч. 13 января 2023 г. по 15 ч. 30 января 2023 г., по ч. 3.1 ст. 337 УК РФ (обнаружен сотрудниками военной комендатуры);

[1] Приговор Новосибирского гарнизонного военного суда от 23 мая 2023 г. в отношении В. Константинова обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 338 УК РФ // https://gvs--nsk.sudrf.ru/modules.php?na. (дата обращения: 21.02.2024).

- с 31 января 2023 г. по 5 мая 2023 г., по ч.5 ст. 337 УК РФ (обнаружен сотрудниками МО ОВД);

- с 21 июля 2023 г. по 10 октября 2023 г. по ч. 5 ст. 337 УК РФ (был задержан сотрудниками МО МВД при попытке скрыться)[1].

В ходе судебного процесса прокурор полагал необходимым переквалифицировать действия в период с 21 июля по 10 октября 2023 г., данные органом предварительного расследования по ч. 3 ст. 338 УК РФ, на ч. 5 ст. 337 УК РФ – Самовольное оставление части или места службы. Суд согласился с позицией прокурора. Однако анализ приговора и фактических обстоятельств дела свидетельствует о едином непрекращающемся умысле и действиях подсудимого, совершенных им в период с 13.01.2023 г. по 10.10.2023 г., о чем, в частности, свидетельствует поведение осужденного, который 10.10.2023 г. был задержан правоохранительными органами при совершении попытки скрыться, Переквалификация прокурором и судьей действий подсудимого достаточно спорна, ибо не учитывает общее количество дней отсутствия в месте прохождения службы (117 календарных дней) и единый умысел охватывающий два эпизода (с 13.01.2023 по 05.05.2023 г.), которые должны рассматриваться именно как дезертирство.

В пользу этого говорят и положения п.45 вышеуказанного Постановления Пленума Верховного Суда, в котором указано следующее: «при разграничении преступлений, предусмотренных статьями 337 и 338 УК РФ, судам необходимо исходить из того, что ответственность по статье 337 УК РФ за самовольное оставление части или места службы наступает только при наличии у лица намерения временно уклониться от исполнения обязанностей военной службы и по истечении определенного срока возвратиться в часть (к месту службы) для прохождения военной службы.

[1] Приговор Тульского гарнизонного военного суда от 01.12.2023 г. по делу № 1-46/2023 по обвинению И.А. Богатырева в совершении преступления, предусмотренного ч.3.1, ч.5 ст. 337, ст. 338 УК РФ // https://gvs--tula.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=168615292&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 21.02.2024).

При дезертирстве (статья 338 УК РФ) лицо имеет цель вовсе уклониться от исполнения обязанностей военной службы. Если такая цель появилась у военнослужащего после самовольного оставления части (места службы), содеянное следует квалифицировать только как дезертирство».

Вместе с тем, полагаю, что данное положение полезно было бы уточнить и конкретизировать в части установления умысла.

Предлагается дополнить п. 45 абз. 3 Постановления Пленума ВС РФ № 11 разъяснением следующего содержания:

«О едином умысле на дезертирство могут свидетельствовать действия виновного лица, охватывающие систематическое (более двух раз) в течение одного календарного года, оставление места службы и последующее уклонение от явки на военную службу и исполнение воинских обязанностей, а равно дезертирство, длящееся по времени, т.е. более одного календарного года, с момента оставления места прохождения военной службы и до факта его задержания и передачи для проведения следственных действий».

Хотелось бы отметить достаточно отрицательный фактор, связанный с невыполнением судами требований, регламентированных Федеральным законом от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». На сайтах гарнизонных военных судов не всегда размещаются тексты приговоров по рассмотренным уголовным делам по ч. 3 ст. 338 УК РФ, что не позволяет в полной мере провести анализ фактических обстоятельств, связанных с совершением дезертирства в условиях проведения мобилизации и специальной военной операции, в открытом доступе очень малая часть размещенных приговоров. Такое положение не способствует выработке единой судебной практике по указанным вопросам, что в условиях специальной военной операции представляется весьма актуальным.

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О РАЗДЕЛЕ ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

Иванова Н.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Янева Р.Р.

В современной России за последние пять лет наблюдается тенденция к увеличению количества расторжений брака между гражданами. По данным Федеральной службы государственной статистики число разводов в 2019 году составляло 620 739, а в 2023 данный показатель равняется 624 685[1].

Одним из актуальных вопросов, возникающих при расторжении брака, является раздел общей совместной собственности супругов. Основным критерием квалификации имущества как совместной собственности супругов является момент и источник его приобретения.

В первую очередь, при рассмотрении спора должен быть определен предмет доказывания, который имеет свою специфику для каждой категории дел. Так, состав предмета доказывания по делам о разделе совместной собственности супругов в юридической литературе определяется по-разному.

М.А. Куликова, И.В. Решетникова в предмет доказывания включают: нахождение сторон в зарегистрированном браке и период нахождения в браке; какое конкретно имущество (предметы, вещи, обязательства) должно включаться в раздел; какова стоимость имущества; наличие брачного договора или соглашения о разделе имущества; каким образом имущество должно быть поделено[2]. На наш взгляд последнее из перечисленных обстоятельств лишь условно относится к предмету доказывания, поскольку, как будет разделено имущество супругов, представляет собой вывод суда, основанный на иных входящих в предмет доказывания фактах.

---

[1]Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики URL:https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения 25.02.2024).

[2] Процессуальные особенности рассмотрения отдельных категорий дел в гражданском судопроизводстве: учебно-практическое пособие / М.А. Куликова, И.В. Решетникова. Москва: ЮСТИЦИЯ, 2017. 204 с.

В.П. Долженко определяет предмет доказывания по делам о разделе совместной собственности супругов следующим образом: наличие брака между сторонами, заключенного в установленном законом порядке; состав и стоимость имущества, приобретенного супругами в период брака, и основания его приобретения (при этом необходимо учитывать не является ли оно единоличной собственностью одного из супругов); стоимость имущества, подлежащего разделу, на время рассмотрения дела; наличие брачного договора или иного соглашения о разделе имущества между супругами; иные обстоятельства, имеющие правовое значение для определения правового режима имущества супругов и их долей в этом имуществе[1]. К иным обстоятельствам относятся значительное улучшение личного имущества одного из супругов в период брака, интересы несовершеннолетних детей, оставшихся проживать с одним из супругов и т.д. Так, например в деле № 8Г-14954/2022 Второй кассационный суд общей юрисдикции подтвердил выводы суда апелляционной инстанции об отступлении от равенства долей супругов ввиду наличия единственного жилья и факта проживания ребенка-инвалида с матерью (истцом). Доля супруги в квартире составляла 2/3, супруга в свою очередь 1/3[2]. Стоит подчеркнуть, что автор обращает внимание на возможность существования иных обстоятельств, заслуживающих внимания при рассмотрении спора, потому не раскрывает исчерпывающий их перечень.

В предмет доказывания по делам о разделе имущества Т.А. Калаптур включает следующие факты: вступление сторон в зарегистрированный брак; расторжение брака между супругами, фактическое время прекращения брачных отношений и ведения общего хозяйства; состав и стоимость имущества, приобретенного супругами в период брака, основания его приобретения; наличие брачного договора или иного соглашения о разделе имущества, иные

[1]Раздел имущества супругов / В.П. Долженко URL:http://aleysky.alt.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=20 (дата обращения: 25.02.2024).

[2] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2022 года по делу № 8Г-14954/2022 URL: https://судебныерешения.рф/68786773 / (дата обращения: 25.02.2024).

обстоятельства, имеющие значение для определения правового режима имущества, долей супругов и решения вопроса о передаче определенного имущества той или другой стороне; использование вещей одним из супругов для удовлетворения сугубо личных потребностей; производство улучшений, значительно увеличивших стоимость имущества; обстоятельства, являющиеся основаниями для изменения режима отдельных видов имущества; приобретение супругами вещей исключительно для несовершеннолетнего ребенка; интересы несовершеннолетнего ребенка, оставшегося проживать при одном из супругов; иные заслуживающие внимание интересы одного из супругов; наличие обременений имущества правами третьих лиц; приобретение подлежащих разделу жилых помещений за счет средств материнского капитала[1]. По нашему мнению, данный перечень фактов, входящих в предмет доказывания, является слишком широким и не подходит для каждого из дел по рассматриваемой нами категории споров. Так, не всегда имущество приобретается за счет средств материнского капитала, не всегда у супругов присутствуют несовершеннолетние дети и прочее.

Наиболее краткая, но в тоже время содержательная характеристика предмета доказывания, на наш взгляд, дана Ю.В. Смоляк, которая считает, что предмет доказывания состоит из таких фактов как: период нахождения сторон в зарегистрированном браке; дата фактического прекращения брачных отношений; состав имущества, подлежащего разделу; общую стоимость имущества, а также каждого объекта такого имущества в отдельности на день рассмотрения дела и его местонахождение (у сторон или третьих лиц); наличие долговых обязательств семьи; режим совместно нажитого имущества; наличие основание для отступления от равенства долей; варианты раздела[2].

---

[1] Справка по итогам обобщения судебной практики Новоуральского городского суда разрешения в 2020 году споров, связанных с разделом общего имущества супругов (бывших супругов). URL:http://novouralsky.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=757 (дата обращения: 25.02.2024).

[2] Особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел: электронное учебное пособие/ составитель Ю.В. Смоляк. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2022. 1 оптический диск.

Каждое дело о разделе имущества супругов имеет свою специфику, а потому и предмет доказывания частично трансформируется, изменяется. По нашему мнению, можно выделить предмет доказывания по делам о разделе общей совместной собственности супругов в целом, который должен включать наиболее общие факты, подходящие к каждому конкретному делу, а также учитывающий особенности каждого конкретного дела.

В целом, все факты, входящие в предмет доказывания по данной категории дел можно подразделить на следующие группы: 1) имеющие отношение к браку; 2) относящиеся к имуществу; 3) составляющие особенности конкретного спора.

К первой группе фактов следует отнести регистрацию сторонами официального брака, его продолжительность, фактическое прекращение брачных отношений, расторжение брака.

Ко второй состав, стоимость имущества и произведенных вложений в него, объем и вид вложений, режим имущества, различные особенности приобретения, использования, улучшения, долги супругов или одного из них и т.п.

В последнюю группу необходимо относить факты, присущие лишь некоторым отдельным спорам. Например, наличие у супругов несовершеннолетних детей, приобретение имущества за счет средств материнского капитала, неполучение доходов супругом без уважительных причин и т.д. Так, фактом, подлежащим доказыванию, в деле № 5-КГ21-101-К2 является момент перечисления заработной платы работнику, от которого зависит возможность ее включения общую совместную собственность. Верховный суд Российской Федерации определил, что заработная плата, полученная одним из супругов во время брака, но перечисленная ему работодателем в период после прекращения брака, относится к общему имуществу супругов[1].

[1] Определение Верховного суда Российской Федерации от 26.20.2021 года по делу № 5-КГ21-101-К2 URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-26102021-n-5-kg21-101-k2 / (дата обращения: 25.02.2024).

Таким образом, предмет доказывания по делам о разделе совместной собственности супругов включает как общие факты, присущие данной категории дел, так и иные, обусловленные особенностями спора.

УСТАНОВЛЕНИЕ СУДАМИ ФАКТА ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ

Иванова А.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Черепанцева Ю.С.

Под платформенной занятостью обычно подразумевается особого рода нестандартная форма занятости населения при помощи онлайн-платформ для эпизодического или постоянного получения доступа к заказам клиентов на выполнение услуг в обмен на оплату. Для платформенной занятости характерно: низкий порог входа, гибкость выбора графика и неопределенность правовой формы отношений. Работа через мобильные приложения включает в себя: исполнителя, потребителя услуг, заказчика-партнера платформы и информационного посредника - саму интернет-платформу.

На практике зачастую между онлайн-платформами и лицами, непосредственно использующими агрегаторы для получения заработка, возникают споры в части установления факта наличия трудовых отношений. Такая тривиальность возникает из-за неопределенности законодательства в части определения прав, обязанностей и гарантий для работников.

Обычно исполнитель предъявляет иск о установлении трудовых отношений как к заказчику, так и к интернет-платформе, однако, впоследствии уточняет свои требования[1] и выдвигает их только к заказчику. Это связано с тем, что в судебной практике России установилась практика рассмотрения дел

[1] Чесалина О.В. Платформенная занятость - как регулировать в Трудовом кодексе // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 1. С. 57.

о платформенной занятости не со стороны интернет-платформы, а с организацией-партнером платформы[1]. В случае обращения исполнителя с иском напрямую к интернет-платформе, суд скорее всего отклонит его иск.

Установление факта наличия трудовых отношений выгодно для работника в получаемых гарантиях и правах, специфических для работников, трудоустроенных в соответствии с трудовым законодательством. Рассматривая споры об установлении факта трудовых отношений, суд оценивает: предмет договора, положение исполнителя и сам процесс организации работы. В случае трудовых отношений, суть договора заключается в выполнении определенной трудовой функции работником. В гражданско-правовых отношениях - договор определяется оказанием услуг или выполнением конкретных заданий, заказов или поручений, которые известны на момент заключения соглашения. Однако, из-за отсутствия возможности заключения трудовых отношений между работником и интернет-платформами, первые, в свою очередь, выбирают регистрацию в статусе самозанятых.

Многие ученые, например И.В. Ершова и Е.В. Трофимова[2], Е.С. Крюкова и В.Д. Рузанова[3], сравнивают деятельность самозанятых лиц с деятельностью субъектов предпринимательской деятельности. Также есть отличное мнение о том, что самозанятые занимают "промежуточное положение" между работниками и индивидуальными предпринимателями, которого придерживаются Н.В. Черных[4], Е.Д. Лысенко[5].

В Апеляционном определении Мосгорсуда от 22.11.2019 по делу №33-53437/19 указано, что самозанятый гражданин, заключая договор на доступ к

---

[1]Тихонов В.В. Систематичность как признак предпринимательской деятельности // Хозяйство и право. 2022. № 7(546). С. 12 – 20.

[2]Ершова И.В., Трофимова Е.В. Самозанятость: реперные точки формирования правового режима // Предпринимательское право. 2017. N 3. С. 6.

[3]Крюкова Е.С., Рузанова В.Д. Индивидуальный предприниматель и самозанятый гражданин: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. N 3. С. 22.

[4]Черных Н.В. Труд самозанятых - новая ли форма нетипичной занятости? // Актуальные проблемы российского права. 2021. N 12. С. 98 - 108.

[5]Чесалина О.В. Платформенная занятость - как регулировать в Трудовом кодексе // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. N 1. С. 57.

интернет-сервису, подтверждает, что он ведет предпринимательскую деятельность, не имея работодателя, и намерен далее осуществлять ее в том числе с использованием программно-аппаратных средств интернет-платформы. Кроме того, заключенный договор не содержит положений, согласно которым истец обязуется выполнять работы для компании-агрегатора[1]. Но в исках к организациям, которые непосредственно выдавали задания самозанятому исполнителю без использования интернет-платформы, суд может не учесть его статус и установит факт трудовых отношений. Так, суд посчитал, что заключение договора аренды не исключает наличие трудовых отношений, и признал их таковыми. Решение было основано на том, что работник получал задания непосредственно от ИП, в страховом полисе ОСАГО указан водителем, а автомобиль ему сдавали по договору аренды, но безвозмездно, что противоречит существу договора аренды[2].

В другом деле гражданин выполнял функции курьера по доставке блюд через мобильное приложение. Он подал иск об установлении факта наличия трудовых отношений и взыскании зарплаты. Суд удовлетворил требования. Он отметил, что исполнителю выдали должностную инструкцию, направляли пройти медосмотр, а задания по доставке он получал у сотрудника организации. При этом адреса доставки фиксировали в путевых листах. Все это указывает на то, что между сторонами возникли трудовые отношения[3].

Суды устанавливают факт наличия трудовых отношений во всех странах по-разному. Например, в США законы разнятся от штата к штату. В Калифорнии водитель считается стороной трудовых отношений, если соблюдены все три условия: установлены дата и время, когда необходимо быть на онлайн-

---

[1]Апелляционное определение Мосгорсуда от 22.11.2019 по делу № 33–53437/2019 // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1220713#v8IyG7UOqGS7prnP1 (дата обращения: 15.03.2024).

[2]Решение Черногорского городского суда Республики Хакасия от 16.07.2020 по делу № 2–1067/2020 // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=306321#pqYyG7U2MF1taro6 (дата обращения: 15.03.2024).

[3]Решение Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 07.07.2020 по делу № 2–1656/2020 //https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=419188 (дата обращения: 15.03.2024).

платформе; запрещается работать на других платформах вовремя, когда он должен быть доступен на данной; компания требует от водителя выполнения конкретных услуг. В Великобритании выделены пять критериев, указывающих на наличие трудовых отношений: вознаграждение за услуги устанавливает сама компания, а не водители; условия договора определяются компанией; водители не могут выбирать заказы после входа в приложение; платформа контролирует, как они предоставляют услуги; компания ограничивает общение между водителем и пассажиром. Фрилансер, работающий по договору возмездного оказания услуг, в Европейском Союзе не считается работником, если он самостоятельно: нанимает субподрядчиков или других лиц для выполнения услуг; выбирает, принимать ли различные заказы от предполагаемого работодателя; предоставляет свои услуги любым третьим лицам, включая конкурентов; определяет свой рабочий график исходя из личных удобств, а не интересов работодателя.

В завершении обзора судебной практики обозначим: на данный момент, в мировой судебной практике пока не сложилось единообразное мнение относительно положения платформенных работником. Положение трудящихся на онлайн-платформах разнится от страны к стране, от штата к штату и от региона к региону. Для Российского законодателя на данный момент нет проверенного временем опыта для формирования собственной законодательной базы, устойчивой и доказательной.

Некоторые эксперты утверждают, что работа с помощью интернет-платформ является формой трудовых отношений из-за информационной зависимости между работником и работодателем, которая дополняет организационную и финансовую зависимость. Другие эксперты считают, что отношения между компанией-агрегатором и пользователем не всегда можно рассматривать как трудовые, так как использование технических средств не является единственным показателем наличия власти работодателя. Эти суждения доказывают, что не только в судебной практике, но и в юридической литературе пока нет единообразия понимания статуса платформенных работников. Несмотря на

отсутствие конкретных норм и устоявшейся практики, мы можем сделать следующий вывод: на данный момент в свете коллизии права относительно признания платформенной занятости трудовыми отношениями, судам необходимо придерживаться позиции защиты наиболее уязвимой и незащищенной стороны – работника.

РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ПЕРЕРАБОТКИ ДАВАЛЬЧЕСКОГО СЫРЬЯ В РСФСР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Иващенко М.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Бердегулова Л. А.

Предпринимательская деятельность, как известно, направлена на извлечение прибыли. В основе данной деятельности лежат договорные отношения, в которых стороны принимают на себя определенные обязательства (будь то продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг), либо обязаны воздержаться от совершения определенных действий.

В силу ст. ст. 307 – 310 ГК РФ обязательства возникают в том числе из договоров, должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства, требованиями закона. Договор представляет собой правовой инструмент, закрепляющий права, обязанности и ответственность сторон.

Специфика юридической природы договора переработки давальческого сырья состоит в том, что данный вид договора в гражданском законодательстве не поименован, а между тем рассматриваемая модель отношений в предпринимательской деятельности является довольно распространенной: положительные стороны данных договорных отношений заключаются в том, что заказчик предоставляет своё сырье (а между тем существует риск, что при использовании собственных материалов подрядчик сэкономит на их качестве), а

подрядчик выполняет работы намного быстрее, поскольку ему не нужно дополнительно заключать договоры на поставку материалов или располагать наличием определённого объема сырья, подходящего под требования заказчика.

Регулирование договорных отношений без надлежащей законодательной базы затруднительно. Для сторон необходимо четко определять свои права, обязанности, особенности исполнения обязательств и ответственность. А поскольку договор переработки относится к числу непоименованных, то на практике нередко возникают проблемы с реализацией данных отношений: они многогранны и не ограничиваются одной переработкой, поскольку охватывают целый процесс (перевозка (транспортировка) сырья, поставка, хранение, непосредственно переработка сырья, перевозка (транспортировка) и поставка готовой продукции после переработки и отходов переработки).

В юридической науке практически отсутствуют исследования, посвященные правоотношениям в сфере переработки давальческого сырья, чаще всего речь идёт о подрядных отношениях. Единственная большая работа посвящена договору переработки нефти из давальческого сырья[1]. В основном же исследования посвящены изучению рыночных отношений в данной области, налоговому и бухгалтерскому учёту операций по переработке.

Понятие «давальческое сырье» на законодательном уровне не раскрывается, хотя содержится в некоторых нормативных актах, например, в ст.154 НК РФ в части порядка определения налоговой базы, где из смысла п.5 следует, что давальческое сырьё – это материалы, из которых реализуются услуги по производству товаров путём их обработки, переработки или иной трансформации. Следует отметить, что налоговый кодекс трактует данный вид отношений именно как оказание услуг, а не как выполнение работ.

[1] Баданина О.В. Договор переработки нефти из давальческого сырья как вид предпринимательского договора: учеб. пособие. Самара: Издательство «Самарский университет». 2013. 164 с.

Первое упоминание о выполнении работ подрядчиком из материалов заказчика содержалось в Декрете СНК РСФСР от 30.09.1921 г. «О государственный подрядах и поставках»[1]: по общему правилу подрядчик обязан был за свой счёт и своими материалами обеспечить работы (ст.6), но в случае, если работы выполнялись материалами заказчика, то подрядчик обязан был сохранить вверенное ему имущество (ст.7), а в случае отпуска государством (коим выступал заказчик) недоброкачественного материала, подрядчик обязан был уведомить об этом уполномоченный государственный орган, по факту чего назначалась комиссия для проверки (ст.8), в случае неуведомления о таком, подрядчик отвечал за убытки, понесенные государством. В данный период начинает развиваться институт государственного подряда, в котором государство (заказчик) передавало подрядчику материалы для последующего выполнения работ с их использованием, т.е. для последующей переработки.

В 1922 году принимается Гражданский кодекс РСФСР, которым также предусматривалось, что по общему правилу работы выполнялись иждивением подрядчика, подрядчик обязан был принять все меры для сохранности вверенного ему имущества (ст.222). Введена норма о том, что, если гибель предмета подряда или невозможность окончания работ связаны с недоброкачественными материалами заказчика, то последний обязан выплатить подрядчику вознаграждение (ст.232). Таким образом, если в Декрете СНК РСФСР 1921 г. подрядчик являлся менее защищенной стороной, т.е. должен был возместить убытки заказчику, если умолчал или сообщил несвоевременно о недоброкачественных материалах заказчика, то в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. введена ответственность заказчика в виде оплаты выполненных работ (возна-

[1] Декрет СНК РСФСР от 30.09.1921 «О государственных подрядах и поставках» (Положение)» // Известия ВЦИК. 1921. № 230. (утратил силу).

граждения) подрядчику в случае, если недоброкачественность материалов заказчика повлекла за собой невозможность окончания работ, либо привела к гибели предмета подряда[1].

В Гражданском кодексе РСФСР 1964 года появляется статья (ст.354),[2] согласно которой подрядчик не просто обязан принять все меры для сохранности имущества заказчика, а если работа выполняется полностью или частично из материала заказчика, подрядчик отвечает за неправильное использование этого материала и должен предоставлять заказчику отчет об израсходовании материала и возвратить его остаток. Появляется такое понятие как «бытовой заказ». В квитанции, выдаваемой подрядчиком заказчику при заключении договора, отдельной строкой указывалось точное наименование материала и его оценка по соглашению сторон. Также продолжает развиваться и производственный заказ, когда организации выдавали свои материалы для изготовления готовой продукции по договору подряда, в договоре предусматривались нормы расхода материалов, сроки возврата остатков и отходов, а также ответственность подрядчика за неисполнение или ненадлежащее исполнение этих обязанностей (ст.355).

Таким образом, для бытового заказа прописывались наименование и оценка материалов заказчика без указания на норму расхода, а в производственном заказе нормы расхода, наименование и сроки прописывались уже в договоре.

Первая форма по унификации первичного учетного документа по передаче материалов от заказчика к подрядчику была введена Постановлением Госкомстата РФ от 30.10.1997 г. № 71[3], этой унифицированной формой стала

---

[1] Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // Известия ВЦИК. 1922. № 256. (утратил силу).

[2] Гражданский кодекс Р.С.Ф.С.Р. от 11.06.1964 // Ведомости Верховного Совета Р.С.Ф.С.Р. 1964. № 24. Ст. 406. (утратил силу).

[3] Постановление Госкомстата РФ от 30.10.1997 № 71 «Об утверждении унифицированных форм первичной учетной документации по учету труда и его оплаты, основных средств и нематериальных активов, материалов, малоценных и быстроизнашивающихся предметов, работ в капитальном строительстве» // Налоговый вестник. 1998. № 2.

накладная на отпуск материалов на сторону (форма М-15) (с указанием информации по отправителю, получателю материалов, лицу, ответственному за поставку материалов, о наименовании, сорте, размере, марке, единице измерения, количестве, стоимости материалов). Данная форма применяется в качестве учетного документа и по сей день при передаче от заказчика к подрядчику своих материалов на переработку.

Принятый в 1994 г. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) также не выделяет договор переработки в качестве самостоятельного, но содержит в себе ряд статей (ст.220 ГК РФ «Переработка»), которая сохранила свое содержание в первозданном виде, не претерпев никаких изменений с 1994 г.. Согласно указанной статье, право собственности на новую движимую вещь, изготовленную лицом путём переработки не принадлежащих ему материалов, приобретается собственником материалов, а стоимость переработки собственник материалов должен возместить осуществившему переработку лицу. Наименование сторон «давалец» (он же – заказчик) и «переработчик» (он же – подрядчик) не нашло своего закрепления на законодательном уровне, но применяется в предпринимательской деятельности при заключении данных договоров в качестве обычая. Возможно наименование стороны «переработчик» в рассматриваемой договорной конструкции возникло именно на основании ст.220 ГК РФ. При этом в указанной статье стороны «заказчик» и «подрядчик» не обозначены, а указаны как «собственник материалов» и «лицо, осуществившее переработку».

Помимо ст.220 ГК РФ, в главе 37 ГК РФ «Подряд» содержится ряд статьей, посвященных выполнению работ из материалов заказчика: ст. 703 ГК РФ, где переработка (обработка) упоминается в качестве договора подряда, ст. 713 ГК РФ о том, что при использовании материала заказчика подрядчик должен использовать материал экономно и расчётливо, после окончания выполнения работ предоставить заказчику отчёт об израсходовании материала и возвратить остаток.

В качестве примера подведомственного акта следует привести Приказ ГТК РФ от 05.09.1997 г. № 543 (с 2006 г. утратил силу)[1]. Указанный документ содержал ряд определений, касающихся переработки товаров на таможенной территории: «объект переработки», т.е. товар, который должен быть подвергнут переработке; «отходы производства», т.е. то, что образуется в процессе переработки; «продукты переработки», т.е. товар, полученный в процессе переработки и, соответственно, отходы производства; «переработчик», т.е. лицо, непосредственно осуществляющее переработку.

Ранее действовавший приказ Минфина № 119н от 28.12.2001 г. содержал понятие «давальческие материалы» (п.156)[2]: это материалы, принятые организацией от заказчика для переработки (обработки), выполнения иных работ или изготовления продукции без оплаты стоимости принятых материалов и с обязательством полного возвращения переработанных (обработанных) материалов, сдачи выполненных работ и изготовленной продукции.

Гражданский кодекс, как и предшествующие ему нормативные акты, устанавливает лишь общие положения в отношении ведения субъектами предпринимательской деятельности договорных отношений по переработке давальческого сырья. Исходя из того, что указанные статьи изложены в главе 37 ГК РФ, в основе данного договора лежат подрядные отношения. Однако, в договоре о переработке давальческого сырья присутствует также изначальное обязательство по поставке сырья (это усматривается в т.ч. из формы М-15 в графе «ответственный за поставку» материалов), т.е. не просто заключить договор подряда и приступить к выполнению работ, необходимо выполнять поэтапно определенные, предшествующие переработке, обязательства, а именно: заказчик должен поставить сырьё, а уже после, в силу ст.328 ГК РФ,

[1] Приказ Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 05.09.1997 № 543 «Об утв. Положения о таможенном режиме переработки на таможенной территории» // Финансовая Россия. 1997. № 39. (утратил силу).

[2] Приказ Минфина от 28.12.2001 № 119н «Об утверждении Методических указаний по бухгалтерскому учету материально-производственных запасов» // Российская газета. 2002. № 36. (утратил силу).

у подрядчика возникает встречное исполнение обязательства в виде переработки полученного сырья: подрядчик физически не сможет приступить к выполнению работ без наличия сырья на переработку. В данном случае подрядчик всецело зависит от заказчика.

Таким образом, анализ законодательства после 1922 года и современного законодательства в сфере регулирования отношений по переработке давальческого сырья показал, что законодательство практически не регулирует данные отношения, полагаясь на ст.421 ГК РФ.

ЭЛЕКТРОННОЕ СРЕДСТВО ПЛАТЕЖА КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 159³ УК РФ

Иликаирова Г.М. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Хмелевская Т.А.

В настоящее время большинство товаров потребительского назначения, а также оказываемых услуг можно приобрести дистанционным способом, что является удобном способом для потребителя, но достаточно рискованным, поскольку при осуществлении расчетов покупатель и продавец лично не взаимодействуют друг с другом, и момент передачи товара отсрочен от момента его оплаты. Тем не менее, количество покупок товаров и услуг, оплачиваемых с использованием электронных средств платежа в Российской Федерации чрезвычайно велико, и как следствие растет количество преступных деяний, квалифицируемых как мошенничество с использованием электронных средств платежа. Специальный вид мошенничества, в данном случае, был выделен в связи с использованием специфического средства совершения преступления.

В диспозиции ч. 1ст. 159³ УК РФ, а также в наименовании указанной статьи используется термин «электронное средство платежа», в связи с чем представляется необходимым разобраться с его значением.

В целях актуализации уголовно-правовых норм в качестве замены «платежным картам» был введен термин «электронное средство платежа». Его использование объясняется необходимостью унифицировать подход в терминологии отраслевых законодательств.

Электронное средство платежа, являясь более широким понятием, включает:

- платежные приложения (системы «Клиент-банк», «Интернет-банкинг», Мобильный банкинг»);

- электронные кошельки;

- банковские платежные карты;

- технические средства, предназначенные для дистанционного перевода денежных средств (банкомат).

Приведенный перечень является открытым и соответственно дополняется по мере внедрения новых технических средств для удаленного осуществления банковских операций. Поэтому стоит отметить, что нововведение данного термина позволяет распространить действие статьи не только на уже существующие платежные средства, но и на те, которые могут появиться в будущем.

Понятие электронных денежных средств, использованное в ст. 159³ УК РФ, основывается на положениях Федерального Закона «О национальной платежной системе», в соответствии с которым им признается средство и (или) способ, которое позволяет клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств[1].

[1] Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. 2011. № 139.

Другими словами, путем использования таких платежных средств клиент может распорядиться находящимися на счету денежными средствами, так как оно является платежным инструментом, предоставляющим удаленный доступ к банковскому счету.

Следует отметить, что общественная опасность при хищении всех видов денежных средств, а именно наличных, безналичных и электронных, одинакова, так как причиняется равный вред одним и тем же общественным отношениям, несмотря на различия в способе изъятия[1].

Как уже отмечалось выше, электронные средства платежа подразделяются на несколько видов, в том числе к их числу относятся различного рода банковские и приравненные к ним платежные карты, использующиеся для бесконтактного проведения расчетов и иных финансовых операций. Баланс карты представляет собой потребительский счет, принадлежащий держателю личный (дебетовые) или банку (кредитные). Использование денежных средств или зачисление их на баланс карты не требует личного взаимодействия с банком, что упрощает приобретение гражданам товаров и услуг, но является небезопасным, поскольку утрата карты может означать и обращение денежных средств, отраженных на ее балансе, в пользу посторонних лиц. Однако, при организованных хакерских атаках или привлечении к совершению преступления банковских работников эти меры могут оказаться недостаточными.

С точки зрения А.А. Кирилловых и Д.А. Овсюкова, отдельно от платежных карт следует рассматривать такие электронные средства платежа, как электронный кошелек и электронные денежные средства[2].

Электронный кошелек представляет собой схему расчета, при которой открывается определенный счет, созданную с целью использования данных

[1] Архипов А. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства // Уголовное право. 2018. № 3. С.4-9.

[2] Кирилловых А.А., Овсюков Д.А. Электронные средства платежа: проблемы гражданско-правовой природы и уголовно-правовой охраны // Право и экономика. 2019. №1. С. 62-70.

таких кошельков физическими лицами для осуществления расчетов[1]. Платежные системы в России это «Qiwi», «Yandex-деньги», в зарубежных странах – Paypal и др. Электронный кошелек имеет функцию вывода денежных средств (обналичивания), гарантии безопасности клиентам предоставляет платежная система. Однако фактором повышенного риска в данном случае является сама мобильность платежей: доступ к электронного кошельку может быть получен с использованием компьютера или мобильного устройства. Следовательно, доступ к денежным средствам может быть осуществлен и при использовании вирусных технологий (взломе приложения), и при физическом завладении устройством третьим лицом. Дополнительные способы защиты, используемые производителями мобильных устройств (распознавание владельца по многозначному личному коду, отпечатку пальца, снимку сетчатки глаза), в современный период не могут обеспечить защиту в полном объеме.

Говоря об иных формах учета имущественных обязательств, используемых интернет - магазинами и социальными сетями (например, использование «голосов» в сети «Вконтакте»), то на них не распространяется понятие электронного средства платежа, что предполагает перевод безналичных денежных средств, их правовой статус также законодательно не установлен.

По нашему мнению, само по себе электронное средство платежа ценностью как физический объект не обладает, следовательно, не может считаться предметом совершения преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ, и выступает лишь средством совершения преступления.

Резюмируя вышесказанное, сделаем следующий вывод: электронное средство платежа является средством совершения преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ, стоимостной ценностью как предмет хищения оно не обладает.

[1] Макаров А.В., Алешкова В.А. Особенности и проблемы квалификации мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа // Российский судья. 2019. № 5. С. 24 - 29.

Положительным нововведением следует считать замену в 2018 году термина «платежная карта» на «электронное средство платежа», так как соответствующие изменение позволило расширить сферу действия данной нормы и на иные платежные средства, к которым относятся, в частности, платежные приложения, электронные кошельки и др.

МАТЕРИНСТВО, ОТЦОВСТВО И ДЕТСТВО: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Искаков Ж.У. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Буянова Е.В.

Положение государства и развитие общества во многом зависят от того, насколько приоритетным является статус семьи, в частности, отцовства и материнства, насколько в государстве развита поддержка рассматриваемых правовых и социальных институтов на всех уровнях публичной власти.

На сегодняшний день в Российской Федерации общее демографическое положение характеризуется такими отрицательными аспектами, как снижение рождаемости, рост количества детей, оставшихся без попечения родителей и пр. Таким образом, институт материнства и отцовства практически теряет свои традиционные функции – воспитательную и репродуктивную[1]. В данном случае, важность рассматриваемых проблем обусловлено тем, что институты семьи выступают в качестве первоосновы развития как отдельного человека, так и общества в целом, без которых невозможно выживание и сохранение всего человечества[2].

[1] Алексикова О.Е., Буренкова Д.М. Проблемы определения понятия и сущности конституционного права на защиту семьи, материнства и детства // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. статей XX Международной научно-практической конференции, 10 июня 2019 г. Пенза: Издательство «Наука и Просвещение», 2019. С. 18-22.

[2] Скибинцева Н.В. Различия материнства и отцовства: влияние современного социума на репродуктивную способность мужчин и женщин // VI Фрейдовские чтения: катего-

В ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации закрепляется положение, согласно которому в России обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. Пункт 1 ст. 38 Основного закона страны провозглашает, что «материнство, детство и семья находятся под защитой государства». Стоит отметить, что рассматриваемые нормы выступают базисом для всего нормативного регулирования брачно-семейных отношений, а также для правовых механизмов, направленных на реализацию и защиту прав матери, отца и ребенка, а также на создание здоровой семьи, общества и государства в целом.

В современной России возникла парадоксальная ситуация: базовый нормативно-правовой акт, регулирующий семейные отношения, – Семейный кодекс Российской Федерации – не содержит определения таких понятий, как «семья», «материнство» и «отцовство». Рассматриваемые термины являются родовыми признаками семьи, поэтому их необходимо рассматривать во взаимозависимости[1]. В научной литературе можно встретить множество подходов к определению понятия «семья».

Одной из главных составляющих правового общества является семья. ст. 16 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. сказано, что «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства»[2].

Согласно социологическому подходу, семья представляет собой основанную на браке или кровном родстве малую группу людей, члены которой

рии различий в психоанализе и психологии: сб. научных трудов по материалам международной научно-практической конференции / под ред. М.М. Решетникова, 10 мая 2022 г. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2022. С. 85-98.

[1] Низиньковская В.В. Правовая природа материнства, отцовства и детства в современной России // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2020. № 1. С. 45.

[2] Всеобщая декларация прав человека: принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 дек. С. 4.

связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью[1].

Именно семья является уникальным (или – «единственным в своем роде») социальным институтом, удовлетворяющим целый комплекс насущных человеческих потребностей в рождении и воспитании детей, т.е., материнстве и отцовстве.

Рассмотрим сущность понятия «детство». Понятие детства имеет важное значение как в международном праве, так и в российском праве. Однако, определения понятия «детство» могут отличаться в разных правовых системах.

В международном праве, понятие детства определяется Конвенцией ООН о правах ребенка, принятой в 1989 году. Согласно этой конвенции, детство рассматривается как период от рождения до 18 лет. Она подчеркивает необходимость защиты интересов детей, которые должны быть уважаемы и признаны в любых обстоятельствах, включая те, которые связаны с семьей, образованием и здравоохранением[7].

Институт материнства, отцовства и детства сформировался в процессе исторического развития человеческого общества, и имеет различные формы проявления в разных культурах и эпохах.

Родительство (материнство и отцовство), по мнению ряда авторов, является биологической и социальной связью между супругами и детьми, включающую рождение и воспитание ребенка, обеспечивающую приобщение ребенка к культурным, социальным и духовно-нравственным ценностям общества[2].

Важнейшим понятием семейного права является категория «материнство». Согласно общему смыслу норм Семейного кодекса Российской Феде-

[1] Вавильченкова С.Е. Правовая основа материнства, детства и семьи в современной России // Современное право. 2015. № 2. С. 71-75.

[2] Ганженко Е.В., Фролова Н.А. Отцовство и материнство в представлениях современной молодежи // Ч Рязанские чтения: развитие территории в условиях современных вызовов: материалы Национальной научно-практической конференции, 14-15 октября. Рязань: Издательство «Ипполитова», 2021. С. 194-201.

рации (далее – СК РФ), материнство представляет собой происхождение ребенка от матери. В правовом аспекте материнство «устанавливается на основании документов, подтверждающих факт рождения ребенка матерью в медицинском учреждении, а в случае рождения вне медицинского учреждения на основании медицинских документов, свидетельских показаний или на основании иных доказательств».

Действующее законодательство допускает также суррогатное материнство, т.е. имплантацию эмбриона другой женщине с последующей передачей родившегося ребенка заказчикам по договору суррогатного материнства. Однако, супруги-заказчики могут быть указаны в качестве родителей родившегося ребенка только с согласия суррогатной матери. Таким образом, очевиден приоритет биологического происхождения ребенка от матери. Отметим, что Семейный кодекс РФ не регулирует отношения между суррогатной матерью и заказчиками[1]. В законодательстве зарубежных стран такие отношения регулируются в рамках соответствующего договора.

По мнению В.В. Лопатина, отцовство представляет собой кровное родство между отцом и его ребенком (детьми), а также свойственное отцу сознание родственной связи с ними[2]. Подобное толкование феномена отцовства можно отнести к биологическому направлению института родительства, в рамках которых кровное родство рассматривается как один из основополагающих принципов семейных отношений.

Вторым подходом к определению отцовства является социологический, который, в свою очередь, разделяется на несколько концепций. Первая концепция – это представление отцовства как социального и правового института. Отцовство рассматривается как совокупность прав и обязанностей мужчины,

[1] Андропов Д., Гутник М., Кочанжи И. Актуальные вопросы регламентации суррогатного материнства на законодательном уровне и признания права родителей на ребенка // NORWEGIAN JOURNAL OF DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL SCIENCE. 2021. № 53-3. С. 22-24.

[2] Лопатин В. В. Русский орфографический словарь. М.: Русский язык, 1998. С. 508.

выполняющего функцию родителя[1]. Отцовство как социально-правовой институт имеет четкую структуру, которая подразумевает не просто набор прав и обязанностей, а сложный многоаспектный процесс формирования конкретных моделей поведения в семье и обществе, которые должны отвечать всем требованиям норм права, этики и морали.

Таким образом, институт материнства и отцовства является одним из основополагающих институтов в любом обществе, поскольку он обеспечивает развитие, здоровье и благополучие детей, а также обеспечивает стабильность и устойчивость общества в целом и предопределяет необходимость его эффективной правовой защиты, в том числе посредством реализации судебной формы защиты права.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Ишмухаметов Р.Р. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Соколова О.В.

С появлением государства начали формироваться первые законы, регулирующие охрану здоровья граждан и предоставление им медицинской помощи. Уже задолго до этого времени существовала «народная медицина», а знания по медицине передавались устно из поколения в поколение. В древности человек воспринимал болезни как результат Божьей воли и духовных установок. Негативные изменения здоровья и смертельные исходы рассматривались как часть жизни, неотвратимая судьба. Существовали различные виды недугов в древности, такие как «жабная», «чечуйная», «лихорадочная», «каменная», «водянка», «сухотка», «падучая». Как подчеркивает Е.П. Спиридо-

[1] Шевченко И. О. Авторитет отца в современной российской семье // Вестник РГГУ. 2012. № 2. С. 321-343.

нова, «...в прошлом эти недуги часто олицетворялись и превращались в мифические или священные явления, считая их либо наказанием Бога, либо священным знаком...»[1].

Интересно, что в 988 году, когда христианство было принято на Руси, произошли значительные изменения, которые внесли новый взгляд на практику народного лечения, запрещая применение магии и ритуалов для восстановления здоровья из-за противоречий с православной верой. Изначальные законы, регулирующие медицину и здоровье, включали Церковный Устав Владимира Святого «Красное Солнышко», который строго осуждал все формы обрядов и магии. Люди, продолжавшие практиковать это, были подвергнуты критике и негативному восприятию. С конца X века Церковный Устав стал важнейшим нормативным актом на Древней Руси. Он определял, что лекари и больницы принадлежат церкви. Деятельность Русской православной церкви требовала создания различных организаций для социальной и медицинской помощи. У населения в тот период истории возникли серьезные проблемы со здоровьем, и государство стало обращать на это внимание и предпринимать меры помощи. Несмотря на невысокий уровень активности государства в настоящее время, важную роль сыграло внедрение христианства. Именно с этого момента начал активно развиваться церковный медицинский сектор на Руси[2].

В древнем Новгороде были обнаружены древние записи на бересте, которые свидетельствуют о наличие старинных лечебниц для горожан. Там работали разные специалисты, занимавшиеся приготовлением лекарств и лечением народа. Постепенно развивалась жизнь и законодательство Древнерусского государства, приводя к созданию первого письменного сборника законов – Русской правды. Этот документ впервые охватил аспекты медицинской

[1] Спиридонова Е.П. Болезни и их врачевание в петровской России: становление медицины // Россия и мир в исторической ретроспективе. 2023. № 1. С. 408.

[2] Яковлева М.К., Колтышева Е.В. Исторические аспекты формирования законодательства в сфере медицины и здоровья граждан // Экономика, управление и финансы в цифровом обществе. 2023. № 1. С. 184.

практики и заботу о здоровье граждан. Осуществлялись разнообразные обследования людей для выявления следов травм и увечий, и после этого правительственные органы принимали соответствующие решения на основании полученных данных. Это одно из первых свидетельств реализации полномочий органов власти в сфере охраны здоровья и медицинской помощи.

В эпоху Алексея Михайловича многие иностранные медики были привлечены для решения проблем, связанных с катастрофическими потерями населения из-за эпидемий и необходимостью поддержания армии. Хотя главным образом требовались опытные оружейники, в числе нанятых экспертов были также врачи, аптекари и лекари. Изначально их работа была ограничена оказанием медицинской помощи только царской семье, но позже распространилась на другие слои населения по специальному указу. Прибывшие специалисты образовывали локальные поселения в Московском царстве, которые назывались «слободы», воссоздавая европейские цеховые структуры.

В истории медицины России произошли значительные изменения благодаря стремлению Петра I к системным преобразованиям. К концу XVII века стало ясно, что необходимо учиться у западных стран и поэтому царь Петр организовал «Великое посольство» в страны Северной Европы, где он сам выступил инкогнито. Миссия поставила перед собой различные задачи, включая привлечение иностранных специалистов в Россию для улучшения научных практик медицины. Как свидетельствуют историки, для обслуживания российского военно-морского флота было привлечено 52 лекаря с ежемесячным жалованием в размере 12 ефимков, 13 алтын и 2 деньги[1].

В XVI веке начал формироваться Аптекарский приказ, который, в первую очередь, осуществлял лечение царя и его семьи. Это было первое государственное учреждение здравоохранения в России и играло важную роль в развитии медицины и фармации в стране. Он впервые в истории России с

[1] Захаров В.Н. Петр I, современная историография: размышления к 350-летнему юбилею великого реформатора // Российская история. 2022. № 2. С. 7.

1581 г. от имени государства стал организовывать деятельность лечебно-профилактических учреждений. Важным государственным делом в XVI-XVII веках была забота о здоровье царя. Подданные были обязаны следить за состоянием здоровья государя, их обязанности были закреплены в текстах присяг, где основным моментом был страх возможности отравления монарха. Аппарат Аптекарского приказа состоял из подьячих и дьяков, которые в свою очередь руководили «столовыми». Несмотря на отсутствие четкого акта, регулирующего деятельность Приказа, его работа постепенно расширялась. Аптекарский приказ впоследствии привел к появлению лицензирования медицинской деятельности и организации медицинского производства и сыграл значительную роль в развитии медицины и фармации в России, став отправной точкой для создания системы здравоохранения в государстве.

В советский период область общественного здравоохранения была активно занята решением проблем формирования здоровья и организации медицинской помощи населению, отражая социальные, экономические, политические и идеологические взгляды. С первых лет победы Октябрьской революции 1917 года до начала 90-х годов XX столетия доминировала идеологическая компонента. Послереволюционный период оказал прямое воздействие на формирование системы здравоохранения, подчеркивая, что болезни зависят от социальных факторов, что было доказано работами.

Экономические и социальные трудности, угроза голода и эпидемии привели к разрушению всех структур власти и общественных отношений. Медицинская помощь была разобщена по различным ведомствам, финансирование которых осуществлялось за счет земств. Земские врачи работали без устали, поддерживая систему здравоохранения. На территории России процветали эпидемии различных заболеваний, в том числе холеры, тифа и малярии. Более половины населения столкнулось с серьезными проблемами из-за сложившейся ситуации. Нездоровые условия в госпиталях и отсутствие необходимых лекарств привели к массовой смертности детей. Коклюш, скарлатина и дифтерия были основными причинами этого явления. Медицинская помощь была

низкого качества из-за недостатка медицинского персонала и недостаточного количества больниц. Больные не имели надлежащего ухода из-за отсутствия чистого белья и кроватей. Как свидетельствуют источники, в результате, десятки тысяч людей погибли из-за запущенной системы здравоохранения[1].

Создание новой системы здравоохранения, объединяющей все учреждения и обеспечивающей бесплатную медицинскую помощь, было необходимо для спасения страны от эпидемий и болезней. Важно было также увеличить количество государственных больниц и аптек, а также обеспечить достаточное количество медицинских специалистов. Большевики столкнулись с этими проблемами в конце 1917 года, после того как они пришли к власти 7 ноября 1917 года. Это требовало немедленных действий и решений. На следующий день после создания Медико-санитарного отдела, который возглавил М.И. Барсуков, В.И. Лениным было подписано более 100 декретов и постановлений, направленных на развитие деятельности молодого советского здравоохранения. Деятельность отдела заключалась в привлечении к работе врачей и обеспечении своевременной медицинской помощи рабочим и солдатам. Деятель считал необходимым разработать требования к охране труда и системе здравоохранения в целом. Один из таких декретов был о призыве на военную службу врачей. Медицинский персонал, включая фельдшеров и лекарских помощников, обязан был являться на мобилизацию под угрозой суровых наказаний за уклонение. Семьи военных медиков получали дополнительные продовольственные карточки как поощрение за службу.

В феврале 1918 года был учрежден Совет Врачебных коллегий, с целью улучшения реорганизации военной медицины и борьбы с эпидемиями. Ликвидация санитарной разрухи была достигнута благодаря консолидации санитарного дела. Медицинские учреждения были снабжены необходимым оборудо-

[1] Абазов Р.В. История развития медицины в России от XVII до XX веков // Нравственно-патриотическое воспитание: исторические ретроспективы и изучение проблем современности. 2022. № 1. С. 246.

ванием и лекарствами, а в портах вводились жесткие карантины для предотвращения эпидемий. В условиях нехватки медперсонала, работники были привлечены к медицинским задачам, что привело к существенному снижению заболеваемости и улучшению общего состояния санитарной ситуации.

В июне 1918 года на Всероссийском съезде Медико-санитарных отделов Советов было рассмотрено создание Народного комиссариата здравоохранения, организация советской медицины на местах, борьба с эпидемиями и введение страховой медицины, что стало ключевым моментом в плане полного преодоления эпидемий в будущем. Народный комиссариат здравоохранения был учрежден как государственный орган, управляющий всеми сферами медико-санитарного дела в стране. Важным аспектом стало также создание эффективной системы организации медицинской помощи. Времена, когда первым наркомом здравоохранения РСФСР стал Н.А. Семашко, отличались особой заботой о народе. Под его руководством были разработаны инструкции по улучшению рабочих условий, общественных мест и даже улиц. Как отмечают А.Н. Редько и Д.В. Веселова, важное место в деятельности Наркомздрава занимал санитарно-эпидемиологический отдел, который заботился об общественном здоровье. Кроме того, фармацевтический отдел Наркомздрава активно занимался лекарственным обеспечением и контролем за аптечным делом. В начале советской эпохи большевики успешно организовали систему медицинского обслуживания, что привело к установлению государственного характера здравоохранения. Советское государство взяло на себя ответственность за защиту здоровья рабочих, что было закреплено в официальных документах и законодательных актах. Как отмечает Е.М. Смирнова, «...одной из основных задач стало предотвращение и борьба с вспышками эпидемий...»[1].

Подводя итоги изложенному, отметим, что ещё в давние времена началась законодательная деятельность, касающаяся правового регулирования от-

[1] Смирнова Е.М. История отечественного здравоохранения в тисках советской идеологии // Философия и методология истории. 2019. № 1. С. 284.

ношений в области охраны здоровья и медицинской помощи. Можно утверждать, что уже в древности стали формироваться нормы по охране здоровья граждан. Разумеется, уровень правовой базы был недостаточным, и многие вопросы в этой области оставались нерешенными и не регулировались. В то время возможно было констатировать становление системы медицинского обслуживания, которая нацелена на обеспечение сохранения оптимального состояния здоровья у граждан. Анализ истории становления полномочий федеральных органов в сфере охраны здоровья и медицинской помощи является ключевым этапом в изучении развития системы общественного здравоохранения и важным элементом обеспечения здоровья населения и устойчивого развития социума.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТНИКОВ

Кадырбаева А.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: к.ю.н., доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Хабибуллина А.С.

За неисполнение своих трудовых обязанностей, установленных трудовым договором и должностными инструкциями, работник несет дисциплинарную ответственность, которая реализуется в рамках охранительных правоотношений.

С учетом состава субъектов, источников правового регулирования, характера применяемых санкций в трудовом праве различают общую и специальную дисциплинарную ответственность, критерии разграничения которых законодательно не установлены.

Так, чаще всего, специальная дисциплинарная ответственность связана со спецификой трудовых функций, выполняемых работниками, особо тяжелыми последствиями, которые могут наступить в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения ими возложенных трудовых обязанностей. А

отдельные категории работников – это судьи, государственные гражданские служащие, военнослужащие, работники таможенных служб, работники, чья деятельность связана с источниками повышенной опасности (с влиянием вредных веществ и неблагоприятных производственных факторов) – за совершение дисциплинарного проступка несут специальную дисциплинарную ответственность.

Нормативными актами, регулирующими специальную дисциплинарную ответственность работников, являются федеральные законы, уставы и положения о дисциплине, которые принимаются указом Президента РФ или утверждаются Правительством РФ в соответствии с федеральными законами[1]. Именно со спецификой выполняемой работниками трудовой функции связано расширение перечня актов, регулирующих дисциплинарную ответственность работников отдельных категорий. К таким работникам относятся те, чьи дисциплинарные проступки могут повлечь негативные последствия для большого круга лиц.

М.Ю. Филиппова определяет специальную дисциплинарную ответственность как «обязанность работников отдельных отраслей хозяйственной деятельности претерпеть дополнительные, по сравнению с установленными Трудовым кодексом, негативные для их личных благ последствия за виновное противоправное неисполнение или ненадлежащее исполнение своих трудовых обязанностей, носящих особый характер»[2].

Именно характер и виды работ, установленных в трудовом договоре и должностных инструкциях, принятых в конкретной организации, определяют специфику характера трудовых отношений работника и вид дисциплинарной ответственности, которая может быть к нему применена.

---

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 3.

[2] Филиппова М.Ю. Правовое регулирование дисциплины труда работников железнодорожного транспорта Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8.

Таким образом, под специальной дисциплинарной ответственностью можно понимать ответственность работника отдельных отраслей хозяйственной деятельности за совершенный дисциплинарный проступок, связанный со спецификой выполняемой им трудовой деятельности, предусмотренной федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине.

В науке трудового права существует множество критериев выделения специальной дисциплинарной ответственности, поэтому вопрос установления таких критериев является дискуссионным.

Например, О.И. Карпенко в своем диссертационном исследовании отмечает следующие критерии:

1) круг субъектов ответственности;

2) более широкое понятие дисциплинарного проступка;

3) более строгие меры дисциплинарного взыскания[1].

Критерии также приводит В.Г. Самойлов:

1) состав субъектов;

2) источники правового регулирования;

3) виды дисциплинарного взыскания;

4) порядок применения мер дисциплинарной ответственности и снятия взыскания;

5) порядок обжалования примененных мер дисциплинарного взыскания[2].

В.Л. Гейхман, И.К. Дмитриева выделяют следующие критерии:

1) круг лиц, на которых распространяется;

2) более широкое понятие дисциплинарного (служебного) проступка;

3) меры взыскания;

4) определение объема дисциплинарной власти различных должностных лиц;

---

[1] Карпенко О.И. Дисциплинарная ответственность работника в трудовом праве: понятие и виды: дис. канд. юрид. наук. М., 2003. С. 93.

[2] Самойлов В.Г. Дисциплинарная ответственность в трудовом праве: общая и специальная: дис. канд. юрид. наук. М., 2006. С. 84.

5) порядок применения дисциплинарного взыскания[1].

С.В. Авилин предлагает более широкий перечень критериев дифференциации специальной и общей ответственности:

1) круг лиц, на которых они распространяются;

2) уточнение специальных обязанностей ведущих групп работников;

3) более широкое понятие дисциплинарного проступка;

4) более строгие меры дисциплинарного взыскания, дифференциация их в зависимости от трудовой функции работника;

5) расширение оснований для продления сроков наложения дисциплинарного взыскания;

6) определение объема дисциплинарной власти различных должностных лиц;

7) установление сроков для обжалования дисциплинарных взысканий, рассмотрения жалоб[2].

Таким образом, в настоящее время отсутствует законодательное разграничение общей и специальной дисциплинарной ответственности, при этом наука трудового права предлагает множество критериев выделения специальной дисциплинарной ответственности, а вопрос установления таких критериев до сих пор является дискуссионным.

О ПОНЯТИИ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ И ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Казеева В.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Саттарова З.З.

[1] Трудовое право: учебник для бакалавров / В.Л. Гейхман, И.К. Дмитриева. 2-е изд. М.: Юрайт, 2012. С. 361.

[2] Авилин С.В. Указ. соч. С. 9

Право на судебную защиту закреплено в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ и является одним из основных прав граждан и организаций в области правосудия.

Статья 153.1 АПК РФ и статья 155.1 ГПК РФ предусматривают применение видеоконференцсвязи в судебных заседаниях. В свою очередь статьей 153.2 АПК РФ и статьей 155.2 ГПК РФ регулируется возможность участия в судебном заседании посредством системы веб-конференции.

Использование систем видеоконференцсвязи и веб-конференции является одним из направлений цифровизации судебного процесса и реализации принципа доступности правосудия.

В общеупотребимом смысле видеоконференцсвязь – это услуга, предоставляемая поставщиками телекоммуникационных услуг для обеспечения коммуникаций и обмена аудио- и видеоданными между участниками распределенной группы в режиме реального времени[1].

Процессуальные кодексы не закрепляют понятия системы видеоконференцсвязи. Вместе с тем, понятие названной системы удаленного участия в судебном заседании содержится в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401, которым утвержден Регламент организации применения видеоконференцсвязи[2] при подготовке и проведении судебных заседаний.

Согласно названному акту, видео-конференц-связь (ВКС) – способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами.

В монографии Е.В. Бурдиной указывается, что видеоконференцсвязь – это информационная технология, представляющая собой один из видов групповой телекоммуникации, заключающийся в одновременной многосторонней

[1] Глоссарий по информационному обществу / Под общ. ред. Ю.Е. Хохлова. – М.: Институт развития информационного общества, 2009. С. 25.

[2] Используется написание слова, принятое в нормативном акте.

передаче, обработке и преобразовании видео- и аудиоинформации в режиме реального времени[1]. Сходного мнения придерживается и В.И. Решетняк[2].

Ю.В. Миронова предлагает под системой видеоконференцсвязи, используемой в судебной деятельности, понимать предусмотренный нормами процессуальных отраслей права комплекс аппаратных и программных средств, передающих по гарантированным каналам связи информационные сообщения между субъектами процессуальной деятельности в режиме реального времени и являющихся непосредственным гарантом механизма реализации основополагающих принципов права, обеспечивающее его максимально эффективное применение в процессе становления системы электронного правосудия[3].

Что касается веб-конференции, то стоит отметить следующее.

Если рассматривать общее понятие веб-конференции, то данная технология рассматривается как проведение мероприятия через интернет-соединение в режиме реального времени, когда каждый из участников находится у своего компьютера или смартфона, а связь между ними поддерживается через специальное приложение или веб-сайт.

При этом понятие веб-конференции в судебном процессе не закреплено в законодательстве в связи с относительно недавним ее внедрением.

В целом, видеоконференцсвязь и веб-конференция имеют схожие черты. Главное отличие системы веб-конференции и видеоконференцсвязи заключается в способе подключения лиц к участию в процессе. Видеоконференцсвязь является закрытой системой судов, и ее использование предполагает нахождение лица, участвующего в деле, в здании суда, который обеспечивает проведение видеоконференцсвязи по просьбе суда, рассматривающего дело. Веб-конференция в данном случае имеет преимущество перед видеоконференцсвязью,

---

[1] Электронное правосудие: Монография / Е.В. Бурдина [и др.]; под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. – М.: РГУП, 2021. С. 114.

[2] Решетняк В.И. Применение видеоконференцсвязи в арбитражном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 154

[3] Миронова, Ю.В. Реализация принципов гражданского процессуального права при использовании систем видеоконференцсвязи: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 35-36.

так как лицо, участвующее в деле, имеет возможность подключиться с помощью интернет-соединения с любого устройства.

Внедрение информационных технологий в процесс осуществления правосудия порождает необходимость совершенствования законодательной базы, внесение изменений в нормативные акты, а также решения технических вопросов их внедрения. Однако, безусловно, использование систем видеоконференцсвязи и веб-конференции облегчают доступ граждан к правосудию по гражданским делам и экономическим спорам, поэтому разрешение всех возникающих в процессе функционирования таких систем вопросов приведет к более скорому и эффективному восстановлению нарушенных прав граждан и юридических лиц.

МЕСТО ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Калашникова П.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Янева Р.Р.

Виртуальное пространство является частью объективной реальности, содержащей информацию об объектах, событиях, явлениях, на основании которых устанавливается истина. Защита прав интересов граждан и организация не эффективна, если гражданское судопроизводство не отвечает потребностям современного мира в условиях общей информатизации и компьютеризации, когда вопросы использования достижений научно-технического прогресса при рассмотрении гражданских дел, где используются электронные доказательства, становятся центральной проблемой процессуального законодательства.

В силу ст. 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ) доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд

устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Тем не менее, процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит понятия «электронные доказательства», которые, в соответствии со ст. 71 ГПК РФ, отнесены к письменным.

Итогом оценки законодательных новелл являются выводы, которые не всегда соотносятся с устоявшимися научными и законодательными аксиомами, относящимися к теории и практике судебного доказывания, поскольку, опираясь на особенности, а порой и на неустоявшиеся обыкновения малого опыта распознания, извлечения, аутентификации и идентификации электронных доказательств, ученые смешивают формы отображения электронных доказательств в их объективном (внешнем) виде с «вопросами их иной правовой природы»[1], «нового правового статуса электронных доказательств», предлагая в связи с этим «пересмотреть классификацию средств доказывания и переименовать по тексту ГПК РФ «письменные доказательства» в «документальные» и т.д.[2]

Примером таких поспешных упрощений стало наличие трех групп сформировавшихся взглядов по вопросу о том, к каким известным законодательству средствам доказывания относятся электронные доказательства: одни авторы солидарны с позицией законодателя и относят их к письменным; другие - к вещественным; в соответствии с третьей точкой зрения документы, полу-

[1] Лагутина Е.П. Цифровые доказательства в гражданском судопроизводстве / Е.П. Лагутина // Проблемы реформирования российской государственности: Материалы XIV Всероссийской конференции по национальному и международному праву (г. Екатеринбург, 20 декабря 2019 г.): Сборник научных статей / Научный редактор Д.Н. Сергеев. Екатеринбург: Учебно-научная лаборатория «Sapientia», 2019. С. 73 - 77.

[2] Гангало Ю.И. Электронные документы как средства доказывания в гражданском судопроизводстве: проблемы и пути их преодоления // Актуальные вопросы устойчивого развития России в контексте ключевых целей национальных проектов: Материалы Всерос. студ. науч.-практ. конф. 23 - 24 апреля 2020 г. / Отв. ред. С.В. Нечаева. М.: Челябинский филиал РАНХиГС, 2020. С. 190.

ченные с помощью компьютера, образуют самостоятельные средства доказывания. «Методологическая неочевидность» второй и третьей точек зрения бесспорна, поскольку подход их сторонников опирается не на учении о доказательствах, а, скорее, на внешнюю атрибутику их электронной формы.[1] Наиболее приемлемым в отношении определения места электронных доказательств представляется первый подход, поскольку сегодня в доказательственной деятельности преобладает письменная форма, что свидетельствует о признании законодателем ее самодостаточности.

Можно встретить и четвертую точку зрения, согласно которой электронные доказательства имеют переменный характер, т.е. являются либо письменными, либо вещественными в зависимости от того, представляют ли они собой предмет, а также от необходимости осмотра[2]. И те, и другие авторы считают необходимым произвести дополнительную регламентацию путем исключения из ст. 71 ГПК РФ упоминания об электронном документе как письменном и закрепить его в качестве самостоятельного вида доказательства в отдельной норме ГПК РФ.

Так, А.А. Федоров указывает на то, что электронный документ является смешанным по своей сути доказательством: письменным и вещественным. Единственное его отличие - особая форма представления информации в качестве записи на электронном носителе, а также в способе его получения[3].

Однако, по мнению других авторов, новых видов доказательств, которые обладают необыкновенной сверхдоказательственной силой или, напротив, меньшим доказательственным ресурсом, не возникает. Этим можно объяснить факт причисления электронных доказательств к числу письменных. Не сле-

---

[1] Голубцов В.Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2019. №1. С. 170-188.

[2] Зайцева Л.В., Сухова Н.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: вопросы процессуального доказывания // Вестник гражданского процесса. 2019. N 1. С. 197.

[3] Федоров А.А. Заверение электронных доказательств нотариусом в гражданском процессе // Аллея науки. 2019. N 9(36). С. 431 – 434.

дует считать абсолютной законодательной новизной также и понятия электронного документа и электронного доказательства. Достаточно понимания того, что термин «электронные доказательства» со всеми его условностями является производным не от слова электроника, а от слова «доказательство». Прилагательное «электронные» выполняет в нем лишь технологическую, но не сущностно-правовую нагрузку.[1]

В этом смысле весьма убедительным выглядело определение документа в Федеральном законе от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов»[2], согласно которому, документ - это «материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения».

Стоит отметить, что российское процессуальное законодательство, а именно гражданское, арбитражное и административное, на сегодняшний день стремится к унификации, однако, термин «электронное доказательств» в АПК РФ и ГПК РФ имеет различные трактовки.

В гражданском процессуальном праве электронные доказательства закреплены в качестве разновидности письменных доказательств. Их особенности проявляются при сборе, изъятии, хранении, а также при приобщении к материалам дела. Однако, АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ не имеют необходимой регламентации порядка применения электронных доказательств для массового и оперативного использования их в цивилистическом процессе РФ.

Е.А. Кочеткова акцентирует внимание на существующих проблемах применения электронных доказательств, которые требуют детальной регламентации, а именно, при определении места электронных документов в системе необходимо предусмотреть возможность их использования без привязки

[1] Голубцов В.Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2019. №1. С. 170-188.

[2] Федеральный закон "Об обязательном экземпляре документов" от 29.12.1994 N 77-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 05.02.2024).

к материальному носителю, поскольку он является вторичным по отношению к содержанию документа. Так же автор предлагает закрепить возможность использования протоколов, заключений эксперта и специалиста в электронной форме без привязки к материальному носителю[1].

Следует отметить, что в отличие от письменных и вещественных доказательств электронные документы не имеют материальной формы, их носителем являются файлы различных типов, а доступ к таким документам возможен только посредством специального программного обеспечения. Файл не привязан ни к какому материальному предмету, может передаваться, распространяться или даже одновременно существовать на нескольких носителях (например, в системе блокчейн). Как справедливо указывает Е.А. Нахова, «с учетом специфичности электронного документа, наряду с «электронной оболочкой» также имеет очень важное значение и информационная «природа» электронного документа»[2], что позволяет говорить о том, что «доказательства на электронных носителях являются самостоятельным средством доказывания, понятие которого нуждается в законодательном закреплении».

Таким образом, вопрос понимания сущности электронных доказательств связан не с проблемой электронных достижений, а реализацией новой формы средств доказывания в гражданском судопроизводстве, основанной на классической теории доказательственного права с небольшой «технологической» поправкой, относящейся к способам извлечения таких «виртуальных» документов. Именно поэтому требуется более четкое законодательное урегулирование понятия электронных доказательств, а также порядка их применения для упрощения и повышения эффективности судопроизводства в Российской Федерации, а также повышения качества взаимодействия между судами.

[1] Кочеткова Е.А. Электронные доказательства в цивилистическом процессе // Центральный научный вестник. 2019. N 45(69). С. 12 - 13.

[2] Нахова Е.А. Проблемы применения электронных доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. N 4. С. 85.

МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАРЬЕРОЙ РАБОТНИКА

Картыменов Б.К. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент Черепанцева Ю.С.

Любое изменение положения работника в организации так или иначе влияет на его деловую карьеру. Необходимость в управлении карьерой обусловлена ее важной ролью в жизни работника. Успешная карьера обеспечивает материальное благополучие, удовлетворение высших психологических потребностей работника.

Грамотно построенное управление карьерой является фактором повышения эффективности деятельности организации, условием ее устойчивости и жизнеспособности в изменяющейся среде, движущей силой, механизмом развития. Оно обеспечивает бесперебойное и рациональное замещение ключевых должностей, адаптивность и маневренность в условиях быстрых изменений содержания труда.[1] Именно поэтому для работодателя важно знать конкретные механизмы управления карьерой работника.

В управленческой практике выделяют межпрофессиональные и междолжностные перемещения (ротация персонала). Ротация - в целом позитивная с точки зрения управления технология, способствующая повышению готовности к принятию каких-либо изменений и нововведений, поскольку предлагает сотрудникам новые цели, задачи и планируемые результаты.[2]

В целом, при анализе трудового законодательства, можно выделить следующие формы междолжностного перемещения персонала:

– замещение должности при приеме на работу;

– перестановка – движение в пределах должностного ранга или эквивалентного уровня;

[1] Веснин В.Р. Управление персоналом. Теория и практика: учебник. М.: Проспект, 2010. С. 271.

[2] Курсова, О.А. Правовое регулирование управления персоналом: учебное пособие для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2022. С. 156.

– продвижение – повышение в должности с расширением прав и обязанностей;

– понижение в должности (смещение) и перевод на более низкую, с сужением круга обязанностей и ответственности.

К формам межпрофессионального перемещения, кроме вышеназванных, относят повышение уровня квалификации, сопровождающееся решением задач повышенной сложности, более высокой заработной платой, а также смену круга задач и обязанностей без повышения в должности.

Помимо этого, можно говорить о видах перемещения работника в зависимости от изменения структурного подразделения:

– выполнение опытным работником прежних обязанностей на новом месте в данном подразделении. Оно используется при необходимости укрепления отстающего участка, преодоления конфликта и пр.;

– получение новых обязанностей на том же уровне управления, но в другом подразделении;

– «карусель», т.е. временный переход работника в пределах организации на другую должность или в другое подразделение, где ему приходится выполнять функции, значительно отличающиеся от прежних.

Таким образом, любые междолжностные или межпрофессиональные ротации – это либо изменения объема или содержания трудовой функции работника, либо изменения структурного подразделения, в котором он работает. Такого рода изменения в карьере должны осуществляться исключительно в правовых рамках и в соответствии с требованиями трудового законодательства.

Круг должностных обязанностей, которые выполняет работник, составляет в общем виде его трудовую функцию. Условие о трудовой функции работника оговаривается при заключении трудового договора. Оно является обязательным для включения в трудовой договор, согласно статье 58 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ). Следовательно, любое изменение объема и содержания трудовой функции, что всегда и происходит при ротации, должно осуществляться с согласия работника.

Если в рамках межпрофессионального перемещения увеличивается объем работ, поручаемых работнику, то, согласно статье 60.2 ТК РФ, такая работа осуществляется только с письменного согласия работника и обязательно за дополнительную оплату (статья 151 ТК РФ). При этом срок, в течение которого работник будет выполнять дополнительную работу, ее содержание и объем устанавливаются работодателем с письменного согласия работника. Работник имеет право досрочно отказаться от выполнения дополнительной работы, а работодатель - досрочно отменить поручение о ее выполнении, предупредив об этом другую сторону в письменной форме не позднее, чем за три рабочих дня.

Наряду с этим трудовым законодательством предусмотрен временный перевод работника на другую работу. Такую правовую форму возможно отнести к механизму временной ротации кадров. В соответствии со статьей 72.2 ТК РФ, по соглашению сторон, заключаемому в письменной форме, работник может быть временно переведен на другую работу у того же работодателя на срок до одного года, а в случае, когда такой перевод осуществляется для замещения временно отсутствующего работника, за которым в соответствии с законом сохраняется место работы, – до выхода этого работника на работу. Если по окончании срока перевода прежняя работа работнику не предоставлена, а он не потребовал ее предоставления и продолжает работать, то условие соглашения о временном характере перевода утрачивает силу и перевод считается постоянным.

Следовательно, все виды ротации должны осуществляться в строгом соответствии с ТК РФ, в форме перевода с письменного согласия работника. Как вид изменения условий договоренности сторон, перевод должен быть юридически правильно оформлен.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ УПРОЩЁННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Кириллова Н.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Саттарова З.З.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 N 10 (ред. от 05.04.2022) "О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве", упрощенное производство представляет собой специальный порядок рассмотрения дел, предусмотренный главой 21.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и главой 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которым судами общей юрисдикции рассматриваются дела искового производства, а арбитражными судами рассматриваются дела искового производства и производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений[1]. В отличие от приказного производства рассмотрение дел в порядке упрощенного производства не исключает наличие спора о праве.

Глава 24 Концепции единого ГПК РФ, посвященная рассмотрению дел в порядке упрощенного производства, устанавливает главное отличие рассмотрения дел по правилам упрощенного производства от рассмотрения дел по общим правилам искового или административного производства, которое заключается в отсутствии необходимости вызова сторон[2].

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощённом производстве» // Российская газета. 25 апреля 2017. № 7254 (88).

[2] Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» от 8 декабря 2014. № 124. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/ (дата обращения: 02.03.2024).

Кроме того, необходимо отметить, что разработчики Концепции предлагают «упрощенное производство» терминологически заменить на «письменное производство» с целью отличия от приказного производства, которые оба являются формами процессуального упрощения. В дополнение, как и ранее в судопроизводстве предлагается активно использовать информационные технологии в целях сокращения сроков рассмотрения дела и экономии денежных средств.

В то же время ряд проблем и выявленных недостатков, к сожалению, остались вне поля зрения авторов Концепции. Полагаю, что законодатели должны быть сосредоточены не только непосредственно на унификации процессов, но и на окончательном установлении максимально четкой и устойчивой системы гражданского судопроизводства, которая, итак, неоднократно подвергается серьезным изменениям. По мнению А.Л. Шиловской, единый ГПК РФ должен разрешать все выявленные недостатки во избежание необходимости очередного реформирования Шиловская А.Л. Нельзя не отметить, что главным отличием рассмотрения дел по правилам упрощенного производства от рассмотрения дел по общим правилам искового или административного производства стало рассмотрение дел без вызова сторон по представленным сторонами документам в строго определенных законом случаях, а также, по желанию сторон, в иных случаях[1]. При этом процедура упрощенного производства предполагает рассмотрение дел по существу заявленных требований в состязательном процессе с учетом позиции обеих сторон спора, но с сокращенными временными и финансовыми затратами сторон и временными затратами суда.

Таким образом, в "Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации" (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 N 124(1)) говорится, «В законе необходимо определить

[1] Повышение гражданского и уголовного процесса с помощью медиации / А.Л. Шиловская // Юридический мир. 2013. № 10. С. 47-50.

критерии отнесения дел к делам, рассматриваемым в порядке письменного производства. Так, дело может относиться к: 1) "малым искам", то есть к делам с небольшой ценой иска. При этом к таковым возможно было бы отнести дела по исковым заявлениям о взыскании денежных средств в небольших размерах, по спорам, возникающим в сфере публичных правоотношений, если оспаривается взыскание (или предполагается взыскание) денежных средств в небольших размерах; 2) к делам, по которым наличие спора между сторонами маловероятно (например, представлены документы, устанавливающие денежные обязательства ответчика, и документы, содержащие письменное подтверждение ответчиком наличия у него задолженности перед истцом, например, в ответе на претензию, в подписанном сторонами акте сверки расчетов)[1]. Данная процедура учитывает положения Директивы Европейского союза о процедуре рассмотрения малых исков, вступившей в действие 1 января 2009 года.

Исходя из анализа вышесказанного, упрощенный порядок рассмотрения и разрешения споров не умаляет права граждан на правосудие. Он выступает неотъемлемым фрагментом, проявлением судебной правоприменительной деятельности. И в настоящее время законодателю необходимо лишь скорректировать, улучшить его во взаимосвязи с общей картиной гражданского процесса. В первую очередь следует устранить неясность применения упрощенного производства всеми звеньями судебной системы, а именно разрешить вопрос оперирования исследуемым механизмом мировыми судьями с учетом особенностей функционирования этого звена субъектов правосудия. Во-вторых, необходимо предоставить гражданам процессуальные возможности, гарантии взамен на «усеченную» реализацию сущностных показателей принципов гражданского процесса, например, предусмотреть право сторон обжаловать определение суда о наличии оснований для перехода к общему порядку искового производства по делу.

[1] Солохин А.Е. Упрощенные (ускоренные) процедуры рассмотрения дел в гражданском и арбитражном процессе: история, проблемы, перспективы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8 С. 18.

Таким образом, упрощенное производство в будущем будет способствовать реализации не только важнейших задач судопроизводства, в частности процессуальной экономии, но и оптимизации рассмотрения и разрешения гражданских дел, что в свою очередь благоприятным образом скажется на эффективности и качестве отечественного гражданского правосудия. Диктуемое временем и потребностями практики развитие упрощенных процедур рассмотрения споров в цивилистическом процессе осуществляется в русле не только отечественной, но и европейской правовой традиции, а также с учетом опыта применения действующих в настоящее время законодательных положений[1].

ПОНЯТИЕ ОСОБОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ И ОТГРАНИЧЕНИЕ ЕЕ ОТ СМЕЖНЫХ КАТЕГОРИЙ

Князева А.– магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент Ефимцева Т.В.

В российской и зарубежной практике отсутствует единый подход к обозначению территорий с преференциальными режимами осуществления предпринимательской деятельности, разновидностью которых является особая экономическая зона (далее – ОЭЗ).

Понятие ОЭЗ законодательно закреплено в Федеральном законе от 22.07.2005 г. №116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об ОЭЗ в РФ»), под которой понимается часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны. Однако в нормативно-правовых актах за-

[1] Папулова З.А. Некоторые дискуссионные вопросы современного упрощенного производства в российском арбитражном процессе. // Арбитражный и гражданский процесс. М.: Юрист, 2013. № 2. С. 33-34

рубежных стран помимо данного термина встречаются иные схожие наименования: «свободная экономическая зона», «специальная экономическая зона», «свободная зона», «зона экономического благоприятствования», «зона свободной торговли», «технопарк», «технополис» и др.

Термин «свободная экономическая зона» (далее – СЭЗ) был введен в отечественное законодательство в 90-х годах 20 века. Однако нормативные правовые акты тех лет не содержали его определения. По результатам анализа их положений можно утверждать, что на территории СЭЗ действовал льготный налоговый и таможенный режим, упрощенный порядок осуществления экспортно-импортных операций и создания советских, иностранных и совместных предприятий.

В то же время в других республиках бывшего Советского Союза были приняты законодательные акты, которые содержали определения СЭЗ. Так, в статье 1 Закона Республики Кыргызстан от 16.12.1992 г. №1076-XII «О свободных экономических зонах в республике Кыргызстан» под СЭЗ понимались специально выделенные территории отдельных областей, районов и городов Республики Крыгызстан.

В настоящее время данный термин также используется в законодательстве ряда стран СНГ. Согласно статье 1 Закона Республики Беларусь от 07.12.1998 г. №213-З «О свободных экономических зонах» СЭЗ - часть территории Республики Беларусь с определенными границами, в пределах которой в отношении резидентов этой свободной экономической зоны устанавливается и действует специальный правовой режим для осуществления ими инвестиционной и предпринимательской деятельности.

Среди ученых также нет единого мнения о соотношении СЭЗ и ОЭЗ. Они приводят различные уточнения и добавления, характеризующие СЭЗ и отличающие ее от иных территорий: особая целевая направленность, обособленность территории, наличие обособленной системы управления зоной, осо-

бый юридический статус территорий, преференциальный режим хозяйствования и др. Тем не менее, все названные признаки в той или иной степени характеризуют и СЭЗ, и ОЭЗ.

Наиболее близкой нам является точка зрения С.А. Рыбакова и Н.А. Орловой, которые считают СЭЗ и ОЭЗ равнозначными понятиями и определяют их как «относительно обособленную часть территории страны, на которой устанавливается особый правовой режим для бизнеса, включающий налоговые, таможенные, административные и гражданско-правовые льготы и гарантии».

Таким образом, представляется, что СЭЗ и ОЭЗ отражают одно правовое явление, характерными признаками которых являются:

1) наличие определенной территории государства и 2) особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности на данной территории.

К такому же выводу пришел Верховый Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в Определении Судебной коллегии ВС РФ от 27.12.2002 г. №46-Г02-28 (далее – Определение), рассматривая дело об оспаривании постановления и.о. губернатора Самарской области от 09.08.1999 г. «О создании особой экономической зоны на территории г. Похвистнево и Похвистневского района Самарской области». ВС РФ указал на необходимость использования двух признаков для квалификации зон – наличие определенной в административных границах территории и особого правового режима хозяйственной деятельности. В Определении было подтверждено сходство понятий «свободная экономическая зона» и «особая экономическая зона» и отмечено, что не имеет существенного значения название этих экономических зон.

В зарубежной литературе распространены несколько иные термины: зона свободной торговли (free-trade zone), свободная зона (free zone), оффшор (offshore) и др.

Термином «свободная зона» обозначают расположенную внутри страны территорию, освобожденную от взимания таможенных пошлин. Практически идентичное значение имеет термин «зона свободной торговли».

Подобное понимание свободных зон и зон свободной торговли можно встретить как в международном, так и в российском законодательстве. К примеру, согласно Киотской Конвенции под свободной зоной понимается часть территории страны-участницы, где любые ввезенные товары рассматриваются в части применения импортных пошлин и налогов как находящиеся вне таможенной территории. Что касается российского законодательства, то в статье 2 Федерального закона от 08.12.2003 г. №164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» содержится понятие зоны свободной торговли, под которой понимаются таможенные территории, на которых в соответствии с международным договором с одним или несколькими государствами либо группами государств отменены таможенные пошлины и другие меры ограничения внешней торговли товарами, происходящими с данных таможенных территорий, в отношении практически всей внешней торговли такими товарами в пределах данных таможенных территорий, за исключением возможности применения при необходимости таких мер в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Кроме того, в ФЗ «Об ОЭЗ в РФ» используется такой термин как «свободная таможенная зона», но используется он не в значении указания территории, а в значении таможенного режима.

Офшорные зоны, в отличие от зон свободной торговли, ассоциируются, прежде всего, с льготным налогообложением и иными условиями осуществления предпринимательской деятельности. Например, Министерство финансов Российской Федерации при утверждении перечня офшорных зон выделяет два признака таких зон. Во-первых, на их территории предоставляется льготный налоговый режим налогообложения, а, во-вторых, не предусматривается раскрытие и предоставление информации при проведении финансовых операций.

Таким образом, термины «свободная зона» и «зона свободной торговли» являются равнозначными и обозначают территорию страны, на которой отменены таможенные пошлины и другие меры ограничения внешней торговли товарами. В таком значении названные термины не являются синонимами ОЭЗ (СЭЗ).

Термин «свободная таможенная зона» также не может заменять собой термины «особая экономическая зона» («свободная экономическая зона»), поскольку обозначает не территорию, а специальный таможенный режим.

Между офшорными зонами и ОЭЗ (СЭЗ) тоже нельзя поставить знак равенства.

Следовательно, несмотря на большое количество схожих терминов, так или иначе обозначающих территории с преференциальными режимами осуществления предпринимательской деятельности, в частности ОЭЗ, не все из них могут быть признаны синонимами, и было бы неверным подменять один термин другим, не проведя достаточного анализа их содержания.

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕКЛАМЕ, РАЗМЕЩАЕМОЙ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Колганова А.М. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Захарова А.Э.

Интернет как безграничная и перспективная международная рекламная площадка становится все более популярным и среди рекламодателей, и среди покупателей. Выгода от использования интернет-рекламы очевидна: на сайте потребители могут легко получить наиболее полную информацию о компании, предлагаемых товарах и услугах, что практически невозможно при проведении стандартных видов рекламных кампаний. Зная и используя возможности различных видов рекламы в интернете, можно намного проще, эффективнее и дешевле достичь нужного результата.

Современные реалии и развитие информационно-телекоммуникационных технологий также не обошлись без проникновения в них рекламы, при этом реклама в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» стала наиболее распространенной и быстрорастущей, продвигая как товары, услуги, так и мероприятия, сообщества, группы, то есть все сферы жизни человека. Обращаясь к статистике, можно сделать вывод о том, что реклама в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по состоянию на январь 2023 год занимает лидирующее место - 578 млрд. руб. (+16% в сравнении с 2022 годом) в сравнении с рекламой на телевидении (-6%), радио (-5%) и периодической печати (-14%)[1].

Такое широкое распространение рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» влечет необходимость детальной правовой регламентации соответствующей отрасли.

Процесс законодательного закрепления вопросов производства и распространения рекламы начался с 1990 года, а именно с Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»[2], на сегодняшний день уже утратившего силу. Несмотря на то, что данный нормативный правовой акт не давал конкретного определения рекламы, он закреплял основные формы недобросовестной конкуренции, а именно:

- распространение ложных, неточных или искаженных сведений, способных причинить убытки другому хозяйствующему субъекту либо нанести ущерб его деловой репутации;

- введение потребителей в заблуждение относительно характера, способа и места изготовления, потребительских свойств, качества и количества товара или его изготовителей;

---

[1] РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2022/10/13 (дата обращения: 17.01.2024).

[2] Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». Текст: электронный // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51/

- некорректное сравнение хозяйствующим субъектом производимых или реализуемых им товаров с товарами других хозяйствующих субъектов»[2].

Далее последовал ряд законов, таких как: Закон РСФСР «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-11[1], который не только запрещал «недостоверную информацию», но и «ограничивал объем рекламы в СМИ»; Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-12[2], в котором закреплены необходимость информирования потребителя и требования, предъявляемые к предоставлению информации, а также ответственность за нарушения права потребителя на получения достоверной информации о товарах и услугах.

Указанные нормативные правовые акты в должной мере не удовлетворяли потребность в правовом регулировании быстро развивающейся рекламной сферы, что вызвало острую необходимость в разработке закона, который более подробно и детализировано будет регламентировать данную сферу общественной жизни.

Так, 13 марта 2006 года был принят Федеральный закон № 38-ФЗ «О рекламе»[5], призванный систематизировать рекламную деятельность, осуществляемую на территории Российской Федерации.

Вышеуказанный федеральный закон закрепил понятие рекламы как «информации, распространенной любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованной неопределенному кругу лиц и направленной на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке».

Согласно ст. 3 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», реклама — это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному

---

[1] Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации». Текст: электронный // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/

[2] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». Текст: электронный // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/

кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке[1]. Следовательно, рекламой считаются сообщения, которыми бизнес мотивирует покупателей, в том числе потенциальных, к какому-то действию или продвигает интерес к своему продукту или бренду.

Однако после вступления в силу Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» ряд авторов придерживался позиции, что для регулирования сферы интернет-рекламы имеющимся законодательством были определены преимущественно только общие правовые нормы, которые в свою очередь являлись недостаточными.

Так, к примеру, Толочкова Н.Г., Демидбаева А.Ж. в статье «Проблемы правового регулирования рекламной деятельности в сети Интернет» в 2017 году отмечали, что к числу проблем законодательства в указанной области относится отсутствие массива правовых норм, прямо регулирующих правила распространения данного вида рекламы[2].

Среди основных проблем, распространения рекламных сообщений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», требующих скорейшего нормативно-правового регулирования многие эксперты и, в частности, Рубцова Н.В. приводили следующие:

1. Распространение недобросовестных и недостоверных материалов рекламного характера;

2. Мошенничество;

3. Пропаганда терроризма и экстремизма, незаконная реклама алкогольной продукции, наркотических средств, психотропных веществ и других запрещенных товаров, и услуг;

4. Клевета;

---

[1] Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе». Текст: электронный // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/

[2] Демидбаева А. Ж., Толочкова Н. Г. Проблемы правового регулирования рекламной деятельности в сети Интернет // Евразийский союз ученых. 2017. № 5-1 (38). С. 117-121.

5. Неэтичная реклама;

6. Спам[1].

Принятый 2 июля 2021 года Федеральный закон № 347-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе»[2] был призван решить вышеуказанные проблемы посредством введения норм, согласно которым вся реклама, распространяемая через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», должна содержать пометку «реклама», а также указания на рекламодателя и (или) сайт, на котором размещена информация о нем.

Так, в начале декабря 2021 года Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ представило порядок взаимодействия Роскомнадзора с операторами рекламных данных. Соответствующее Постановление Правительства РФ[3] вступило в силу 1 сентября 2022 года и будет действовать шесть лет с указанного времени. В результате у тех участников рынка интернет-рекламы, которые размещают в интернете рекламу, направленную на привлечение внимания российских пользователей (потребителей рекламы), и соответствуют критериям, определенным Правительством РФ, с 1 сентября 2022 года появилась обязанность передавать в Роскомнадзор сведения о размещаемой в интернете рекламе.

По сообщению Роскомнадзора, закон позволит создать прозрачные условия в сфере интернет-рекламы в России. Созданный Роскомнадзором реестр обеспечивает независимый учёт рекламы в Интернете, позволяет контролировать исполнение договоров между рекламодателем и рекламораспространителем. Кроме того, сведения из единого реестра интернет-рекламы (ЕРИР) позволят Федеральной антимонопольной службе оперативно реагировать на

[1] Рубцова, Н. В. К вопросу о правовом регулировании интернет-рекламы в России // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 1 (26). С. 348-350.

[2] Федеральный закон от 02.07.2021 № 347-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе». Текст: электронный // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389115/

[3] Постановление Правительства РФ от 20.12.2022 № 2355 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Текст: электронный // СПС Гарант: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/405989841/#block_1222

неправомерную рекламу, а Федеральной налоговой службе – обеспечить справедливое налогообложение.

Участники рекламного рынка вносят в ЕРИР информацию об объекте рекламирования, типе рекламной кампании в Интернете, средствах и формах распространения рекламы, её стоимости и другие сведения.

Согласно закону, такая информация передаётся в систему через операторов рекламных данных (ОРД). Перечень компаний, готовых выполнять функции ОРД, сформирован. На данный момент в соответствующий перечень входят: «Лаборатория разработки» (Сбер), «Яндекс Оператор Рекламных Данных» (Яндекс), «ВК Рекламные Технологии» (VK), «ОЗОН ОРД» (Озон), «МедиаСкаут» (МТС), «Первый ОРД» (Вымпелком), «ОРД-А» (Амбердата). Эти компании наладили технологическое взаимодействие своих информационных систем с ЕРИР. Данные об интернет-рекламе уже передаются в ЕРИР[1].

Стоит также отметить, что несмотря на то, что обязанность по маркировке интернет-рекламы была введена для компаний с 1 сентября 2022 года, бизнесу был предоставлен переходный период продолжительностью в один год, в течение которого рекламодателей и рекламораспространителей не штрафовали за отсутствие в интернет-рекламе обязательной маркировки.

После вступления в силу положений Федерального закона от 24.06.2023 № 274-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»[2] переходный период завершился.

Упоминая об ответственности, следует отметить, что на контроль за соблюдением требований, предъявляемых к рекламе, распространяемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», уполномочены Федеральная антимонопольная служба России (ФАС России) и Федеральная

[1] О порядке учета интернет-рекламы. Текст: электронный // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: [сайт]. URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74492.htm (дата обращения: 17.01.2024).

[2] Федеральный закон от 24.06.2023 № 274-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Текст: электронный // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450402

служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

В полномочия ФАС России в этой сфере входит:

1. Отнесение информации к рекламе, которая должна иметь маркировку;

2. Контроль за наличием пометки «реклама»;

3) Контроль за наличием сведений о рекламодателе, которые могут быть указаны одним из двух способов:

- полное ФИО для физического лица, полное наименование для юридического лица;

- ссылка на сайт (страницу сайта) с данными о рекламодателе[1].

Ответственность за их не размещение или некорректное размещение установлена ч. 1 ст. 14.3 КоАП РФ в виде штрафа: от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей для граждан, от четырех тысяч до двадцати тысяч рублей для должностных лиц, от ста тысяч до пятисот тысяч рублей для юридических лиц.

С 1 сентября 2023 года вступили в силу нормы уже упомянутого ранее Федерального закона от 24.06.2023 № 274-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»[2], установившие административную ответственность за нарушение порядка передачи сведений о рекламе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в систему учета рекламы и за распространение такой рекламы без идентификатора.

Так, в рамках данных норм к полномочиям Роскомнадзора будет относиться выявление следующих нарушений:

1. Неисполнение рекламодателем, рекламораспространителем, оператором рекламной системы обязанности по предоставлению информации или

[1] Реклама в интернете. Текст: электронный // Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы: [сайт]. URL: https://fas.gov.ru/pages/reklama_v_internete (дата обращения: 17.01.2024)

[2] Федеральный закон от 24.06.2023 № 274-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Текст: электронный // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450402

обязанности по обеспечению предоставления информации о распространенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» рекламе в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи (Роскомнадзор), в соответствии с законодательством о рекламе, либо нарушение установленных сроков исполнения таких обязанностей, либо предоставление в указанный орган при исполнении таких обязанностей неполной, недостоверной, неактуальной информации. Штраф: для граждан - в размере от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей; для должностных лиц - от тридцати тысяч до ста тысяч рублей; для юридических лиц - от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей (ч. 15 ст. 14.3 КоАП РФ).

2. Распространение рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» без присвоенного оператором рекламных данных соответствующей рекламе идентификатора рекламы либо нарушение требований к его размещению при распространении рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Штраф: для граждан в размере от тридцати тысяч до ста тысяч рублей; для должностных лиц - от ста тысяч до двухсот тысяч рублей; для юридических лиц - от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей (ч. 16 ст. 14.3 КоАП РФ).

3. Неисполнение оператором рекламных данных обязанности по передаче предоставленной ему в соответствии с законодательством о рекламе информации о распространенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» рекламе в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, либо несоблюдение оператором рекламных данных установленного порядка взаимодействия с указанным органом, либо предоставление оператором рекламных данных в указанный орган неполной, недостоверной, неактуальной информации, либо нарушение оператором рекламных данных установленных

требований к идентификатору рекламы, его содержанию, порядку и срокам его присвоения, хранения и предоставления в указанный орган. Штраф: для должностных лиц - от ста тысяч до двухсот тысяч рублей; для юридических лиц - от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей (ч. 17 ст. 14.3 КоАП РФ).

Первые постановления о привлечении к административной ответственности за неисполнение требований ст. 18.1 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» были вынесены управлением Роскомнадзора по Центральному федеральному округу 27 ноября 2023 года.

В частности, о данном факте в ведомстве сообщили следующее: «В трех случаях в телеграм-канале блогера «Лиса рулит» отсутствует идентификатор рекламы в рекламных сообщениях», однако сумма штрафов не уточнялась.

При этом сама владелица телеграм-канала «Лиса рулит» Елена Лисовская сообщила, что сумма штрафа составила 300 тыс. руб., отмечая при этом корректность работы ведомства и признавая, что в соответствующих трех случаях (постах) действительно имело место нарушение требований законодательства[1].

Таким образом, в период с 2022 года по 2023 год законодательство, регламентирующее сферу рекламы, распространяемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», претерпело множество изменений. В настоящее время представляется довольно сложным дать оценку результатам введения в действие, в том числе, норм Федерального закона от 02.07.2021 № 347-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» и Федерального закона от 24.06.2023 № 274-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» в силу непродолжительного времени их применения. Однако, исходя из того, что субъекты, в задачи которых входит обеспечение реализации новых норм, активно вклю-

[1] Роскомнадзор выписал первый штраф за нарушение маркировки рекламы / К. Соколов. Текст: электронный // РБК: [сайт]. URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/society/17/01/2024/65a7ea4a9a794766eeedda73 (дата обращения: 17.01.2024).

чились в соответствующий процесс, что можно увидеть, например, из количества предоставляемых ФАС и Роскомнадзором пояснений по данной теме или из имеющейся практики контроля за результатами деятельности субъектов интернет-рекламы и привлечения их к административной ответственности за выявленные нарушения, в ближайшее время можно будет наблюдать положительные результаты введенных в законодательство о рекламе, распространяемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», изменений, выраженные, в том числе, в виде статистических показателей.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ О ВЗЫСКАНИИ АЛИМЕНТОВ (ИЗМЕНЕНИИ ИХ РАЗМЕРА) НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Коломасова Т.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Саттарова З.З.

Судами разрешаются не только споры о взыскании алиментов, но и иски об изменении размера алиментов, об изменении порядка исполнения судебного решения о взыскании алиментов, изменении или расторжении соглашений об алиментах, освобождении от уплаты задолженности по алиментам или уменьшению, а также другие смежные вопросы.

В статье 38 Конституции Российской Федерации закреплено, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Семейным кодексом Российской Федерации, который является основополагающим нормативным правовым актом, регулирующим вопросы содержания несовершеннолетних детей предусмотрено право каждого ребенка на заботу и получение содержания от своих родителей (статьи 54, 60), а также установлена корреспондирующая этому праву обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей (статья 80). Основной целью современного правового государства является обеспечение защиты прав и свобод человека, а также его социального

благополучия. Особое внимание уделяется обеспечению надежной защиты интересов несовершеннолетних и обеспечению их достойного материального благополучия.

Динамизм правоприменительной практики по вопросам изменения установленного судом размера алиментов, определения способа взыскания алиментов порождает сложность судебного разбирательства, а также наличие множества проблем при разрешении указанных споров.

Пунктом 1 статьи 81 Семейного кодекса Российской Федерации предусмотрено, что при отсутствии соглашения об уплате алиментов алименты на несовершеннолетних детей взыскиваются судом с их родителей ежемесячно в размере: на одного ребенка - одной четверти, на двух детей - одной трети, на трех и более детей - половины заработка и (или) иного дохода родителей.

Исходя из положений вышеуказанной нормы, суд при наличии двух детей взыскивает алименты в размере одной трети заработка и (или) иного дохода ответчика, т.е. по 16, 7 % на каждого ребенка; на трех детей –половину заработка и (или) иного дохода, т.е. также по 16,7 % на каждого ребенка.

На первого ребенка с родителя судебным приказом взыскиваются алименты в размере одной четверти заработка и (или) иного дохода. В случае последующего рождения второго и третьего ребенка на них будут взысканы алименты в размере 16, 7 % на каждого.

Как следует из пункта 1 статьи 119 Семейного кодекса Российской Федерации если при отсутствии соглашения об уплате алиментов после установления в судебном порядке размера алиментов изменилось материальное или семейное положение одной из сторон, суд вправе по требованию любой из сторон изменить установленный размер алиментов или освободить лицо, обязанное уплачивать алименты, от их уплаты.

Представляется, что в соответствии с положениями статьи 81 семейного кодекса Российской Федерации, с учетом наличия двух или трех детей алименты, на первого ребенка должны быть уменьшены до 16,7 % и взыскиваться на каждого из детей в равном размере.

Вместе с тем, согласно позиции, изложенной в пункте 57 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № N 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов[1]» при разрешении требования родителя, уплачивающего алименты на несовершеннолетнего ребенка, о снижении размера алиментов следует иметь в виду, что изменение материального или семейного положения данного родителя не является безусловным основанием для удовлетворения его иска, поскольку необходимо установить, что такие изменения не позволяют ему поддерживать выплату алиментов в прежнем размере.

Исходя из данной позиции суды, рассматривая требования лица, обязанного выплачивать алименты, об уменьшении размера алиментов, взысканных на первого ребенка после рождения второго и третьего ребенка, выносят решения об отказе в удовлетворении иска.

Данное положение подтверждается определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 03.02.2022 № 88-1739/2022, определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2022 № 88-33356/2022.

Таким образом, в случае одновременного взыскания алиментов на двух детей родитель будет выплачивать 30 % от заработка и (или) иного дохода, на трех детей – 50 %; в случае же если на первого ребенка алименты были взысканы ранее, а впоследствии взыскиваются алименты на второго и третьего ребенка общий размер взысканий составит: 55% -на двух детей и 75 % -на трех.

Данная ситуация создает неравнозначные условия для плательщиков алиментов.

И положения статьи 119 Семейного кодекса Российской Федерации, предполагающие изменение размера в связи с изменением семейного положения оказываются неработающими.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 №N 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

Также неработающими оказываются положения статьи 81 Семейного кодекса Российской Федерации, устанавливающей размер алиментов на двух и трех детей.

Как видится необходимо дополнительное регулирование на законодательном уровне, позволившее бы соблюсти баланс интересов взыскателя алиментов и плательщика, а также устанавливающее единообразный подход ко взысканию содержания на второго и последующих детей.

Возможным решением проблемы была бы отмена судебного приказа о взыскании алиментов на первого ребенка судом, рассматривающим исковое заявление об изменении размера алиментов и последующим установлении размера алиментов на каждого из детей в итоговом судебном акте.

ОСОБЕННОСТИ ПОРЯДКА ВОЗБУЖДЕНИЯ ДЕЛ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ГРАНИЦ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Комарова М.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Янева Р.Р.

В настоящее время между правообладателями земельных участков возникает достаточно большое количество споров, связанных с наложением границ земельных участков друг на друга, о чем свидетельствуют статистические данные правоприменительной практики. Одной из причин возникновения споров о границах земельных участков является низкий уровень качества работ по межеванию и кадастровому учету. Зачастую собственник земельного участка даже не знает о том, что в результате некачественных произведенных кадастровых работ, он фактически занимает часть чужого земельного участка и нарушает права других собственников[1].

[1] Краснова Д.В., Володченко В.С., Ланцова Д.С., Метельницкая Т.А. Особенности урегулирования споров о наложении границ земельных участков // Вопросы науки и образования. 2019. № 1. С. 17.

Для определения границ земельного участка собственник обращается к кадастровому инженеру за составлением межевого плана. Разрешение земельного спора возможно путем мирного урегулирования и подписания акта согласования местоположения границ земельного участка на основании проведенного межевания. После этого собственники земельных участков должны обратиться в Кадастровую палату с заявлением об уточнении границ земельного участка. Однако, большая часть рассматриваемых споров не разрешается путем консенсуса землепользователей. Соответственно, такой земельный спор подлежит рассмотрению в суде.

Стоит отметить, что с принятием Земельного кодекса РФ в 2001 году в качестве единственно возможного способа урегулирования земельных споров был установлен судебный порядок, так как до этого момента они рассматривались муниципальными органами в административном порядке. Так, лицо, чьим права нарушены, составляет и подает исковое заявление в суд в соответствии с правилами подсудности[1]. Судебный порядок рассмотрения споров об установлении границ земельного участка мало чем отличается от общего. Тем не менее, существуют определенные особенности возбуждения судами данной категории дел[2].

Так, помимо требования об установлении границ земельного участка в исковом заявлении должно быть также заявлено о необходимости устранения конкретного нарушения права собственника. Соответственно, наряду с основным требованием об установлении границ земельного участка, в исковом заявлении могут быть указаны также и дополнительные требования: о внесении изменений в ЕГРН о местоположении границ земельных участков; о признании недействительными сведений о местоположении границ земельных участ-

[1] Афанасьев С.Ф., Волкова Т.В. Некоторые процессуальные особенности рассмотрения судами земельных и экологических споров // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5. С. 214.

[2] Фролов С.А. Особенности судебного порядка рассмотрения земельных споров // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 10-2. С. 44.

ков; о признании согласованной общей границы земельных участков / о восстановлении смежной границы; об исправлении реестровой ошибки в ЕГРН; о признании недействительными межевого плана, результатов кадастровых работ и акта согласования границ земельного участка; об истребовании участка из чужого незаконного владения; о выделе долей или о разделе земельного участка; об устранении препятствия в пользовании земельным участком путем сноса нежилых построек, заборов, демонтажа ограждений, разборки фундаментов и т.п., или об их переносе в конкретное место; о признании построек ответчика самовольными постройками, подлежащими сносу; об определении порядка пользования земельным участком; о признании права собственности на земельный участок.

Таким образом, иск об установлении границ земельного участка является самостоятельным средством защиты, направленным также на устранение неопределенности в иных смежных вопросах.

Весьма важно отметить, что по данной категории споров ответчик может заявлять встречные исковые требования об установлении границ земельного участка другим способом и по другим точкам, чем те, которые предлагает истец. Помимо прочего, ответчик вправе требовать: признания наличия реестровой ошибки в сведениях ЕГРН, ее исправления; определения порядка пользования участком; признания права собственности на земельный участок; установления сервитута или выдела земельного участка; признания недействительными сведений о координатах характерных точек границ земельных участков и исключения их из ЕГРН; уточнения или восстановления границ земельного участка ответчика; устранения препятствия в пользовании земельным участком; признания права собственности на объект недвижимого имущества и т.д.

По спорам об установлении границ земельного участка не предусмотрен обязательный досудебный порядок их разрешения. Вследствие этого, судья не вправе возвратить исковое заявление на основании несоблюдения досудебного порядка урегулирования спора (п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ). Дела данной

категории рассматриваются в качестве суда первой инстанции районным судом (ст. 24 ГПК РФ). Иск об установлении границ земельного участка следует предъявлять по месту его нахождения по правилам исключительной подсудности (ч. 1 ст. 30 ГПК РФ)[1].

Иски об установлении границ являются негаторными. Соответственно, при подаче гражданином иска об установлении границ земельного участка подлежит уплате государственная пошлина в размере 300 руб. как за рассмотрение имущественного требования, не подлежащего оценке (п. 3 ч. 1 ст. 333.19 НК РФ). Исковое заявление и иные документы могут быть поданы в суд на бумажном носителе или в электронном виде.

На сегодняшний день существует несколько проблем, разрешение которых способствует уменьшению количества споров об установлении границ земельных участков. Так, действующее законодательство не содержит ограничений на совершение сделок с земельными участками, границы которых не установлены согласно требованиям земельного законодательства, а также не содержит сроки, в течение которых такие границы должны быть установлены. Кроме этого, в законодательстве не предусмотрены основания для приостановления государственной регистрации прав на земельные участки в связи отсутствием межевания и сведений о координатах характерных точек их границ в ЕГРН.

Таким образом, иски об установлении границ предъявляются в случае возникновения межевых споров со смежными землепользователями. Данные споры могут быть обусловлены нарушением постройками или сооружениями границ смежного земельного участка, отказом подписать акт согласования границ в процессе межевания, наложением смежных участков на кадастровой карте. Поскольку требования об установлении границ вытекают из конкретного нарушения прав собственника земельного участка, необходимо заявлять их в совокупности с иском об устранении данного нарушения. Так для суда

[1] Ягудина М.А. Некоторые проблемы подсудности споров, возникающих из земельных правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 370.

будут очевидны нарушение прав истца и необходимость установления границ в судебном порядке. В противном случае, велик риск отказа в иске, так как Федеральными законами «О кадастровой деятельности»[1], «О государственной регистрации недвижимости»[2] предусмотрен административный порядок установления границ земельного участка.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОКАЗЫВАЮЩЕЙ НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ ПЛАТА ЗА НВОС

Кондусова А.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Чашкин П.В.

Вопрос охраны окружающей среды становится все более актуальным в наше время. Вместе с промышленным и экономическим развитием растет и потребность государства в регулировании предпринимательской деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую среду. В данной статье мы рассмотрим правовые аспекты платы за НВОС.

Одним из принципов, на основе которого осуществляется хозяйственная или иная деятельность, оказывающая негативное воздействие на окружающую среду, является платность природопользования и возмещение вреда окружающей среде. Правовая регламентация данного принципа закреплена в ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (далее – Закон)[3].

В соответствии с пунктом 1 статьи 16 Закона плата за негативное воздействие на окружающую среду взимается за следующие его виды:

[1] Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» (в ред. от 24 июня 2023 г. № 338-ФЗ) // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4017.

[2] Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (в ред. от 14 февраля 2024 г. № 20-ФЗ) // СЗ РФ. 2015. № 29. Ст. 4344.

[3] СЗ РФ. 2002 г. № 2. Ст. 133.

– выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками

– сбросы загрязняющих веществ в водные объекты

– хранение, захоронение отходов производства и потребления (размещение отходов), в том числе складирование побочных продуктов производства, признанных отходами в соответствии с пунктом 8 статьи 51.1 настоящего Закона, хранение вскрышных и вмещающих горных пород, признанных отходами производства и потребления в соответствии со статьей 23.5 Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 года № 2395-I «О недрах».

В законодательство об окружающей среде и об отходах производства и потребления вводится новое понятие: «побочные продукты производства». За побочные продукты, образовавшиеся при ведении деятельности юридическим лицом или индивидуальном предпринимателем, плату за НВОС вносить не нужно. Однако если побочные продукты признаются отходами, тогда возникает обязанность внести плату за НВОС за них как за размещение отходов (п. 3 ст. 2 Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "Об отходах производства и потребления" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14.07.2022 № 268-ФЗ (далее – Закон 268-ФЗ))[1].

Если побочные продукты признаны отходами в связи с тем, что они размещены на объектах размещения отходов, то плата рассчитывается с дополнительным коэффициентом 52 в том случае, если такое размещение произошло по истечении 11 месяцев с даты образования побочных продуктов. Если же такое размещение произошло ранее 11 месяцев, то плата рассчитывается без дополнительного коэффициента, это положение следует из п. 6 ст. 2 Закона № 268-ФЗ.

Плату за НВОС за размещение отходов в виде побочных продуктов нужно вносить только по итогам года (пп. "б" п. 7 ст. 2 Закона № 268-ФЗ). Квартальные авансовые платежи по этому виду платы не предусмотрены (пп. "в" п. 7 ст. 2 Закона № 268-ФЗ).

[1] СЗ РФ. 2022. № 29 (часть III). Ст. 5235.

С учетом того, что новые нормы вступают в силу с 01.03.2023, впервые перечислить плату за НВОС за новый вид отходов потребуется не позднее 01.03.2024 (ч. 1 ст. 5 Закона № 268-ФЗ и п. 3 ст. 16.4 Закона).

Плата за негативное воздействие на окружающую среду подлежит зачислению в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации. Отметим, еще в Определении №284-О от 10.12.2002 Конституционный Суд подчеркнул, что платежи за негативное воздействие на окружающую среду «не обладают рядом признаков, присущих налоговому обязательству». Суд исходил из того, что экологические платежи взимаются с хозяйствующих субъектов не с целью пополнения казны, а за предоставление права на осуществление негативного воздействия в пределах согласованных государством нормативов, представляя собой форму возмещения экономического ущерба от такого воздействия.

Таким образом, плата, как условие, необходимое для получения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями права осуществлять хозяйственную и иную деятельность, связанную с оказанием негативного экологического воздействия, определяется Конституционным Судом РФ в качестве индивидуально-возмездного платежа на основе дифференцированных нормативов допустимого негативного воздействия, призванного обеспечить возмещение экологического ущерба и затрат на охрану и восстановление окружающей среды.

Федеральным законом от 26.12.2005 № 183-ФЗ (далее – Закон № 183-ФЗ)[1] была введена административная ответственность. Учитывая, что за неуплату налога ответственность должна быть установлена не Кодексом РФ об административных правонарушениях, а Налоговым кодексом РФ, таким косвенным шагом плату за НВОС была окончательно переведена в статус сбора.

В настоящий момент официальное толкование правовой природы платы за негативное воздействие на окружающую среду сводится к тому, что данный

[1] СЗ РФ. 2003. № 52 (Часть II). Ст. 5290.

платеж пусть и носит квазиналоговый характер, однако существует обособлено от системы налогового законодательства РФ – фискальный сбор[1]. Но спорным представляется факт, что помимо платы за негативное воздействие, с природопользователя дополнительно может быть взыскан вред, причиненный компонентам окружающей среды (водным объектам, почвам). Однако, если плата за негативное воздействие носит компенсационный характер, дополнительных мер для восстановления нарушенного компонента окружающей среды требоваться не должно.

Как показывает анализ положений правовой доктрины, большинство учетных полагают, что плата за НВОС должна быть установлена в форме налога. Так, А.А. Ялбулганов считает, что сходство элементов платы за загрязнение окружающей среды с налоговым обязательством можно найти и в действующем нормативно-правовом регулировании данного платежа[2].

На законодательном уровне в статье 16.6 Закона уже определены цели распределения сумм, поступивших государству от взимания экологических платежей. Только так можно реализовать на практике компенсационную функцию платы за негативное воздействие на окружающую среду.

Довольно прогрессивным шагом стало положение в ст. 16.3 Закона: «из суммы платы за негативное воздействие на окружающую среду вычитаются затраты на реализацию мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду, фактически произведенные лицами, обязанными вносить плату, в пределах исчисленной платы за негативное воздействие на окружающую среду раздельно в отношении каждого загрязняющего вещества, включенного в перечень загрязняющих веществ, класса опасности отходов производства и потребления».

---

[1] Анисимов А.П., Моторин Д.Е. Правовая природа платежей за негативное воздействие на окружающую среду и перспективы перехода России к экологическому налогу // Право. 2019. С. 99.

[2] Ялбулганов А.А. Понятие природоресурсных платежей в правовой доктрине и законодательстве Российской Федерации // Петербургский юрист. 2016. №2. С. 49-64.

Таким образом, осуществление мероприятий по снижению уровня опасности отходов или их сокращению приводит к уменьшению размера платежей для хозяйствующих субъектов, что, бесспорно, является стимулирующим фактором[1].

Затратами на реализацию мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду признаются документально подтвержденные расходы в отчетном периоде на финансирование мероприятий, и включенных в план мероприятий по охране окружающей среды или программу повышения экологической эффективности.

Расчеты представлены в Постановлении Правительства РФ от 31 мая 2023 г. № 881 «Об утверждении Правил исчисления и взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации»[2].

Правительство в текущем году своим постановлением № 437 от 20.03.2023[3] внесло изменения в предыдущие правовые акты и увеличило плату за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС). Документ касается юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в части выбросов в атмосферу, сбросов в воду и загрязнения почвы, и вводит новый повышающий коэффициент 1,26, на который нужно умножить базовую ставку. С учетом этого коэффициента нужно произвести авансовые ежеквартальные платежи за НВОС в 2023 году и произвести окончательный расчет с бюджетом до 01.03.2024 года.

Таким образом, плата за НВОС - это, в первую очередь, сбор за право пользоваться компонентом природной среды для нужд и целей хозяйствующего субъекта, а государственное регулирование предпринимательской дея-

[1] Потапов Д.А. Платежи за негативное воздействие на окружающую среду // Молодой ученый. 2020. № 25 (315). С. 285-287.

[2] СЗ РФ. 2023. № 23, (Часть I). Ст.4191.

[3] СЗ РФ. 2023.№ 14. Ст. 2423.

тельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую среду, является необходимым для обеспечения устойчивого развития и сохранения природных ресурсов.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Коптлеуова А.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Яковенко Н.А.

Изменение условий трудового договора является актуальной темой в сфере трудовых отношений. В современном мире, где рынок труда постоянно меняется и развивается, работодатели и работники сталкиваются с необходимостью адаптировать свои условия работы. Однако, процесс изменения условий трудового договора может вызывать некоторые сложности и споры между сторонами.

Первый аспект, который следует учесть при изменении условий трудового договора – это законодательное регулирование данного процесса. Каждая страна имеет свои правила и требования к изменению договорных отношений между работником и работодателем. Нарушение этих правил может привести к юридическим последствиям, таким как штрафные санкции или обязательство вернуть работнику утраченные льготы. В связи с этим перед любыми изменениями в условиях трудового договора необходимо изучить соответствующие законодательные акты.

Второй аспект связан с практическими аспектами процесса изменения условий трудового договора. Как правило, такие изменения требуют согласия обеих сторон - работника и работодателя. Организациями разработаны определенные процедуры и формы для проведения таких изменений, которые обя-

зательно должны соблюдаться. Кроме того, важно учитывать интересы и потребности каждой стороны при принятии решений о возможных изменениях в договоре.

Такое понятие как «изменение трудового договора» появилось в трудовом праве нашей страны в 90-х годах XX века. Ранее в судебной практике и трудовом праве использовался термин «перевод на другую работу»

Законодательное закрепление данный термин получил в связи с принятием 21 декабря 2001 г. Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ). В ТК РФ была выделена отдельная глава 12, посвященная изменению условий трудового договора, однако несмотря на это определения данному понятию законодатель не дал.

При обращении к научным источникам можно увидеть, что, например, М.Ю. Гусова определяет изменение трудового договора как изменение его содержания, то есть изменение одного или нескольких его условий[1].

Данное определение можно рассматривать как в узком, так и в широком смысле. В первом случае речь идет об изменении любого условия, согласованного сторонами при заключении договора. В узком смысле изменение условий трудового договора означает перевод на другую работу, что представляет собой изменение лишь прямо определенных законном условий трудового договора[2].

Одной из важнейших задач государства является соблюдение прав и интересов работников, в связи с чем Трудовой кодекс РФ строго регламентирует порядок изменения условий трудового договора.

Для того, чтобы изменить трудовой договор, действия сторон должны отвечать определенным требованиям:

1) обладание дееспособностью и правоспособностью;

2) свобода волеизъявления;

---

[1] Гусова М.Ю. Переводы в трудовом праве России: некоторые вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 53.

[2] Чиканова Л.А. Изменение условий трудового договора (перевод на другую работу, перемещение) // Хозяйство и право. 2009. № 9. С. 42-52

3) соблюдение формы изменения трудового договора и его содержания.

Перевод следует отличать о перемещения. К основным признакам перемещения относятся:

1) изменение структурного подразделения, расположенного в той же местности;

2) изменение рабочего места при неизменности работодателя.

Главной особенностью перемещения является сохранение условий трудового договора.

Под переводом понимается несколько вариантов изменения условий трудового договора либо расторжение и заключение нового. Например, изменение трудовой функции при продолжении работы у того же работодателя; с письменного согласия работника перевод к другому работодателю; изменение структурного подразделения (если оно было указано в трудовом договоре) у того же работодателя[1].

В соответствии с законодательством, изменение условий трудового договора обычно предполагает определенные гарантии для обеих сторон:

– изменение возможно только при согласии обеих сторон и исключительно в письменной форме;

– изменение не должно приводить к ухудшению положения работника по сравнению с требованиями ТК РФ, законодательством и другими нормативными актами, коллективным договором, соглашениями (п. 3 и 4 ст. 57 ТК РФ).

Анализ судебной практики показывает, что распространены случаи, когда работники не видят принципиальной разницы между перемещением и переводом и оспаривают его в суде. Некоторые авторы считают, что изменение организационно правовой формы также представляет собой изменение условий трудового договора.

[1] Петров А.Я. Перевод на другую работу и перемещение // Образование и право. 2021. №2. С. 391-396

Данное мнение является ошибочным, так как данные изменения не затрагивают содержание трудового правоотношения.

В настоящее время Трудовой Кодекс Российской Федерации не содержит определения понятия «изменение условий трудового договора». Этот пробел в законодательстве затрудняет понимание, что именно подразумевается под таким изменением. В данном контексте представляется целесообразным рассмотреть вопрос о включении определения «изменение трудового договора» в ТК РФ.

ДЕБИТОРСКАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ, СПОСОБЫ ОЦЕНКИ

Кофанова В.П. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

В рыночных условиях двадцать первого века субъекты хозяйственной деятельности всё чаще сталкиваются с проблемой возникновения и взыскания дебиторской задолженности. Дебиторская задолженность – неотъемлемая часть деятельности каждого предприятия, так как является результатом денежных расчётов между контрагентами. В условиях данной системы практически всегда имеется определённый временной промежуток между фактической оплатой и предоставлением документов на оплату. Оказывая услуги, отгружая продукцию организации получают оплату не по мере выполнения своих обязательств, а посредством «кредитования» покупателей. Таким образом, предприятия «замораживают», что превращает их в дебиторскую задолженность до того момента, пока контрагент не выполнит свои обязательства по оплате.

Дебиторская задолженность, регулируемая предприятием, не приведёт к экономической неустойчивости. Если же уровень дебиторской задолженности высок, следовательно, финансовая устойчивость компании снижается, а риск

финансовых потерь повышается. Просроченная задолженность ведёт уменьшению денежных оборотных средств организации, вследствие чего возникает дефицит денежных средств, а также возрастает риск отсутствия платежей по обязательствам. Исходя из этого главная задача каждого хозяйствующего субъекта – повышать эффективность управления дебиторской задолженностью, чтобы экономическое состояние предприятия в целом оставалось стабильным.

Единого понятия дебиторской задолженности нет. В научной и учебной литературе существует множество определений и классификаций. Большинство определяют «дебиторскую задолженность» в качестве одной из основных составляющих оборотного капитала, которая представляет собой требования, как к физическим, так и к юридическим лицам в отношении оплаты товаров, работ и услуг.

Оборотный капитал, формирующий основную часть всего имущества организации, состоит из:

- денежных средств;
- материально-производственных запасов;
- дебиторской задолженности;
- незавершённого производства;
- будущих расходов

Существуют несколько подходов к определению понятия «дебиторская задолженность». Выделим четыре основных подхода.

Согласно юридическому походу, дебиторская задолженность – сумма долга третьего лица (должника) перед предприятием (кредитором). К юридическому подходу относят определение дебиторской задолженности, которое дал И.А. Бланк: дебиторская задолженность – сумма задолженности в пользу предприятия, представленная в качестве финансовых обязательств физических и юридических лиц.

Второй подход к определению дебиторской задолженности можно определить как бухгалтерский. Он предполагает, что дебиторская задолженность

является отражённым на счетах расчётов обязательство сторонних лиц перед предприятием.

Экономико-правовой подход рассматривает дебиторскую задолженность как часть активов, имущества хозяйствующего субъекта. Учёный П.С. Безруких определяет дебиторскую задолженность по экономическому содержанию как входящие в состав активов предприятия его имущественные требования к третьим лицам (должникам).

Четвёртый подход – экономический, который предусматривает рассмотрение дебиторской задолженности как кредит, который хозяйствующий субъект предоставляет своим дебиторам.

Некоторые учёные считают смежными понятия «дебиторская задолженность» и «коммерческий кредит». Однако коммерческий кредит – это кредит, который предоставлен покупателю с учётом сроков и стоимости на определенном промежутке времени, а дебиторская задолженность, в свою очередь, является суммой задолженностей дебиторов организации, определяемая на дату баланса по данным бухгалтерского учёта.

На оборот капитала предприятия и на её финансовое состояние в целом в значительной степени влияет состояние дебиторской задолженности. Для её анализа используют данные аналитического учёта и показатели бухгалтерского баланса. Систематизация показателей позволит более глубоко изучить сроки и состав просроченной задолженности.

Цель любого хозяйствующего субъекта – погасить дебиторскую задолженность и получить денежные, какие-либо активы в результате её погашения. В этом выражается экономическая выгода от дебиторской задолженности. Именно поэтому дебиторскую задолженность признают активом, так как существует вероятность её оплаты. Если же определить сумму просроченной задолженности не представляется возможным, следовательно, в качестве актива она не может быть принята и отображаться в балансе не будет.

Возникновение дебиторской задолженности определяется условиями заключённых договоров. Когда предприятие передаёт в собственность контрагенту товары, работы, услуги, то наступают обязательства, в виду чего и возникает дебиторская задолженность. Таким образом, просроченная задолженность в основном должна быть отражена:

1) после того, как подписаны акты выполнения работ;
2) после того, как оформлены все документы на отгрузку товара.

В научной литературе выделяют несколько классификаций дебиторской задолженности. К примеру, по продолжительности выделяют текущую (краткосрочную) и долгосрочную дебиторскую задолженность. По содержанию обязательств дебиторская задолженность может быть связана с реализацией товаров, работ, услуг и не связана с данной реализацией. По своевременности оплаты обязательств разделяют нормальную и просроченную. Нормальная дебиторская задолженность – долг за товары, работы и услуги, срок исполнения обязательств по которым ещё не наступил, но контрагент уже является собственником.

Просроченная дебиторская задолженность является денежными обязательствами не оплаченную в сроки, которые установлены в договоре. В свою очередь просроченная дебиторская задолженность делится на безнадёжную и сомнительную. Статья 266 Налогового кодекса РФ определяет сомнительную задолженность в качестве задолженности перед налогоплательщиком, которая возникла в связи с реализацией товаров, выполнением работ, оказанием услуг в том случае, если эта задолженность не была погашена в сроки, установленные в договоре, и, если она не была обеспечена залогом, поручительством, банковской гарантией.

В силу разных обстоятельств риск просрочки исполнения обязательств есть всегда, как по причинам, зависящим от должника, так и по независящим. В таком случае дебиторская задолженность переходит из статуса «нормальная» в статус «сомнительная», что является ухудшением финансового положения организации.

В бухгалтерском учёте по сомнительной дебиторской задолженности может быть создан «резерв», который позволит уменьшить прибыль компании на сумму долга до момента её списания. Создание резерва по сомнительной дебиторской задолженности регламентируется статьёй 266 Налогового кодекса РФ, а также Приказом Министерства финансов РФ от 06.05.1999 №33н «Об утверждении положения по бухгалтерскому учёту «Расходы организации» ПБУ 10/99».

Для того, чтобы создать резерв необходима инвентаризация дебиторской задолженности. Данные этой инвентаризации подтверждают величину каждого сомнительного долга. Информация, полученная в ходе инвентаризации, позволит своевременно определить долг с истёкшим сроком исковой давности, подтверждённую и неподтверждённую дебиторскую задолженность. С помощью созданного резерва покрывают долги нереальные для взыскания. Чем больше срок просрочки, тем больше вероятность неоплаты дебиторской задолженности. В этой связи для того, чтобы дебиторская задолженность была признана, Налоговый кодекс РФ устанавливает правила признания:

а) долг был образован при продаже материальных ценностей;

б) срок внесения платежа истёк;

в) у образовавшегося долга отсутствуют поручители, он не обеспечен имущественным или денежным залогом.

Безнадёжной дебиторской задолженностью признаётся такая, которую организация-взыскатель (кредитор) не может взыскать со своих должников. К примеру, в случае истечения срока исковой давности по долгу, ликвидации должника. Погашенный дебитором долг должен учитываться в составе кредитором в составе внереализационных доходов.

Текущая (краткосрочная) задолженность – это такая задолженность контрагента перед предприятием, которая должна быть оплачена в течение двенадцати месяцев с момента возникновения обязательств. Если же задолженность может быть оплачена в течение года, то её называют долгосрочной и нуждается она углубленном анализе финансового состояния должника.

Чаще всего в качестве финансового инструмента хозяйствующий субъект использует и долгосрочную, и краткосрочную дебиторскую задолженность. Эта необходимость выражается в повышении ликвидности организации, увеличения её оборотного капитала. В данном случае следует учитывать определённые риски. В частности, непосредственной угрозой является банкротство должника. Тогда кредитор лишится своих вложений и не сможет получить финансовую выгоду. Однако, когда применяется краткосрочная дебиторская задолженность, такой исход маловероятен.

Долгосрочная дебиторская задолженность повышает риски обесценивания активов, тем самым предприятия не могут получить прибыль и растут незапланированные убытки. Следовательно, если не продумать изъятие денежных средств из оборотов организации заранее, существует вероятность потерять активы.

Отмечаем, что при выборе долгосрочной дебиторской задолженности предприятие должно заключить такой договор с контрагентом, в котором будут указаны крайние сроки исполнения обязательств и санкции за их неисполнение или ненадлежащее исполнение. Также следует в качестве поручителя должника, привлечь третью сторону.

На снижение активов хозяйствующего субъекта в значительной степени влияет увеличение доли долгосрочной задолженности. Если темп роста дебиторской задолженности будет больше, чем темп роста выручки, следовательно, произойдёт «замораживание» выручки, направленной на финансирование текущей деятельности предприятия. Подчеркиваем необходимость установления соотношения кредиторской и дебиторской задолженности. Если дебиторская задолженность превышает кредиторскую, то это приводит к увеличению потребности в оборотных средствах для целей обеспечения деятельности предприятия, что привлечёт кредиторов и сформирует угрозу финансовому состоянию.

Следующая классификация – по содержанию обязательств дебиторская задолженность может быть связана с реализацией товаров, работ, услуг и не

связана. Отмечаем, что дебиторская задолженность нельзя считать товаром, так как её стоимость должны формироваться на основе документов, включающих в себя основные суммы задолженности, права требования, обязательства.

В соответствии с требованиями Приказа Министерства финансов Российской Федерации от 06.07.1999 №43н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учёту «Бухгалтерская отчётность организации» (ПБУ 4/99)» в зависимости от отражения в бухгалтерском балансе такие группы дебиторской задолженности, как и заказчики, задолженность дочерних и зависимых обществ, авансы выданные, векселя к получению, задолженность участников по взносам в уставный капитал, прочие дебиторы. Данная классификация позволяет разделить долги по экономическому содержанию, источнику образования, характеру долга, виду обязательств.

При анализе финансового состояния хозяйствующего субъекта в нынешних экономических условиях возникает необходимость в оценке дебиторской задолженности, а также при судебном урегулировании конфликта. Тогда изучаются сроки исполнения обязательств, наличие исполнения обязательств, производится анализ финансового состояния дебитора. Если размер дебиторской задолженности равен тридцати процентам от реальных активов, то это существенно влияет на дальнейшее экономическое состояние предприятия.

Для того, чтобы определить сущность дебиторской задолженности важно понимать её оценку. Долговые обязательства предприятия могут быть отражены в учёте по первоначальной долговой стоимости, в рыночной, экспертной, текущей правовых оценках. Первоначальная стоимость задолженности равняется величине долга на день возникновения обязательств в соответствии с договором. Текущая оценка задолженности является дисконтированной величиной долга или же равна стоимости будущего платежа. Рыночная стоимость дебиторской задолженности учитывает возможность реального взыскания долга. Объективно она может быть сформирована при уступке или продаже права требования обязательств.

Правовую оценку долга даёт суд. Зависит такая оценка от документального подтверждения суммы задолженности, а также от степени доказанности. Экспертная оценка задолженности осуществляется риелторами и аудиторами, когда происходит оценка предприятия в качестве хозяйственного комплекса. Также, такая оценка может осуществляться при получении специального аудиторского задания, к примеру, для аналитических целей или при банкротстве.

Таким образом, дебиторская задолженность – следствие нормальных рыночных отношений. Она представляет собой различные обязательства контрагента перед хозяйствующим субъектом.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Кроткова А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Несмотря на тот факт, что вопросы, связанные с теорией юридической ответственности, разрабатывались, на протяжении достаточно длительного времени, как в общей теории права, так и специалистами отдельных правовых отраслей, вопросы о рассматриваемом понятии все же остаются. Данный факт объясняется, например, тем, что легального определения термина юридическая ответственность не существует. Не смогли решить данный вопрос в своих работах и российские правоведы, предложив, однако, в своих исследованиях несколько вариантов, которые нам и следует рассмотреть.

Истоком возникновения юридической ответственности является работа С.С. Алексеева, написанная практически пятьдесят лет назад, следует отметить, что ее вряд ли можно признать государственным принуждением, так как оно является основной, единственной формой обеспечения законодательных

требований. Сегодня Российская Федерация является другой формой государственного образования, чем она была в годы написания СС. Алексеевым своего исследования, что повлияло не только на законодательные, но и на экономические основы построения российских правовых норм. Так, уже в конституционных нормах заложено право каждого на свободное использование имеющихся у него способностей, а также своего имущества, как для предпринимательской деятельности, так и для другой, которая не запрещена законом[1].

Г.А. Ожегова выделяет следующие признаки юридической ответственности[2]: юридическая ответственность является результатом правонарушения; ее следует считать не просто государственным принуждением, но в ней сосредотачивается итоговая правовая оценка совершенного противоправного действия, осуществляемая со стороны государства. В результате государство применяя меры, связанные с юридической ответственностью, порицает действия, совершенные правонарушителем; следствием применения мер, связанных с юридической ответственностью, для правонарушителя является наступление неблагоприятных последствий, которые предусмотрены санкцией соответствующей правовой нормы. Вместе с тем, реализация не всех санкций, предусмотренных конкретной правовой нормой, также является юридической ответственностью; во всех случаях юридическая ответственность должна быть реализована в той процессуальной форме, которая установлена нормами закона. Из сказанного выше, можно сделать вывод, что основанием наступления юридической ответственности следует считать совершение правонарушения.

Исходя из норм Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации (п.1 ст.2) можно сделать вывод, что правонарушением признается преступление либо административное правонарушение, являющееся противоправным деянием, которое может проявляться, как в совершении конкретного действия,

[1] Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. Москва: Юрид. лит., 1971. С.90

[2] Ожегова Г.А. К вопросу о юридической ответственности как мере государственного принуждения // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 11. С. 42.

так и в проявлении бездействия. Совершение такого деяния может повлечь за собой, как уголовную, так и дисциплинарную ответственность.

Для того чтобы совершенное правонарушение повлекло за собой юридическую ответственность, оно должно иметь следующие составляющие: объект правонарушения или объект посягательства, под которым понимается те общественные отношения, которые охраняются и регулируются административным правом, а также объективную сторону совершенного правонарушения, выступающую в качестве внешних признаков, связанные с характеристикой совершенных противоправных действий, а равно и бездействий, имеющих с объектом правонарушения причинную связь или выступающих в качестве результата посягательств; субъект правонарушения. то есть, тех физических или юридических лиц, которые совершили инкриминируемые им противоправные деяния, а также субъективную сторону правонарушения. Под субъективной стороной совершенного правонарушения следует понимать вину, которая может состоять, как в форме определенного умысла, так и заключаться в совершении неосторожных действий, при этом, вину можно характеризовать в качестве определенного психического отношения правонарушителя к тому общественно опасному деянию, которое он совершил (либо находился в бездействии).

Юридическая ответственность обуславливается элементами чрезвычайности, то она носит императивный характер, связанным с ее возникновением. В каждом виде юридической ответственности этот императив представлен посвоему, но во всех них он обязательно присутствует. Это подтверждается также и тем, уполномоченный субъект применяет необходимые меры, связанные с юридической ответственностью, в каждом конкретном случае, без согласования с тем лицом, которое допустило предполагаемые правонарушения[1].

[1] Загидуллин М.Р. Концептуальные основы юридической ответственности в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 120.

Целесообразно под юридической ответственностью следует понимать особую правовую реакцию общества, которая направлена на защиту публичных интересов. Такая реакция оформляется совокупностью существующих материальных и процессуальных норм, что должно возложить на правонарушителя обязанности претерпеть те последствия, которые, связаны с совершенными действиями и являются для него неблагоприятными

Приведенное определение, как представляется, обладает всеми требованиями универсальности, поскольку в нем отражена институциональность юридической ответственности, определяемая тем, что виновный должен быть привлечен к ответственности, а невинный оправдан. Вместе с тем, гражданско-правовая ответственность может наступить и в том случае, когда вина отсутствует, поскольку способы воздействия на нарушителя многообразны: они могут быть не только карательными и репрессивными, но также восстановительными и компенсационными. Вместе с тем, в предусмотренных законом случаях, могут быть применены и меры государственного правового принуждения. Еще одна положительная сторона данного определения: оно согласовано с общей теорией права, а также дает возможность учитывать существующую специфику всех видов юридической ответственности, что важно для осуществления правовой, а также экономической и политической реформ.

Юридическая ответственность предпринимателей – это основополагающий принцип правового регулирования в сфере бизнеса, так как ее основе лежат правила, определяющие требования к деятельности предпринимателей, порядок заключения сделок, лимиты на выплату дивидендов и многое другое. Одним из целей юридической ответственности является защита интересов государства и общества от противоправных действий предпринимателей. Ее наличие способствует соблюдению правил игры на рынке и предотвращению монополизации в экономике. Кроме того, ответственность предпринимателей является гарантией соблюдения прав потребителей, защиты экологии и многих других задач, которые выходят за рамки чисто экономических интересов

предпринимателей. Наличие ответственности предпринимателей за свои действия помогает избежать различного рода нарушений и конфликтов на рынке. Такой подход способствует предотвращению нечестной конкуренции и созданию условий для развития честных бизнес-практик[1].

Юридическая ответственность предпринимателей может быть установлена как посредством гражданско-правовых, так и административных, уголовных норм. В случае нарушения законодательства, предприниматель может быть привлечен к ответственности в соответствии с нормами, установленными в соответствующих областях права. Среди основных причин, по которым возникает потребность в юридической ответственности предпринимателей, можно выделить достижение справедливости и равенства в деле соблюдения правил законодательства. Она направлена на обеспечение защиты прав и интересов различных социальных групп, включая потребителей, государство, работников и т.д. Кроме того, юридическая ответственность является механизмом исправления нарушений, предотвращения нечестных конкурентных практик и укрепления общественного доверия к бизнесу.

Условием наступления юридической ответственности, в том числе, и в ее гражданско-правовой форме, является наличие вины. В случае рассмотрения вины в тех отношениях, которые складываются в корпоративных отношениях, следует учитывать, что под ней следует понимать не психическое отношение субъекта к том, что произошло, а его отказ от принятия конкретных мер, направленных на устранение неблагоприятных последствий. В этом отношении следует учитывать, что в том случае, когда судебной инстанцией действия члена совета директоров признаются недобросовестными либо неразумными, то это автоматически означает и наличие вины этого физического лица. В этом отношении важно учитывать, что при нарушении существующих обя-

[1] Абрамов В.Ю. Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием. / В.Ю. Абрамов, Ю.В. Абрамов. М.: Юстицинформ, 2021. С.166.

зательств признается наличие вины должника до того момента, пока не доказано обратное, при этом, в силу нормы п.2 ст. 401 ГК РФ отсутствие вины в том, что имеющееся обязательство не было исполнено либо исполнено ненадлежащим образом, доказывается должником. Исходя из сказанного, наступление гражданско-правовой ответственности не во всех случаях происходит по вине должника. На приведенные обстоятельства в одном из Постановлений своего Пленума обращает внимание Верховный Суд РФ[1], отмечая, что на должника возлагается доказывание также и других обстоятельств (например, в силу п. 1 ст. 401 ГК РФ, обстоятельств непреодолимой силы).

Юридическая ответственность не всегда срабатывает эффективно. Некоторые юридические лица и индивидуальные предприниматели могут пытаться избежать ответственности, используя различные способы, такие как скрытие информации о своей деятельности или использование юридических уловок. Кроме того, государство может использовать налоговые льготы, субсидии, лицензирование и другие инструменты для регулирования бизнеса.

В некоторых случаях использование юридической ответственности может быть неэффективным. Так, например, когда нормы законодательства недостаточно конкретны и не позволяют однозначно определить права и обязанности сторон, юридическая ответственность может вызывать неоправданные затраты на судебное разбирательство и ухудшать бизнес-климат в стране. Кроме того, существуют случаи, когда применение юридической ответственности может быть недостаточно эффективным, например, когда на нарушения закона не обращают должного внимания или когда, ответственность можно заранее предугадать и легко компенсировать.

Итак, в заключение отметим, что юридическая ответственность – это особая правовая реакция общества, которая направлена на защиту публичных

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

интересов. Такая реакция оформляется совокупностью существующих материальных и процессуальных норм, что должно возложить на правонарушителя обязанности претерпеть те последствия, которые, связаны с совершенными действиями и являются для него неблагоприятными.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ЕГО РОЛЬ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кручинина С.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Черепанцева Ю.С.

Институт социального предпринимательства является относительно новым, история его активного развития в России насчитывает не более двух десятилетий. Несмотря на то, что всегда были люди и организации, которые инвестировали в решение проблем социально незащищенных слоев населения, они не использовали бизнес-подходы к этой деятельности. Как правило, такая деятельность осуществлялась в форме благотворительных проектов.

Рассматриваемый институт представляет собой вид предпринимательства, главная задача которого состоит в изменении к лучшему жизни отдельных людей и общества в целом, используя при этом бизнес-инструменты и модели. Фактически, это новая парадигма бизнеса, который в качестве своего приоритета ставит достижение социально значимых целей.

Ряд авторов определяют социальное предпринимательство как новаторскую деятельность, направленную на решение или смягчение социальных проблем общества на условиях самоокупаемости и устойчивости[1].

Свое законодательное закрепление данное понятие получило лишь в 2019 году благодаря Федеральному закону от 26 июля 2019 года № 245-ФЗ

[1] См., напр.: Возмилкина Е.Н. Социальное предпринимательство как деятельность, направленная на решение социальных проблем общества // Форум молодых ученых. 2016. № 3 (3). С. 59.

«О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие»[1].

Являясь инновационной формой деятельности социально-ориентированных бизнес-структур, социальное предпринимательство выступает катализатором долгосрочных общественных трансформаций и способствует повышению конкурентоспособности социальных секторов экономики.

Рассматриваемый вид предпринимательской деятельности выступает эффективным способом решения общественных проблем, влияя на изменение социально-экономических условий, сглаживая социальную напряженность между различными общественными группами. Он играет важную роль, поскольку способствует как развитию и диверсификации экономики, созданию новых рабочих мест, так и решению вопроса повышения качества жизни социально-уязвимых слоев населения через обеспечение производства доступных товаров и услуг, способных удовлетворить потребности данных категорий населения, а также через обеспечение занятости тех, кто находится в неблагоприятном положении на рынке труда.

Анализ практик реализации данного института наглядно демонстрирует его готовность и способность своевременно решать имеющиеся в обществе социально-экономические проблемы[2]. В частности, трудоустраивать одиноких и (или) многодетных родителей, воспитывающих несовершеннолетних детей, в том числе детей-инвалидов. Такие работники с одной стороны, остро нуждаются в дополнительном доходе, а с другой стороны, не имеют возможности работать регулярно и полный день. Задействование ресурсов социальных предприятий позволяет гражданам получать доступные товары и услуги, упро-

[1] СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4147.

[2] Колодняя Г.В. Социальное предпринимательство: вклад в преодоление социально-экономического неравенства в современной России // Экономика. Налоги. Право. 2022. Т. 15 № 5 С. 53.

щает процедуру поиска работу, а государство, в свою очередь, решает насущные социальные вопросы, и прежде всего, повышение уровня занятости инвалидов, выпускников детских домов и пенсионеров и др.

Подводя итог выше сказанному, мы считаем, что социальное предпринимательство одно из актуальных и востребованных в настоящее время направлений в решении социально значимых проблем. Его перспективность очевидна - ресурсы малого и среднего бизнеса способны решать важные экономические и социальные задачи, среди которых особое значение имеют стимулирование занятости, социальное и материальное обеспечение населения и снижение уровня социальной напряженности.

БЕЗОПАСНОСТЬ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДОМЕННОГО ИМЕНИ

Кублякова Д.М. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Толочкова Н. Г.

Процесс цифровизации распространяется на все сферы предпринимательской деятельности, в том числе на банковскую. Цифровизация влечет возникновение как положительных аспектов правового регулирования, так и появление проблемных вопросов, которые требуют детального подхода для их разрешения.

В настоящее время большинство банков имеют доменное имя, которое позволяет их идентифицировать в цифровом пространстве, а также дистанционно осуществить банковские операции. Возрастающее количество регистрации доменных имен, в том числе в национальной зоне, а также увеличение правонарушений в виде создания сайтов-двойников, киберскоттинга демонстрируют актуальность рассматриваемой темы и необходимость правовой защиты пользователей доменного имени (предпринимателей, потребителей).

Понятие доменного имени закреплено легально и представляет обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети «Интернет» в

целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети «Интернет»[1], однако для выявления сущности следует обратиться к научным разработкам. В литературе отмечается важная особенность доменного имени – индивидуализация: «доменное имя не столько обеспечивает адресацию запросов, подобно IP-адресу, сколько заменяет набор цифр запоминающимся и простым для использования обозначением – то есть индивидуализирует какой-либо ресурс в сети Интернет»[2].

«Первые домены имели простую и понятную роль: .com предназначался для бизнеса, .org – для некоммерческих организаций»[3].

Ввиду увеличения видов предпринимательской деятельности возникла потребность в расширении доменного пространства. Указанные выше домены демонстрируют первый уровень из трех возможных, и в настоящей работе будут иметь значение именно они.

Домены первого уровня называют доменными зонами, которые подразделяли ранее на два вида, но с течением времени стали выделять третий вид.

Первый вид доменов верхнего уровня – национальный. «Национальные домены верхнего уровня (англ. country code Top-Level Domain — ccTLD). Группа доменов, которая определяет принадлежность сайта к определённой стране или территории. Территории России соответствуют домены .ru, РФ, .su;»[4].

---

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗЗ РФ. 2023. № 32 (часть I). Ст. 6140.

[2] Попцов А.В. Правовое регулирование доменного имени в Российской Федерации: дисс. канд. юрид. наук // М., 2009. С. 18.

[3] Тенденции в доменном мире: что продлевают и на какие зоны стоит обратить внимание [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.reg.ru/blog/domeny-com-rezhe-prodlevayut-ai-stavit-rekordy-po-populyarnosti-novosti-domennogo-mira/ (дата обращения: 11.11.2023).

[4] Что такое домен, каким он должен быть и как его зарегистрировать [Электронный ресурс] Режим доступа: https://skillbox.ru/media/marketing/chto-takoe-domen-kakim-on-dolzhen-byt-i-kak-ego-zaregistrirovat/ (дата обращения: 11.11.2023).

« … доля национальных доменов на мировом рынке снизилась на 4% за последние 5 лет — 43% в 2017 году против 39% в 2023. Скорее всего, это происходит из-за того, что в национальных зонах уже заняты многие лаконичные и красивые имена и пользователи переходят на тематические домены»[1].

Вторым видом выступают общие домены. «Общие домены верхнего уровня (англ. generic Top-Level Domain — gTLD) – это домены, определяющие тематику сайта: .com — для коммерческих организаций, .info — для информационных сайтов, .biz — для бизнес-структур, .name — для персональных сайтов .org — для некоммерческих организаций.

С ростом количества сайтов были введены новые общие домены верхнего уровня, выделившиеся в отдельный вид доменов верхнего уровня – тематические домены (new generic Top-Level Domain — ngTLD): .photography, .gallery, .garden; .finance, .money, .business; .bike, .fitness, .bar; .style, .best, .fashion; .guru, .expert, .lawyer.»[2]. В рассматриваемом случае домен привязан не к стране, а к конкретной тематике или сфере бизнеса.

Вопрос тематических доменных зон не является лишь возможностью оригинальной индивидуализации предпринимательской деятельности, внедрение подобных зон способно позволить повысить безопасность банковской деятельности.

Кредитно-финансовые учреждения постоянно подвергаются кибератакам. Согласно отчету ЦБ РФ, в 2022 году мощность и количество кибератак на

[1] Тенденции в доменном мире: что продлевают и на какие зоны стоит обратить внимание [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.reg.ru/blog/domeny-com-rezhe-prodlevayut-ai-stavit-rekordy-po-populyarnosti-novosti-domennogo-mira/ (дата обращения: 11.11.2023).

[2] Что такое домен, каким он должен быть и как его зарегистрировать [Электронный ресурс] Режим доступа: https://skillbox.ru/media/marketing/chto-takoe-domen-kakim-on-dolzhen-byt-i-kak-ego-zaregistrirovat/ (дата обращения: 11.11.2023).

отрасль выросли в десятки раз. Несмотря на то, что банковская сфера традиционно считается более защищенной сферой, в 2022 году чаще всего подвергались атакам информационные системы банков[1].

«ВТБ предложил рынку перевести отечественные банки на единый российский домен верхнего уровня .банк или .фин для защиты клиентов, при этом права владения доменом должны быть зарегистрированы в России. … создание единого домена с понятным названием для всех финансовых организаций позволит решить вопрос фишинга.

Глава отдела доменов и сопутствующих сервисов RU-CENTER Марина Брик говорит, что сейчас такие проблемы решаются благодаря домену в зоне bank в рамка программы NewgTLD. Этот домен позиционируется как защищённый и безопасный с маркетинговой точки зрения, поскольку регистрация в этой зоне требует действующую банковскую лицензию и обязательной исполнение протокола DNSSEC»[2].

Оптимальным видится внедрение специального домена для банков в уже согласованной ICANN доменной зоне РФ, которая находится под контролем России. «Тем не менее, в случае борьбы с мошенниками это лишь дополнительная мера, поскольку для этого требуется комплексный подход в кооперации с провайдерами связи и мобильными операторами, говорит руководитель отдела доменов и сопутствующих сервисов RU-CENTER[3].

Таким образом, для безопасного получения банковских услуг в цифровой среде представляется необходимым одновременно с получением лицензии предоставлять право банкам выбирать доменное имя в рамках первого уровня банк и фин с целью:

1) исключения появления сайтов-двойников и упрощения процедуры проверки подлинности доменного имени;

---

[1]Злоумышленники смогли добраться и до финансовой отрасли России? [Электронный ресурс] Режим доступа: https://habr.com/ru/companies/pt/articles/729172/ (дата обращения: 10.01.2024).

[2] ВТБ предложил перевести российские банки на единый домен [Электронный ресурс] Режим доступа: https://habr.com/ru/news/752230/ (дата обращения: 10.01.2024).

[3] Там же.

2) защиты от внешнего влияния;

3) исключения фишинга;

4) стабильного взаимодействия с государственными органами, которые за последний год прием писем из доменов-отправителей, странами происхождения которых являются США и большинство европейских государств, заблокировали.

Данные меры способны оказать увеличить безопасность всех участников правоотношений, а также установить стабильность гражданского оборота и общественного порядка.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.

Кузьмина Ю.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Шамардин А.А.

Одной из важных задач продолжающейся в настоящее время реформы уголовно-процессуального законодательства России является построение такой модели процессуальной самостоятельности следователя, которая бы, с одной стороны, отвечала принципу состязательности сторон, а с другой – обеспечивала бы эффективность предварительного расследования.

Изучение данного вопроса отражено в работах многих авторов: Огородова А.Н., Наметкина Д.В.[1], Хорьякова С.Н.[2] и других. Данные авторы отмечают, что судебной реформой 1860-1864 гг. была заложена основа для модели уголовного судопроизводства, которая действует в настоящее время. Все ее результаты были отражены в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – «Устав») Огородов А.Н., анализируя нормы Устава, делает вывод о том,

[1] Наметкин Д.В. Процессуальная самостоятельность органов и лиц, ведущих предварительное расследование: дисс. …к.ю.н. Нижний Новгород, 2007. С. 175.

[2] Хорьяков С.Н. Процессуальная самостоятельность следователя: дисс. …к.ю.н. М., 2006. С. 180.

что следователь того периода был наделен широкой процессуальной самостоятельностью[1].

Так, по Уставу в качестве основной фигуры, уполномоченной осуществлять предварительное расследование, выступал судебный следователь, являвшийся должностным лицом судебного ведомства, имеющий судейское звание и соответствующие служебные преимущества. Судебные следователи состояли при окружных судах, но одновременно были поднадзорны прокурору[2].

Следователь при исполнении своих обязанностей пользовался статусом члена окружного суда. Для него устанавливался такой же порядок наделения полномочиями, что и для других судей. Как и на судей, на судебных следователей распространялось правило несменяемости. Следователь назначался на должность указом императора по представлению министра юстиции, был несменяем в своей должности и мог привлекаться к рассмотрению дел судом. По окончании предварительного следствия следователь не составлял обвинительного акта – это являлось прерогативой прокурора[3].

Идея судебного следователя основана на признании того, что предварительное следствие и судебное следствие концептуально имеют общую природу. А.П. Гуськова писала, что «они являются составляющими частями единого целого – функции разрешения дела. Как судебное, так и предварительное следствие представляют собой исследование обстоятельств уголовного дела, которое необходимо для его правильного разрешения. Поэтому как суд, так и следователь, по сути, выполняют одну общую задачу по объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, которое в итоге венчается решением

[1] Огородов А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве: дисс. …к.ю.н. М., 2018. С. 251.

[2] Шамардин А.А., Бородай Н.С. К вопросу о статусе судьи, осуществляющего функции судебного контроля и судебного санкционирования в уголовном процессе// Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2015. № 24. С. 88-93

[3] Шамардин А.А. Правоохранительные органы (судоустройство): учебник для вузов. Оренбург: ООО «ИПК Университет», 2024. С. 241

суда о признании (либо непризнании) лица виновным в совершении преступления»[1].

Уже с момента своего учреждения институт судебного следователя подвергался резкой критике со стороны российских ученых. Главные претензии сводились к тому, что провозглашаемая объективность судебного следователя не имеет каких-либо серьезных гарантий. Практический опыт говорит о неизбежности обвинительного уклона у следователей ввиду самой логики следственной деятельности, направленной, прежде всего, на раскрытие преступлений, то есть по существу – на опровержение презумпции невиновности. На практике судебный следователь так и не стал подлинным органом судебной власти.

Система предварительного следствия, построенная Судебной реформой 1860-1864 гг., просуществовала в плоть до большевистского переворота в октябре 1917 г., когда произошел переход к советской системе следственных органов.

Начало данному процессу было положено при издании Декрета Совнаркома от 22 ноября 1917 г. №1 «О суде». После издания указанного нормативного акта утратил силу институт судебных следователей, но не сама стадия предварительного следствия.

В истории отечественного судопроизводства было даже отведено место для коллегиальной формы предварительного следствия – так называемых следственных комиссий. Тем не менее, как представляется, к указанной форме предварительного следствия невозможно применить понятие процессуальной самостоятельности, т.к. коллегиальность исключает личную инициативу и ответственность отдельного следователя при ведении производства по конкретному делу. Шимановский В.В. также поддерживал точку зрения Огоро-

[1] Гуськова А.П. К вопросу о спорном понятии правосудия/Материалы международной научной конференции «Стратегии уголовного судопроизводства» (11-12 октября 2007г.) (Санкт-Петербург) [Электронный ресурс]. URL: https://www.iuaj.net/modules.php?name=Pages&go=page&pid=294

дова А.Н. и говорил о том, что процессуальная независимость и самостоятельность в собирании, закреплении и оценке собранных по делу доказательств неизбежно требует единоличной, а не комиссионной формы проведения предварительного следствия[1]. В дальнейшем возвращение к единоличной форме предварительного следствия было закономерным[2].

Положение о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г., которым были упразднены коллегиальные начала при производстве предварительного следствия, ввело институт народного следователя, наделенного широкой процессуальной самостоятельностью. 28 мая 1922 г. было принято Положение о прокурорском надзоре, в соответствии с которым рамки процессуальной самостоятельности ограничивались полномочиями прокурора. В 1928 г. народные следователи были изъяты из ведения судов и переданы прокуратуре с целью недопущения разногласий между судом и прокуратурой, а также для большей эффективности предварительного следствия.

В 1936 г. были созданы следственные подразделения в прокуратуре СССР. В дальнейшем в 1958 г. полномочия по производству предварительного следствия были возложены на следователей прокуратуры, органы внутренних дел и органы государственной безопасности.

В 1958 г. в нормах вновь изданного нормативного акта – Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик была сформулирована процессуальная самостоятельность следователя: «При производстве предварительного следствия все решения о направлении следствия и производстве следственных действий следователь принимает решения самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкций от прокурора, и несет полную ответственность за их законное и свое-

[1] Шимановский В.В. Правовое положение следователя в советском уголовном процессе: автореф. дисс …канд. юрид. наук. Л, 1965. С. 16.

[2] Огородов А.Н. Реализация следователем процессуальной самостоятельности: теоретико-практический аспект // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. №–3. С. 118-122

временное проведение». Следователь также обладал полномочиями давать поручения и указания о производстве розыскных или следственных действий органам дознания. В то же время, письменные указания прокурора для следователя были обязательными для исполнения за определенными исключениями.

В дальнейшем, в 2001 г. уже Российской Федерацией был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс, основной особенностью которого стало расширение полномочий прокурора и ослабление процессуальной самостоятельности следователя[1].

Федеральным законом от 5 июня 2007 г. №87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» в действующую систему уголовного судопроизводства вводится новая фигура – руководитель следственного органа, в связи с чем роль следователя еще более ослабевает, также, как и его процессуальная самостоятельность.

Таким образом, сравнение текста действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ и ранних источников уголовного судопроизводства, в которых процессуальная самостоятельность следователя уже существовала как институт. В действующем еже УПК пределы процессуальной самостоятельности следователя с каждыми последующими изменениями, вносимыми в него, к сожалению, не становились шире, а лишь сужались, что следует оценить как отступление от тех достижений, которыми сопровождалось реформирование советского процессуального законодательства в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОНЛАЙН-СОБРАНИЙ АКЦИОНЕРОВ И УЧАСТНИКОВ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ УЧАСТНИКОВ

Лобазова И.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Залавская О.М.

[1] Шавлак Д.В. История становления процессуальной самостоятельности следователя в отечественном уголовном процессе // Молодой ученный. 2020. №20. С. 351-354.

С 1 июля 2021 года в ст. 181.2 Гражданского Кодекса Российской Федерации[1] (далее по тексту- ГК РФ) о порядке принятия решений собраниями гражданско-правовых сообществ закреплена возможность участвовать в заседании дистанционно с помощью электронных либо иных технических средств.

При этом п. 1 ст. 181.2 ГК РФ закрепляет, что члены гражданско-правового сообщества могут участвовать в заседании дистанционно с помощью электронных либо иных технических средств, если при этом используются любые способы, позволяющие достоверно установить лицо, принимающее участие в заседании, участвовать ему в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать. Соответственно, можно выделить три обязательных требования для проведения заседания дистанционно:

1) использование таких способов, которые позволяют достоверно установить лицо, принимающее участие в заседании;

2) использование таких способов, которые позволяют лицу, принимающему участие в заседании, участвовать в обсуждении вопросов повестки дня;

3) использование таких способов, которые позволяют участнику голосовать.

Такие требования вполне обоснованы предоставлением фактической возможности осуществления корпоративных прав участникам хозяйственных обществ при невозможности присутствия.

Однако, в правовом регулировании данного вопроса существует значительный законодательный пробел. Так, указанная статья ГК РФ лишь закрепляет возможность применения дистанционных технологий при проведении общего собрания участников хозяйственных обществ, устанавливая обязательные требования, но детального, либо, хотя бы более подробного

[1] Федеральный закон от 28.06.2021 N 225-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации" // СЗ РФ. 05.07.2021. № 27 (Ч. I). Ст. 5053.

регулирования данного вопроса нет ни в одном законодательном акте (например, не закреплены критерии достоверности идентификации участника общего собрания, не урегулирована процедура или способы идентификации). Как отмечает доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ Габов А.В. формулировки федерального закона от 28.06.2021 № 225-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» в максимальной степени обобщены; сделано это с понятной целью - создать основу (базис) для нового регулирования, которое должно получить развитие уже в ряде специальных законов, включая и Закон об акционерных обществах[1].

Вместе с тем в настоящее время, в Федеральном законе от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», в целом отсутствуют нормы, регулирующие проведение дистанционных общих собраний акционеров. Данный пробел порождает ряд вопросов и проблем.

Первым этапом при проведении общего собрания участников акционерных обществ является регистрация, которая необходима для установления кворума собрания. При классическом способе проведения заседаний, вопрос идентификации закреплен п. 4.10 Положения об общих собраниях акционеров: регистрация лиц, имеющих право на участие в общем собрании, должна осуществляться при условии идентификации лиц, явившихся для участия в общем собрании, путем сравнения данных, содержащихся в списке лиц, имеющих право на участие в общем собрании, с данными документов, предъявляемых (представляемых) указанными лицами[2]. И уже на данном этапе проведения общего собрания, если оно проводиться в дистанционном формате, возникает вопрос, как идентифицировать участника, если физическое присутствие в определенном месте не предусмотрено?

[1] Габов А.В., Меребашвили Т.А. Права владельцев акций и корпоративное управление в акционерных обществах в период пандемии // Закон. 2021. N 10. С. 121 - 134.

[2] Положение Банка России от 16.11.2018 N 660-П "Об общих собраниях акционеров"// СПС «КонсультантПлюс».

В данном случае, как отмечает доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Шиткина И.С. представляется разумным использовать личные кабинеты акционеров, доступ к которым предоставляют регистраторы (держатели реестров) акционерных обществ[1].

Именно вход через личный кабинет, доступ в который обеспечивается посредством Единой системы идентификации и аутентификации, либо посредством предоставления каждому участнику индивидуального логина и пароля, позволит определить, что акционер имеет полномочия на участие в собрании. Такая система также может позволить сравнить списки участников общего собрания с каждым участником. Через личные кабинеты участников можно направлять как ссылки на сами собрания с кодами доступа (паролями), так и информацию, которую общество обязано направлять и предоставлять участникам при подготовке к общим собраниям (ст. ст. 52, 54 Закона об акционерных обществах).

В настоящее время разработана специальная платформа электронного голосования E-voiting, предусматривает окно для присоединения участника к видеоконференцсвязи, в случае проведения собраний в форме заседания. Данная система как раз позволяет идентифицировать участника при входе в личный кабинет.

К данной системе подключен ряд крупных акционерных обществ.

И в таком случае, в целях обеспечения защиты прав участников и самой корпорации, необходимо предусмотреть дополнительные критерии идентификации, поскольку получение доступа в личный кабинет также имеет свои риски с точки зрения надлежащего использования идентификатора. Использование цифровых сервисов, предполагающих удаленный до-

[1] Шиткина И.С., Севеева К.В. Дистанционные общие собрания участников хозяйственных обществ: эффективность новелл российского законодательства // Вестник арбитражной практики. 2022. N 3. С. 3 - 16.

ступ к документам и информации, идентификацию и фиксацию волеизъявления (голосование) большого числа разнообразных лиц в режиме реального времени, актуализирует проблему информационной безопасности - как для самих акционерных обществ, так и для акционеров[1]. При проведении общего собрания необходимо удостовериться, что доступ в личный кабинет получило непосредственно лицо, которому он принадлежит.

Как отмечает руководитель Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ Лидия Михеева «необходимо законодательно определить способы аутентификации личности для конкретных случаев удаленного выражения воли и, что не менее важно, исходить из презумпции использования идентификатора именно тем лицом, которому он принадлежит, и того, что данное лицо несет риски ненадлежащего использования идентификатора (например, помимо воли его владельца или не в его интересах)»[2].

На Петербургском международном юридическом форуме замдиректора департамента корпоративного регулирования Минэкономразвития Раиса Севастьянова сообщила, что предложения правительства о новых требованиях к идентификации участников онлайн-собраний акционеров и участников компаний находятся в высокой степени готовности, разработанные поправки предполагают возможность использования усиленной квалифицированной и усиленной неквалифицированной электронных подписей для идентификации участников[3].

Таким образом, в настоящее время в отношении вопроса идентификации акционеров при проведении дистанционных общих собраний акционерных обществ Российской Федерации существует законодательный пробел.

---

[1] Габов А.В., Меребашвили Т.А. Права владельцев акций и корпоративное управление в акционерных обществах в период пандемии // Закон. 2021. N 10. С. 121 - 134.

[2] Общие собрания в АО, ООО и НКО онлайн: что мешает перейти на повсеместное использование такой формы? // // URL: https://www.garant.ru/article/1374513/

[3] Проект новых правил для онлайн-собраний в АО и ООО почти подготовлен // URL: https://www.interfax.ru/russia/901227

Следует закрепить в специальных законах, в частности в Федеральном законе об акционерных обществах, нормативные положения, регулирующие порядок идентификации участников общих собраний. Такие нормы позволят гарантировать осуществление корпоративных прав участников и избежать возможных споров относительно недействительности решений дистанционных общих собраний в связи с несоблюдением обязательных требований при его проведении, в частности возможности достоверно установить лицо, принимающее участие в заседании.

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ. ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РФ

Лысенко В.К. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доц. Ефимцева Т.В.

О намерении Российской Федерации создать национальную цифровую валюту, было объявлено в 2020 году, когда был опубликован доклад Банка России «Цифровой рубль – для общественных обсуждений» и Концепция «О цифровом рубле».

В Докладе изложены базовые положения о введении цифровой формы рубля на территории Российской Федерации. Доработанная по результатам обсуждений в 2021 году концепция[1] легла в основу закона, который вступил в силу с 1 августа 2023 года. При этом само понятие цифрового рубля в законе не раскрывается, а в соответствии с концепцией, цифровой рубль – это третья форма денег.

С правовой точки зрения цифровой рубль является национальной валютой, Конституцией РФ установлено, что «Денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно

[1] Концепция цифрового рубля. URL: http:// www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 12.11.2023).

Центральным Банком Российской Федерации, а введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются».

24 июля Государственной Думой был принят Закон о цифровом рубле, вступивший в силу с 1 августа[1]. Законодательные изменения позволят перевести цифровой рубль в стадию полноценного пилотного проекта, а именно проводить операции реальными цифровыми рублями с привлечением клиентов банков из пилотной группы[2]. Такое тестирование цифрового рубля является основным шагом на пути к его повсеместному использованию населением и бизнесом.

Согласно ФЗ, эмиссия цифрового рубля и его обращение осуществляются в рамках так называемой платформы цифрового рубля – информационной системы, посредством которой в целях совершения операций с цифровыми рублями и в соответствии с набором определенных правил взаимодействуют три группы экономических агентов:

1. Оператор платформы цифрового рубля (Банк России).

2. Участники платформы цифрового рубля (операторы по переводу денежных средств – обычно это коммерческие банки и небанковские кредитные организации или иностранные банки).

3. Пользователи платформы цифрового рубля (физические или юридические лица, а также индивидуальные предприниматели).

Функционирование цифрового рубля будет организовано в рамках двухуровневой модели. Эмитентом цифрового рубля и оператором платформы цифрового рубля является Банк России, однако взаимодействие с конечными пользователями цифрового рубля в части открытия цифровых кошельков и получения платежных поручений будет возложено на коммерческие банки, которые будут передавать информацию оператору платформы.

---

[1] Федеральный закон от 24.07.2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[2] К пилотной группе банков относятся 15 банков: Сбербанк, ВТБ, Альфа-банк, Тинькофф Банк, Газпромбанк, Росбанк, Промсвязьбанк, Совкомбанк, «Ак Барс», «Дом.РФ», «Синара», «Союз», ТКБ, МТС-банк и КИВИ Банк.

Проанализируем преимущества и недостатки цифрового рубля для конечных пользователей и участников системы. Цифровой рубль для населения обладает рядом преимуществ.

Во-первых, обслуживание счета цифрового рубля для физических лиц является бесплатным, а по операциям с цифровым рублем не будут взиматься комиссии. Это будет явным преимуществом цифрового рубля перед другими электронными способами осуществления платежей.

Во-вторых, платформа цифрового рубля предполагает возможность осуществления офлайн-переводов в цифровом рубле, что невозможно для банковских онлайн-карт с чипом, но технические детали таких операций пока не определены. Это преимущество будет особенно значимо для конечных пользователей – физических лиц, проживающих на отдаленных территориях с неустойчивым интернет-покрытием и недостаточно развитым сектором банковских услуг.

В-третьих, цифровой рубль более надежен, чем «деньги в банке», поскольку он является обязательством не коммерческого банка, который может обанкротиться, а центрального банка.

В-четвертых, предполагается, что функционирование платформы цифрового рубля будет осуществляться в режиме реального времени 24/7, т.е. в круглосуточном режиме ежедневно, включая выходные, нерабочие и праздничные дни.

Вместе с тем по ряду характеристик цифровой рубль будет уступать другим способам осуществления расчетов, доступных населению.

Во-первых, в законе ясно прописано, что совместный счет цифрового рубля, равно как и счет цифрового рубля в драгоценных металлах и формирование группы счетов цифрового рубля, не допускается. По этим параметрам цифровой рубль будет менее привлекателен, чем существующие на рынке совместные счета, дающие нескольким людям возможность пользоваться одним счетом. Кроме того, будет действовать принцип «один пользователь – один кошелек».

Во-вторых, расчеты в цифровом рубле, в отличие от расчетов наличными, не будут анонимными. Для получения доступа к платформе цифрового рубля пользователь должен быть зарегистрирован в системе ЕСИА и получить ключ простой электронной подписи. Далее будет необходимо пройти процедуру идентификации в банке – участнике платформы.

К другому типу издержек, связанных с использованием цифрового рубля, можно отнести необходимость установки в банках, подключенных к платформе цифрового рубля, специального программного обеспечения.

Большие выгоды использование цифрового рубля будет иметь для бизнеса, поскольку стоимость исходящих операций для него составит 0,3% от размера платежа (для сравнения: размер комиссии в СБП равен 0,5%). Кроме того, прием платежей от покупателей за товары и услуги при помощи банковских карт сопровождается необходимостью платить эквайринговые комиссии, которые в среднем равны 1,2–2,2% в зависимости от типа карты или вида деятельности предприятия[1].

Какие последствия для банков – участников платформы цифрового рубля влечет его внедрение?

Коммерческие банки будут получать за свои услуги определенное вознаграждение, максимальный размер которого будет установлен Банком России. Однако, вероятнее всего, потенциальные убытки от запуска цифрового рубля для банков превысят сумму таких вознаграждений-комиссий. Дело в том, что ввиду определенных преимуществ цифрового рубля для населения и бизнеса, описанных выше, будет иметь место частичный отток средств с депозитов до востребования из банковского сектора. К примеру, ранее Сбербанк спрогнозировал отток до 4 трлн руб. из банков в цифровой рубль[2].

В завершении необходимо отметить, что вопросы о правовой сущности цифрового рубля остаются дискуссионными. Уже сегодня ЦБ РФ сталкивается

[1] URL: https://cbr.ru/press/event/?id=12769 (дата обращения: 12.11.2023).

[2] URL: https://www.rbc.ru/finances/15/12/2020/5fd86d479a79470af8e7e4f9 (дата обращения: 12.11.2023).

с серьезной проблемой – необходимостью закрепления новой денежной сущности как законного платежного средства. Эту задачу могли бы решить иные подходы, предлагаемые инициатором внедрения цифрового рубля. Например, определение цифрового рубля как безналичных (электронных) денежных средств. Данные шаги предполагают значительный объем внесения изменений в нормативно-правовые акты, и ставят актуальные вопросы о его соотношении с действующим законодательством.

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВАХ В ДИСТАНЦИОННЫХ СДЕЛКАХ

Ляпкина Т.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Цифровые финансовые активы смело можно отнести к новейшим объектам гражданских прав и объектам инвестирования. Так, ЦФА изначально вводились как инвестиционный инструмент. По сути, об этом говорит нам и Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 N 259-ФЗ в ст. 7 и 8, определяющих правила инвестирования цифровых финансовых активов с использованием инвестиционной платформы.

Законодатель трактует ЦФА как цифровые права, включая в их состав четыре вида требований: 1) денежные; 2) права по эмиссионным ценным бумагам; 3) права участия в капитале непубличного акционерного общества; 4) требование передачи эмиссионных ценных бумаг. Каждый вид требований должен быть предусмотрен решением о выпуске ЦФА в порядке, установленном Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ (далее по тексту – Закон о ЦФА). Помимо

этого, считаем, что понятие «цифровые финансовые активы» привязан к инвестору, который, вложив денежные средства, встречно получает определенный оцифрованный актив, также непротиворечиво можно называть эти криптообъекты оцифрованным обязательством, привязав термин к получателю инвестиций.

Закон о ЦФА содержит самые широкие инвестиционные свободы, которые могут быть реализованы креативными получателями инвестиций и инвесторами. Решение о выпуске этих криптообъектов может быть принято любым российским индивидуальным предпринимателем, юридическим лицом, обязателен только его действующий веб-сайт в Интернете[1]. Выпускаются криптообъекты в той самой информационной системе - blockchain-платформе, вебсайт которой указывается в решении. Также указывается вид, объем, количество требований, представленных выпускаемыми криптообъектами. Указывается цена при их оплате денежными средствами и (или) пропорции других цифровых финансовых активов при встречном расчете бартером. Также в решении фиксируется дата начала размещения цифровых финансовых активов. Обращаем внимание на следующую фразу законодателя: «...дату начала размещения выпускаемых цифровых финансовых активов путем заключения договоров об их приобретении» (подп. 7 ч. 1 ст. 3 Закона о ЦФА). Считаем, размещение всего объема криптообъектов происходит на основании заключения каждым инвестором договора о приобретении ЦФА. Мы нигде не находим положений, раскрывающих содержание указанного договора. В решении также может быть указано, что допускаются сделки, исполнение которых при определенных условиях происходит автоматически (путем применения информационных технологий). Как видим, законодатель имеет в виду смарт-контракты, их применение в инвестиционных отношениях полностью поддерживается[2].

[1] Sarnakov I. Digital financial assets: segments and prospects of legal regulation in the BRICS countries // BRICS law Journal. 2019. Vol. VI. Iss. 4. P. 100 - 103.

[2] Inshakova A.O., Deryugina T.V., Malikov E.Y., Ponka V.F. Smart Contracts as a Legal Instrument of Developing the Export Potential of Intellectual Economic Activity. In: Inshakova

С момента записи о зачислении инвестору ЦФА в указанной выше информационной системе - blockchain-платформе у инвестора возникает конкретного вида требование. Далее мы сталкиваемся с особо либеральным положением о том, что те самые записи в информационную систему - blockchain-платформу вправе вносить любые индивидуальные предприниматели, коммерческие и некоммерческие организации. То есть владельцем информационной системы - blockchain-платформы может быть одно лицо (оператор), вносить записи о зачислении инвесторам ЦФА могут другие лица. Инвесторы, которые вкладываются в ЦФА, во-первых, включаются в Реестр пользователей информационной системы. Во-вторых, получают уникальный код доступа, открывающий им доступ к информации об имеющихся активах, а также распоряжаться ими. Оборот ЦФА сопровождается записями об их судьбе. Записи контролирует выпустивший их получатель инвестиций, также записи вносятся по указанию инвестора-владельца, а также автоматически на основании смарт-контракта. Законодатель в ч. 3 ст. 4 Закона о ЦФА указывает, что по исполнении обязательства получателем инвестиций «записи о ЦФА должны быть погашены». Это некорректное выражение, ошибочно образованное от юридической процедуры «запись о погашении (списании погашаемых) ценных бумаг». Невозможно погасить запись, поскольку это всего лишь буквы и цифры в таблице в базе данных. Запись может быть только аннулирована[1]. В этой части требуется внести изменения в закон.

Согласно ст. 10 Закона о ЦФА сделки купли-продажи и все иные сделки с этими криптообъектами «совершаются через оператора обмена цифровых финансовых активов». Законодатель неудачно поименовал его оператором, как минимум сразу в трех федеральных законах 2019 - 2020 гг. встречается субъект с таким же названием. Данный субъект «обеспечивает заключение

A., Inshakova E. (eds) Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age. CRFMELD 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, 2020. Vol. 110. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_54.

[1] Матыцин Д.Е. Цифровые финансовые активы в дистанционных инвестиционных сделках // Банковское право. 2022. N 1. С. 39 - 47.

сделок с ЦФА путем сбора и сопоставления разнонаправленных заявок на совершение таких сделок либо путем участия за свой счет в сделке с цифровыми финансовыми активами в качестве стороны такой сделки в интересах третьих лиц». По существу, это хорошо знакомый нам брокер и дилер одновременно. Его деятельность могут на условиях совмещения осуществлять кредитные организации и организаторы торговли. Если это будет иная коммерческая, некоммерческая организация, то необходимо соответствовать ряду жестких требований. В таком случае на основании ходатайства, поданного в установленном Банком России порядке, такой брокер-дилер будет включен в Реестр операторов обмена ЦФА.

В Реестре операторов информационных систем, где осуществляется выпуск ЦФА по состоянию на 22.09.2023 содержатся десять организаций, а именно ООО «Атомайз», ПАО Сбербанк, АО «Альфа-банк», АО АКБ «Евро-финанс Моснарбанк», Небанковская кредитная организация акционерное общество «Национальный расчетный депозитарий» (НКО АО НРД) и т.д.

Таким образом, со дня вступления Закона о ЦФА в силу в перечне операторов по выпуску ЦФА сейчас десять компаний, а в реестре операторов обмена ЦФА – только одна Московская биржа. Полагаем, это связано с особыми требованиями к получению статуса оператора обмена ЦФА. Однако, включение московской биржи в реестр знаменует собой ключевой момент для растущего ландшафта ЦФА в России, поскольку это событие может привести к увеличению внедрения криптовалют и ЦФА в стране.

Законодатель, определяя, что ЦФА – это требования, в ст. 10 некорректно указывает на сделки «купли-продажи» с ними[1]. Дистанционные инвестиционные сделки с ЦФА осуществляются по правилам их обмена. Эти правила оператор обмена согласовывает с Банком России. Банк России согласовывает эти правила либо выносит отказ. В положительном случае Банк России включает заявителя в Реестр операторов обмена ЦФА на своем веб-сайте.

[1] Матыцин Д.Е. Цифровые финансовые активы в дистанционных инвестиционных сделках // Банковское право. 2022. N 1. С. 39 - 47.

По нашему мнению, инвестиционная сделка с указанными особыми криптообъектами имеет сложносоставную структуру. Инвестор и потенциальный получатель инвестиций, оба двигаясь каждый к своей цели получения прибыли, находят в Интернете веб-сайт оператора обмена. Каждому указанному субъекту необходимо вступить в контакт и выстроить договорное отношение с оператором обмена для того, чтобы оператор подыскал инвестору соответствующего получателя инвестиций, помог вложить деньги в криптообъекты. Справедливо и обратное: поиск потенциальным получателем инвестиций инвестора должен также закончиться положительно при помощи оператора обмена - совершением продажи криптообъектов. Оператор обмена может не совпадать в одном лице с оператором информационной системы - blockchain-платформы, тогда потребуется еще одно договорное отношение. Возникает нагромождение сразу четырех договоров. По нашему мнению, следует упростить и модернизировать структуру взаимодействия указанных выше субъектов и устранить лишние нерациональные этапы их взаимодействия при помощи цифровых компьютерных технологий смарт-контракта[1].

Криптообъекты инвестирования, названные законодателем «цифровые финансовые активы», в течение последних 4 - 5 лет были удостоены весьма пристального внимания крупных, авторитетных, ведущих представителей юридической доктрины. Данная проблематика исследована практически со всех возможных ракурсов, по нашему мнению, особенно ценными с научных позиций являются работы ряда уважаемых профессоров МГУ, РАН[2]. С одной стороны, законотворческая работа над Законом о ЦФА продолжалась около трех лет, с другой стороны, законодателем была воспринята всего лишь примерно треть рекомендаций, предложенных учеными.

---

[1] Inshakova A.O., Goncharov A.I., Salikov D.A. Electronic-Digital Smart Contracts: Modernization of Legal Tools for Foreign Economic Activity / The 21st Century from the Positions of Modern Science: Intellectual, Digital and Innovational Aspects. Cham: Springer Nature. Switzerland, 2020. P. 1 - 11.

[2] Харитонова Ю.С., Санникова Л.В. Роль компаративного метода при исследовании правового регулирования криптоактивов // Право и государство: теория и практика. 2021. N 5. С. 144 - 153.

Полагаем также, что практическая отработка положений Федерального закона «О цифровых финансовых активах» должна осуществляться на основе смарт-контрактов. Необходимо разработать типовые смарт-контракты - шаблоны (договор об инвестировании в УЦП, договор уступки ЦФА, договор встречной уступки двух ЦФА, единый договор инвестора, получателя инвестиций, оператора обмена активов, оператора информационной системы) и начать их применение под пилотированием и в регулятивной «песочнице»[1] Банка России.

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ВОЗМЕЩЕНИИ УБЫТКОВ, ПРИЧИНЕННЫХ НАРУШЕНИЕМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ДОГОВОРУ ПОСТАВКИ, В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Мавкова В.С.- магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург, к.ю.н., доц. Янева Р.Р.

Принцип надлежащего исполнения обязательств является одним из основных положений договорного права. Гражданско-правовая ответственность для сторон договора поставки наступает по общим основаниям, однако можно выделить некоторые особенности. В Гражданском кодексе Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ (далее - ГК РФ) установлены негативные последствия для каждой из сторон за нарушение своих обязательств, в том числе - право требовать возмещения убытков, которые причинены нарушением обязательств.

При рассмотрении гражданских дел, в первую очередь, необходимо установить обстоятельства, имеющие значение для правильного их разреше-

[1] Inshakova A.O., Goncharov A.I., Ershova I.V. Digital Blockchain Registration of Legally Significant Stages of Complex Good's Export-Import Supplies by Business Entities of the EAEU and BRICS Jurisdictions // Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952 - 2018) / Editors A.O. Inshakova, E.I. Inshakova. Cham: Springer Nature. 2020. P. 328 - 336.

ния. Совокупность таких обстоятельств в цивилистическом процессе называют предметом доказывания. Так, М.К Треушников придерживается мнения о том, что в содержание понятия «предмет доказывания» следует включать только юридические факты, имеющие материально – правовое значение[1]. И.В. Решетникова считает, что в предмет доказывания необходимо включать материально – правовые и процессуально – правовые факты[2]. Предметом доказывания, согласно точке зрения Т.А. Лилуашвили [3], являются только юридические факты основания иска и возражений против него, на которые указывает норма права, подлежащая применению.

Соответственно, можем сделать вывод, что в научной доктрине существует два основных подхода к пониманию предмета доказывания: узкий и широкий.

По нашему мнению, в предмет доказывания входят как материально-правовые юридически значимые обстоятельства, так и иные факты. Соответственно в предмет доказывания могут включаться следующие обстоятельства: факт поставки товара, факт отсутствия оплаты товара, размер задолженности за поставленный товар и т.д. К иным фактам, входящим в предмет доказывания, могут относиться: факт соблюдения претензионного порядка, доказательственные факты, процессуально-правовые факты правомерности возбуждения данного судопроизводства и т.д. При наличии доводов о мнимости сделки подлежат включению: возможность приобретения поставщиком перечисленного в договоре товара, обстоятельства транспортировки товара, последующее использование поставленного товара и т.д.

Следовательно, можно сделать вывод, что в предмет доказывания должны быть, прежде всего, включены юридические факты материально-пра-

[1] Треушников М. К. Гражданский процесс. М.: Городец. 2010. С. 274.

[2]Решетникова И.В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М.: Издательство НОРМА, 2000. С. 129.

[3]Лилуашвили Т.А. Предмет доказывания и распределение бремени доказывания между сторонами в советском гражданском процессе. М., 1961.

вового характера, так как именно они не только имеют значение для правильного рассмотрения дела и надлежащей защиты нарушенных прав, но и влияют на существо самого спора. Но при этом в предмет доказывания входят и иные, обстоятельства, подлежащие судебному установлению для вынесения законного и обоснованного решения по делу.

Доказывание по делам о возмещении убытков представляет собой определенную сложность в части установления и подтверждения отдельных обстоятельств, составляющих его предмет.

С.Л. Дегтярев указывает, что разрешение вопроса о наличии договорных отношений значительно влияет на вопрос о допустимости доказательств, в связи, с чем важное значение имеет установление факта заключения договора поставки[1].

В частности, факт существования самих договорных отношений может подтверждаться наличием письменного договора с условиями взаиморасчетов и сроками поставки[2]. О согласовании между сторонами условий о наименовании товара, его количестве и стоимости могут свидетельствовать факты: выставления счета на оплату, предварительной оплаты ответчиком со ссылкой на указанный счет в размере 50% стоимости товара, получения товара ответчиком по товарной накладной[3].

Таким образом, можно сделать вывод, что доказательством возникновения между сторонами договорных отношений является подписанный с обеих сторон договор поставки, но суды принимают во внимание также и совокупность иных доказательств, подтверждающих факт достижения сторонами соглашения по предмету договора: товарную накладную, акт приема-передачи, таможенную декларацию, акт сверки взаимных расчетов, счет-фактура и т.д.

---

[1] Дегтярев С.Л. Доказывание убытков в арбитражном процессе: Дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 127.

[2] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.03.2020 № Ф05-4095/2020 по делу № А41-30591/2019// СПС «Консультант Плюс»

[3] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 05.03.2020 № Ф02-379/2020 по делу № А19-26709/2018// СПС «Консультант Плюс».

Помимо указанного, доказыванию подлежит факт причинения убытков, возникших у истца в связи с нарушением ответчиком своих обязательств и их размер.

Согласно статье 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему реального ущерба, а также упущенной выгоды. Для доказывания реального ущерба достаточно его документального подтверждения. При этом обоснование размера упущенной выгоды сложнее, так как неполученные доходы носят гипотетический характер.

В ч.1 п.5 Постановления Пленума от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [1], отражена позиция Верховного суда РФ по вопросу доказывания упущенной выгоды. Она состоит в том, что причинная связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником и убытками должна быть доказана с разумной степенью достоверности[2]. При этом ответчик не лишен возможности представить доказательства существования иной причины возникновения убытков.

Также в предмет доказывания входит вина лица, нарушившего договор поставки. В соответствии с Определением Конституционного суда Российской Федерации (далее – КС РФ) от 19.02.2003 г. № 79-О [3] «наличие вины – это общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, то есть закреплено непосредственно». В том случае, если

[1] Постановление Пленума от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»// Российская газета. 2016. 4 апреля. № 70.

[2]Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 19.02.2003 N 79-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аниянца Михаила Константиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации".

имеются основания, вследствие которых гражданско-правовая ответственность возникает без учета вины, доказыванию подлежат обстоятельства, в силу которых такое лицо может быть освобождено от ответственности (например, обстоятельства непреодолимой силы). Доказывание оснований освобождения от гражданско-правовой ответственности также входит в предмет доказывания по данной категории дел.

Таким образом, предмет доказывания по делам о возмещении убытков по договору поставки представляет собой совокупность проанализированных выше фактов. Обстоятельствами, подлежащими доказыванию в обязательном порядке, являются: факт наличия договорных отношений; факт причинения убытков, возникших у истца в связи с нарушением ответчиком своих обязательств; размер причиненных ему убытков, который должен быть обоснован путем предоставления расчета; вина лица, нарушившего договор поставки.

ПОЛОВОЕ СНОШЕНИЕ И ИНЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА С ЛИЦОМ, НЕ ДОСТИГШИМ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА: ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ

Марич А.С. – магистрант Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Рогова Н.Н.

Примечание 1 к статье 134 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) устанавливает основание для освобождения виновного лица от наказания в случае вступления в брак с потерпевшим (потерпевшей). Данное положение имеет определенное сходство со статьей 80.1 УК РФ, предусматривающей освобождение от наказания в связи с изменением обстановки.

Однако это основание вызывает ряд существенных противоречий с принципами уголовного законодательства, закрепленными в статье 4 УК РФ. Согласно этой статье, все лица, совершившие преступления, равны перед за-

коном и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Очевидно, что вступление в брак с потерпевшим относится к категории «других обстоятельств», которые не должны влиять на решение вопроса о привлечении виновного к уголовной ответственности. Это противоречие подрывает принципы равенства и справедливости в уголовном процессе.

Кроме того, следует обратить внимание на нормы Семейного кодекса Российской Федерации (далее - СК РФ), регулирующие порядок заключения брака. Согласно статье 13 СК РФ, брачный возраст установлен в восемнадцать лет. Однако ч. 2 этой же статьи допускает возможность вступления в брак лицам моложе восемнадцати лет, но достигшим шестнадцати лет, при наличии уважительных причин с разрешения органа местного самоуправления.

Но диспозиция ч. 1 статьи 134 УК РФ, к которой применяется примечание 1, устанавливает ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Это означает, что лицо, не достигшее шестнадцати лет, не может вступить в брак. Таким образом, возникает коллизия между нормами уголовного и семейного законодательства.

Некоторые регионы Российской Федерации установили возможность вступления в брак лицам, не достигшим шестнадцати лет, в виде исключения и при наличии особых обстоятельств. Однако не все субъекты федерации предусмотрели такую возможность. Исходя из этого, можно сказать, что применение условий о вступлении в брак с лицом, не достигшим шестнадцати лет, в тех субъектах, где это не регламентировано, невозможно.

Также следует обратить внимание на то, что с фактом вступления в брак взаимосвязана утрата преступным лицом и его противоправным деянием общественной опасности.

Находясь в координации со статьей 13 СК РФ положения статьи 134 УК РФ ликвидируют противоправность полового сношения лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, с лицом, не достигшим шестнадцати лет, только после регистрации их брака. На это указал в своем определении Конституционный Суд РФ[1]. Отсюда следует вывод, что деяние, охватываемое ч. 1 статьей 134 УК РФ перестает быть общественно опасным с момента вступления в брак виновного лица с потерпевшим.

Обратим внимание на то, что преступление, предусмотренное ч. 1 статьей 134 УК РФ, относится к категории средней тяжести. Поэтому уголовное дело возможно прекратить как в связи с примирением сторон, так и в связи с деятельным раскаянием[2]. Если стороны заключили брак, значит можно считать, что они примирились. Таким образом, необходимость в применении примечания 1 отпадает.

Кроме того, стоит отметить ч. 2 статьи 86 УК РФ, в которой говорится, что лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым. Указанная норма дает возможность виновному лицу спустя время расторгнуть брак и повторно совершить данное преступление. Исходя из буквального толкования примечания 1, его действия будут квалифицированы как совершенные впервые, и возможность применения примечания 1 к статье 134 УК РФ у него снова появится. Таким образом, виновный вновь избежит уголовного наказания и не загладит причиненный вред потерпевшему лицу.

В свете этих противоречий возникает вопрос о том, является ли освобождение от наказания в связи с вступлением в брак с потерпевшим правомерным и целесообразным. С одной стороны, оно может быть оправдано стрем-

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Павлова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Уголовного Кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного суда РФ от 21 октября 2008 г. № 568-О-О // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. Текст: электронный.

[2] Романова В.В. Особенности состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ // Криминалистъ. 2010. №2. С. 29.

лением создать семью и восстановить социальную гармонию. С другой стороны, оно подрывает принципы уголовного права, такие как равенство, справедливость и неотвратимость наказания.

Для решения данной проблемы необходимо разработать более сбалансированный подход, который будет учитывать как принципы уголовного и семейного законодательства, так и интересы потерпевшего. Возможными вариантами могут быть:

1. Пересмотр примечания 1 к статье 134 УК РФ с целью исключения возможности освобождения от наказания в связи с вступлением в брак с потерпевшим, не достигшим совершеннолетия.

2. Разработка единого законодательного акта, регулирующего брачный возраст и основания для исключений, с целью устранения коллизий между нормами уголовного и семейного права.

3. Усиление профилактики преступлений сексуального характера, направленное на предотвращение ситуаций, в которых несовершеннолетние оказываются подвергнутыми сексуальному насилию или вступлению в брак с более старшим партнером.

ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ ВОЗМОЖНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ КОРРУПЦИИ В АППАРАТАХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СУДОВ

Марухян П.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Борисов Я.Е.

Термин «коррупция» происходит от латинского слова «corruptio», что в переводе означает портить, развращать, подкупать. Коррупция обладает интернациональным характером, как системное явление охватывает публичную власть в целом, в том числе судебную власть[1]. Судебная система Российской

[1] Соколова А.И. О систематизации субъектов, осуществляющих реализацию антикоррупционной политики на уровне местного самоуправления // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2018. № 5 (35). С. 36.

Федерации приобретает особое значение при построении гражданского общества и развития национальной экономики[1]. Она подвергается реформированию по сей день, но среди проблем, остающихся нерешенными в системе функционирования судебной системы, находится коррупция[2].

Коррупция в судебной системе понимается неоднозначно, но прежде всего, как совершение судьями и работниками аппаратов судов преступлений коррупционной направленности. Согласно Указанию Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России № 1 от 17 января 2023 года[3] к преступлениям коррупционной направленности относятся противоправные деяния, имеющие следующие признаки: наличие надлежащих субъектов уголовно-наказуемого деяния, указанных в примечаниях к ст.ст. 201, 285 Уголовного кодекса Российской Федерации[4]; связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей; наличие корыстного мотива, а именно получением имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц; прямой умысел. Согласно рассматриваемому Указанию, к коррупционным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации отнесено лишь 10, тогда как еще 54 статьи Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривают деяния, которые могут быть зарегистрированы в качестве преступлений коррупционной направленности только при наличии определенных условий, к которым могут быть отнесены корыстный мотив, особенности субъекта.

---

[1] Бриж А.Н., Мамедов Ш.М. Коррупция в судебной системе: причины, формы и пути противодействия // Актуальные проблемы публичного права: сб. научных трудов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 21-22 апреля 2022 г. / под ред. О.Н. Дядькина, Т.А. Ткачук, А.И. Неряхина. Владимир КопиА-Сервис, 2022. С. 41-44.

[2] Соколова Д.О. Коррупция в системе российского правосудия // Власть закона. 2022. № 2. С. 239-247.

[3] Указание Генеральной Прокуратуры Российской Федерации № 11/11, Министерства внутренних дел Российской Федерации № 1 от 17 января 2023 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации при формировании статистической отчетности» // СПС КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438993/ (дата обращения: 29.01.2024).

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 31 июля 2023 г. № 398-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Российская газета. 2023. 3 авг. № 171.

Октябрьским районным судом города Уфы Республики Башкортостан была осуждена к 2 годам лишения свободы помощник судьи Калининского районного суда города Уфы Республики Башкортостан Г. Рафикова, обещавшая за вознаграждение в размере 1 миллион 500 тысяч рублей помочь в назначении наказания условно[1]. Подобным образом действовал помощник судьи Волгоградского областного суда, который за вознаграждение в размере 2 миллионов 800 тысяч рублей обещал помочь в отмене постановления суда первой инстанции, однако делать этого не собирался, за что был осужден по четырем эпизодам мошенничества[2]. Железнодорожным районным судом города Хабаровска к 2 годам лишения свободы осужден помощник судьи Центрального районного суда города Хабаровска, который предложил предпринимателю за 150 000 рублей освободить его от уплаты административного штрафа в крупном размере[3].

В анализируемых примерах фигуранты уголовных дел осуждены по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, которые предусматривают ответственность за совершение мошенничества.

Как отмечает Е.Н. Рахманова факторами, способствующими совершению коррупционных правонарушений, являются судебная волокита, низкая квалификация и низкий уровень профессиональной этики сотрудников аппарата судов; сотрудничество работников аппарата судов со средствами массовой информации, в результате которого конфиденциальная информация становится порой предметом обсуждения еще до соответствующего решения суда. Коррупцию в судах могут провоцировать различные формы влияния и

[1] Помощник судьи, получившая 1,5 млн. рублей за содействие в назначении условного приговора, осуждена на 2 года колонии // Официальный портал «Право.ру» https://pravo.ru/news/view/69656/ (дата обращения: 29.01.2024).

[2] В Волгограде за взятку в 11,3 млн будет осужден помощник судьи // Официальный портал «Блокнот.RU» https://bloknot-volgograd.ru/news/v-volgograde-za-vzyatku-v-11-3-mln-osuzhden-pomoshch-376852 (дата обращения 29.01.2024).

[3] Помощник судьи получил два года за платные услуги по избавлению от крупных штрафов // Официальный портал «Право.ру» https://pravo.ru/news/view/120262/ (дата обращения: 29.01.2024).

давления на работников аппарата суда со стороны вышестоящих судебных органов и иных государственных органов[1].

Считаем, что в полной мере согласится с позицией Е.Н. Рахмановой не представляется возможным ввиду следующих причин. Сотрудничество работников аппарата судов со средствами массовой информации обусловлено исполнением Федерального закона № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов Российской Федерации», а также принципом гласности деятельности государственных органов, к числу которых относится суд. Федеральным законодательством установлены требования к уровню образования государственных гражданских служащих, замещающих должности в аппаратах судов различного уровня.

Причинами, опосредующими совершение коррупционных преступлений внутри судебной системы, могут быть латентные обстоятельства, которые не поддаются статистике и отчетности: несоблюдение правил профессиональной этики, проявления судебной волокиты, личные качества работника аппарата суда, которые являются универсальной причиной проявления коррупциогенных факторов в судебной системе.

Резюмируя вышесказанное, приходим к следующему выводу:

1) формами проявления коррупции в аппаратах федеральных судов являются совершение преступлений против государственной власти; преступлений из корыстных побуждений или в результате иной личной заинтересованности, связанные с использованием своего служебного положения; иных правонарушений, влекущих дисциплинарную ответственность, выраженных в несоблюдении ограничений и запретов, неисполнении обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции федеральным законодательством;

[1] Ляленкова М.С. Противодействие коррупции в деятельности аппарата федерального суда общей юрисдикции // Право и правосудие в современном мире: актуальные проблемы теории, истории, государственного управления и правоохранительной деятельности: сб. научных статей по результатам работы IX студенческой ежегодной научной конференции с международным участием, 27 марта 2021 г. СПб.: Центра научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 531-535.

2) причины существования коррупции в аппаратах федеральных судов связаны с высокой степенью латентности преступлений, совершаемых работниками аппаратов федеральных судов;

3) причинами, способствующими проявлению коррупции в аппаратах федеральных судов, могут быть как наличие судебной волокиты, так и личные качества работника аппарата суда.

ОТНЕСЕНИЕ COOKIE-ФАЙЛОВ К ПЕРСОНАЛЬНЫМ ДАННЫМ: ЗА И ПРОТИВ

Масальская М.А. – студентка 4 курса Гродненского государственного университета имени Я. Купалы (ГрГУ), г. Гродно, Республика Беларусь
Научный руководитель: старший преподаватель кафедры международного права юридического факультета Гродненского государственного университета имени Я. Купалы (ГрГУ), г. Гродно,
магистр юридических наук Литвинчук Д.Ю.

Сегодня каждый человек, используя Интернет, сталкивается со сбором своих данных, которые могут выражаться в процедуре регистрации на различных Интернет-ресурсах, истории покупок, просмотров новостей или развлекательного контента. Подобные данные хранятся в формате cookie-файлов. Большой объем таких файлов позволяет идентифицировать личность конкретного человека, определив его из множества по индивидуальным (персональным) признакам. Информация о человеке может использоваться третьими лицами не только во благо, но и нанести ущерб. В связи с этим представляется необходимым создание условий, обеспечивающих защиту данных конкретного человека от посягательств со стороны третьих лиц.

Защита персональных данных является составляющей частью конституционного права человека на защиту его частной жизни (ч. 2 ст. 28 Конституции Республики Беларусь). В ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» [1](далее – Закон о защите персональных данных) закрепляется, что персональные данные составляет любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано.

[1] О защите персональных данных Закон Республики Беларусь 2021 г. № 99-З.

Законодатель не приводит исчерпывающий перечень сведений о физическом лице, которые относятся к персональным данным. Так, к персональным данным, например, можно отнести идентификационный номер; фамилию, имя, отчество (ели таковое имеется); пол; дату рождения; данные о месте жительства и гражданстве и т.д. При таком подходе cookie-файлы косвенно попадают под определение персональных данных и сферу действия Закона о защите персональных данных.

На официальном сайте Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь (далее – Центр) содержится типовое Положение о политике в отношении обработки cookie-файлов. Так, Центр под cookie-файлам понимает текстовый файл, сохраненный в браузере компьютера (мобильного устройства) пользователя официального интернет-сайта организации при его посещении для отражения совершенных действий[1].

Этот файл позволяет не вводить заново или выбирать те же параметры при повторном посещении сайта, например, выбор языковой версии. Таким образом браузер облегчает дальнейшее использование Интернет-ресурсов, а также формирует маркетинговые предложения на основе запросов пользователя.

Понятие cookie-файлов характеризуется содержанием относительно определенной информации, в частности, такой как: личные данные для авторизации (логин, E-mail, пароль и т.д.); пользовательские настройки сайта (оформление сайта, выбранное в его настройках, а также геоданные, язык сайта); тип устройства и его комплектация, с которого вы зашли на сайт; товары в корзине и Избранном (именно для этого изначально создавались cookie-файлы)[2].

В соответствии со ст. 4 наиболее известного акта в сфере защиты персональных данных – Общего регламента защиты персональных данных (GDPR), все онлайн идентификаторы (IP-адрес, файлы cookie и др.) прямо отнесены к персональным данным, поскольку это может вызывать оставление следов, которые впоследствии могут быть использованы для создания профилей и идентификации этих лиц.

---

[1] Политика в отношении обработки куки. Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь.

[2]Гадельшин, А.А. Cookie-файлы как объект персональных данных и способ нарушения конфиденциальности персональных данных. 2021. С. 519.

О.В. Калятин отмечает, что рекламные объявления, размещаемые на интернет-сайтах, организованы таким образом, что при создании cookie для каждого лица формируется уникальный идентификационный номер, что позволяет владельцу рекламного объявления накапливать информацию об активности определенного лица в Интернете в целом[1].

В свою очередь А.А. Гадельшин и М.М. Степанов придерживаются точки зрения, при которой сами cookie-файлы зачастую не содержат персональные данные и не могут быть распространителями вирусов, т.к. имеют исключительно текстовый формат, поэтому рассматриваются именно как инструмент нарушения конфиденциальности персональных данных.

В Российской Федерации подобная сложилась ситуация, при которой cookie-файлы напрямую не относятся к персональным данным. Из этого следует вывод, что несмотря на то, что cookie-файлы могут и не содержать прямые (фамилию, имя, паспортные данные и т.д.) сведения о пользователе, косвенной информации, например, о предпочтениях в фильмах или одежде, будет достаточно для составления «портрета» пользователя и использования этой информации оператором в своих целях.

По нашему мнению, совокупность cookie-файлов позволяет, хоть и косвенно, но идентифицировать конкретного человека. Соответственно, cookie-файлы попадают под определение персональных данных и действие национального законодательства в сфере защиты персональных данных.

С целью соблюдения требований к обработке персональных данных обработка таких данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных (ст. 4). Одной из форм выражения согласия является проставления субъектом персональных данных соответствующей отметки на Интернет-ресурсе. До получения согласия субъекта персональных данных оператор обязан предоставить субъекту персональных данных информацию по перечню, закрепленному в п. 5 ст. 5 Закона о защите персональных данных. В данному случае речь идет о Политике в отношении обработки cookie-файлов.

В пользовательских соглашениях с различными платформами конкретно указывается, что сайт, или другая информационная сеть «не персонализирует данные», т.е. не привязывает к конкретному пользователю и в этом состоит защита персональных данных. Но несмотря на это содержание обработанной

[1]Калятин О.В. Персональные данные в Интернете. 2002. С. 81.

информации с лихвой хватает, чтобы идентифицировать пользователя. Все это без труда могут использовать как государственные, так и негосударственные структуры (для сбора различной информации, в том числе компрометирующей)[1].

Однако, использование cookie-файлов может вызывать определенные проблемы в плане безопасности и конфиденциальности пользовательских данных. Некоторые сайты могут использовать cookie-файлы для отслеживания пользователей и сбора персональных данных без их согласия. Так, cookie-файлы могут попасть в руки злоумышленников, которые будут использоваться в противоправных целях и смогут причинить ущерб пользователям. В случае отнесения cookie-файлов к персональным данным, противоправные действия злоумышленников попадают в категорию административных правонарушений и преступлений, за которые, в свою очередь, наступает административная или уголовная ответственность.

Такой подход к определению правовой природы cookie-файлов позволит обеспечить безопасность персональных данных физических и юридических лиц, а также поспособствует пресечению совершения новых правонарушений в виде общей превенции.

Следует отметить, что отнесение cookie-файлов к персональным данным имеет и свои недостатки. Активное пользование Интернет-ресурсами создает огромные массивы данных, в том числе и cookie-файлов, поэтому «надежно защитить персональные данные в этом океане сведений и пользователей при существующей парадигме «персональные данные – это все, что можно идентифицировать с конкретным физическим лицом» вряд ли удастся»[2]. Огромный объем данных порождает проблему в регулировании порядка их распространения и хранения. На данном этапе развития законодательства такое регулирование было бы весьма затруднительно.

Таким образом, cookie-файлы направлены на упрощение использования Интернет-ресурсов, поскольку собирают информацию о запросах и посещен-

[1]Лопатин, Ю.Н. Информационная безопасность в России. Проблемы, поиски решения. 2008. С.7.

[2]Фатьянов А.А. Персональные данные в условиях дальнейшей цифровизации жизни общества: краткий анализ действующего законодательства Европейского Союза в данной области. 2019. С. 123.

ных сайтах и адаптируют ее под требования пользователя. Однако, такая информация может использоваться и в противоправных целях. По нашему мнению, cookie-файлы следует относить к категории персональных данных, поскольку объем информации, который хранится в данных файлах позволяет идентифицировать физическое лицо. Кроме того, отнесение указанных cookie-файлов к персональным данным позволит привлекать к ответственности правонарушителей к установленной законодательством ответственности. Однако, огромный массив информации, который хранится в виде cookie-файлов на данном этапе развития национального законодательства в области защиты персональных данных вызывает трудности в обеспечении их защиты, а также регулировании порядка их распространения и хранения.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Мельников С.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Толочкова Н.Г.

Становление рыночной системы в России кардинально изменило условия деятельности экономических субъектов, которые формируются сегодня под регулирующим воздействием государства и стихийного рыночного механизма. В условиях высокой рыночной конкуренции отдельные участники рыночных отношений, не имея возможности исполнить принятые на себя денежные обязательства перед кредиторами, становятся несостоятельными (банкротами).

Процесс прекращения деятельности юридических лиц, которые неплатежеспособны, имеет негативные последствия. Это имеет отношение к тому, что признание должника банкротом затрагивает не только имущественные интересы должника, но так этот процесс касается и его работников, кредиторов, партнёров и других лиц. Помимо этого, данный процесс в большинстве случаев может породить значительные социальные издержки. Именно поэтому

институт несостоятельности должен предусматривать не только ликвидационный механизм, но также и другие механизмы, такие как предупредительный и восстановительный. Они позволят избежать массовых банкротств.

Особенностью института несостоятельности является тот факт, что он призван, с одной стороны, противостоять индивидуальным интересам отдельных лиц, а, с другой стороны – обеспечить баланс интересов этих лиц, а также стабильность рынка в целом

Институт банкротства является наиболее эффективной мерой регулирования проблем, связанных с финансовыми трудностями хозяйствующих субъектов, а законодательство о несостоятельности (банкротстве), пожалуй, можно назвать наиболее активно развивающейся и изменяющейся областью российского права. Институт банкротства, находясь в постоянной динамике развития, неизбежно порождает и изменения соответствующего законодательства, что, в свою очередь, приводит к возникновению новых правовых противоречий и коллизий.

Согласно статистике, в январе-сентябре 2023 года количество новых корпоративных банкротств снизилось на 29,8% к такому же периоду 2022 года до 5071 шт., следует из сообщений арбитражных управляющих в Федресурсе. При этом число наблюдений выросло на 28% до 5555 шт. в те же периоды. По сравнению с доковидным периодом (9 месяцами 2019 года), суды за 9 месяцев 2023 года открыли на 44,4% меньше конкурсных производств и ввели на 25,2% меньше наблюдений[1].

Количество намерений кредиторов обратиться в суд с заявлениями о банкротстве компаний в январе-сентябре 2023 года составило 23519 шт., в 2,9 раз больше, чем в таком же периоде 2022 года.

Количество реструктуризаций (внешних управлений и финансовых оздоровлений) за 9 месяцев 2023 составило 69 шт. (120 в таком же периоде

[1] «Банкротства в России: 9 месяцев 2023 года. Статистический релиз Федресурса» // Официальный интернет-портал Федресурс. – URL: https://fedresurs.ru/news/92363488-025e-4d4f-b79e-e0e922258d9b (дата обращения: 30.10.2023).

2022), а их доля ко всем процедурам, кроме наблюдения, упала до 1,3% с 1,6% в те же периоды.

В соответствии с российским законодательством о банкротстве совокупный срок финансового оздоровления и внешнего управления не может превышать 2 года. По всей видимости, что в сложившейся экономической ситуации вышеуказанные сроки являются недостаточными для эффективного восстановления платёжеспособности должника и расчётов с кредиторами.

В большинстве экономически развитых правопорядков для реализации процедур, направленных на восстановление платёжеспособности должника, используются значительно более продолжительные сроки.

Так, срок реализации плана финансового оздоровления во Франции может составлять до 10 лет, для некоторых должников – 15 лет, по законодательству США, Испании, Бельгии нормативный срок финансового оздоровления – до 5 лет.

Серьёзным препятствием для эффективного восстановления платёжеспособности российских предприятий являются жёсткие требования к финансовому состоянию должника для возбуждения дела о банкротстве. Российские компании вправе подать на банкротство по собственной инициативе, если собственники понимают, что расплатиться с кредиторами уже не смогут. Чтобы стать банкротом и погасить долги, компания не должна владеть имуществом и иметь источники дохода.

Законодательство таких стран, как Франция, содержит более мягкие критерии для возбуждения дела о банкротстве. Это обусловлено двумя причинами: раннее введение банкротных процедур препятствует «растаскиванию» имущества должника в ущерб других кредиторов и существенно увеличивает вероятность восстановления платёжеспособности должника.

Юридическое сообщество уже на протяжении нескольких лет активно обсуждает необходимость реформы законодательства о банкротстве. Одним из наиболее важных этапов развития реформы стал законопроект "О внесении

изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" (ID: 02/04/03-20/00100272; далее – Законопроект). Ранее ГАРАНТ.РУ писал, что после публикации законопроекта в марте 2021 года обсуждение реформы усилилось. Однако по состоянию на данный момент, законопроект до сих пор не был принят: он был рассмотрен в первом чтении.

В случае принятия законопроекта изменится порядок торгов (в частности, не будет процедуры публичного предложения). Наблюдение, финансовое оздоровление и внешнее управление будут заменены на одну реабилитационную процедуру. Эксперт положительно оценивает потенциальное нововведение: например, применение наблюдения не давало какого-либо эффекта, а лишь затягивало на 9 месяцев переход к инвентаризации и реализации имущества.

Таким образом, недостатки, выявленные в ходе исследования положений Закона о банкротстве и сформулированные предложения по их устранению, будут способствовать решению проблем, связанных с практическими противоречиями и неурегулированными вопросами в сфере правового регулирования процедуры несостоятельности (банкротства).

К ВОПРОСУ О ЛИЦАХ, ОБЛАДАЮЩИХ ПРАВОМ НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД С ЗАЯВЛЕНИЕМ О КОМПЕНСАЦИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СУДОПРОИЗВОДСТВО В РАЗУМНЫЙ СРОК ИЛИ ПРАВА НА ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНОГО АКТА В РАЗУМНЫЙ СРОК

Меркулова А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Янева Р.Р.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому лицу защиту его прав и свобод. В частности, в ней закреплено, что каждому лицу гарантируется право на судопроизводство в разумный срок и на исполнение судебного акта в разумный срок.

Однако, поскольку дела о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок представляют собой относительно новую для российского законодательства и правоприменительной практики категорию, то на сегодняшний день существуют определённые проблемы при их рассмотрении и разрешении. Особого внимания заслуживает вопрос, о лицах, обладающих правом на обращение в суд с заявлением о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. В законодательстве закреплён открытый перечень лиц, имеющих право на такую компенсацию по данной категории дел. При этом нет ясности в том, кто именно попадает под такую категорию субъектов.

В соответствии со статьёй 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 N 21-ФЗ (далее – КАС РФ) с административным исковым заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок вправе обратиться лицо, которое полагает, что государственным органом, органом местного самоуправления, иным органом, организацией, должностным лицом нарушено его право на судопроизводство в разумный срок, включая досудебное производство по уголовному делу и применение меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, или право на исполнение судебного акта в разумный срок. Однако, полный перечень лиц, имеющих право на обращение в суд за компенсацией, закрепляется непосредственно в Законе о компенсации, а не в КАС РФ.

Если обратить внимание на статью 1 Федеральный закон от 30 апреля 2010 No 68 – ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – Закон о компенсации)[1], то можно увидеть, что в ней перечислены все те,

[1] Федеральный закон от 30.04.2010 №68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. 2010. 04 мая.

кто имеют право на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнения судебного акта в разумный срок. На первый взгляд может показаться, что данный перечень является исчерпывающим, однако далее в норме указывается, что также могут и другие заинтересованные лица обратиться с заявлением о присуждении данной компенсации. Такой образом, в законе не раскрывается, кто может выступать «другим заинтересованным лицом», имеющим право обратиться с заявлением о присуждении компенсации.

В пункте 5 Постановления Пленума ВС РФ от 29.03.2016 N 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – Постановления Пленума ВС РФ от 29.03.2016 N 11)[1] содержится аналогичная формулировка касаемо лиц, имеющих право на подачу административного иска по данной категории дел. Помимо этого, в пункте 26 данного акта указан перечень лиц, которые не имеют права на подачу заявления, однако опять же присутствует формулировка, которая вызывает много вопросов. Так, в данном пункте указано, что лица, не подпадающие под действие части 1 статьи 1 Закона о компенсации, не имеют права на подачу административного иска. Таким образом, и в Постановлении Пленума ВС РФ нет исчерпывающего перечня лиц, которые имеют права на подачу заявления по данной категории дел.

В связи с этим могут возникать спорные ситуации, поскольку, нет чёткого понимания того, кто именно является иными лица имеющими право на подачу административного иска. В соответствии с п.4 ч. 1 ст. 254 КАС РФ одним из оснований возвращения административного иска по данной категории дел является подача заявления лицом, не имеющим права на это. Таким образом, с одной стороны, законодатель расширил круг лиц, которые имеют право

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 №11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. 2016. 06 апреля.

обращаться с административным иском о выплате компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или право на исполнение судебного акта в разумный срок, а с другой стороны, внес неясность в применение данной нормы непосредственно на практике.

Л.А. Грось считает, что в ч. 1 ст. 1 Закона о компенсации неполно указаны лица, которые могут обратиться с соответствующим заявлением. Автор отмечает, что понятие "право на его подачу" нигде не разъясняется. Таким образом, для того чтобы понимать кто именно наделён правом на подачу заявления о компенсация, в законе следовало бы объяснить, как устранить такое обстоятельство, как отсутствие "права на его подачу"[1].

Ряд авторов отмечают, что к субъектам, которые имеют право на обращение в суд с заявлением о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок можно отнести также прокурора[2], поскольку согласно части 1 статьи 39 КАС РФ и пункта 6 Постановления Пленума ВС РФ от 29.03.2016 N 11 он вправе обратиться в суд с соответствующим заявлением в защиту интересов гражданина, который относится к числу лиц, имеющих право требовать присуждения компенсации и по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд с таким заявлением[3]. Данный подход считается разумным, так как прокуратура является органом реагирования на нарушения законности и, следовательно, в соответствии с законом может обратиться с заявлением по данной категории дел.

---

[1] Грось Л.А. О Федеральных законах, принятых с целью обеспечить реализацию права на судопроизводство в разумный срок // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 9. С. 3.

[2] Шестак В.А. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок // Российская юстиция. 2016. № 9

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 №11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. 2016. 06 апреля.

Таким образом, на сегодняшний день можно увидеть, что в научном сообществе нет единого мнения касаемо того, кто же должен входить в перечень субъектов, обладающих правом на обращение в суд с заявлением о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. Однако следует отметить, что учёные приходят к единому выводу о том, что всё-таки перечень лиц, который указан, в КАС РФ, в Законе о компенсации и в Постановления Пленума ВС РФ от 29.03.2016 N 11 не является полным и требует более детальной регламентации со стороны законодателя. По нашему мнению, в круг лиц, которые имеют право на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или право на исполнение судебного акта в разумный срок следует включить прокурора, а также органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации или граждане, которые имеют право на обращение в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц. Вышеуказанные лица подлежат включению в данный перечень, в связи с тем, что в соответствии с законодательством они имеют право на подачу заявления в суд с целью защиты прав, свобод и законных интересов других лиц, которые не могут самостоятельно обратиться в суд.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ СУДОВ И ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Моисеев К. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Томина А.П.

Особенностью современного мира становится кардинальное изменение действующего правопорядка, обусловленное глобализацией. В последние десятилетия частно-правовые отношения в экономической сфере имеют высо-

кую степень транснационализации, так как деятельность большинства экономических субъектов уже не ограничена территорией одного государства, определенным местом производства, местом регистрации или пребывания. Выявленная тенденция неизбежно приводить к увеличению количества споров, осложненных иностранным элементом, итоговые акты которых требуют последующего признания и исполнения на территории иностранного государства. Соответственно, на сегодняшний день признание и приведение в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений становится одним из важнейших вопросов международного правового сотрудничества.

В отечественной правовой науке не существует единого мнения относительно определения правовой природы признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений. Для более подробного анализа рассматриваемого вопроса необходимо обратиться к разным теоретическим концепциям.

Согласно первому подходу, признание и приведение в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений означает наделение их качествами акта осуществления правосудия, что обуславливает ограничение суверенитета признающего государства. По мнению П.Н. Евсеева, государство как бы допускает передачу иностранному государству публичной функции по защите нарушенных прав[1].

Противоположная точка зрения была высказана А.А. Рубановым, который отрицает ограничение суверенитета государства. Основная мысль автора сводится к тому, что признание и приведение в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений – это акт добровольного применения государством норм иностранного права[2]. Соответственно, в силу добровольности

[1] Евсеев П.Н. Исполнение решений иностранных судов на территории Советского Союза // Правоведение. 1969. № 5. С. 96.

[2]Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М.: Изд-во «Наука», 1984. С. 94.

признания и исполнения, это не может считаться ограничением суверенитета государства и нарушением принципа территориального верховенства.

Третий научный подход был сформирован Д.Д. Авериным, который определяет правовую природу признания и приведения в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений как особый юридический акт, посредством которого происходит распространение норм иностранного права на территории другого государства[1].

По мнению Л.А. Лунца и Н.И. Марышевой, признание и приведение в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений представляет собой наделение их теми свойствами законной силы, которыми обладают решения национальных судов и арбитражей[2]. В данном случае необходимо говорить об ассимиляции решения иностранного суда или иностранного арбитражного решения в национальную правовую систему.

Стоит отметить, что тезис о приравнивании иностранного судебного или арбитражного решения к национальному поддерживается большей частью отечественных авторов-процессуалистов и согласуется с общим подходом к рассматриваемому понятию в доктрине международного частного права.

Таким образом, «признание» иностранного акта представляет собой правомерность его действия в национальном порядке[3]. Однако, наряду с термином «признание» используется термин «исполнение». Но в данном случае возникает некоторая неопределенность, обусловленная тем, что в российском арбитражном законодательстве указанные понятия применяются в различных сочетаниях. Так, в ст. 241 АПК РФ говорится о «признании и исполнении» и о «признании и приведении в исполнение» иностранных судебных и арбитраж-

[1] Аверин Д.Д. Положение иностранцев в советском гражданском процессе. М.: Издательство Московского университета, 1966. С. 149-151.

[2] Лунц Л.А., Марышева Н.И. Курс международного частного права. Международный гражданский процесс. М., 1976. С. 168.

[3] Баседов Ю. Право открытых обществ - частное и государственное регулирование международных отношений: общий курс международного частного права / пер. с англ. Ю.М. Юмашева. М.: НОРМА, 2016. С. 201.

ных решений. В свою очередь в ст. 11 Федерального закона «Об исполнительном производстве»[1] и иных документах указывается на исполнение иностранных судебных и арбитражных решений.

Следует отметить, что в российской юридической науке в целом признается тезис о том, что признание иностранного судебного решения выступает предпосылкой (предварительным условием) его принудительного исполнения. Так, Л. П. Ануфриевой утверждается, что признание иностранного судебного решения представляет собой необходимое условие для его последующего принудительного исполнения[2]. Соответственно, «признание» и «исполнение» – это две взаимодополняющие и взаимозависимые стороны одного процесса.

Термин «признание» иностранного судебного или арбитражного решения используется в двух значениях – широком и узком. В широком смысле оно характеризует общее отношение национальной правовой системы к допустимости наделения иностранного решения качествами национального акта. Другими словами, можно говорить об ассимиляции иностранных решений. В рассматриваемом аспекте понятие «признание» поглощает (включает в себя) понятие «исполнение» иностранных судебных и арбитражных решений.

В узком смысле (сугубо процессуальном) понятие «признание» представляет собой наделение иностранного судебного или арбитражного решения свойством исключительности, что требует за собой приведения в исполнение. Соответственно, в данном аспекте оно как бы противопоставлено понятию «исполнение», поскольку признание не требует специального разрешения со стороны суда или уполномоченных органов.

[1] Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 25 декабря 2023 г. № 639-ФЗ) // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

[2] Международное частное право: учебник / отв. ред. Л.П. Ануфриева. Москва: БЕК, 2001. С. 379.

Таким образом, по мнению некоторых авторов, ломается причинно-следственная связь между «признанием» и «исполнением» иностранного судебного или арбитражного решения[1], что подтверждается анализом ст. 241-245 АПК РФ. На наш взгляд, необходимо обратить внимание на правовую конструкцию, представленную в ч. 2 ст. 406 ГПК РФ, в которой идет речь либо о признании, либо об исполнении иностранного судебного решения.

Резюмируя вышеуказанное, необходимо сделать вывод о том, что вопрос правовой природы признания и приведения в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений является наиболее обсуждаемым и актуальным в отечественном гражданском процессе, так как он затрагивает права, обязанности и законные интересы специфических субъектов. Отсутствие единого мнения относительно определения сущности признания и приведения в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений свидетельствует о необходимости дальнейших теоретических разработок в рассматриваемой сфере, а также о наличии проблем правового регулирования, приводящих к юридической неопределенности.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Муллабаева А.А. – магистрант «Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Оренбургский институт (филиал)
Научный руководитель: доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, к.ю.н., доцент Шмелева Е.С.

В настоящее время институт частного обвинения является одним из механизмов реализации принципа состязательности и равноправия сторон. Он способствует экономии процессуальных сроков, а также представляет собой некую форму упрощения уголовного судопроизводства.

[1]Костин А.А. К вопросу о признании иностранных судебных решений по экономическим спорам, не требующих принудительного исполнения (научно-практический комментарий к ст. 245.1 АПК РФ) // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 119.

По мнению М.С. Строговича, частное обвинение – форма уголовного преследования, которое возбуждается только по жалобе потерпевшего, осуществляется им самим и подлежит прекращению в любой стадии процесса в случае примирения потерпевшего с обвиняемым[1]. А К.Ф. Гуценко понимал под частным обвинением те дела, по которым потерпевший наделен правом поддержания обвинения[2]. Сам же термин «частное обвинение» может рассматриваться как вид обвинения и как форма уголовного судопроизводства[3].

Российское уголовное законодательство постоянно совершенствуется, но в области института частного обвинения имеются проблемы, которые необходимо устранить.

Основной отличительной чертой указанного института является единство его материально-правового компонента, в качестве которого выступает перечень дел частного обвинения, и процессуального, который заключается в специальном порядке производства по делу. Большинство ученых, как правило, не учитывают специфики соединения этих компонентов на практике.

ч. 6 ст. 318 УПК РФ предусматривает то, что заявление подается потерпевшим в суд с копиями по числу лиц, в отношении которых возбуждается уголовное дело частного обвинения. Если заявление не отвечает всем необходимым требованиям, мировой судья в порядке ч. 1 ст. 319 УПК РФ выносит постановление о возвращении заявления лицу, от которого оно поступило, что на практике происходит довольно-таки часто. В данном постановлении судом предлагается привести заявление в соответствие с требованиями и устанавливается для этого срок. При неисполнении данного указания в срок мировой судья отказывает в принятии заявления к своему производству и уведомляет об этом лицо, его подавшее.

---

[1] Муллаахметова Н.Е. Злоупотребление правом частными обвинителями. Саратов, Вестник СГЮА. 2018. С. 189-194.

[2] Жирова М. Ю. О некоторых проблемах, возникающих при рассмотрении мировыми судьями дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 116 УК РФ // Мировой судья.2012. № 4. С. 27-30.

[3] Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Проспект, 2014. 345 с.

К.В. Козлова выделяет значительные рекомендации мировым судьям для улучшения порядка по принятию заявлений по делам частного обвинения. Среди них:

1) Тщательно изучать поступающие заявления по делам частного обвинения от лиц, которым причинен вред преступлением и осуществлять надлежащую подготовку к судебному заседанию, для того чтобы правильно и своевременно разрешить уголовные дела;

2) При принятии заявлений строго соблюдать требования законодательства по делам частного обвинения;

3) При несоответствии поданного в суд заявления требованиям законодательства обязательно конкретизировать допущенные ошибки;

4) Для устранения пробелов и неоднозначности существующих норм необходимо их легальное толкование Пленумом Верховного суда РФ (исходя из направления его деятельности) посредством вынесения соответствующего постановления[1].

Как показывает практика основания для возвращения заявлений лицам могут быть различными: отсутствие в заявлении данных о потерпевшем, а также документе, удостоверяющем его личность (идентификатор); отсутствие в заявлении описания события преступления, обстоятельств его совершения; в заявлении говорится только о нанесении телесных повреждений, повлекших физическую боль, без указания механизма причинения, количества и локализации телесных повреждений, то есть конкретные обстоятельства преступления, фактически определяющие пределы обвинения, от которого лицо вправе защищаться, в заявлении частного обвинения не указаны; отсутствие указания на норму уголовного закона, по которой необходимо привлечь лицо к ответственности.

[1] Козлова К. В. Особенности дел частного обвинения // Молодой ученый. 2019. №20. С. 322- 324.

Законодатель для ускоренного рассмотрения дела требует «согласия» лица на привлечение к уголовной ответственности, что является немаловажным, так как данная категория дел может быть прекращена в связи с примирением с потерпевшим.

«Заинтересованность» заявителя и предполагаемая предвзятость сбора доказательств, а также необязательное исследование таковых в рамках судебного заседания позволяет нам дать следующую рекомендацию по совершенствованию законодательства. На наш взгляд, данное положение выступает «открытым нарушением презумпции невиновности» лиц, совершивших преступление. На основании этого предлагаем в ч. 5. ст. 321 УПК РФ добавить «порядок исследования доказательств» и регламентировать таковой при помощи внесения изменений и поправок в статьи УПК РФ.

Практика рассмотрения дел с участием подсудимого показала, что зачастую лицо не понимает «для чего его вызвали в суд», не говоря уже о полном «осознании» своих действий, либо оно не желает признавать свою вину. При рассмотрении таких дел не стоит принимать во внимание признание лицом совершенного им деяния, а регламентировать условия исследования доказательств в рамках судебного разбирательства путем истребования дополнительных доказательств судом, назначения судебно-медицинских экспертиз и т.д. Признание и осознание совершенного деяния – психологический эффект, который не дает соответствующих результатов при защите прав и свобод человека и гражданина. В целом институт частного обвинения применяется нечасто, количество обращений в суд незначительно.

Законодательство не регулирует порядок рассмотрения дел в отношении лица, совершившего преступление, не достигшего установленного законом возраста (16 лет). То есть, мировой судья, принявший дело на рассмотрение, после установления возраста несовершеннолетнего лица, привлеченного к ответственности, обязан в отношении него вынести оправдательный приговор (ч. 2 ст. 302 УПК РФ). Такого рода пробелы создают большое количество материала, который изначально не подлежит рассмотрению, воздает «волокиту».

Следует принять во внимание процессуальную целесообразность принятия таковых заявлений и устранять на досудебной стадии, на стадии предварительного следствия, проводимого дознавателем.

Очень важным аспектом деятельности мирового судьи является объяснение сторонам возможности примирения. Реализуя данную обязанность, судья должен полно и всесторонне разъяснить сторонам процедуру, сроки и правовые последствия завершения дела в порядке примирения, а равно постараться наладить общение между сторонами. Заявление сторон о прекращении дела в связи с примирением могут поступить на любой стадии судебного разбирательства до удаления судьи в совещательную комнату. Еще одной специфической чертой судопроизводства по делам частного обвинения является возможность подачи обвиняемым встречного заявления. Мировой судья, получив подобное заявление, обязан установить его связь с первичным заявлением по событию преступления и кругу лиц. Только выявив идентичность события преступления (место, дата, время, обстоятельства его совершения, круг участвующих лиц), мировой судья объединяет оба заявления в одно производство. Это ведет к тому, что в рамках одного процесса все участники наделяются одновременно статусом частного обвинителя и обвиняемого.

Судопроизводство по делам данной категории требует от мирового судьи большого количества процессуальных действий, характерных для иных участников уголовного судопроизводства. В условиях отсутствия государственного обвинителя мировой судья должен максимально активно принимать участие в судебном следствии и обеспечивать установление и всестороннее исследование всех обстоятельств дела. Другая специфическая черта, характерная для мирового судьи, заключается в обязанности создания правовых, психологических, организационных предпосылок для примирения сторон.

Подводя итог, полагаем что, следуют согласиться с мнением, высказанным в статье Гачечиладзе Н.Д., о том, что в силу процессуальной экономии времени и материальных ресурсов, а также за счет малого процента дел частного обвинения, рассматриваемых в судах, можно было бы упразднить данный

институт, предварительное следствие по таковым делам поручить ведению дознания с соответствующей поправкой в процессуальном законодательстве[1].

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЛИШЕНИИ РОДИТЕЛЬКИХ ПРАВ

Мурадян В.И. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Буянова Е.В.

Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил, что 2024 год является годом семьи. «В целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей постановляю: провести в 2024 году в Российской Федерации Год семьи», - отмечается в указе[2].

Конституция РФ гарантирует государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства. Исследователь И.Р. Семенова отметила, что закрепление в Конституции РФ норм, связанных с защитой семьи, является основной функцией государства, которая направлена на воспитание будущего поколения, так как развитие любого общества напрямую связано с формированием здорового, образованного, законопослушного поколения[3].

Современное положение в России показывает, что очень часто дети страдают по вине своих родителей, которые безразлично относятся к имеющимся у них правам либо же используют их не по назначению. Кроме того, в рамках имеющейся правоприменительной практики довольно часто возникают такие жизненные ситуации, которые не были приняты во внимание законодателем при закреплении механизма реализации исследуемого института.

[1] Гачечиладзе Н.Д., Проблемы и пути решения производства по делам частного обвинения. Вестник магистратуры. 2020. № 2-3 (101).

[2]Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // Официальный интернет-портал правовой информации - http://pravo.gov.ru/ (дата обращения 14.03.2024).

[3] Семенова И. Р. Лишение родительских прав как объект семейно-правового регулирования // Марийский юридический вестник.2017. № 2(21). С .1-3.

Как справедливо отмечает исследователь Т.В. Краснова, сегодня существует много реальных практических доказательств тому, что действующие нормы, регулирующие лишение родителей из законных прав, нуждаются в переосмыслении[1].

Согласно Судебному Департаменту при ВС РФ предоставлена соответствующая информация о количестве рассмотренных судебных дел по исследуемому вопросу.

- в 2021 году - 21 тыс. дел[2];
- в 2022 году – 21 тыс. дел[3];
- в 2023 году – 20 тыс. дел[4].

Согласно доктрине СК РФ, лишение родительских прав выступает в качестве «крайней меры ответственности родителей». Рассматриваема мера предполагает возникновение и наступление крайне отрицательных последствий для того субъекта, которое допустило соответствующее противоправное поведение. Однако в действующих нормах СК РФ, которые регулируют вопрос лишении родительских прав, основная цель рассматриваемой меры законодательно до сих пор не определена. При всем при этом И.Р. Семенова особо подчеркивает, что ребенок выступает в качестве незащищенного субъекта в современном обществе: «в наше время, часто встречаются случаи, когда родители не справляются с обязанностями по воспитанию своих детей и оставляют их на произвол судьбы»[5].

Следовательно, в СК РФ следует определить и закрепить цель лишении родительских прав. Данная цель состоит в обеспечении защиты интересов

---

[1] Краснова Т. В. Лишение родительских прав: концептуальные ошибки законодателя и проблемы правоприменительной практики // Вестник Омского государственного университета.2015. № 3 (44). С. 143-152.

[2] Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции [Электронный ресурс]: Официальный сайт Судебного Департамента при ВС. URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения 14.03.2024)

[3] Там же. URL http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения 14.03.2024)

[4] Там же. URL: http://www.cdep.ru/?id=797041 (дата обращения 14.03.2024)

[5] Семенова И. Р. Лишение родительских прав как объект семейно-правового регулирования // Марийский юридический вестник.2017. № 2(21). С 1-3.

несовершеннолетних детей, родители которых лишаются родительских прав. Представленная цель будет считаться более приоритетной в сравнении с наказанием недобросовестных родителей. В таком случае, суд будет обязан выносить решение, отвечающее, прежде всего, интересам ребенка.

В рамках рассмотрения дела по исследуемому вопросу, судебный орган в обязательном порядке должен включать в предмет доказывания факты, указывающие на наличие оснований лишении родительских прав (ст.69 СК РФ). Согласно п. 5 ст. 69 СК РФ родители (один из них) могут быть лишены прав в том случае, если они признаны больными алкоголизмом или наркоманией. В соответствии с п. 16 ПП ВС РФ от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» хронический алкоголизм или наркомания должны быть подтверждены соответствующими документами. Следовательно, если в рамках судебного разбирательства не было представлено документов подтверждающего характера в отношении того родителя, который систематически употребляет алкогольную продукцию и (или) наркотики, то его могут и не лишить родительских прав. И это несмотря на то, что своим противоправным и непозволительным поведением он наносит вред психическому здоровью ребенка.

Так, согласно решению Дзержинского районного суда г. Оренбурга от 24.06.2010 г. в лишении родительских прав было отказано. Истец утверждала, что ответчик проявил себя как недостойный отец, поэтому его следует лишить родительских прав в отношении их общего сына. Ответчик был дважды судим за приобретение и сбыт наркотиков (в 2000 г. по п. «а» ч.2 ст.175, ч.1 ст. 228 УК РФ и в 2001 г. по ч.1 ст.228 УК РФ), поэтому положительного влияния на ребенка он оказать не может. Согласно характеристике участкового

К., ответчик зарекомендовал себя как человек, который неоднократно был замечен в употреблении алкоголя[1]. Однако, вышеуказанные обстоятельства суд счел не обоснованными для лишения ответчика родительских прав.

На вынесенное решение, прокурор подал кассационное представление, в котором отметил, что оно является незаконным и необоснованным, поскольку судом не учтен факт злоупотребления ответчиком алкоголя и наркотических веществ[2].

Следовательно, необходимо внести соответствующие изменения в п. 16 ПП ВС РФ 14.11.2017 г. № 44 дополнив его положениями, которые будут рекомендовать суду при принятии решения оценивать не только медицинские документы, но иные доказательства, позволяющие установить наличие оснований ЛРП. В качестве средств доказывания могут быть:

- показания свидетелей, подтверждающих систематическое злоупотребление родителем алкоголя и проявления агрессивного поведения в отношении ребенка;
- заключение эксперта по итогам судебной медицинской экспертизы;
- характеристика сотрудника ОВД;
- аудио– и видеозаписи;
- характеристика ответчика по месту работы.

Преюдициальное значение в отношении факта злоупотребления алкоголем, может иметь и решение суда о лишении водительских прав за вождение в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Таким образом, исследование процессуальных особенностей рассмотрения судами дел о лишении родительских прав и разработка на этом основании предложений, направленных на совершенствование правового регулирования

[1] Решение Дзержинского районного суда Оренбургской области по делу № 2-850/10 от 24.06.2010 г. // Архив Дзержинского районного суда г. Оренбурга за 2010 г.

[2] Кассационное представление на решение суда Дзержинского района по делу № 2-850/10 от 24.06.2010 г. // Архив Дзержинского районного суда г. Оренбурга за 2010 г.

общественных отношений, складывающихся при рассмотрении судами данных споров, является необходимым в целях повышения гарантий соблюдения прав и интересов несовершеннолетних детей.

ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мурзина А.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Толочкова Н. Г.

В условиях информационного общества деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности стала важным фактором привлечения клиентов и заключения сделок с контрагентами посредством создания о себе позитивного представления на рынке. Безупречная деловая репутация становится безусловным конкурентным преимуществом в рыночной экономике, что обусловливает необходимость ее всесторонней защиты со стороны субъекта предпринимательской деятельности.

В соответствии со сводными статистическими сведениями о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2023 года, опубликованными Судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации[1] в отчетном периоде в арбитражные суды субъектов Российской Федерации поступило 353 дела о защите деловой репутации, за этот период производство окончено по 382 делам данной категории, решение принято в 302 случаях, из них требования удовлетворены в 119 решениях, частично удовлетворены в 35, отказано в удовлетворении требований 179 раз. Причем размер исковых требований в большинстве случаев невысок: до 100 тыс. руб. в 208 делах, от 100

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2023 года: сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7899 (дата обращения: 10.03.2024).

до 300 тыс. руб. в 4, от 300 до 500 тыс. руб. в 7, от 500 тыс. до 1 млн. руб. также в 7, свыше 1 млн. руб. в 21 деле. Анализ представленной судебной статистики позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, несмотря на относительно небольшое количество дел данной категории, защита деловой репутации востребована, а, во-вторых, в России еще недостаточно развит институт взыскания убытков, причиненных субъекту предпринимательской деятельности вследствие «умаления» его деловой репутации. Представляется, что это связано с недостаточным развитием понимания деловой репутации как ценного экономического актива, который нуждается в комплексной всесторонней защите со стороны субъекта предпринимательской деятельности.

Важно понимать, что деловая репутация – необходимая часть бизнеса, учитывающаяся в составе его нематериальных активов наряду с авторскими правами, ноу-хау и торговыми марками. Деловая репутация позволяет организации иметь большую норму прибыли по сравнению с текущей рыночной прибылью, а также обеспечивает благоприятные условия для развития компании при поиске партнеров и поставщиков, привлечении клиентов, диалоге с регулирующими органами, акционерами, другими группами взаимодействия. Поэтому ущерб, нанесенный деловой репутации, может не просто негативно сказаться на деятельности компании, но и полностью разрушить ее.

Мордохов Г.Ю. определяет деловую репутацию субъектов предпринимательской деятельности как складывающийся в общественном сознании индивидуализирующий образ субъекта предпринимательской деятельности, основанный на информации о результатах его предпринимательской деятельности, обладающий свойством изменчивости и позиционирующий субъекта предпринимательской деятельности на рынке как с позитивной, так и с негативной стороны[1]. И в целом отмечает, что деловая репутация может пони-

[1] Мордохов Г.Ю. Способы защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: Автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03; [Место защиты: МГУ имени М.В. Ломоносова]. М., 2017. С. 9.

маться как в широком смысле для характеристики профессиональных, служебных и деловых качеств субъектов экономической (предпринимательской, профессиональной, служебной и т.д.) деятельности, так и в узком (собственном) смысле как деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности.

С теоретических позиций вопрос о правовой природе деловой репутации в российской доктрине не имеет однозначного ответа. Большинство авторов придерживаются точки зрения, что деловая репутация – это объект гражданских прав, входящий в группу нематериальных благ юридических лиц в силу ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Вместе с тем и само понятие нематериальных благ также является сегодня достаточно дискуссионным.

Из содержания нормы ст. 128 ГК РФ, в которой интеллектуальная собственность (охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации) и нематериальные блага рассматриваются как отличные друг от друга объекты гражданских прав, а также нормы ст. 5 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором указано, что информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений[1] следует, что в Гражданском кодексе РФ термин «нематериальные блага», с большей вероятностью, используется в значении «неимущественные блага». Однако при этом представляется необходимым исключить из перечня нематериальных благ деловую репутацию, которая не в полной мере отвечает классифицирующим признакам неимущественности, так как не является абсолютно неотчуждаемым и непередаваемым благом.

Так, например, имущественный характер деловая репутация приобретает при заключении договора коммерческой концессии (ст. 1027 ГК), сторо-

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 29.07.2006. № 165.

нами которого могут быть не только коммерческие организации, но и граждане, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей. Договор коммерческой концессии предусматривает использование деловой репутации правообладателя за вознаграждение, т. е. посредством сделки.

И в целом следует заметить, что Гражданский кодекс РФ не относит деловую репутацию юридических лиц напрямую к нематериальным благам в перечне ст. 150, но все же содержит в главе 8 «Нематериальные блага и их защита» норму о допущении применения для целей защиты деловой репутации юридических лиц способов, установленных в ст. 152, за исключением правил о компенсации морального вреда (п. 11 ст. 152 ГК РФ).

По мнению А.М. Эрделевского, деловая репутация юридического лица, несмотря на то что может защищаться большинством тех способов, которые установлены ст. 152 ГК РФ для защиты деловой репутации гражданина, не является нематериальным благом в смысле ст. 150 ГК РФ, а представляет собой разновидность иного имущества юридического лица в смысле ст. 128 ГК РФ[1]. Такое толкование норм гражданского законодательства представляется наиболее верным. В этой связи отметим, что возникающие время от времени в литературе заявления о противоречии положений ст. 150 ГК РФ имущественной природе деловой репутации юридического лица вполне обоснованы[2].

Таким образом, понятие «деловая репутация» на сегодняшний день не является устоявшейся юридической категорией. Одной из теоретических проблем является вопрос правовой природы деловой репутации, а соответственно и места деловой репутации в системе нематериальных благ, охраняемых гражданским законодательством. Проведенное исследование позволяет сделать

[1] Эрделевский А.М. О правовой природе деловой репутации // Экономика и жизнь. Юрист. 2017. № 3. С. 24.

[2] Валевская А.А. Деловая репутация как объект гражданских прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5 (130). С. 113–115. Любецкий П.М. Особенности и место деловой репутации юридических лиц среди нематериальных благ // Территория новых возможностей. 2016. № 3 (34). С. 79–86. Хван О.В. Деловая репутация в составе нематериальных активов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей // Север.-Кавказ. юрид. вестн. 2012. № 1. С. 80–85.

вывод о двойственной правовой природе феномена деловой репутации, которая, будучи объектом гражданских прав, имеет и имущественную, и неимущественную составляющие. И именно имущественная составляющая деловой репутации наиболее выражена в отношениях с участием субъектов предпринимательской деятельности, что вполне закономерно, учитывая характер данного вида деятельности.

МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: К ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОЙ КОНСТРУКЦИИ

Норманова К.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Соколова А.И.

В соответствии с ч.1 ст. 8 Федерального закона от 06.10.2003г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» межмуниципальное сотрудничество создается в целях организации взаимодействия органов местного самоуправления, выражения и защиты общих интересов муниципальных образований в каждом субъекте Российской Федерации образуется совет муниципальных образований субъекта Российской Федерации[1].

В конституционной модели российской государственности местное самоуправление является неотъемлемым институтом народовластия, поскольку предполагает, с одной стороны, возможность населения участвовать в формировании органов власти и эффективно влиять на принятие ими решений, с другой - максимальное приближение властвующих субъектов к населению.

Межмуниципальное сотрудничество является организационно-правовым механизмом, позволяющим согласовать интересы, объединить усилия (в том числе финансовые средства, материальные и иные ресурсы) и скоординировать

[1] СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

действия муниципальных образований для решения вопросов местного значения, выражения и защиты общих интересов, более четкого и слаженного взаимодействия с региональными и федеральными органами власти[1].

До настоящего времени среди ученых и практиков в сфере муниципального управления не сложилось единого мнения по поводу определения понятия «межмуниципальное сотрудничество». Дефиниция не дана и в федеральном законе. В научной литературе и нормативно-правовых актах наиболее часто встречаются термины, использующиеся как синонимы: взаимодействие, сотрудничество, объединение, кооперация. В связи с этим целесообразно провести исследование понятийного аппарата межмуниципального сотрудничества, рассмотреть имеющиеся определения и попытаться уточнить данное понятие в современных социально-экономических и политических условиях[2].

Субъектами межмуниципального сотрудничества являются муниципалитеты всех типов, без территориальных ограничений либо ограничений по типам муниципального образования.

Субъекты отношений межмуниципального сотрудничества следует прежде всего дифференцировать по формам хозяйственной деятельности на некоммерческие юридические лица и коммерческие юридические лица в форме хозяйственных межмуниципальных обществ[3].

В Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вопросам межмуниципального сотрудничества первая и девятая главы.

В ст. 66 Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», рассматриваются вопросы

[1] Руденко С.С. Теория и практика общественного развития // Межмуниципальное сотрудничество: виды и формы. 2017.

[2] Негодуйко А.В. Основные понятия и формы межмуниципального сотрудничества в России // Известия Байкальского государственного университета. 2007. №6. С.108.

[3] Руденко С.С. Межмуниципальное сотрудничество: виды и формы // Теория и практика общественного развития. 2017.

деятельности Советов муниципальных образований субъектов Российской Федерации. Данный закон предполагает, что в каждом субъекте Российской Федерации образуется совет муниципальных образований субъекта Российской Федерации.

Следующие статьи посвящены Общероссийскому объединению муниципальных образований, межмуниципальным организациям, некоммерческим организациям муниципальных образований.

Межмуниципальное сотрудничество, безусловно, является таким механизмом, который позволит снимать проблемы, не решаемые в узких рамках новых муниципальных образований. Этот вид деятельности особенно актуален в связи с реформой местного самоуправления, предполагающей существенное увеличение количества муниципальных образований. Межмуниципальное сотрудничество - взаимодействие органов местного самоуправления для реализации общих интересов. Для объединения финансовых средств, материальных и иных ресурсов для решения вопросов местного значения могут быть образованы межмуниципальные объединения, учреждены хозяйственные общества и другие межмуниципальные организации в соответствии с федеральными законами и нормативными правовыми актами[1].

Можно отметить, что городские округа и поселения объединяются в рамках универсального ассоциативного межмуниципального сотрудничества, но также являются членами ассоциаций и союзов особого, урбанизированного характера.

В целом, объединение сельских поселений имеет место в аспекте взаимодействия с малыми городами или в рамках повышения эффективности сельского хозяйства, отдельные интересы сел и деревень представляются в политико-социальной системе общероссийскими общественными движениями. При этом вне

[1]Межевич Н.М. Межмуниципальное сотрудничество в российском законодательстве о местном самоуправлении // Управленческое консультирование. 2006. №3. С. 65.

сельскохозяйственные аспекты деятельности не городских муниципальных образований остаются вне межмуниципального сотрудничества[1].

Проблема данного вопроса в том, что населённые пункты, не имеющие статус муниципальных образований, не правомочно быть субъектами межмуниципального сотрудничества, а любое взаимодействие для них особенно с экономической точки зрения - условие дальнейшей жизни.

Поэтому, либо нужно менять концепцию межмуниципального сотрудничества, что, конечно, не будет отражать его истинную природу, либо сохранить поселенческий принцип организации местного самоуправления и возможность поселений взаимодействовать

ПОСРЕДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ТРУДОУСТРОЙСТВА

Нуреева Э.И. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Черепанцева Ю.С.

Социально-экономическая значимость проблем занятости и трудоустройства приводит ученых-правоведов к их постоянному и периодическому исследованию. Развивающееся законодательство в области занятости также способствует вниманию к этим вопросам. Правовому регулированию трудоустройства посвящали свои работы такие ученые, как В.С. Андреев, А.А. Баркарь, В.В. Егоров, Т.В. Иванкина, А.Е. Котляр, и многие другие.

Перед обсуждением посредничества в сфере трудоустройства, необходимо уточнить определение трудоустройства и выяснить, обязательно ли включение отношений по трудоустройству в предмет регулирования трудового права.

[1] Соколова А.И. Межмуниципальное сотрудничество в аспекте преобразований территориальной основы местного самоуправления // Градостроительное право. 2024. №1. С. 31

Наука трудового права рассматривает трудоустройство с нескольких точек зрения, однако преобладающая позиция состоит в том, что трудоустройство имеет три основных аспекта: широкий, средний и узкий[1]. В широком понимании трудоустройство включает в себя процессы подготовки к труду, включая ориентацию, обучение, посредничество или самостоятельный поиск работы, а также принятие на работу. В среднем (или узком) смысле трудоустройство относится к содействию занятости в различных формах. В узком (или локальном) смысле трудоустройство означает устройство к конкретному работодателю, начиная с обращения потенциального работника к потенциальному работодателю и заканчивая заключением трудового договора или отказом в приеме на работу.

Большинство авторов сходны в определении трудоустройства как «способ содействия достижению полной, продуктивной и свободно избранной занятости посредством оказания уполномоченными органам помощи гражданам в поиске работы (вида трудовой занятости), а работодателям - в подборе необходимых работников с учетом интересов граждан, работодателей и государства, являющегося одновременно гарантией реализации права граждан на труд и других прав в сфере занятости»[2].

Что касается видов, то посредничество в трудоустройстве может быть: профсоюзным; осуществляемым организациями, созданными работодателями; благотворительным (осуществляется некоммерческими организациями и (или) лицами без цели получения прибыли от указания услуг, т. е. осуществляется на безвозмездной основе); коммерческим частным; муниципальным; государственным; смешанным.

В наше время доминируют государственный и муниципальный виды посредничества, а также частные коммерческие агентства. Это не подразумевает, что другие формы посредничества в сфере занятости ушли в прошлое. Они

[1] Яшурина Е.В. Основные особенности правоотношений по трудоустройству в России: дис. … канд. юрид. наук. Пермь, 2003. С. 17.

[2] Кулакова С.В. Некоторые правовые вопросы трудоустройства в Российской Федерации: дис…канд. юрид. наук. М., 2003. С. 8-9.

продолжают существовать, однако не могут составить серьезную конкуренцию из-за отсутствия ключевых преимуществ: информационных возможностей, мотивации и нейтралитета по отношению к заинтересованным сторонам. Профсоюзное и посредничество, посредством услуг организаций, учрежденных работодателями, например, не ставят перед собой цель регулярно решать связанные с этим вопросы, поскольку они не являются для них приоритетными своих приоритетов решение соответствующих задач на сколько-нибудь регулярной основе.

В 1991 г. была создана государственная служба занятости населения. Именно государственные учреждения службы занятости оказывают содействие гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников, т. е. оказывают посреднические услуги в области трудоустройства. Эти услуги предоставляются гражданам бесплатно.

С начала 1990-х гг. в нашей стране стали возникать коммерческие посреднические организации, оказывающие услуги по поиску работу и подбору персонала. Это было связано с необходимостью удовлетворить спрос отдельных работодателей на открытом рынке труда. В отличие от государственных служб занятости, контингентом обслуживания коммерческих посреднических структур являлись преимущественно работодатели, а также соискатели работы и сопутствующих трудоустройству услуг, получавшие их на платных договорных началах. Постепенно коммерческие посреднические организации составили конкуренцию государственным службам занятости, в том числе путем обустройства системы обмена и передачи информации о состоянии рынка труда. Эксперты Международной организации труда отмечают, что ускоренное развитие частных агентств занятости вызвано быстро меняющимся подвижным рынком труда, ограничениями, присущими деятельности государственных служб занятости, использованием других программ трудоустройства. Они характеризуют частные агентства занятости как предприятия сферы услуг, в соответствии с частным правом осуществляющие по договору и на

коммерческой основе деятельность от имени физических лиц (или предприятий) в целях упрощения или ускорения доступа к трудоустройству или карьерному росту путем заполнения вакансий.

Здесь обнаруживается одно концептуальное отличие. В нашей стране агентство в типичных отношениях по оказанию посреднической услуги не выступает от имени работодателя или работника, не является представителем одной из сторон. Оно руководствуется обоюдными интересами сторон, обеспечивая их сближение с целью заключения трудового договора.

Проблема оплаты услуг частных агентств занятости является актуальной и сложной, особенно в странах, где не действует Конвенция Международной организации труда № 181 о частных агентствах занятости[1], запрещающая взимать плату за посредничество в трудоустройстве с работника. В некоторых странах законы запрещают взимать плату за посредничество у безработных (например, в Германии, где есть исключения для спортсменов, художников, артистов, моделей и прочих). Государство, осознавая важность помощи частных агентств занятости в трудоустройстве самых уязвимых групп населения, может устанавливать и выплачивать премию частному агентству за успешное трудоустройство безработных из этих групп (долгосрочно безработных, молодежи и др.), как это делается, к примеру, в Австралии[2].

Один из современных видов коммерческого частного посредничества в сфере трудоустройства — это агентское посредничество для спортсменов и артистов. Эта деятельность официально определена в Общероссийском классификаторе занятий и может осуществляться как сотрудниками специализированных организаций на основе заключенных трудовых договоров, так и частными предпринимателями. Споры, возникающие в связи с такой агентской деятельностью, разрешаются либо в суде, либо в специализированных арбитражах, занимающихся спорами в области спорта.

---

[1] Конвенция МОТ № 181 о частных агентствах занятости (1997) // СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 16 марта 2024).

[2] Киселева Т. Частные агентства занятости: проблемы законодательного регулирования деятельности // Менеджер по персоналу. 2019. № 6. С. 38.

В заключение важно отметить, что основной признак посредничества - это содействие сторонам трудового права в возникновении, изменении или прекращении правоотношений, урегулированных трудовым правом, а значит, содействие в приобретении и осуществлении трудовых прав и обязанностей третьей стороной, не являющейся непосредственным участником материальных трудовых правоотношений.

ВОПРОСЫ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ И ПОЛНОМОЧИЯ ПО ИХ РЕШЕНИЮ В КОМПЕТЕНЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Павлова А.Ю. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Соколова А.И.

В юридической литературе термин компетенция определяется как совокупность полномочий, прав и обязанностей государственных органов, должностных лиц, органов местного самоуправления, органов управленческих организаций, а также лиц, выполняющих управленческие функции[1]. Однако данное определение неполное и не раскрывает все элементы компетенции в традиционном понимании. В муниципальном праве компетенция включает в себя такие категории, как «вопросы местного значения», «полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения», а также иные составляющие компетенции муниципальных образований и органов местного самоуправления[2].

[1] Блинова О.А. Некоторые теоретические аспекты трактовки понятия компетенции местного самоуправления // Известия АлтГУ. 2018. № 6 (104). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-teoreticheskie-aspekty-traktovki-ponyatiya-kompetentsii-mestnogo-samoupravleniya (дата обращения: 12.03.2024).

[2] Актуальные проблемы муниципального права: учебник для магистров, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под науч. ред. Б.С. Эбзеева, Л.Т. Чихладзе, Н.М. Чепурновой; под общ. ред. Е.Н. Хазова, В.В. Комаровой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 549 с.

Согласно Конституции Российской Федерации, местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью (ч.1 ст. 130).

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» под вопросами местного значения понимаются «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно»[1].

Существуют два основных подхода к определению содержания вопросов местного значения, закрепленных в федеральном законе № 131-ФЗ.

Первый подход – это определение содержания и направлений наиболее эффективной реализации вопросов местного значения с точки зрения науки управления.

По мнению профессора Старилова Ю.Н. сущность управленческого воздействия компетенции исполнительной власти определяется посредством анализа результатов, достигнутых при ее реализации[2].

Поддерживая данный подход, профессор Бондарь Н.С. утверждал, что «решение вопросов местного значения является критерием эффективности и целесообразности складывающихся форм осуществления власти на местах, равно как и показателем самой по себе состоятельности практики реализации идей местного самоуправления»[3].

---

[1] Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 40. Ст. 3822.

[2] Административное право: учебник / под ред. Б.В. Россинского, Ю.Н. Старилова. М.: Норма, 2015. 575 с.

[3] Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России / Н. С. Бондарь. Москва: Норма, 2008. 591 с.

Второй подход – юридический, в основе которого лежит анализ всего массива нормативных правовых актов, составляющих правовую основу местного самоуправления. Именно в них содержится конкретизация вопросов местного значения.

При всей важности юридического подхода конкретизация вопросов местного значения в других нормативных правовых актах не всегда дает однозначный ответ о его содержании. Вот в этих случаях нельзя обойтись без анализа вопросов местного значения как объекта муниципального управления.

В свою очередь, Бялкина Т.М. утверждает, что вопросы местного значения представляют собой функционально-целевую характеристику данного института публичной власти, в соответствии с которой и определяется его компетенция[1].

Перечень вопросов местного значения отличается в зависимости от вида муниципальных образований. Федеральный закон № 131-ФЗ разграничивает вопросы местного значения городского и сельского поселения (ст. 14), муниципального района (ст. 15), муниципального и городского округа (ст. 16), внутригородского района (ст. 16.2).

В целях решения вопросов местного значения органы местного самоуправления обладают полномочиями, указанными в статье 17 федерального закона № 131-ФЗ. При этом перечень прав и обязанностей в данной статье не является исчерпывающим, поскольку содержится формулировка «иными полномочиями в соответствии с настоящим Федеральным законом, уставами муниципальных образований»[2].

В свою очередь, Конституция Российской Федерации гарантирует функциональную самостоятельность местного самоуправления, устанавливая в

[1] Бялкина Т.М. Функционально-целевая характеристика местного самоуправления как основа определения его компетенции // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2017. № 1 (28). С. 8-21.

[2] Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 40. Ст. 3822.

ст. 12, что местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Это означает, что муниципальные образования реализуют свои полномочия без вмешательства федеральных и региональных органов государственной власти.

Стоит отметить, что полномочия, как и вопросы местного значения, в зависимости от вида муниципального образования различаются. Так, например, «Как муниципальные образования второго уровня округа (муниципальные и городские) включают в себя добавочные полномочия организационного характера, требующих дополнительных социально-экономических затрат»[1].

Таким образом, муниципальным образованиям предоставлено право осуществлять полномочия по тем вопросам, которые направлены на решение проблем непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения на конкретной территории. При этом органы местного самоуправления в пределах, установленных законом, обладают полной свободой действий для реализации собственной инициативы по любому вопросу, который не исключен из их компетенции и не находится в ведении какого-либо другого органа власти.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОКАЗАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ УСЛУГ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Панченко И.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Чашкин П. В.

В современном мире информационные услуги играют все более важную роль в повседневной жизни людей. Информационные технологии развиваются со стремительным темпом, предоставляя доступ к разнообразной информации и создавая новые возможности для коммуникации и взаимодействия. Оказание информационных услуг стало неотъемлемой частью современного общества,

[1] Соколова А.И. Об отдельных особенностях организации местного самоуправления в городских поселениях и округах // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2022. № 4(54). С. 35-40.

где информация является важным ресурсом. Однако, в то же время, это вызывает ряд проблем, как в теории, так и в практике правового регулирования.

В теории проблемы возникают связи с определением понятия информационной услуги, что создает трудности для правового регулирования. Оказание информационных услуг может быть очень широким и разнообразным, включая подачу информации, ее поиск и хранение, обработку и передачу. И вот здесь возникает вопрос, как правильно определить границы оказания информационных услуг и на какие виды деятельности должны распространяться правовые нормы. Существует разнообразие информационных услуг, включая предоставление контента, поиск информации, обработку данных и многое другое. Однако, нет единообразного определения информационных услуг, что затрудняет их правовое регулирование. Кроме того, не всегда ясно, как классифицировать определенные виды информационных услуг и определить, какие правила должны быть применены к их оказанию.

Вторая проблема связана с вопросом определение самого понятия информационного продукта, а вернее понятия информации. В начале нового века в информационно-коммуникационных технологиях произошли коренные изменения. Информация превратилась в важный и безграничный ресурс человечества. Информацию используют в различных интересах. В условиях глобализации информация проявляет себя в качестве ценности, оказывающей влияние на правовой статус участников гражданско-правовых отношений – граждан, юридических лиц и государства, экономическое развитие всего общества. Однако, несмотря на то, что понятие информации на сегодняшний день широко применяется в повседневной жизни человечества, до сих пор не сформулировано его единое определение и характеристика, отражающие все своеобразные аспекты. Это положение связано с различными толкованиями понятия информации с позиций определенной отрасли общественных отношений, направлений законодательства и научных теорий. На наш взгляд, единого же определения не существует, так как различные подходы ученых делаются с позиции

отраслей общественных и точных наук. В.Н. Протасов с этой позиции выделяет следующие критерии, предъявляемые к информации:

1. Объективность - информация должна доводиться без примечаний автора, должна отражать точное содержание явления и действительности.

2. Достоверность - распространяемое сведение должно полностью соответствовать предъявляемому объекту наблюдения.

3. Целостность - информация должна быть без прерывания и соответствовать времени и месту ее получения.

4. Полнота - объем сведений должен доводиться до потребителя в полном виде.[1]

Исходя из вышеизложенного, для признания информации в качестве объекта гражданского права она под воздействием определенных факторов должна участвовать в гражданско-правовых отношениях, потому что информация не является обычным продуктом.

Третья проблема касается определения юридического статуса информационных услуг. Необходимо разграничить, какие услуги являются общественно полезными и поэтому регулируются государством и какие могут быть предоставлены на коммерческой основе. При этом необходимо учесть, что информация может иметь огромную ценность, и неправильная классификация информационной услуги может привести к серьезным последствиям. Информационные услуги включены в перечень ч 2. ст. 779 ГК РФ: «Правила настоящей главы применяются к договорам оказания услуг связи, медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных услуг, услуг по обучению, туристическому обслуживанию и иных». Таким образом, договор оказания информационных услуг является разновидностью договора возмездного оказания услуг. Согласно главе 39 ГК РФ, договор возмездного оказания услуг - это такой договор, по которому исполнитель обязуется оказать услуги заказчику по его заданию (совершить определенные действия или

[1] Аманов А.А. Информация как объект гражданского права: теоретико-правовой анализ // Евразийский союз ученых. 2016. № 6.

определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Значит, договор возмездного оказания услуг возмездный, консенсуальный и двусторонний. Соответствие приведенным признакам договора возмездного оказания услуг – непременное условие применения положений гл. 39 ГК РФ к конкретному договору.

Четвертая проблема касается защиты персональных данных. Одна из важнейших задач при оказании информационных услуг состоит в обеспечении конфиденциальности персональных данных пользователей. Однако с увеличением объема персональных данных, собираемых и обрабатываемых информационными сервисами, возникают различные угрозы безопасности и различные проблемы, связанные с защитой данных. Возникают сложности в определении, какие данные можно собирать, какие права имеют пользователи в отношении своих данных, и как государство должно контролировать и защищать эти данные.

Пятая проблема – это вопрос свободы слова и цензуры. Информационные услуги обеспечивают свободу слова и доступ к информации, но это также может создавать проблемы в отношении распространения незаконной или вредоносной информации. Возникает вопрос о том, как найти баланс между свободой слова и защитой общества от вредоносной информации. Во многих странах существуют законы о цензуре, которые регулируют распространение определенного контента. Однако, определение границы между свободой слова и цензурой может быть сложным и вызывать много дискуссий.

Решение этих проблем требует разработки и внедрения соответствующих юридических механизмов, которые бы справлялись с вызовами, представленными информационными услугами. Это может включать создание единого определения информационных услуг, установление четких правил ответственности и защиты персональных данных, а также поиск баланса между свободой слова и цензурой.

Однако, данные проблемы регулирования информационных услуг не могут быть полностью решены только на уровне законодательства. Необходимо также учитывать и развитие технологий и рынка информационных услуг. Быстротечность и динамичность информационных технологий представляют новые вызовы для правовой системы, что потребует постоянного обновления и адаптации законодательства. Соответствующим законодательным актом следует предусмотреть неустойку за некачественное предоставление услуг исполнителем. Квалифицированно оценить качество не овеществлённого результата при оказании информационных услуг предлагается путем обязательной фиксации деятельности исполнителя в соответствующем отчете, предоставляемом заказчику. Отчет как один из существенных формальных критериев оценки качества выполненной информационной услуги позволит судить как об отдельных этапах, так и об итоге всей деятельности исполнителя. действующее законодательство, регулирующее отношения по оказанию услуг, имеет существенные пробелы и противоречия. [1]

Глава 39 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит только общие положения об услугах. Федеральные законы РФ и правила оказания отдельных видов услуг не всегда соответствуют общим положениям ГК РФ, что в свою очередь затрудняет их применение.

В заключение, правовое регулирование оказания информационных услуг является сложной и актуальной задачей, которая требует постоянных усилий и обновления со стороны законодателей. Решение проблем, связанных с классификацией информационных услуг, определением ответственности, защитой персональных данных и свободой слова, требует разработки юридических механизмов, адаптированных к быстро меняющимся информационным технологиям. Только через совместные усилия правовой и технологической сфер можно достичь эффективного и справедливого регулирования оказания информационных услуг.

[1] Чернякова С.А. Правовая характеристика сферы оказания информационных услуг в России // Сервис Plus. 2018. Т.12. №3. С. 117-133. DOI: 10.24411/2413-693X-2018-10312.

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ЖИЛИЩЕ

Пастухова Т.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.и.н., доц. Ганина О.Ю.

Современный этап развития Российской Федерации характеризуется повышенным вниманием общественности к судебной власти. Судебная система как механизм государственной защиты имеет огромное значение в любом правовом государстве. Как публичный арбитр, она одновременно защищает все сферы деятельности, регулируемые законом. Судебная система обеспечивает неприкосновенность основ конституционного строя, защищает принцип верховенства законов, единства экономического пространства, имущественные и связанные с ними неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу хозяйственной деятельности.

Активная роль суда в защите конституционного права на жилье необходима, поскольку на практике возникают конфликты между нормативными правовыми актами, регулирующими жилищные отношения. Правильное применение жилищного законодательства во многом зависит от индивидуальных судебных постановлений. В этой связи судебные органы обязаны использовать не только правовые методы осуществления правосудия, но и методы, разработанные юридической наукой, поскольку они также способствуют защите права граждан на жилище[1].

Граждане, чье «квартирное право» было нарушено, вправе рассчитывать на эффективное пресечение противоправных действий и восстановление нарушенного права в суде. Кроме того, граждане имеют право на эффективную систему государственного и муниципального контроля для осуществления своих

[1] Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: избр. науч. трудов. М., 2013. С.46.

прав на жилье, основанную на оптимальном разграничении предметов ведений и полномочий, а также на гарантированную конституционную ответственность в случае нарушения права граждан на жилье.

На практике часто возникают жилищные споры, поскольку отсутствует надлежащее единообразие в применении норм. В целях совершенствования процедур установления стандартов и их применения в сфере жилищного регулирования необходимы практические рекомендации по совершенствованию законодательной деятельности на федеральном и региональном уровнях и деятельности судов при рассмотрении споров по делам, возникающим в жилищной сфере.

Спор является одним из внешних проявлений механизма защиты субъективного права гражданина[1]. Улучшение механизмов разрешения жилищных споров и устранение причин таких споров будет способствовать защите субъективных прав человека. Обязанность государства – обеспечить справедливое удовлетворение интересов человека в области права на жилье.

Механизм судебной защиты конституционного права граждан на жилье в России сегодня имеет ряд недостатков. Когда дело доходит до доступа граждан к судебной защите своих прав и свобод в этом вопросе, кажется, что этого недостаточно.

В целом, эффективность судебной защиты конституционного права на жилье значительно возросла в последние годы, кроме того, растет количество обращений граждан за защитой в судебные органы. В то же время сам механизм судебной защиты четко не регламентирован, и эта проблема в значительной степени сдерживается низкой доступностью правовой помощи широкому кругу граждан.

[1] Герасимов Р.А. Конституционное право на жилище и механизм его реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2005. С.58.

ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНАМИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пастухова Т.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.и.н., доц. Ганина О.Ю.

Конституционное право на жилье подразумевает гарантированную законом возможность обеспечения каждого постоянным жильем, возможность стабильного использования имеющегося жилья, неприкосновенность жилья, право на улучшение жилищных условий, а также обеспечение для жилых домов, жилых помещений здоровой и безопасной среды обитания.

Практическая реализация конституционных прав на жилище неразрывно связана с проблемой ее обеспечения. Под гарантиями прав на жилище понимается система условий, средств и методов (экономических, политических, социальных, правовых), которые предоставляют каждому человеку законные возможности для осуществления его прав и свобод и закреплены в законодательстве на различных уровнях (международном, национальном, региональном).

Известно, что среди гарантий осуществления права на жилище необходимо различать прямые и косвенные гарантии. При этом под прямыми гарантиями следует понимать гарантии, заключающиеся в деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления по предоставлению жилья гражданам путем предоставления жилья непосредственно в пользование по договору социальной занятости, договору аренды специализированного жилья или бесплатному предоставлению денежных средств путем расходования соответствующих бюджетов на строительство или покупку жилья[1].

[1] Миронова А.В. Право на жилище: механизм его реализации // Материалы научной конференции «Конституционные права и обязанности личности». Сб. статей. М., 2007. С. 116.

Помимо прямого предоставления права на использование социального или специализированного жилья, предоставление целевых субсидий отдельным категориям граждан из бюджета на покупку или строительство жилья должно быть признано прямой гарантией государства на осуществление конституционного права на покупку соответствующего жилья.

Косвенные гарантии призваны помочь в самостоятельной реализации каждого из своих прав на жилье. Указанные гарантии могут также относиться к созданию общих условий, способствующих осуществлению конституционного права на квартиру, и быть направлены на помощь конкретным лицам в реализации их конституционного права на квартиру. Общие условия включают принятие мер, направленных на развитие рынка жилья и жилья, устранение неоправданных административных барьеров в этой области, установление определенных налоговых льгот для хозяйствующих субъектов, участвующих в жилищном строительстве, и для физических лиц, покупающих жилье.

Правовыми гарантиями осуществления права малоимущих на жилье являются нормы жилищного законодательства, четко и подробно устанавливающие понятия, относящиеся к данной категории лиц, перечень других категорий граждан, имеющих право на преференциальное получение жилья; понятие потребности в жилье и порядок признания нуждающихся в жилье граждан. Большинство перечисленных гарантий уже закреплено в Жилищном законе[1].

На основании вышесказанного логично предположить, что государству следует уделять больше внимания разработке косвенных гарантий обеспечения соблюдения конституционного права на проживание. Из них особый интерес представляют долгосрочные ипотечные кредиты с низкими процентными ставками, предназначенные для реализации конституционного права на жилье для большинства способных граждан в нашей стране.

[1] Орлова О.В. Социально-правовой механизм реализации и защиты прав и свобод личности в гражданском обществе // Государство и право. 2008. № 7. С. 72.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В ДОКАЗЫВАНИИ

Писарев К.И. – магистрант 1 курса ЧОУ ВПО Сибирский юридический университет, г. Омск
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВПО Сибирский юридический университет, г. Омск, к.ю.н., доц. Смирнова И.С.

Согласно части 1 ст. 49 УПК РФ защитник – это лицо, осуществляющее в установленном законом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Положения части 3 ст. 86 УПК РФ формально позволяют данному лицу собирать доказательства.

В связи с этим представляется особенно интересной позиция Конституционного Суда РФ, отраженная в Определении от 21 декабря 2004 г. № 467-О, согласно которой закреплённое в статье 86 УПК Российской Федерации право подозреваемого, обвиняемого, их защитников собирать и представлять доказательства является одним из важных проявлений права данных участников процесса на защиту от уголовного преследования и формой реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации)[1]. Интересно, что в этом же Определении Конституционный Суд РФ высказался о недопустимости произвольного отказа должностным лицом или органом, осуществляющим предварительное расследование, как в получении доказательств, о которых ходатайствует сторона защиты, так и в приобщении представленных ею доказательств к материалам уголовного дела.

При этом, согласно анализируемой позиции Конституционного Суда РФ, основаниями для законного, обоснованного и мотивированного решения

[1] По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституц. Суда РФ от 21 дек. 2004 г. № 467-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.

об отказе в удовлетворении ходатайства о получении или приобщении доказательств, собранных стороной защиты, могут быть: доказательство не имеет отношения к уголовному делу; доказательство не способно подтверждать наличие или отсутствие события преступления, виновность или невиновность лица в его совершении, иные обстоятельства, подлежащие установлению при производстве по уголовному делу; доказательство, как не соответствующее требованиям закона, является недопустимым; когда обстоятельства, которые призвано подтвердить указанное в ходатайстве стороны доказательство, уже установлены на основе достаточной совокупности других доказательств, в связи с чем исследование ещё одного доказательства с позиций принципа разумности оказывается избыточным.

Принимая это во внимание, следует понимать: участие адвоката-защитника в доказывании на стадии предварительного расследования фактически зависит от «степени качества» собранных и «отнюдь не готовых доказательств», поскольку собранные защитником сведения, предметы, документы в настоящий момент автоматически не становятся доказательствами по уголовному делу, надлежащую процессуальную форму им придает следователь (дознаватель). На наш взгляд, обратное говорило бы о нецелесообразности, нелогичности действий стороны защиты по заявлению соответствующих ходатайств. В этом действии нет смысла, если, к примеру, собранные защитником сведения не только не подтверждают непричастность подзащитного к совершению преступления (или иным образом улучшают его положение), но и вредят последнему, создавая для подозреваемого (обвиняемого) лишь видимость продуктивной работы защитника в уголовном судопроизводстве.

Отметим, что по смыслу анализируемой позиции Конституционного Суда РФ перечень оснований отказа в удовлетворении подобного ходатайства является исчерпывающим. Невозможность расширительного толкования данной позиции высшего судебного органа РФ не позволяет должностному лицу или органу, осуществляющему предварительное расследование, избирать

иные основания для отказа в удовлетворении аналогичных ходатайств. К примеру, отказ в удовлетворении ходатайства о приобщении к уголовному делу собранных адвокатом-защитником предметов, документов или сведений, имеющих значение для уголовного дела, на основании отсутствия в УПК РФ регламентированного порядка собирания доказательств защитником кажется незаконным, необоснованным и немотивированным. Примечательно, но и по этому поводу имеется правовая позиция Конституционного Суда РФ о том, что установленный Уголовно-процессуальным кодексом РФ порядок собирания, проверки и оценки доказательств по уголовным делам не ограничивает право стороны защиты на участие в доказывании (части вторая и третья статьи 86, статьи 119 - 122, 244 и 271), устанавливая при этом, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы[1].

Вопросам участия адвоката-защитника в доказывании по уголовному делу посвящено достаточное количество научных трудов. Несмотря на имеющиеся многочисленные аналогичные позиции высших судебных органов по данному проблемному и спорному вопросу, большинство из представителей доктрины отечественного уголовного процесса не относят защитника к субъектам собирания доказательств[2]. Часто встречающимся аргументом, используемым авторами в качестве обоснования своей позиции в данном случае, является отсутствие установленного в уголовно-процессуальном законе порядка собирания доказательств защитником. Заслуживает внимания и противоположное мнение по этому проблемному вопросу. И.Н. Чеботарева полагает, что

[1] По жалобе гражданина Троицкого Н.Н. на нарушение его конституционных прав статьей 90 УПК РФ: определение Конституц. Суда РФ от 25 апр. 2019 г. № 1122-О [Электронный ресурс] // СПС "КонсультантПлюс".

[2] Баева К.М. Собирание доказательств адвокатом-защитником: основные проблемы и пути их разрешения // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 180.; Буфетова М.Ш. К вопросу о доказательственной деятельности защитника в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского ин-та МВД России. 2018. № 2. С. 68.; Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: моногр. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 51-54.

участие защитника в процессе доказывания является не только одним из лучших средств защиты прав и законных интересов подзащитного, но ещё и одной из гарантий полноты, всесторонности и объективности при установлении обстоятельств совершения конкретного преступления[1].

Таким образом, участие адвоката в качестве защитника в доказывании в уголовном процессе в целом является возможным, но не в полной мере. В уголовно-процессуальном законе существуют специальные нормы, которые во многом формально, но закрепляют право адвоката-защитника собирать доказательства по уголовному делу. В реальности ввиду несовершенства уголовно-процессуального закона защитник не собирает и не может собирать готовые доказательства. В настоящий момент собранные данным лицом сведения, предметы и документы лишь могут стать доказательствами по уголовному делу.

ИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМУ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Планкин А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Вопросы социальной помощи в РФ набирают всё большую актуальность. Происходит это на фоне развития социального общества. Это вызывает необходимость уделять больше внимания этой сфере, а именно в развития и изменений существующих законах, развитию негосударственных видов помощи и их нормативное закрепление.

Главное назначение государственной социальной помощи состоит в том, чтобы повысить, хотя бы незначительно, уровень жизни бедных семей и одиноко проживающих людей. Критерием определения бедности в нашей стране

[1] Чеботарева И.Н. Участие защитника в доказывании по уголовным делам: к вопросу обеспечения состязательности процесса // Адвокатская практика. 2017. № 2. С. 54–58.

является прожиточный минимум, который трактуется в законодательстве в качестве минимально необходимой суммы доходов для обеспечения жизнедеятельности человека.

Это определяется как федеральным законодательством, так и на уровне субъектов. На федеральном уровне это регулирует Федеральный закон от 24.10.1997 N 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»[1]. В Оренбургской области на данный момент действует постановление Правительства Оренбургской области от 13.12.2022 № 1353-пп[2]. В нём указано, что на величина прожиточного минимума на 2023 г. составляет 12 506 р.

Большое значение имеют различные меры поддержки малоимущих граждан в субъектах Российской Федерации, которые могут отличаться в зависимости от региона. Таким образом, необходимо создание социальных проектов, которые будут учитывать потребности населения в конкретной области.

Социальная сфера является комплексной системой, функционирование которой зависит как от законодательства, регулирующего данные правоотношения, так и от самой системы оказания социальной помощи.

На данный момент систему оказания социальной помощи можно разделить на два вида:

1) государственная социальная помощь;

2) негосударственная социальная помощь.

Если государственная социальная помощь прописана в законе о социальной помощи, то на уровне Российской Федерации отсутствует правовая регламентация негосударственной социальной помощи, поскольку основной закон о социальной помощи включается в себя только государственную помощь

[1] О прожиточном минимуме в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 10.11.2023).

[2] О величине прожиточного минимума в Оренбургской области на 2023 год [Электронный ресурс]: Постановление правительства Оренбургской области от 13.12.2022 г. № 1353-пп // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 10.11.2023).

и не регулирует все остальные виды, что является большой проблемой на пути развития негосударственных форм.

На данный момент основным законом является Федеральный закон «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 N 178-ФЗ (далее - Закон о социальной помощи), но на основании анализа законодательства и региональных систем поддержки, мы можем выделить ряд проблемных аспектов, касающихся правового регулирования и организации социальной помощи[1].

Исследовав актуальные проблемы, мы можем сделать вывод, что механизмы государственной социальной помощи, которые прописаны в Законе о социальной помощи не работают должным образом. Лица с пониженной социальной ответственностью в некоторых ситуациях не могут ими воспользоваться. Примером служит ситуация с бездомными, для которых существуют механизмы помощи, при этом они не могут ими воспользоваться в силу недоверчивости к людям или нежеланием помочь и выполнять свою работу со стороны социальных работников.

Несмотря на то, что в законе содержатся механизмы помощи таким людям, на практике мы сталкиваемся с проблемами их реализации. Как итог возникает ситуация, при которой государство выделяет бюджетные средства на оказание социальной помощи некоторым категориям граждан, при помощь не оказывается, либо средства тратятся ненадлежащим способом.

Таким образом, мы можем говорить о том, что необходимо либо пересмотреть систему оказания государственной социальной помощи, либо вносить поправки в основной закон, а именно Закона о социальной помощи[2].

На данный момент закреплена только государственная социальная помощь, при этом нет ни одного упоминания о негосударственной социальной

[1] О государственной социальной помощи [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 17.07.1999 г. №178-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 09.11.2023).

[2] О государственной социальной помощи [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 17.07.1999 г. №178-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 09.11.2023).

помощи. Необходимо закрепить данный термин для дальнейшего развития негосударственной социальной помощи.

Для попытки изменить ситуацию в нашей стране в лучшую сторону, мы предлагаем внести изменения в Законе о социальной помощи и ввести понятие негосударственной социальной помощи, что позволит социальным организациям в дальнейшем работать в рамках закона и развиваться дальше. На данный момент, закон закрепляет ограниченный список видов оказания помощи, оставляя негосударственную помощь вне закона.

По нашему мнению, негосударственная социальная помощь – это помощь, которую предоставляют некоммерческие организации, общественные и благотворительные фонды, добровольческие группы или частные лица в виде социального предпринимательства без прямого участия государства. Это может включать в себя различные виды поддержки: материальную помощь, консультации, образовательные программы, медицинскую помощь и другие услуги, направленные на помощь нуждающимся людям или группам в обществе.

Для решения многих социальных проблем в обществе, необходимо закрепления социального предпринимательства, как отдельного вида оказания социальной помощи. Это необходимо для того, чтобы предприниматели, которые занимаются оказанием социальных услуг, могли опираться в своей деятельности на законодательство. Это необходимо как для самих предпринимателей, так и для клиентов. Разработка законодательной базы позволит создать структуру и поддержку для этой формы бизнеса, стимулируя его развитие.

В условиях, когда социальный предприниматель оказывается социальные услуги, его деятельность может подвергнуться проверке со стороны органов государственной власти и такая деятельность может быть признана незаконной.

П. 7 ст. 3 Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N 209-ФЗ: социальное предпринимательство - предпринимательская деятельность, направленная на

достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями, предусмотренными частью 1 статьи 24.1 настоящего Федерального закона[1].

Объектом социального предпринимательства является конкретная проблема, существующая в социальной сфере общества. Субъекту социального предпринимательства присущ дуализм, который заключается в том, что с одной стороны это сам предприниматель, с другой – это все участвующие стороны, для которых удовлетворение потребностей и решение определённых проблем является результатом социального предпринимательства.

Достоинством социальных предприятий является их мобильность, под которой понимается способность гибко реагировать на изменяющиеся потребности социально уязвимых групп, возникновение новых специфических и часто нестандартных зон уязвимости. Их активность распространяется на слои населения, которые часто оказываются вне поля зрения государственных органов, а также на услуги и виды помощи, которые не оказываются государством.

Результатом социально ориентированной предпринимательской деятельности является социальная инновация, то есть новый способ решения социальной проблемы. Значимость социальной инновации определяется способностью к удовлетворению социальных потребностей получателя услуги новым, удобным для него, способом

В отличие от государственной системы, социальное предпринимательство может мобилизовать ресурсы и вовлечь сообщество в решение проблем. Это может включать в себя привлечение волонтёров, партнёрство с компаниями или организациями, а также активизацию общественного мнения вокруг

[1] О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации год [Электронный ресурс] Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 10.11.2023).

определенной социальной проблемы. Что в свою очередь, позволяет более активно решать социальные проблемы.

Успешные проекты могут изменить восприятие общества по отношению к социальным проблемам, показывая, что бизнес может быть средством решения этих проблем, а не только источником прибыли.

Так же одним из достоинств является работа на местном уровне и знания о проблемах и специфике региона. Это позволяет им более точно нацеливать свои усилия на конкретные проблемы, что может быть более эффективным, чем общенациональные стратегии государства.

Важно отметить, что социальное предпринимательство не заменяет систему государственной социальной помощи, а лишь дополняет её. Оно может предоставлять инновационные и дополнительные подходы к проблемам, укрепляя тем самым усилия государства.

Основной особенностью социального предпринимательства является комбинация предпринимательства и социальной ответственности, где прибыль не является единственной целью. Предприниматели в этой сфере создают и развивают проекты, которые в первую очередь призваны решать социальные проблемы, будь то борьба с бедностью, поддержка малообеспеченных слоев населения, улучшение образования или решение экологических проблем.

Основная цель социального предпринимательства заключается в создании социальной ценности и решении социальных проблем, что в свою очередь может быть рассмотрено как форма негосударственной социальной помощи.

Таким образом, мы можем говорить о том, что социальное предпринимательство можно считать одним из видов социальной помощи, которое нуждается в законодательном закреплении.

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ОБЪЕКТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Плешивцева Е.В – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н., Толочкова Н.Г.

Как категория права предпринимательство характеризуется установлением субъектов и объектов. Объектами предпринимательства являются, во-первых, инновационная (исследования, разработки, технические услуги), во-вторых, производственная (по выпуску товаров и оказанию услуг), в-третьих, торгово-посредническая деятельность.

Объектами предпринимательской деятельности являются изготовленная продукция, выполненная работа или оказанная услуга, т. е. то, что может удовлетворить чью-либо потребность и что предлагается на рынке для приобретения, использования и потребления.

Таким образом, объектами предпринимательской деятельности является все, что способно приносить прибыль. Это имущество, товары (вещи и услуги), деньги и ценные бумаги, информация, результаты интеллектуальной деятельности (патенты, лицензии, произведения науки, литературы, «ноу-хау») и другие.

В частности, на современном этапе прогрессивного развития объектом предпринимательской деятельности все чаще становятся технологии искусственного элемента, что предопределяет особый интерес в исследовании данной категории с точки зрения предпринимательской деятельности.

Определяя статус искусственного интеллекта, необходимо подчеркнуть, что по указанному вопросу во всем мире отсутствует единая позиция, и в разных юрисдикциях подход к статусу искусственного интеллекта отличается. В ряде стран искусственный интеллект частично наделен правосубъектностью, например, в 2017 году робот, произведенный гонконгской компанией «Hanson Robotics», стал первой в мире машиной, получившей гражданство

(Саудовская Аравия), Япония предоставила чат-боту Shibuya Mirai резидентство, а в ЮАР существует прецедент выдачи искусственному интеллекту патента. В Российской Федерации, законодатель исходит из отсутствия у искусственного интеллекта правосубъектности[1].

В настоящий момент законодательство Российской Федерации не содержит правовых норм, регламентирующих деятельность искусственного интеллекта. Однако, в законодательстве уже имеются первые шаги к созданию данного регулирования.

Так, понятие искусственного интеллекта закреплено в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[2]. Согласно данному Указу, под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Из указанного определения необходимо выделить следующие существенные признаки искусственного интеллекта:

Во-первых, по содержанию это комплекс технологических решений;

Во-вторых, должен обладать свойствами имитации когнитивных функций человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма);

---

[1] Правосубъектность искусственного интеллекта: возможно ли? Правовой и морально-этический аспект// Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2023/10/17/pravosubektnost_iskusstvennogo_intellekta_vozmozhno_li_pravovoj_i_moralno-eticheskij_aspekt?ysclid=lqfo3ntab9104635741 (дата обращения: 24.12.2023).

[2] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Консультант.Плюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.12.2023).

В-третьих, результат работы искусственного интеллекта должен быть сопоставим как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека.

У данного понятия имеется ряд существенных недостатков. Так, приходится констатировать, что какой бы серьезной мощностью и «человекоподобным» обликом не обладал искусственный интеллект, он вряд ли сможет обладать сознанием, подсознанием и иметь полную совокупную возможность человеческих чувств. В связи с чем, исследователями, преимущественно, ставится под сомнение возможность искусственного интеллекта имитировать когнитивные функции человека. Исходя из самого определения и анализируя признаки искусственного интеллекта, следует вывод, что свойства и возможности искусственного интеллекта в принципе некорректно назвать как таковым интеллектом и тем более сравнивать с когнитивной функцией мозга человека, что по себе исключает возможность наделения искусственного интеллекта правосубъектностью[1].

Как было сказано выше, правовой статус искусственного интеллекта в настоящий момент в законодательстве Российской Федерации не определен, однако на данный счет существует несколько доминирующих позиций:

Первая позиция исходит из того, что искусственный интеллект является субъектом права, по содержанию приближено к физическому лицу, но также есть предложение ввести отдельный правовой статус «электронного лица».

Вторая определяет искусственный интеллект объектом права, который должен по статусу приравниваться к животным, то есть, является имуществом.

Третья позиция – искусственный интеллект является лишь техническим средством[2].

---

[1] Регулирование робототехники: введение в «робоправо»: Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов; под ред. А.В. Незнамова. М., 2018. С. 232.

[2] Васильева Д. Тенденции в развитии искусственного интеллекта // Роботовед: официальный сайт. URL: http://robotoved.ru/iskusstvennii_intellket_development/ (дата обращения: 24.12.2023).

Примечательно, что в Резолюции Европарламента № 2020/2015 о правах интеллектуальной собственности для разработки технологий искусственного интеллекта уже различают два вида произведений: созданные человеком при помощи искусственного интеллекта и созданные искусственным интеллектом автономно. Однако, второй вид произведений на данный момент не охраняются авторским правом. Кроме того, интересно, что в указанной Резолюции подчеркивается негативное отношение к наделению искусственного интеллекта правосубъектностью по причине возможности негативного воздействия на стимулирование человеческого творчества[1].

По нашему мнению, на сегодняшнем этапе развития правового регулирования говорить о необходимости наделения искусственного интеллекта правосубъектностью преждевременно. Однако, отрицать факт отнесения технологий искусственного интеллекта к объектам права уже не представляется возможным.

В нынешнем состоянии способность искусственного интеллекта автоматизировать процессы, которые раньше выполнялись вручную, в сочетании с машинным обучением делает его ценным бизнес-инструментом для сферы предпринимательства. Это автоматическая проверка резюме, оценка кредитоспособности, оценка риска клиента, виртуальные операторы и многое другое. Система учится масштабно, становится лучше благодаря опыту и более естественным образом взаимодействует с людьми, что значительно упрощает работу и сокращает время.

Изучив мнения экспертов пленарной сессии «Большие данные» и проанализировав сведения о новых технологиях в области искусственного интеллекта, можно выделить значимые для предпринимательства направления[2]:

[1] Резолюция Европарламента № 2020/2015 о правах интеллектуальной собственности // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0277_EN.pdf (дата обращения: 24.12.2023).

[2] CNews Forum 2020. Информационные технологии завтра // Официальный сайт. URL: https://forum.cnews.ru/ (дата обращения: 24.12.2023).

1) извлечение данных и прогнозирование. Компании часто используют данные из множества документов для создания отчетов для клиентов и внутренних целей. К примеру, компания МТС внедрила в свою деятельность технологии, при помощи которых компания может спрогнозировать желания своих абонентов, которые хотят воспользоваться той или иной услугой. Клиенту делается предложение еще до того, как абонент сам решит обратиться в компанию.

2) обнаружение аномалий в данных. Машины могут просматривать огромные объемы данных для автоматического определения вероятных аномалий. Примером может служить способность банка выявлять необычную банковскую деятельность, обеспечивая более надежную защиту от мошенничества со стороны потребителей.

Если речь идет о банках, то конечно следует упомянуть о новом проекте Сбербанк совместно с лабораторией МФТИ – «Нейроинтеллект iPavlov» по использованию технологии искусственного интеллекта в колл-центре, который успешно завершился в этом году. Целью проекта являлась разработка алгоритмов глубокого машинного обучения с учетом архитектурных принципов работы мозга, чтобы создать «разговорный» машинный интеллект для ведения целенаправленного диалога с пользователями.

3) обучение на основе голосовых, графических и текстовых данных. Компании могут извлечь большую выгоду из способности Искусственного интеллекта распознавать изображения и данные в различных документах и узнавать, что они собой представляют, поэтому он может быстро классифицировать эти элементы.

Например, компания «Яндекс» применяет множество моделей искусственного интеллекта в различных отраслях деятельности. Одна из прибыльных для компании и удобных для клиентуры – «Яндекс.Такси». Для увеличения заказов они используют технологию, которая советует водителю, в каком районе лучше находиться. Это не только эффективно, но и безопасно, так как

используется машинное обучение на основе голосовых технологий, что снижает риск аварии. Так же следует отметить, что компания занимается на данный момент разработкой искусственно-интеллектуального приложения для оптимизации производства в промышленности.

4) обработка естественного языка для проверки документов. Вместо того, чтобы строить сводные таблицы, выполнять поиск в тысячах электронных таблиц и отсеивать клиентов. Машина может изучить информацию, необходимую для выполнения задачи, и быстро классифицировать документы, выполнив тем самым задачу нахождения конкретных потребителей.

Таким образом, технологии искусственного интеллекта являются полноценным объектом предпринимательского права. Фактически каждый бизнес-процесс значительно улучшится с помощью технологий искусственного интеллекта. Например, финансовая отрасль использует системы искусственного интеллекта для анализа поведения рынка, построения торговых алгоритмов, проверки на отмывание денег и управления процессами инвестирования. Искусственный интеллект также приносит пользу таким отраслям предпринимательства, в которых требуется много документов, таким как ипотечное банковское дело, кредиторская задолженность и страхование, где он повышает скорость обработки документов и решения бизнес-процессов.

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ДЕПУТАТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Подпорин И.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедры теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доц. Иванова С.В.

В настоящее время вопросы, связанные с правовым статусом субъекта правовых отношений, занимают центральное место во всех отраслевых юридических наук. Это обусловлено целым рядом объективных причин, в том

числе происходящими в современных государствах процессами демократизации и гуманизации социально-правовой действительности. Ученые подчеркивают, что правовой статус – это одна из важнейших политико-юридических категорий, которая «неразрывно связана с социальной структурой общества, уровнем демократии, состоянием законности»[1]. Несмотря на большое количество работ, посвященных правовому статусу депутата, ученые до сих пор не пришли к единому мнению о его понятии и структуре, что дает возможность высказать собственную позицию.

Правовой статус депутата является производным от правового статуса гражданина, его права участвовать в управлении государством. Депутат имеет права как человек, так и гражданин (общий статус). Помимо этого, он обладает дополнительными полномочиями как представитель народа, то есть имеет специальный правовой статус.

Следует признать, что в гл. 8 Конституции Российской Федерации даже не упоминается слово «депутат». Вместе с этим до настоящего времени ни в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[2], ни в Законе Оренбургской области от 21.02.1996 «Об организации местного самоуправления в Оренбургской области»[3], ни в Законе Оренбургской области от 04.09.1996 «О статусе депутата представительного органа муниципального образования

[1] Лукашева Е.А. Правовой статус человека и гражданина // Права человека / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2000. С. 91.

[2] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 04.08.2023 № 449-ФЗ). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 25.10.2023) (далее – Закон о местном самоуправлении).

[3] Закон Оренбургской области от 21.02.1996 «Об организации местного самоуправления в Оренбургской области» (с изм. и доп. от 01.11.2023 № 860/350-VII-ОЗ). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 25.10.2023) (далее – Закон Оренбургской области о местном самоуправлении).

в Оренбургской области»[1], ни в каких иных законах и муниципальных нормативных правовых актах не закреплено определение «правовой статус депутата представительного органа муниципального образования».

Категории «правовой статус депутата» и «статус депутата» не равнозначны. Важно отличать нормативный конституционно-правовой статус от фактического статуса, под которым понимается реальное положение субъекта конституционно-правовых отношений в связи с действием норм конституционного права в конкретных социально-политических условиях[2]. Статус депутата зависит от социально-экономического и политического положения, традиций, обычаев, норм морали и практики в конкретном субъекте России.

Принципами, которые раскрывают содержание понятия правового статуса депутата, являются: 1) принцип независимости; принцип недопустимости совмещения статусов; 2) принцип запрета ограничения полномочий депутата; 3) принцип ответственности должностных лиц за неисполнение законных требований депутата; 4) принцип императивного мандата.

Помимо указанных принципов само понятие «правовой статус» обладает следующими свойствами: 1) устойчивость; 2) относительное постоянство; 3) внутренняя системная согласованность структурных элементов[3].

Статус депутата представительного органа муниципального образования характеризуется как целостная система, которая состоит из взаимосвязанных элементов[4], но вместе с тем, в теории конституционного права нет единого мнения относительно структуры правового статуса депутата и содержания его элементов.

---

[1] Закон Оренбургской области от 04.09.1996 «О статусе депутата представительного органа муниципального образования в Оренбургской области» (с изм. и доп. от 30.11.2023 № 942/381-VII-ОЗ). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 25.10.2023) (далее – Закон Оренбургской области о статусе депутата представительного органа муниципального образования).

[2] Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М., 2001. С. 61.

[3] Богданова Н.А. Категория статуса в конституционном праве // Вестник Московского университета. 1998. № 3. С. 4.

[4] Данилов И.С. Мандат народного представителя (понятия и виды) // Закон и право. 2011. № 3. С.12.

По мнению А.В. Малько, под статусом депутата подразумевается положение депутата, выражающееся в совокупности установленных законодательством его прав и обязанностей[1]. Однако, большинство авторов с этим не согласны и считают, что правовой статус депутата – это не только закрепленные федеральным и региональным законодательством права и обязанности парламентария. По своей сути, права и обязанности депутата органа местного самоуправления, представляющие в совокупности его полномочия, являются стержневыми элементами правового статуса, но вокруг прав и обязанностей группируются другие, не менее значимые элементы – составляющие правового статуса депутата органа местного самоуправления.

О.О. Миронов отмечает, что статус депутата – это его права и обязанности, а также определенные законодательством формы и гарантии депутатской деятельности. Под формами депутатской деятельности в юридической литературе принято понимать основные сферы реализации полномочий депутата. К их числу относят деятельность депутата на сессии парламента, в постоянных комитетах и комиссиях, депутатских объединениях, парламентских слушаниях, избирательном округе. По своей сути формы деятельности – это критерии, по которым можно квалифицировать закрепленные за депутатом права и обязанности. Поскольку формы деятельности имеют вспомогательный характер по отношению к правам и обязанностям депутата, видимо, их не следует выделять в качестве самостоятельных элементов правового статуса депутата представительного органа власти[2].

По мнению Н.А. Богдановой, к структурным элементам конституционно-правового статуса любого субъекта права (следовательно, и депутата) относятся следующие элементы: 1) место в обществе и государстве, социально-политическая роль и назначение; 2) общая правоспособность как основание для включения того или иного субъекта, выступающего в соответствующем

[1] Краткий юридический словарь / Отв. ред. А.В. Малько. М., 2007. С. 162.

[2] Миронов О.О. Статус депутата российского парламента // Вестник Саратовской государственной академии права. 1995. № 2.С. 4.

правовом качестве, в конституционно-правовые отношения; 3) права и обязанности или компетенцию и ответственность; 4) гарантии устойчивости и реальности правового состояния субъектов конституционного права[1].

О.М. Матвеева выделяет другие элементы в структуре конституционно-правового статуса депутата: 1) возникновение и срок действия депутатского мандата; 2) политико-правовая природа депутатского мандата; 3) функции и полномочия членов парламента; 4) гарантии депутатской деятельности[2].

А.А. Безуглов выделяет более широкий круг элементов правового статуса депутата: 1) политико-правовая природа депутатского мандата; 2) основания возникновения и сроки действия депутатского мандата; 3) полномочия депутата; 4) гарантии осуществления депутатских полномочий; 5) отчетность депутата; ответственность депутата; 6) поощрение депутата[3].

Таким образом, можно утверждать, что под правовым статусом депутата представительного органа муниципального образования необходимо понимать юридическое положение, включающее в себя совокупность прав и обязанностей депутата, гарантии его деятельности и ответственность, наступающую за противоправные действия (бездействия) депутата представительного органа муниципального образования. Данное определение необходимо ввести в Закон о местном самоуправлении, Закон Оренбургской области о местном самоуправлении и Закон Оренбургской области о статусе депутата представительного органа муниципального образования.

ЗАПРЕТЫ, КАК ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Поповкина Д.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала)

[1] Богданова Н.А. Категория статуса в конституционном праве // Вестник Московского университета. 1998. № 3. С. 14-16.

[2] Матвеева О.М. Правовое положение депутата в парламентах стран Западной Европы: автореф. дне. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 7.

[3] Безуглов А.А. Теоретические проблемы правового статуса советского депутата: автореф. дне. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 7.

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
к.ю.н., доц. Черепанцева Ю.С.

На различных этапах развития общества возникала необходимость в определенных ограничениях, запретах деятельности человека для успешной интеграции в социум. Эти запреты и явились предтечей современных правовых норм. Тезариус русской деловой лексики определяет «запрет» как распоряжение, пресекающее или ограничивающее определенный вид деятельности, но не следует рассматривать запрет только в негативной формулировке. Грамотное выстраивание запретительных действий и ограничений способствуют выживанию и гармоничному существованию общества.

В сфере управления персоналом достаточно остро стоит вопрос правового регулирования запретов, являющихся необходимым элементом в конструкции трудовых отношений. Теория трудового права определяет запреты как государственно-властные императивные требования воздержания от каких-либо действий, способных причинить существенный вред интересам субъектов права[1]. Следовательно, при регламентации человеческого труда их роль выражается в определении государством меры возможного поведения субъектов права, а также закреплении невозможности совершения таких действий, которые бы наносили ущерб не только им самим, но и интересам государства[2]. Фактически государство определяет допустимое поведение участников трудового процесса, путем создания императивных норм. При этом нормы трудового законодательства обязательны и их нарушение не допускается. Это отражает их ультимативность, поэтому соблюдение обязательно для всех субъектов управления персоналом.

Запреты ограничивают деятельность как работника, так и работодателя.

[1] Лушникова М.В. О пределах ограничения трудовых прав и свобод // Юридические науки. 2013. № 2. С. 89.

[2]Семенюта Н.Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: автореф. дисс….канд. юрид. наук. Омск, 2000. С.9.

Работодатель Трудовым кодексом Российской Федерации ограничен следующими запретами: запрет дискриминации (ст.3), запрет принудительного труда (ст.4), запрет заемного труда (ст. 56.1), запрет требовать выполнения работы, не обусловленной трудовым договором (ст.60), запрет на работу в выходные и нерабочие праздничные дни (ст.113), запрет перевода и перемещения работника на работу, противопоказанную ему по состоянию здоровья (ст.72-74) и т.д. Работнику запрещено появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения (пп. б п.6 ч.1 ст.81 ТК РФ), запрещено разглашение охраняемой законом тайны (государственной, коммерческой, служебной и иной), ставшей известной работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей, в том числе разглашения персональных данных другого работника (пп.в п.6 ч.1 ст. 81 ТК РФ), запрещено совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы (п.8 ч.1 ст. 81 ТК РФ) и т.д. Данные запреты взаимообусловлены: работодатель не должен своими действиями нарушать трудовые права работника, а работнику, в свою очередь, запрещается совершать действия, которые бы причинили вред работодателю.

Запреты имеют временное и постоянное ограничение. Временные характер может носить запрет забастовок и иных способов приостановления или прекращения деятельности организаций в период введении чрезвычайного положения (пункт «а» ч.1 ст. 413 ТК РФ). К категории постоянных запретов относятся запреты на дискриминацию в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника (ст. 3 ТК РФ).

Нельзя не отметить, что разработка и принятие локальных нормативных актов одна из характерных черт грамотного управления персоналом. Посредством внедрения их в сферу управленческой деятельности, работодатель способен регламентировать различные ситуации и действия субъектов.

Одним из важных локальных запретов является запрет на размещение фотографии, аудио- и видеозаписи с корпоративных мероприятий, рабочих мест и производственных объектов, которые нарушают правила безопасности, могут нанести урон репутации компании и отдельным работникам.

В компании «Техноавиа» локальным запретом можно считать использование конфиденциальной информации только в рамках выполнения служебных обязанностей. Соблюдение обязательств о неразглашении конфиденциальной информации после завершения работы в компании, уважительное отношение к любым сведениям, оставляющим собственность деловых партнеров и контрагентов.

В Правилах корпоративной этики группы лиц «Яндекс» можно встретить недопущение попытки получить конфиденциальную информацию от коллег из конкурирующих компаний, так как компания ведет честную политику, не пытаясь заполучить их секреты иных компаний[1].

При внимательном прочтении правил компании можно обнаружить во многих организациях локальные ограничительные акты. Их соблюдение, на наш взгляд, несомненно, повышает качество работы компании и способствует сохранению деловой этики.

Рассмотренные выше запреты носят общий характер, но есть и индивидуально-договорные условия, прописанные в контрактах в рамках занимаемой должности. Это может быть запрет на использование корпоративной почты в личных целях, пользование социальными сетями на рабочем компьютере. Каждая успешная компания обеспечивает своим работникам благоприятные условия труда, возможность повышения квалификации и реализации своего

[1]Правила деловой и корпоративной этики группы компаний Яндекса // URL: https://yandex.ru/company/rules/code (дата обращения: 24.02.2024).

потенциала, но при этом соблюдает конфиденциальность в отношении персональных данных своих работников.

Запреты могут носить разный характер и быть коллективными и индивидуальными, но они не зависят от воли субъектов, которым адресованы. В первую очередь они служат интересам компании, направлены на эффективность труда и способствуют успешному управлению персоналом.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОРЯДКА ОБЖАЛОВАНИЯ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Прокофьев М.К. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н., доц. Шмелева Е.С.

Конституционные положения, гарантирующие всеобъемлющий комплекс правозащитных средств и возможностей каждого человека, составляют аксиологическую основу современного правопонимания и правовой культуры общества в нашей стране. Обще регулятивная норма статьи 46 Конституции России однозначно определенно и конкретизированно провозглашает право заявления жалобы на действия и решения специализированных государственных органов и управомоченных должностных лиц. Эта нормативно-правовая сентенция обладает наибольшей ценностью и поэтому возведена в ранг отраслевого уголовно-процессуального принципа. Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев определил это идеологически значимое положение как основополагающий правоохранительный принцип для всей правоприменительной системы[1].

В процессуальных отраслях российского права принцип обжалования стал основой для формирования целых правовых институтов. Введение нормативных положений в ст. 19 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК

[1] Уголовно-процессуальное право: учебник / под ред. В. М. Лебедева. М.: Юрайт, 2019. С. 18.

РФ) послужило научно-практическим обоснованием формирования института ходатайств и жалоб в уголовно-процессуальном праве. Следует заметить, что в данном случае принцип права на обжалование не просто провозглашается формально. Абсолютная возможность его реализации подтверждается посредством внесения в УПК РФ многочисленных правил. Особую значимость приобретает гл. 16 УПК РФ, поскольку содержит нормы, посвященные именно институту обжалования в судебном процессе. Жалоба представляют собой юридическое выражение права на использование субъективного процессуального права как составляющего компоненту фактического правового статуса. Жалоба приводит к совершению действий, обязательных для уполномоченного органа или компетентного должностного лица. Заявляемая жалоба, как правовой документ право восстановительного свойства реализуется через право притязание заявителя. Таким образом, право обжалования выступает одним из наиболее эффективных методологических подходов в правозащитной плоскости судопроизводства и воплощается как ключевой субъективный элемент в уголовно-процессуальных отношениях.

Управление процессом обжалования на всех стадиях судопроизводства по уголовному делу обстоятельно урегулировано нормами УПК РФ. Однако, в практической реализации на досудебной стадии, в частности, в ходе предварительного расследования, имеются свои особенности и возможны некоторые нюансы. Рассмотрим на примере конкретной ситуации. Так, в ходе расследования уголовного дела 23 сентября 2021 г. поступило ходатайство от подозреваемого Котова А. об отмене постановления об отказе в удовлетворении его ходатайства от 24 августа 2021 г., вынесенное следователем и прекращении уголовного дела №1… /437, возбужденного СЧ СУ МУ МВД России «Оренбургское» 27 мая 2021г. по признакам состава преступления, квалифицированного по п. «а» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ. 28 сентября 2023 г. руководителем следственного органа было постановлено: в удовлетворение ходатайства подозреваемого Котова А. об отмене постановления от 24 августа 2021г. и прекращении уголовного дела №1…/437 – отказать в полном объеме. В мотивировочной

части было указано, что в настоящее время следственные действия по уголовному делу №1… /437 в полном объеме не проведены, обвинение Котову А. не предъявлено, в связи с чем принятие решения о наличии в действиях Котова А. признаков состава преступления и (или) их отсутствии следует считать преждевременным. Котов А., видимо не получив убедительного ответа, обратился 29 сентября 2023 г. с жалобой к прокурору. 02 октября 2023 г. прокурором вынесено постановление об отказе в удовлетворении жалобы. В итоге, точка в этой «жаловательной» истории была поставлена прокурором, который в ходе беседы с А. Котовым разъяснил ему лишь некоторые особенности подачи жалобы в ходе предварительного следствия и порекомендовал в случае необходимости воспользоваться помощью адвоката.

Участники уголовного процесса, как заинтересованные лица, должны получить своевременно наиболее полную информацию о возможностях реализации своих субъективных процессуальных прав. В современном мире любую информацию можно извлечь из значительного количества разнообразных СМИ и социальных сетей, включая Интернет. Но правовой гарантией является официальная информация, в частности, полученная от управомоченных должностных лиц. Подозреваемый Котов А., принявший решение готовиться к предстоящей защите лично, то есть без необходимой юридической поддержки в лице адвоката, очевидно, не знал обо всех законных возможностях, способах и средствах защиты. В рамках исследуемой категории отметим, что положения ч. 2 ст. 16 УПК РФ содержат нормативное установление обязанностей должностных лиц по разъяснению содержания и требований порядка судопроизводства на определенной стадии. Пленум Верховного Суда РФ, обобщая правоприменительную судебную практику, обратил особое внимание на круг лиц, в обязанность которых вменяется непременное разъяснение подозреваемому и обвиняемому его прав и обязанностей[1]. Помимо формальных сторон этой

[1] О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2006 г. № 60 (по сост. на 29 июня 2021 г.) // Российская газета. 2006. № 4252.

просветительной процедуры необходимо обратить и на ее содержательные аспекты, предусмотренные действующим законодательством. Во время беседы со следователем, например, подозреваемый по уголовному делу, должен узнать не только о возможности обжалования, но и о требованиях, которые предъявляются к жалобе, как правовому документу.

Обращаясь к нормативным положениям ст. 125 УПК РФ, мы констатируем, что в судебном порядке, возможно, принести жалобы на действия (равно как и бездействия) управомоченных органов и должностных лиц. Однако, предметом жалобы могут быть только такие правовые и поведенческие акты, которые могут нанести вред и причинить ущерб конституционно-правовому статусу, а также свободам граждан. Затруднение доступа к правосудию входит в их число. Такой концептуальный подход поддерживается Верховным Судом РФ в ряде постановлений.[1] В то же время жалоба, поданная в соответствии со ст. 124 УПК РФ, не имеет четкой содержательной регламентации: не установлена форма и перечень вопросов, которые, собственно, могут быть обжалованы. Очевидно, такая несогласованная позиция строится, опираясь на смысл ч. 1 ст. 123 УПК РФ, согласно которому обжаловать можно «любые действия и решения», затрагивающие интересы лиц, участвующих в процессуальных отношениях по конкретному уголовному делу. В связи с этим возникают проблемы уже в стадии возбуждения дела: следователь еще не приступил к уголовному преследованию, но законом допустимо обжалование его действий либо бездействия. В приведенной практической ситуации, видимо, невозможность принятия решения была воспринята заявителем как бездействие следователя. Обращение с жалобами на «бездействие» следователя, на наш взгляд можно рассматривать как злоупотребление правом. А жалоба Котова А. прокурору не была вызвана объективной необходимостью, и направлена, скорее

[1] О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума ВС РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (в ред. от 28 июня 2022 г. № 22). URL: www.vsrf.ru (дата обращения 20.01.2024).

всего, как воспрепятствование осуществлению следственного производства в разумный срок.

Резюмируя, обратим внимание на проведение на досудебной стадии судопроизводства необходимого и достаточного разъяснения содержания прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства. В части определения предмета обжалования, поддерживая позицию О.В. Химичевой и Д.В. Шарова[1], считаем необходимым внесения изменений и дополнений в ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТАХ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 290 УК РФ

Прокошева И.И. - магистрант Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Гребенкин Ф.Б.

В настоящее время в доктрине не выработано единой позиции относительно определения объектов преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ.

Исходя из признаваемой теорией уголовного права классификации объекта преступления «по вертикали», на первый взгляд, представляется, что установление объекта получения взятки не должно вызывать дискуссий. Учитывая расположение ст. 290 в главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» раздела X «Преступления против государственной власти» УК РФ, можно сделать вывод, что родовым объектом выступают общественные отношения в сфере нормального функционирования аппарата государственной власти, видовым - общественные отношения в сфере нормального порядка осуществления государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Однако, не все ученые разделяют

[1] Химичева О.В., Шаров Д.В. Право на обжалование в досудебном производстве: свобода и злоупотребление // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. №3. С. 55.

такое мнение. Существуют точки зрения, согласно которым: 1) родовой и видовой объекты исследуемого преступления совпадают; 2) родовой и непосредственный совпадают; 3) видовой и непосредственный совпадают[1]. Некоторые исследователи определяют объект получения взятки обобщенно. Например, А.В. Бриллиантов указывал, что объектом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, является «осуществляемая в соответствии с законом деятельность публичного аппарата власти и управления»[2].

По нашему мнению, следует, отчасти, согласится с вышеприведенными точками зрения относительно совпадения родового, видового и непосредственного объектов. Рассматриваемые три вида объекта во многом схожи, так как они соотносятся как часть с целым. Однако, говорить о полном их совпадении не стоит, так как это бы нарушало принцип системности построения Особенной части УК РФ и создавало бы сложности с разграничением признаков получения взятки с иными составами должностных преступлений.

Мы полагаем, что, рассматривая проблематику объекта получения взятки, следует обратить внимание на неудачную формулировку наименований главы 30 и раздела X УК РФ. Так в ст. 290 УК РФ субъектом преступления, помимо должностного лица, может выступать иностранное должностное лицо или должностное лицо публичной международной организации. Анализ п. 2 примечаний к указанной статье позволяет сделать вывод, что данные лица не являются государственными или муниципальными служащими РФ и связаны с представлением интересов других государств или международных организаций. В связи с этим справедливо мнение А.У. Садыкова, который писал, что, исходя из названия главы 30 УК РФ, охране подлежат интересы государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления (далее - ОМСУ) именно Российской Федерации, в виду чего возникает вопрос об определении непосредственного объекта получения взятки

[1] Пазников И.И. Объект получения взятки // Российский следователь. 2011. № 5. С. 7-10.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный); под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 2 // СПС «Консультант Плюс».

иностранным должностным лицом и взаимосвязи данного объекта с видовым объектом[1]. Отметим также, что согласно ч. 4 ст. 290 УК РФ рассматриваемое преступление может совершить глава ОМСУ, однако в соответствии со ст. 12 Конституции РФ ОМСУ не входят в систему органов государственной власти, что также свидетельствует о противоречии названия раздела X УК РФ и его содержания.

Получение взятки, как и другие преступления из этого раздела, посягают на общественные отношения, представляющие публичный интерес, подрывают нормальное функционирование механизма осуществления единой публичной власти – системы властвования[2]. С.А. Алимпиев отмечал, что публичная власть – это не только государственная власть, она, в частности, может быть и муниципальной[3]. С учетом изложенного, мы полагаем, что следует согласиться с высказанной ранее в науке позицией относительно, необходимости изменения наименования раздела X УК РФ на «Преступления против публичной власти». Такую позицию поддерживали М.В. Ремизов[4] и Э.А. Гейвандов[5]. Предлагаемая формулировка позволит учесть, что иностранное должностное лицо или должностное лицо публичной международной организации, а также должностное лицо ОМСУ не являются служащими органов власти РФ. Такое наименование более точно и полно отразит характер тех общественных отношений, которые ставятся под охрану норм раздела X УК РФ.

---

[1] Садыков А.У. Проблемы правового регулирования ответственности за взяточничество в уголовном законодательстве России // Общество и право. 2011. № 2. С. 142.

[2] Басова Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: Проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2005. С. 158.

[3] Алимпиев С.А. Уголовная ответственность за получение взятки по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 72.

[4] Ремизов М.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против интересов публичной службы: Гл. 30 УК РФ: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 7-8.

[5] Гейвандов, Э.А. Получение и дача взятки (ст. 290, 291 УК РФ): проблемы законотворческой и правоприменительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 91.

В качестве видового объекта преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, многие называют общественные отношения, регламентирующие нормальную деятельность государственной власти и обеспечивающие интересы государственной и муниципальной службы[1]. Учитывая высказанную нами позицию относительно родового объекта, полагаем, что такая формулировка не совсем удачна. Здесь аналогичным образом деятельность иностранного должностного лица и должностного лица публичной международной организации выходит за пределы интересов службы в государственных и местных органах, что в названии главы не отражено. Исходя из сказанного, по нашему мнению, определить видовой объект можно через указание на субъекта, который нарушает интересы службы. Таким образом, видовым объектом получения взятки являются общественные отношения, связанные с соблюдением интересов службы в органах публичной власти должностным лицом, иностранным должностным лицом и должностным лицом публичной международной организации, лицом, занимающим государственную должность РФ или субъекта РФ, главой ОМСУ. В связи с предлагаемым пониманием видового объекта, нам кажется возможным предложить изменение названия главы 30 УК РФ на «Должностные преступления». Такое наименование согласовывается с предложенным наименованием раздела X УК РФ, является емким, но в тоже время исключает описанные нами противоречия.

Как отмечалось выше, определение непосредственного объекта состава получения взятки в доктрине является дискуссионным. Ряд исследователей предлагает называть в качестве него составные компоненты, указанные в названии главы 30 УК РФ[2]. А.С. Мещерский предлагал считать непосредственным объектом конкретные общественные отношения, составляющие содержание нормальной работы конкретного органа государственной власти, государственной и муниципальной службы, а также определяющие порядок

[1] Карягина О.В. Указ. соч. С. 57.
[2] Гейвандов Э.А. Указ. соч. С. 93.

оплаты труда должностных лиц[1]. По нашему мнению, суть получения взятки заключается в том, что субъект, не имеющий права получать какие-либо имущественные выгоды за счет лиц, заинтересованных в его определенном служебном поведении, нарушает принцип публично-правовой оплаты своей деятельности. В виду чего, непосредственным объектом получения взятки предлагаем считать общественные отношения, связанные с соблюдением должностным лицом, иностранным должностным лицом, должностным лицом публичной международной организации, лицом, занимающим государственную должность РФ или субъекта РФ, главой ОМСУ принципа безвозмездности их публично-властной служебной деятельности.

В заключении отметим, что существует необходимость дальнейших научных исследований, так как анализ уголовного закона показывает наличие недостатков законодательной техники, которые необходимо устранять в целях соответствия уголовно-правовых норм выработанным доктринальным подходам и складывающейся судебно-следственной практике.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖАЩЕГО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пышнова Е.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Яковенко Н.А.

Государственную гражданскую службу Российской Федерации невозможно представить без ее основного субъекта – государственного гражданского служащего, поскольку от них во многом зависит качественное выполнение политических, экономических, социальных и иных задач государственным аппаратом.

[1] Мещерский А.С. Уголовно-правовые аспекты получения взятки как наиболее опасного проявления коррупции: Дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002. С. 107.

Достижение высоких результатов в профессиональной деятельности гражданских служащих непосредственно зависит от того, насколько полно и всесторонне проработаны правовое нормы, содержащие элементы правового статуса, в частности, касающиеся не только их прав, обязанностей, но и гарантий, запретов, ограничений и ответственности.

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе» (далее – Закон о гражданской службе) государственным гражданским служащим является совершеннолетний гражданин Российской Федерации, который владеет государственным языком Российской Федерации, отвечает установленным квалификационным требованиям и одушевляет свою профессиональную служебную деятельность на основе акта о назначении на должность и в соответствии со служебным контрактом, а также получает денежное содержание за счет государственного бюджета[1].

Анализ научной литературы и законодательства, регулирующего деятельность гражданских служащих, позволяет констатировать, что как такового законодательного закрепления термин «правовой статус» не получил. В связи с этим данный вопрос является достаточно дискуссионным. В большинстве своем в содержание правого статуса гражданского служащего теоретики включают – права и обязанности, но также справедливо отмечают, что необходимо включать и ограничения, и запреты[2].

Статус гражданских служащих широко затрагивает нормы трудового законодательства, но представлены они в служебном праве в измененном виде. Поскольку

[1] Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». (ред. от 14 февраля 2024 г.) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

[2] Корнеев А.П. Нормы административного права и их применение. М.: Юрид. лит., 1978. С. 132; Овсянко Д.М. Государственная служба: Учебное пособие. М., 2005. С. 113; Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С. 251.

в силу специфики гражданской службы возможность реализации норм трудового права при регулировании прав и обязанностей государственных гражданских служащих возможно в обобщенном виде (ст. 73 Закона о гражданской службе).

С принятием Закона о гражданской службе элементы правового статуса гражданского служащего получили четкое закрепление. Так, гл. 3 указанного закона в структуру правового статуса гражданского служащего входят шесть основных элементов – права, обязанности, ограничения, запреты, требования к служебному поведению, урегулирование конфликта интересов на гражданской службе.

Обратим внимание, что в структуру правового статуса гражданского служащего не входят ответственность и государственные гарантии, содержащиеся в отдельных главах федерального закона. Однако, в свою очередь, права не могут быть полностью реализованы гражданским служащим без соответствующих государственных гарантий, а без ответственности – обязанности, запреты и ограничения.

Особое внимание стоит обратить на некоторые положения законодательства, составляющие содержание элементов правового статуса, которые вызывают ряд вопросов.

Говоря о запретах и ограничениях, которые содержатся в ст. 16, 17 Закона о гражданской службе, отметим, что, безусловно они ограничивают некоторые конституционные права служащего как гражданина, однако, в первую очередь, они установлены с целью пресечения и профилактики коррупциогенного фактора в служебной деятельности гражданских служащих, поскольку благодаря наложению определенных правовых рамок на некоторые конституционные права, снижается риск злоупотребления этими правами со стороны должностных лиц.

В качестве примера можно привести положение п. 2 ч. 1 ст. 17 Закона о гражданской службе, который закрепляет запрет на замещение иных выбор-

ных государственных должностей Российской Федерации, должностей субъектов Российской Федерации и т.д. В данном случае наблюдается ограничение таких конституционных прав, как: права свободно распоряжаться своими способностями к труду (ст. 37 Конституции РФ), права избирать и быть избранным (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ), а также права на равный доступ к государственной службе (ч. 3 ст. 32 Конституции РФ). Все же такие ограничения вызваны объективной необходимостью.

Еще одним вопросом законодательства о государственной гражданской службе является отсутствие единого понятия «ответственность государственных гражданских служащих». Более того, в законодательстве отсутствует четкое понимание видов данной ответственности. Исходя из анализа ч. 3 ст. 15 Закон о гражданской службе можно сделать вывод, что в зависимости от вида, степени вины и последствий, основными видами ответственности служащего являются дисциплинарная, гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность в рамках законодательства Российской Федерации. Однако, необходимо отметить, что указанным законом в отдельной главе закреплена только дисциплинарная ответственность (ст. 57 Закона о гражданской службе), основанием для наступления которой является совершение дисциплинарного проступка.

Отсутствие классификации по родовому или видовому признаку объективного состава дисциплинарных проступков по аналогии, например, с уголовным законодательством, является пробелом[1]. Наличие такой классификации способствовало бы минимизации необоснованного принятия решений, которые связаны с личностными качествами лица, а не с его профессиональной

[1] Агафонова Н.Ю. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов. 2013. С. 22.

компетенцией, поскольку привлечение к дисциплинарной ответственности является в большей степени прерогативой кадровой службы государственного органа, в котором работает служащий[1].

Следует обратить внимание на то, что законодателем в ст. 59.1, 59.2 Закона о гражданской службе, к дисциплинарным проступкам не относятся коррупционные проступки. Однако, как указал Верховный Суд РФ «дисциплинарный проступок, в том числе коррупционный, является единственным основанием дисциплинарной ответственности»[2], соответственно ненадлежащее выполнении служебных обязанностей, в частности, связанных с противодействием коррупции, влечет применение мер дисциплинарной ответственности к гражданскому служащему.

В заключение можно сказать, что в содержание правового статуса гражданского служащего помимо прав, обязанностей, ограничений и запретов необходимо включить также ответственность и государственные гарантии, поскольку, в свою очередь, права не могут быть полностью реализованы гражданским служащим без соответствующих государственных гарантий, а без ответственности – обязанности, запреты и ограничения.

Ограничения и запреты на государственной гражданской службе хоть и накладывают определенные правовые рамки, но вызваны объективной необходимостью и установлены с целью профилактики коррупции.

Проанализированные пробелы в институте дисциплинарной ответственности требуют устранения и совершенствования для исключения каких-либо фактов необоснованного принятия решений, связанных с личностью гражданского служащего, а также при совершении коррупционных проступков.

---

[1] Фирсов М.В. Юридическая ответственность руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти / М.В. Фирсов // Административное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 65.

[2] Обзор практики по рассмотрению в 2012 - 2013 годах дел по спорам, связанным с привлечением государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июля 2014 г.). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 09.03.2024).

Таким образом, анализ сложившейся в настоящее время государственно-служебной деятельности свидетельствует о наличии ряда вопросов, которые можно решить посредством модернизации отдельных элементов института государственной гражданской службы.

УЧАСТИЕ ПСИХОЛОГА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Рахматуллина Р.Р. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Резепкин А.М.

Практика психологического сопровождения следствия в отношении несовершеннолетних в нашей стране в настоящее время только развивается, вследствие чего возникает целый ряд нерешенных вопросов.

Одной из важнейших проблем психологического сопровождения следственных действий с участием несовершеннолетних является неопределенность роли психолога, что вызывает ряд трудностей в следственно-судебной практики.

УПК РФ не разделяет функции педагога и психолога, иными словами, их статус приравнивается. Однако, в науке их принято различать. Относительно участия педагога ученые пришли к определенным общим положениям, а вот анализ участия психолога нуждается в детальном изучении.

Пункт 62 ст. 5 УПК РФ под педагогом понимает педагогического работника, выполняющего в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся. Между тем, понятие психолог остается открытым.

Необходимо акцентировать внимание на том, что психолог, как участник уголовного процесса, отсутствует в главах 5-8 УПК РФ. В то же самое, время он упоминается в статьях, регламентирующих следственные действия с участием несовершеннолетнего.

Психолог, в общем понимании — это человек, который специализируется на работе с психологическими, эмоциональными проблемами клиентов, но в УПК РФ нет характеристики обозначенного понятия.

Участие психолога при проведении допроса несовершеннолетнего обвиняемого в УПК РФ не обосновывается, что порождает дискуссии в науке уголовно-процессуального права. К примеру, Г.И. Гатауллина придерживается мнения, что «психолог — это инструмент помощи следователю, в установлении отличительных черт, присущих возрасту несовершеннолетнего, его физического и психического развития. А также общих условий проживания и воспитания»[1]. Э.Б. Мельникова полагает, что «психолог помогает следователю сформулировать корректно вопросы, ответы на которые дадут наиболее полную картину произошедшего»[2]. Е.В. Елагина и Г.С. Григорян считают, что «психолог помогает обеспечить правдивость показаний несовершеннолетнего обвиняемого»[3].

Из вышесказанного следует, что ученые определяют цель участия психолога в допросе несовершеннолетнего обвиняемого по-разному, что позволяет нам сделать вывод, что психолог – это специалист, который изучает психическую деятельность человека, ее процессы, проявления, формы организации, закономерности, индивидуальные личностные свойства, а так же анализирует поведение и содействует защите прав и законных интересов несовершеннолетнего в досудебном и судебном производстве по уголовному делу.

При рассмотрении психолога, как специалиста, необходимо отметить, что именно особые знания и специализация являются основанием для его привлечения в процесс допроса. Иными словами, только лицо, имеющее квалификацию, привлекается в качестве психолога. В науке цель участия психолога в

---

[1] Гатауллина Г.И. Особенности предмета доказывания по делам несовершеннолетних с психическими аномалиями. Уфа: БашГУ, 2003. С. 76.

[2] Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учебное пособие. Москва: Дело, 2010. С. 96.

[3] Елагина Е.В. Криминалистические и процессуальные аспекты привлечения педагога и психолога к производству следственных действий с участием несовершеннолетних / Е.В. Елагина, Г.С. Григорян // Криминалистъ. 2010. № 2 (7). С. 66.

допросе несовершеннолетнего обвиняемого определяют, как двойственную. В первую очередь, целью участия необходимо определить, как оказание квалифицированной помощи несовершеннолетнему обвиняемому, во вторую очередь, анализ поведения несовершеннолетнего обвиняемого, который необходим следователю, дознавателю, для получения всей картины происшествия.

Одним из ярких примеров процессуального закрепления цели привлечения психолога, является положение ч. 4 ст. 191 УПК РФ. Из которого вытекает, что психолог обязан присутствовать при допросе, для установления контакта с несовершеннолетним потерпевшим или свидетелем, то есть лицом, пережившим негативное событие, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающим в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности. Очевидно, что для установления контакта между органами следствия и потерпевшим, свидетелем с психическими особенностями необходим специалист, которым как раз и выступает психолог. Наличие такого специалиста в целом, при допросе несовершеннолетнего снижает уровень психотравмирующего воздействия.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 марта 2010 г. № 64-010-5СП указано, что «в соответствии с ч. 3 ст. 425 УПК РФ в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно»[1]. При наличии психического расстройства или отсталости в психическом развитии, привлечение психолога, помимо основных целей участия, в допросе несовершеннолетнего обвиняемого, преследует цель установления диалога между несовершеннолетним обвиняемым и следователем, дознавателем. Вышесказанное характеризует правовой статус психолога, как специалиста.

[1] Габдрашитова В.Р. Об участии педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подсудимого // Государственная служба и кадры. 2019. №4. С. 195

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что психолог, исходя из назначения и выполняемых в уголовном судопроизводстве полномочий, обладает всеми признаками специалиста как участника уголовного судопроизводства.

Но среди ученых есть те, которые считают необходимым признать психолога в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства и закрепить его статус в отдельной статье главы VIII УПК РФ[1].

Однако, мы с подобной позицией не согласны и считаем, что востребованность участия психолога в следственно-судебной практике, его процессуальная роль, назначение говорят о достаточности и разумности применения наряду со ст. 58 УПК РФ других норм уголовно-процессуального закона РФ (ст. 191, ст. 279, ст. 280, ст. 425 УПК РФ и др.), которые регламентируют участие психолога.

ДОБРОВОЛЬНАЯ ФОРМА ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Родионова М.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Вопросы о правовом регулировании процедур ликвидации юридических лиц актуальны в настоящий момент, поскольку согласно статистике от Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)[2], за весь 2022 год количество официально ликвидированных организаций составило - 315 234 юридических лиц, что является достаточно значительным чис-

[1] Янин М.Г. Правовой статус педагога, психолога и законного представителя в Российском уголовном судопроизводстве // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. №2. С. 40.

[2] Количество официально ликвидированных организаций [Электронный ресурс] // ЕМИСС государственная статистика. URL : https://www.fedstat.ru/indicator/57785?ysclid=lr6lavbm7n474225116. (дата обращения: 08.01.24).

лом. Поэтому для точного и отчетливого правопонимания тех отношений, которые затрагиваются в рамках процедур ликвидации, необходимо выявить правовую природу наиболее часто применяемого вида ликвидации.

Согласно гражданскому законодательству, ликвидация представляет собой процесс прекращения деятельности юридического лица, а также окончания существования его как субъекта гражданско-правовых отношений без перехода прав и обязанностей другим лицам.

По общему правилу, действующее законодательство регламентирует два вида ликвидации, так юридическое лицо может быть ликвидировано в добровольно или принудительно с применением судебного порядка. К тому же в п. 6 ст. 61 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) предусмотрен обособленный способ, который трудно без дополнительных разъяснений отнести к одному из вышеперечисленных видов ликвидации, а именно ликвидация в процессе банкротства.

Отсутствие однозначного понимания данного вопроса исходит из ст. 7 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[1], которая устанавливает круг субъектов, имеющих право обратиться с заявлением о банкротстве. К ним относятся: должник, кредиторы, а также уполномоченные органы. Из чего следует, что ликвидация по п. 6 ст. 61 ГК РФ может быть проявлением воли самого должника или других лиц, при этом такая процедура осуществляется исключительно через судебный порядок, так как на основании судебного акта вносится запись в Единый государственный реестр юридических лиц. Поэтому данный способ прекращения правоспособности характеризуется двуединством, содержащим одновременно начала добровольной и принудительной ликвидации.

Таким образом можно выделить такие правовые формы ликвидации юридических лиц, которые перечислены в ст. 61 ГК РФ. Согласно данных положений, выделяются три формы:

[1] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

- добровольная ликвидация;

- принудительная ликвидация;

- ликвидация вследствие признания юридического лица несостоятельным (банкротом).

Более подробно разберем первую форму, а непосредственно добровольную ликвидацию. Отметим, что ГК РФ отсутствует такое понятие как «добровольная ликвидация». При этом в других нормативных актах неоднократно и активно используется данная формулировка, так, например, в п. 2 ст. 57 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[1], а также в п. 8 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.01.2000 № 50 «Обзор практики разрешения споров, связанных с ликвидацией юридических лиц (коммерческих организаций)»[2]. По итогу можно сделать вывод, что обосновано и допустимо использовать термин «добровольная ликвидация», поскольку слово «добровольная» применительно к ликвидации часто используются в отдельных законах и разъяснениях, то есть законодатель фактически признал формы ликвидации: добровольную и принудительную.

Для того, чтобы сформировать определение понятия «добровольная ликвидация», обратимся к тексту п. 2 ст. 61 ГК РФ: «юридическое лицо ликвидируется по решению его учредителей (участников) или органа юридического лица, уполномоченного на то учредительным документом, в том числе в связи с истечением срока, на который создано юридическое лицо, с достижением цели, ради которой оно создано».

Основываясь на данной норме, выделим характерные признаки:

1. Субъектами, принимающими решение о добровольной ликвидации, предстают: учредители, участники, органы юридического лица.

---

[1] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

[2] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.01.2000 № 50 «Обзор практики разрешения споров, связанных с ликвидацией юридических лиц (коммерческих организаций».

2. Основанием является конкретный факт: принятие решения, истечение срока, достижение цели.

3. Исключительная добровольность принятого решения, без возможного вмешательства со стороны других лиц, не являющихся субъектами добровольной ликвидации.

Если обратиться к отдельной категории «добровольность», то можно определить ее важное значение. Она представляет собой принцип деятельности в определенной области, например, в ст. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения»[1] установлен важный аспект судебного примирения – это добровольность. Значение данной нормы заключается в том, что только при согласии сторон возможно достичь примирения, при этом понуждение запрещается. В другом акте в ст. 4 Федерального закона от 09.07.2002 № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей»[2] также закрепляется принцип добровольности, подразумевающий согласно тексту нормы, невозможность принуждения должника к участию в программе против его воли.

Таким образом, гражданское законодательство довольно активно применяет данную категорию в законодательных актах разных уровней.

Наиболее обобщенно «добровольность» можно охарактеризовать следующими основными признаками:

1. Осуществление действий или бездействий свободно в своих интересах, самостоятельно только по собственной воле.

2. Реальное, не фиктивное или не формализованное наличие добровольности, которая не будет нисходить к выбору между двух зол.

3. Недопустимость внешнего воздействия, то есть отсутствие влияния со стороны других лиц.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения».

[2] Федеральный закон от 09.07.2002 № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2787.

Данная «триада» признаков характеризует особенности, которые отличают добровольную ликвидацию от принудительной. Так началом для добровольной ликвидации является именно принятие самостоятельного решения учредителями (участниками) или компетентными органами, то есть участвуют только определенные субъекты без привлечения суда.

Сама «добровольная» ликвидация не ограничивается только признаками, указанными в ст. 61 ГК РФ, то есть включает в себя не только ту единственную ликвидацию, которая проводится по решению участников (учредителей) или органов юридического лица, но и такую ликвидацию, последующую при достижении цели, вследствие которой создавалось данное юридическое лицо, или при окончании срока, на который оно создавалось.

Следовательно, ст. 61 ГК РФ не включает в себя другие формы ликвидации, которые существуют на данным момент. Возникли такие организационно-правовые формы юридических лиц, не охватываемые существующими правовыми режимами ликвидации юридических лиц. Что приводит к усложнению понимания процедуры ликвидации, так прекращение деятельности государственных корпораций и государственных компаний регулируется отдельными федеральными законами. Например, в ст. 41 Федерального закона от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»[1] установлено, что «корпорация может быть реорганизована или ликвидирована на основании федерального закона, определяющего порядок ее реорганизации или ликвидации». Также в ст. 41 Федерального закона от 17.07.2009 № 145-ФЗ «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2] указано вторичное положение, что «государственная

[1] Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6078.

[2] Федеральный закон от 17.07.2009 № 145-ФЗ О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // СЗ РФ 2009. № 29. Ст. 3582.

компания может быть реорганизована или ликвидирована на основании федерального закона, определяющего порядок ее реорганизации или ликвидации».

Таким образом, Федеральные законы, регулирующие правовое положение государственных корпораций и государственных компаний, определяют тот факт, что ликвидация таковых осуществляется на единственном основании – это отдельный федеральный закон. Соответственно на основании вышесказанного, можно уверенно говорить о том, что образовалась исключительная форма ликвидации юридического лица, а именно на основании специального Федерального закона.

В итоге на данный момент можно констатировать наличие нескольких видов ликвидации, таких как: добровольная, принудительная, вследствие признания юридического лица несостоятельным (банкротом) и на основании специального федерального закона.

При этом важную роль в экономическом процессе играет именно добровольная ликвидация, поскольку наиболее доступна для многих организаций и часто используемая. Согласно вышеописанных признаков и сущностных характеристик категории «добровольность», дадим определение добровольной ликвидации – под которой подразумевается принятие самостоятельного решения о прекращении правоспособности юридического лица учредителями (участниками) или органами по собственной инициативе, вследствие истечения определенного срока или достижения заложенной при создании цели.

ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Родыгин Д.Д. – магистрант Волго-Вятского (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Рогова Н.Н.

Доведение до самоубийства – сложное по своей структуре и квалификации преступление, выражающееся, в соответствии со статьей 110 Уголовного

кодекса Российской Федерации, в совершении определенных действий, толкающих потерпевшего на самоубийство. Отличительной особенностью, выделяющей его среди других преступлений против жизни и здоровья, является то, что смерть жертве причиняется непосредственно ее действиями, совершаемыми вследствие угроз, жестокого обращения или же систематического унижения человеческого достоинства, исходящих со стороны виновного в совершении преступления лица. Из этого следует, что доведение до самоубийства нельзя назвать убийством или приравнять к преступлениям этого типа, ведь сложно сказать, что действия, повлекшие за собой причинение потерпевшим смерти самому себе, являются непосредственным причинением какого-либо состояния или участием (соучастием) в преступлении.

Самым сложным и важным структурным элементом состава преступления выступает объективная сторона, как внешнее проявление преступления, совокупность признаков, характеризующих посягательство на объект преступления. Статья 110 Уголовного кодекса Российской Федерации представляет объективную сторону доведения до самоубийства в нескольких способах, таких как угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Основным и обязательным признаком объективной стороны доведения до самоубийства является способ совершения этого преступления, проявляющийся в данном случае в активных действиях или же пассивном поведении. При этом стоит учесть, что совершение лицом самоубийства вследствие законных, обоснованных или даже необходимых действий другого лица, квалифицироваться по статье 110 Уголовного кодекса Российской Федерации не может, ведь действия, направленные на доведение до самоубийства, должны нарушать права и законные интересы потерпевшего.

Говоря об угрозах как о способе доведения до самоубийства, стоит отметить, что угрозой может быть любое противоправное психическое воздействие на потерпевшего, которое могло бы стать причиной совершения им самоубийства. Психическое воздействие в данном случае проявляется в виде психического насилия, направленного на запугивание лица, предупреждение

его о возможных негативных последствиях, если оно не выполнит условий, поставленных виновным или наоборот, совершит какое-то определенное действие. При этом не так важно, действительно ли виновное лицо имело намерение приводить угрозу в исполнение. Основным условием в данном случае является наличие у совершившего впоследствии самоубийство лица опасения исполнения такой угрозы, то есть она должна восприниматься им как реальная и осуществимая.

Жестокое обращение проявляется в нанесении побоев, истязании, причинении телесных повреждений, лишении пищи, воды, жилья и многих других деяниях виновного лица в отношении потерпевшего[1]. Многие ученые указывают на то, что жестокое обращение всегда систематично, продолжительно, то есть заключается в многократных насильственных действиях в отношении лица, совершившего из-за этого самоубийство. Такая позиция кажется спорной, ведь вполне возможны случаи, когда, например, даже однократное причинение телесных повреждений может вызвать у потерпевшего достаточно сильное эмоциональное потрясение и опасение повторения, что он решит совершить самоубийство.

Являясь третьим и не менее сложным при квалификации способом доведения до самоубийства, систематическое унижение человеческого достоинства проявляется в многократных действиях уничижительного характера, выраженных в оскорблениях, клевете, издевательствах, глумлении и т.п. Несмотря на то, что даже в названии данного способа содержится систематичность совершаемых действий, в научном сообществе существует множество мнений относительно ее характера и продолжительности, но большинство сходится на том, что систематическое в данном случае означает множественное, то есть два или более раза. При этом некоторые ученые, такие как

[1] Уголовное право. Общая часть: Учебник. Издание второе переработанное и дополненное / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. С. 88 // СПС «Консультант Плюс».

Л.Л. Кругликов, хоть и не указывают на точное количество эпизодов унижения человеческого достоинства, но признают многократность актов оскорбления, глумления, опорочивания потерпевшего[1]. Важно также отметить, что оно может проявляться и в форме физического насилия, например в тех случаях, когда происходит в кругу близких потерпевшему лиц и влечет тем самым унижение человеческого достоинства. Кроме того, систематическим унижением человеческого достоинства может быть также распространение порочащих репутацию слухов, ведь даже подобные действия могут повлечь серьезные психологические последствия и довести лицо до состояния, когда оно решает совершить самоубийство. Практика показывает, что жестокое обращение и систематическое унижение человеческого достоинства часто происходят в совокупности, что усложняет отделение одного способа от другого в конкретном случае доведения до самоубийства.

Примером этого может послужить дело Мусина А.С., приговором Мензелинского районного суда Республики Татарстан № 1-18/2017 от 24.01.2017[2] признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 110 Уголовного кодекса Российской Федерации. Суд установил, что Мусин А.С., будучи в состоянии алкогольного опьянения, действуя умышленно, из личных неприязненных отношений к несовершеннолетнему Бугрий Д.А., жестоко обращался и систематически унижал последнего путем неоднократного высказывания в его адрес нецензурных слов, оскорбляющих его человеческое достоинство, а также наносил удары руками, ногами и головой по различным частям тела Бугрий Д.А., причиняя последнему физические и моральные страдания. Совершение Мусиным А.С. указанных действий, привело Бугрий Д.А. в состояние длительного накопления отрицательных эмоциональных

[1] Кругликов, Л.Л. Уголовное право России. Часть Особенная: учебники для бакалавров / отв. ред. проф. Л. Л. Кругликов. 4-е изд, перераб. и доп. Москва: Проспект, 2014. С. 132. URL: https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392114948.html.

[2] Приговор Мензелинского районного суда Республики Татарстан № 1-18/2017 от 24 января 2017 г. по делу № 1-18/2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Z9cSmoD5PHY4/?ysclid=ltpquf8fit667771791

переживаний, повторяющихся ситуаций с жестоким обращением, вызывающих аффективную напряженность, в результате чего Бугрий Д.А. совершил попытку самоубийства путем нанесения порезов перочинным ножом по правому предплечью, не повлекших, однако, расстройства здоровья, утраты трудоспособности и не причинили вреда здоровью человека.

Следует отметить, что хоть пример этот и является показательным с точки зрения совокупности жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства, его вполне можно назвать неоднозначным в силу того, что Бугрий Д.А. не совершил действий, направленных на причинение себе смерти, а также не избежал ее по независящим от него самого причинам. Подтверждается такая позиция в том числе описанием тех самых телесных повреждений, квалифицированных судом как «не повлекших кратковременного расстройства здоровья, незначительной стойкой утраты общей трудоспособности и не причинивших вреда здоровью человека».

Таким образом, статья 110 Уголовного кодекса Российской Федерации – комплексная и неоднозначная, объединяющая в себе сразу несколько совершенно разных способов совершения одного и того же преступления, которые могут в аналогичной форме составлять отдельное преступление. Связующим же звеном между ними выступает последствие преступления в виде доведения до самоубийства или же покушения на него, что и направляет работу по оценке и квалификации. Состав данного преступления является формально-материальным, а преступление считается оконченным либо при наступлении смерти потерпевшего, либо при его попытке совершить самоубийство.

ПОДСУДНОСТЬ ИСКОВЫХ ДЕЛ О ВЗЫСКАНИИ АЛИМЕНТОВ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Рублев Е.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Янева Р.Р.

В силу части 1 статьи 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Подсудность – то есть установленные законом правила распределения дел в соответствии с предметной и территориальной компетенцией суда по спорам о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей имеет свою специфику[1].

Судья в случае поступления к нему соответствующего искового заявления должен определить, правильно ли подан указанный иск по правилам родовой (предметной) и территориальной подсудности, то есть уполномочен ли суд исходя из своей компетенции и территории, на которую распространяется его юрисдикция, рассматривать заявленные требования по первой инстанции[2].

С точки зрения родовой подсудности дела о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей при наличии спора о праве подлежат рассмотрению в порядке искового производства районными судами. То есть, отличительной чертой дел, рассматриваемых в порядке искового производства, является наличие неразрешенного спора о праве – правового конфликта юридически равных лиц, объективной стороной которого является охранительное гражданское правоотношение, а субъективную составляют разногласия его участников по поводу данного состояния своих субъективных прав и обязанностей[3].

По данной категории дел - это юридический конфликт, возникающий в связи с отказом родителей и (или) иных алиментообязанных лиц предоставлять содержание ребёнку по каким-либо причинам или в случае отсутствия

[1] Умнова Е.Д. Изменение понятия подсудности в современном гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 1-3.

[2] Ярков В.В. Гражданский процесс: [Учебник для студентов высших юридических учебных заведений] - 10-е издание, переработанное и дополненное: М: Издательство «Статут», 2017, С. 188-193.

[3] Тарусина Н.Н. Спор о праве семейном в советском гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1983. С. 50.

согласия с размером получаемых алиментов на несовершеннолетнего, подлежащий разрешению в порядке искового производства.

В связи с вышесказанным гражданское дело о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей подлежит рассмотрению в исковом порядке районным судом в случае, если: 1) вынесенный мировым судьёй судебный приказ о взыскании алиментов был отменён; 2) необходимо решить вопрос об увеличении размера взыскиваемых алиментов; 3) заявлено требование о взыскании алиментов в твердой денежной сумме; 4) требование о взыскании алиментов в размере, предусмотренном статьёй 81 Семейного Кодекса Российской Федерации (далее по тексту – СК РФ), заявлено одновременно с иском об установлении отцовства, о расторжении брака, лишении или ограничении родительских прав; 5) несовершеннолетние дети, на содержание которых взыскиваются алименты, проживают с каждым из родителей; 6) требование предъявлено к усыновителю при отмене усыновления; 7) необходимо привлечение других заинтересованных субъектов, в частности, взыскателей алиментов в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора.

Нарушение правил родовой подсудности по данной категории дел обусловлено неправильной квалификацией спорного материального правоотношения. Как справедливо подчёркивает Е.Д. Умнова, это связано с тем, что в силу статьи 122 ГПК РФ требование о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, не связанное с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства) или необходимостью привлечения других заинтересованных лиц, подлежит рассмотрению в порядке приказного производства мировым судьёй. Поскольку из положений главы 11 ГПК РФ напрямую не следует, что по заявлению о взыскании алиментов в твердой денежной сумме не может быть выдан судебный приказ, то имеют место случаи, когда районные

суды возвращают такие иски заявителям, вынося соответствующие определения и разъясняя им право обратиться за защитой своих прав и законных интересов в порядке приказного производства[1].

Однако, вынося указанные акты правосудия, суды не учитывают разъяснения, изложенные в абзацах 2 и 3 пункта 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 года № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов», а именно, что одним из обстоятельств, вследствие которого не может быть выдан судебный приказ, является наличие в поданном заявлении требования о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме, поскольку решение этого вопроса сопряжено с необходимостью проверки наличия либо отсутствия обстоятельств, с которыми закон связывает возможность такого взыскания (статья 83, пункт 4 статьи 143 СК РФ)[2].

Так, Определением Алтайского краевого суда от 27.03.2020 по делу № 33-2549/20 было отменено определение судьи районного суда, которым необоснованно возвращен иск о взыскании алиментов по основанию отсутствия доказательств обращения истца в порядке приказного производства, поскольку суд не учел вышеприведенные разъяснения и то, что истцом заявлено требование о взыскании алиментов в твердой денежной сумме – 0,7 от прожиточного минимума, что исключает вынесение мировым судьей судебного приказа[3].

В исковом, а не приказном порядке также подлежит рассмотрению требование о взыскании алиментов в ином размере нежели чем это определено пунктом 1 статьи 81 СК РФ. Например, если заявлено требование о взыскании

---

[1] Умнова Е.Д. Особенности гражданского судопроизводства по делам, возникающим из алиментных обязательств: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 55-60.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 года № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Российская газета. № 297. 29.12.2017.

[3] Определение Алтайского краевого суда от 27.03.2020 по делу № 33-2549/20: https://kraevoy.alt.sudrf.ru/ (дата обращения: 30.01.2024).

алиментов на двух несовершеннолетних детей в размере 1/2 части заработка плательщика, а не 1/3, как это прямо предусмотрено данной нормой[1].

В теории гражданского процессуального права территориальная подсудность подразделяется на общую, альтернативную, договорную, по связи дел, императивную, исключительную[2].

В силу части 3 статьи 29 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГПК РФ) иски о взыскании алиментов и об установлении отцовства могут быть предъявлены истцом в суд по месту его жительства.

По правилам альтернативной подсудности заинтересованное лицо также вправе обратиться в суд с исковым заявлением об увеличении размера получаемых средств на содержание ребёнка к родителю или иному алиментообязанному лицу, которое должно их выплачивать в силу закона.

Это обусловлено тем, что данная норма направлена на защиту интересов лиц, проживающих совместно с ребёнком и самого несовершеннолетнего, обеспечивая их право участвовать в судебном заседании.

Истец, обращаясь в суд с требованием о взыскании алиментов в ином размере, чем это было ранее определено судебным решением или приказом, выступает как взыскатель указанных средств на содержание несовершеннолетнего и, следовательно, имеет право предъявить иск как по месту жительства ответчика, так и по своему месту жительства[3].

---

[1] Информационное письмо Алтайского краевого суда от 26.05.2020 «Спорные вопросы при рассмотрении дел о взыскании алиментов»: https://kraevoy.alt.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=364 – Раздел «Судебная статистика» - Спорные вопросы при рассмотрении дел о взыскании алиментов (дата обращения: 31.01.2024).

[2] Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации. / Под ред. В.М. Жуйкова, М.К. Треушникова. М.: ОАО «Издательский дом «Городец»», 2007. С. 141.

[3] Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 7.

Следует особо подчеркнуть, что речь идет о месте жительства ребёнка как участника алиментных правоотношений, а не его законного представителя.

Вышесказанное означает, что, исходя из основных положений действующего законодательства РФ, иски по данной категории дел могут предъявляться как по правилам общей, так и альтернативной подсудности.

В то же самое время при решении вопроса о соблюдении заинтересованным лицом указанных правил территориальной подсудности в случае обращения в суд с иском об изменении размера алиментов на содержание ребёнка, судье необходимо определить, кем он подан, и в чем заключается сущность заявленного требования[1].

Данная точка зрения является обоснованной, поскольку исходя из положений статей 28, 29, 135 ГПК РФ судья обязан возвратить иск об изменении размера алиментов на несовершеннолетних детей, если заинтересованное лицо обратилось с требованием об уменьшении выплачиваемых средств на содержание ребёнка в суд по месту своего жительства. Соответственно, иски лиц, с которых взыскиваются алименты на несовершеннолетних детей или других членов семьи (например, об изменении установленного судом размера алиментов или об освобождении от уплаты алиментов, об освобождении от уплаты задолженности по алиментам), в соответствии со статьей 28 ГПК РФ подсудны суду по месту жительства ответчика (взыскателя)[2].

При этом необходимо отметить, что довольно часто заинтересованное лицо обращается в суд с требованием об уменьшении размера алиментов на несовершеннолетних детей одновременно к двум ответчикам, если выплачивает каждому из них денежные средства на содержание ребёнка. В таком случае истец вправе подать в суд соответствующий иск по правилам подсудности

---

[1] Пискарев И.К. Особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел (исковое производство) [учебник] / И.К. Пискарев. М.: Изд. Дом Городец, 2015. С. 365.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 года № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Российская газета. № 297. 29.12.2017.

нескольких связанных между собой дел, установленной статьей 31 ГПК РФ, то есть по месту жительства одного из ответчиков.

Дела о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей также могут быть рассмотрены и по правилам договорной подсудности, если между сторонами имеется нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов, где закреплено положение о том, в каком суде вытекающие из него споры подлежат рассмотрению[1].

По данной категории дел истец вправе напрямую обратиться в суд с заявленными исковыми требованиями без предварительного обращения в соответствующие юрисдикционные органы. Более того, указанные субъекты гражданских правоотношений не обладают компетенцией по разрешению споров, вытекающих из алиментных обязательств родителей и (или) иных алиментообязанных лиц по содержанию ребёнка.

Следовательно, правила императивной подсудности на дела о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей не распространяются.

В научной литературе ряд авторов, в частности, В.В. Ярков, также выделяют условную подсудность, суть которой заключается в обязанности участников спора соблюсти досудебный порядок, то есть до обращения в суд попытаться урегулировать возникший юридический конфликт самостоятельно[2].

Согласно действующему законодательству РФ соблюдение досудебного порядка урегулирования спора по делам о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей не является обязательным, за исключением случаев, когда истцом также заявлено требование об изменении или расторжении соглашения об уплате указанных средств на содержание ребёнка и (или) признании его недействительным.

---

[1] Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) (3-е издание, переработанное и дополненное). / Под ред. В.И. Нечаева. М: «НОРМА», 2008. С. 150.

[2] Ярков В.В. Гражданский процесс: [Учебник для студентов высших юридических учебных заведений] 10-е издание, переработанное и дополненное: М: Издательство «Статут», 2017. С. 195-197.

Но в то же самое время это имеет важное значение при взыскании алиментов на содержание ребёнка за прошедший период времени. Так как исходя из положений части 2 статьи 107 СК РФ алименты за прошедший период могут быть взысканы в пределах трехлетнего срока с момента обращения в суд, если до предъявления соответствующего иска законными представителями ребёнка принимались меры к получению средств на его содержание, но алименты не были получены вследствие уклонения лица, обязанного уплачивать алименты, от их уплаты.

Это означает, что несоблюдение досудебного порядка урегулирования спора при подаче иска о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей за прошедший период времени, безусловно, не является нарушением правил условной подсудности и, соответственно, основанием для возвращения искового заявления, однако от этого зависит какое решение по делу будет принято судом.

По правилам исключительной подсудности также не могут быть рассмотрены дела о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, даже если какой-либо из сторон заявлено требование о разделе между супругами совместно нажитого имущества. Поскольку исключительная подсудность, определенная в статье 30 ГПК РФ, не распространяется на споры о разделе имущества, нажитого в период брака, так как требования истца не направлены на установление или признание права собственности супругов на нажитое ими в период брака имущество, а законом установлено право совместной собственности на нажитое в период брака имущество, в том числе недвижимое (статья 34 СК РФ).

Указанные иски не содержат требования о признании прав на объекты недвижимости, а следовательно, должны рассматриваться судом исходя из общих правил подсудности, предусмотренных статьёй 28 ГПК РФ, то есть по месту жительства ответчика[1].

[1] Справка по итогам обобщения судебной практики Новоуральского городского суда разрешения в 2020 году споров, связанных с разделом общего имущества супругов (бывших

Чаще всего факт нарушения правил территориальной подсудности вполне очевиден уже на стадии возбуждения производства по делу, в связи с чем единственным процессуальным актом, который может вынести в такой ситуации суд, является определение о возвращении искового заявления. В то же самое время необходимо отметить, что раньше довольно часто судьями допускались ошибки при решении вопроса о принятии иска об изменении размера алиментов на содержание ребенка к производству.

Так, постановлением Оренбургского областного суда от 14 марта 2016 года по делу № 44г-33 были отменены определения мирового судьи и районного суда, которым лицу возвратили иск об увеличении размера получаемых алиментов на ребенка ввиду неподсудности. Отменяя определения нижестоящих судов, в принятом судебном акте Оренбургский областной суд указал, что поскольку лицом было заявлено требование о взыскании алиментов в ином размере, чем это было ранее определено судебным решением, то он выступает как взыскатель указанных средств на содержание ребенка, и, следовательно, имеет право предъявить иск как по месту жительства ответчика, так и по своему месту жительства[1].

Таким образом, с точки зрения родовой подсудности исковые дела о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей по первой инстанции подлежат рассмотрению районными судами. Территориальная подсудность по данной категории дел является альтернативной и предусматривает возможность заинтересованного лица при наличии спора о праве обратиться в суд с иском по месту жительства ребенка, за исключением случаев, когда имеет место обращение в суд с требованием об уменьшении размера выплачиваемых средств алиментообязанным лицом.

супругов): http://novouralsky.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=745 – Раздел «Обобщения судебной практики Новоуральского городского суда» (дата обращения: 27.02.2024).

[1] Постановление Оренбургского областного суда от 14 марта 2016 года по делу № 44г-33: http://oblsud--orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 01.02.2024).

Соблюдение заинтересованным лицом правил о подсудности является одним из фактов, на основании которого суд решает вопрос о принятии искового заявления к производству. От этого зависит дальнейшее движение дела и наступление различного рода процессуальных и материально-правовых последствий, в частности, получение ребёнком своевременного имущественного содержания в виде алиментов. В связи с чем сложности, возникающие у судов при решении вопроса о подсудности данных исков, представляется возможным преодолеть посредством обобщения практики применения законодательства и разъяснений вышестоящих судов при разрешении дел, связанных со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ОРГАНИЗАЦИЙ

Русакова П.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Буянова Е.В.

Арбитражная процессуальная правосубъектность выступает условием возникновения арбитражных процессуальных правоотношений, участником которых, несомненно, является арбитражный управляющий. Кроме того, она помогает определить место того или иного участника правоотношений в общей системе субъектов права и наиболее полно установить его правовой статус. Использование термина «правосубъектность» не случайно и объясняется существующими в науке процессуального права позициями и особенностями процессуального положения арбитражного управляющего.

Т.В. Сахнова подчёркивает, что процессуальные права и обязанности, например, эксперта наличествуют далеко не у каждого субъекта, а только у отдельных из них, обладающих соответствующей компетенцией. Из этого следует заключить, что судебным экспертом выступает субъект, наделённый

специальный правоспособностью[1]. Аналогичная ситуация складывается и применительно к прокурору, и применительно к исследуемому субъекту – арбитражному управляющему по делам о несостоятельности (банкротстве) организаций. По нашему мнению, его процессуальная правоспособность возникает не с момента рождения соответствующего гражданина, являющегося впоследствии арбитражным управляющим, а лишь с момента приобретения им такого статуса после вступления в какую-либо СРО при соответствии при этом законодательно установленным требованиям. В таком случае, категорию процессуальной правоспособности следует определить, как способность иметь процессуальные права и обязанности определённого субъекта процесса.

Не случайно процессуальное законодательство не регламентирует момента возникновения и прекращения процессуальной право- и дееспособности, закрепляя лишь общий критерий. Как известно, общая процессуальная правоспособность физических лиц возникает с момента рождения и прекращается со смертью. В отношении же юридических лиц и организаций процессуальная правоспособность возникает с момента их создания (государственной регистрации в качестве таковых) и продолжается вплоть до момента завершения ликвидации. Что касается процессуальной дееспособности, то опять же по общему правилу она принадлежит в полном объёме гражданам, достигшим возраста 18 лет, и юридическим лицам, организациям.

Обратим внимание и на позицию Г.Л. Осокиной, которая выступила с предложением дополнить процессуальное законодательство нормой, которая устанавливала бы условия возникновения правоспособности у отдельных субъектов процесса[2].

---

[1] Судебная экспертиза / Т.В. Сахнова. М.: Городец: Формула права, 1999. С. 174.

[2] Осокина Г.Л. Гражданская процессуальная право- и дееспособность // Российская юстиция. 1997. №5. С. 35-37.

Г.Л. Осокина также отмечает, что применительно к отдельным субъектам судебного процесса (прокурор, судебный представитель, свидетель, эксперт, специалист, переводчик, судебный пристав) целесообразнее и корректнее употреблять термин «правосубъектность», в том числе, по нашему мнению, это касается и арбитражного управляющего по делам о несостоятельности (банкротстве) организаций. Способность физического лица (гражданина) иметь процессуальные права и обязанности арбитражного управляющего (арбитражная процессуальная правоспособность) предполагает и наличие у такого гражданина и способности своими собственным действиями их реализовывать (арбитражная процессуальная дееспособность), поскольку в целом приобретение той или иной должности или же специальности (судья, прокурор, арбитражный управляющий) непременно связывается с достижением определённого среднего возраста, который в любом случае с учётом получения образования будет в среднем не ниже 22 – 24 лет.

Ряд авторов и вовсе считает, что разграничение таких понятий как «правосубъектность» и «правоспособность» нецелесообразно, поскольку способность быть участником арбитражных процессуальных правоотношений в силу своей правовой природы предполагает, что субъект обладает как процессуальными правами и процессуальными обязанностями, так и способностью к их самостоятельному осуществлению. Вычленение правоспособности из общей формулы правосубъектности и в последующем наделение её определённой долей самостоятельности может привести к спорному выводу о том, что субъекты, не способные к самостоятельному распоряжению своими процессуальными правами, не обладают правосубъектностью.

В рамках вышесказанного, общепринято, что структуру содержания арбитражной процессуальной правосубъектности составляют два элемента, находящихся в неразрывном единстве. Это, во-первых, арбитражная процессуальная правоспособность (признанная арбитражно-процессуальным законодательством способность (свойство субъекта) иметь процессуальные права

и нести процессуальные обязанности), во-вторых, арбитражная процессуальная дееспособность (признанная арбитражно-процессуальным законодательством способность осуществлять процессуальные права и исполнять процессуальные обязанности). Так, в совокупности они показывают и способность обладания соответствующими правами и обязанностями, и способность к их одновременному осуществлению[1].

Интересной представляется позиция Т.В. Сахновой, при которой автор, критикуя понятие «правосубъектность», вводит несколько иной термин, категорию «специальная правоспособность». Т.В. Сахнова пишет, что нельзя полностью согласиться с высказанным в доктрине суждением о том, что способность прокурора, судебного представителя, эксперта, переводчика, свидетеля, специалиста, судебного пристава обладать соответствующими процессуальными правами и обязанностями предполагает одновременно наличие способности собственными действиями их осуществлять[2], и при таком положении вещей наличие у обозначенных субъектов так называемой процессуальной правосубъектности ставится под сомнение, если вовсе не исключается. Дело в том, что одномоментно возникающей совокупности данные правовые способности не образуют. Уместно говорить о том, что перечисленным субъектам присуща не общая, а специальная правоспособность, предопределяющая их способность своими действиями осуществлять процессуальные права и обязанности.

Так или иначе, становится очевидным, что арбитражный управляющий по делам о несостоятельности (банкротстве) организаций, по нашему мнению, выступает особым субъектом права и арбитражного процесса со специфичным и присущим лишь ему правовым статусом. В связи с этим, видится уместным и логичным говорить и об особенностях его процессуальной право- и дееспособности.

---

[1] Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. М.: Госюриздат, 1961. С. 206.

[2] Гражданский процесс. Общая часть: учебник / под ред. Г.Л. Осокиной. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 72-73.

Деятельность арбитражного управляющего является одной из разновидностей профессиональной юридической деятельности и тесно связывается с моментом приобретения исследуемым субъектом своей специальности и должности. Отсюда следует, что арбитражный управляющий обладает не общей, а специальной процессуальной правоспособностью (согласно позиции Т.В. Сахновой) или же вовсе правосубъектностью, причём в контексте особой трактовки данной категории, а не в привычном смысле простой суммы право- и дееспособности (по точке зрения Г.Л. Осокиной).

Однако по большому счёту употребление термина «правосубъектность» применительно к исследуемому субъекту весьма спорно. На наш взгляд, процессуальная дееспособность арбитражного управляющего по делам о несостоятельности (банкротстве) организаций возникает не с одновременного момента приобретения им процессуальной правоспособности, а гораздо позднее.

Анализируя положения Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[1], а именно статьи 20.3 «Права и обязанности арбитражного управляющего в деле о банкротстве» стоит отметить, что правами и обязанностями и материального, и процессуального характера обозначенный субъект наделяется с самого начала осуществления им его профессиональной деятельности. В то же время, отталкиваясь от определения процессуальной дееспособности (способность именно своими действиями осуществлять процессуальные права и нести возложенные обязанности), обратим внимание, что совершить их (в действительности своими реальными действиями) возможно только исключительно после утверждения арбитражным судом кандидатуры арбитражного управляющего в конкретном деле.

Так, к полномочиям арбитражного управляющего вне утверждения его в деле арбитражным судом относятся всего лишь организационные права и

[1] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

обязанности, связанные с его непосредственным статусом и связью с СРО (право участвовать в собрании СРО, обязанность соблюдать стандарты и т.п.). Основную же группу материальных и в том числе процессуальных прав и обязанностей исследуемый субъект осуществляет уже непосредственно после его утверждения в деле о несостоятельности (банкротстве) организаций. К примеру, право созывать собрание кредиторов, право обращаться в арбитражный суд с заявлениями и ходатайствами, обязанность принимать меры по защите имущества должника, обязанность вести реестр требований кредиторов и т.д.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, следует заключить, что процессуальная правосубъектность арбитражного управляющего по делам о несостоятельности (банкротстве) организаций отличается от общей процессуальной право- и дееспособности участников арбитражного процесса и носит дискуссионный характер.

ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ МЕХАНИЗМА СТИМУЛИРОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ К УПЛАТЕ ИНИЦИАТИВНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

Ряховская А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Рахматуллина О.В.

Под инициативными платежами понимаются денежные средства граждан, индивидуальных предпринимателей и образованных в соответствии с законодательством Российской Федерации юридических лиц, уплачиваемые на добровольной основе и зачисляемые в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации в местный бюджет в целях реализации конкретных инициативных проектов[1].

[1] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

Целью применения института инициативного бюджетирования является не просто сбор инициативных платежей, а активизация участия граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в разработке и реализации инициативных проектов. Речь идет об их готовности внести свой вклад в решение вопроса, определенного в инициативном проекте, посредством уплаты инициативных платежей. Софинансирование, рассматриваемое как способ формирования дополнительной мотивации граждан, участвующих в реализации инициатив, является важным условием успешности развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации, приводит к более качественной оценке реализации проектов с участием граждан[1].

В настоящее время актуальной проблемой в сфере инициативного бюджетирования является отсутствие эффективного механизма стимулирования физических и юридических лиц к внесению инициативных платежей в местные бюджеты.

Один из возможных способов решения указанной проблемы – предоставление гражданам и юридическим лицам, уплачивающим инициативные платежи, налоговых льгот. Так, физическим лицам следует предоставить право на получение налогового вычета по налогу на доходы физических лиц, а организациям – уменьшить налоговую базу по налогу на прибыль организаций на сумму уплаченных инициативных платежей (за счет расширения списка внереализационных расходов) с внесением соответствующих дополнений в Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ).

Подобные меры налогового стимулирования предлагают принять депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума) – члены Комитета Государственной Думы по

[1] 72 вопроса об инициативном бюджетировании / НИФИ Минфина России; под общ. ред. В.В. Вагина. О-Краткое: Киров, 2023. С. 110.

региональной политике и местному самоуправлению[1], а также ученые и исследователи, например, И.Д. Санченко. По его мнению, следует дополнить пункт 1 статьи 219 НК РФ подпунктом 8 следующего содержания: «в сумме доходов, перечисляемых налогоплательщиком в качестве инициативных платежей в местные бюджеты», а пункт 1 статьи 265 НК РФ – подпунктом 19.8, в котором бы содержалось: «расходы в виде уплаченных в местные бюджеты инициативных платежей»[2].

Еще одна мера поддержки граждан и организаций, уплачивающих инициативные платежи, предложена депутатами Московской областной Думы, которые в январе 2021 года внесли в Государственную Думу проект федерального закона, предусматривающий установление запрета на взимание кредитными организациями, платежными агентами, банковскими платежными агентами и операторами почтовой связи комиссионного вознаграждения при переводе инициативных платежей, возврате сумм инициативных платежей, подлежащих возврату лицам (в том числе организациям), осуществившим их перечисление, и при переводе средств самообложения граждан[3].

Указанный законопроект не был поддержан Правительством Российской Федерации в связи с тем, что его принятие может повлечь за собой: удорожание услуг по осуществлению иных банковских операций; снижение доступности финансовых услуг; увеличение операционной нагрузки на организации, оказывающие платежные услуги[4].

---

[1] Решение Комитета ГД ФС РФ по региональной политике и местному самоуправлению от 04.04.2023 № 47/5 о рекомендациях «круглого стола» на тему: «Перспективы и проблемы реализации мероприятий, имеющих приоритетное значение для жителей муниципалитетов, по решению вопросов местного значения или иных вопросов, право решения которых предоставлено органам местного самоуправления, посредством инициативных проектов (инициативное бюджетирование)» // Местное право. 2023. № 3. С. 102–105.

[2] Санченко И.Д. Проблемы регулирования и пути стимулирования уплаты инициативных платежей // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2021. № 4. С. 29–32.

[3] Проект федерального закона № 1101704-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части введения запрета на взимание комиссионного вознаграждения при внесении инициативных платежей и средств самообложения граждан» // СПС «Консультант Плюс».

[4] Официальный отзыв Правительства РФ от 13.05.2021 № 4482п-П13 на проект федерального закона № 1101704-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты

Следует обратить внимание на то, что Комитет Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления поддержал законопроект и рекомендовал Государственной Думе принять его в первом чтении. По мнению членов Комитета, авторами законопроекта предложен целесообразный механизм для активизации граждан по участию в решении вопросов местного значения и развития гражданского общества, поскольку средства от взимания комиссионного вознаграждения с граждан будут иметь минимальные размеры и запрет на их взимание не может негативно повлиять на финансовое положение кредитных организаций, платежных агентов, банковских платежных агентов и операторов почтовой связи[1]. Несмотря на это в ноябре 2021 года законопроект был рассмотрен Государственной Думой и отклонен.

На наш взгляд, вышеуказанные меры стимулирования граждан, индивидуальных предпринимателей и организаций к уплате инициативных платежей являются целесообразными и смогут продемонстрировать свою эффективность в процессе их применения. В связи с этим предлагается:

1) разработать и внести в Государственную Думу проект федерального закона о внесении изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации, предусматривающий:

- предоставление налогоплательщику при определении размера налоговых баз в соответствии с пунктом 3 или 6 статьи 210 НК РФ права на получение социального налогового вычета в сумме денежных средств, уплаченных налогоплательщиком в налоговом периоде и зачисленных в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации в местный бюджет в целях реализации конкретных инициативных проектов (инициативных платежей);

Российской Федерации в части введения запрета на взимание комиссионного вознаграждения при внесении инициативных платежей и средств самообложения граждан» // СПС «Консультант Плюс».

[1] Заключение Комитета ГД ФС РФ по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления на проект федерального закона № 1101704-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части введения запрета на взимание комиссионного вознаграждения при внесении инициативных платежей и средств самообложения граждан» // СПС «Консультант Плюс».

- включение в перечень внереализационных расходов, предусмотренный пунктом 1 статьи 265 НК РФ, расходов в виде сумм денежных средств, уплаченных и зачисленных в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации в местный бюджет в целях реализации конкретных инициативных проектов (инициативных платежей);

2) доработать проект федерального закона № 1101704-7, предусматривающий введение запрета на взимание комиссионного вознаграждения в связи с осуществлением кредитными организациями, платежными агентами, банковскими платежными агентами и операторами почтовой связи операций по зачислению в бюджетную систему Российской Федерации средств инициативных платежей, с учетом всех замечаний, поступивших к законопроекту, и внести доработанный проект в Государственную Думу.

Принятие указанных законопроектов станет стимулом для роста активности граждан в решении вопросов местного значения. Увеличение числа лиц, уплачивающих инициативные платежи, будет способствовать усилению общественного контроля за реализацией инициативных проектов, поскольку каждый плательщик будет заинтересован в эффективной реализации проекта.

РАЗЪЯСНЕНИЕ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ВЫНЕСШИМ ЕГО СУДОМ, КАК СПОСОБ УСТРАНЕНИЯ НЕЯСНОСТИ ЕГО СОДЕРЖАНИЯ

Сарманова В.К. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Томина А.П.

Судебным решением осуществляется акт правосудия, то есть защищаются нарушенные или оспариваемые субъективные права или законные интересы; спорное право (интерес) становится бесспорным. В связи с этим решение суда должно удовлетворять определенным требованиям, наличие которых объясняется необходимостью детальной регламентации судебного решения, а

также –соответствия процессуальной форме, в которой протекает вся деятельность по рассмотрению и разрешению дел в суде.

Одним из требований, предъявляемых к судебному акту, является ясность его содержания. Ясность формулировок и точность употребления слов имеют весомое значение, поскольку судебное решение рассчитано на однозначное восприятие, в нем недопустимы двусмысленность и вариативность толкования. Неточно подобранное и использованное слово, неясно сформулированная фраза могут быть неверно истолкованы, в результате повлечь ошибочные действия и неблагоприятные последствия.

Законодательно допускается возможность исправления отдельных недостатков судебного решения вынесшим его судом. Недостаточная ясность является одним из недостатков решения суда, устранение которого предусмотрено ст. 202 ГПК РФ, ст. 179 АПК РФ, а также ст. 185 КАС РФ.

Разъяснение решения судом, его вынесшим, означает устранение неясности, вкравшейся в текст решения и затрудняющей возможность его исполнения. В соответствии с п. 14 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2020)[1] помимо неясности разъяснение решения суда производится в случае противоречивости и нечеткости такового.

Согласно процессуальным кодексам в случае неясности решения суд, принявший его, по заявлению лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя вправе разъяснить решение суда, не изменяя его содержания и не разрешая вопросы, которые не были предметом судебного разбирательства. Разъяснение решения суда возможно, если оно не приведено в исполнение и не истек срок для принудительного исполнения такого решения.

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2020) утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020 // СПС «Консультант Плюс».

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ N 23 "О судебном решении"[1] указано, что поскольку ст. 202 ГПК РФ предоставляет суду возможность разъяснить судебное решение, не изменяя его содержания, суд должен только изложить решение в более полной и ясной форме.

Таким образом, разъяснение решения является одним из способов устранения его недостатков. Отметим, что и в советский период также можно встретить утверждение о том, что институт разъяснения судебного решения призван преодолевать такой недостаток решения, как неясность[2].

Важно подчеркнуть, что законодательные нормы о разъяснении решения суда признаются дополнительной гарантией процессуальных прав участвующих в деле лиц[3], а также обеспечивают реализацию права каждого на судебную защиту, правильное рассмотрение и разрешение дела.

Исходя из Определения Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 г. № 1518-О-О[4] разъяснена может быть любая часть решения суда, в частности лицо имеет право подать заявление о разъяснении мотивировочной части решения суда.

Логично, что если решение суда исполнено, то разъяснение его не является необходимым, тем самым временные пределы реализации права на разъяснение судебного решения носят объективный характер, так как с приведением решения суда в исполнение необходимость разъяснения такого решения суда утрачивает свою значимость, на это указывает КС РФ в Определении от 19 декабря 2017 г. №3066-О[5].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 N 23 (ред. от 23.06.2015) "О судебном решении" // Российская газета. 2003. 26 декабря. № 260.

[2] Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе / под ред. М.А. Викут. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. С. 45.

[3]Определение Конституционного Суда РФ от 28.04.2022 N 985-О // СПС «Консультант Плюс».

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 N 1518-О-О // СПС «Консультант Плюс».

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 N 3066-О // СПС «Консультант Плюс».

В судебной практике можно найти различные аргументации заявителей относительно того, в чем, по их мнению, состоит неясность судебного решения. Например, в Определении ВС РФ от 16.06.2003 г. №49-Г03-41, указано: «как следует из заявления К., он приводит доводы, на основании которых считает состоявшееся решение незаконным и необоснованным, что не относится к компетенции суда при разъяснении решения и устранении ошибок»[1]. По сути, можем сказать, что под «содержанием решения», которое нельзя изменять разъяснением, следует понимать недостатки (включая возможные противоречия) аргументации суда.

Не имеется определенности и в том, насколько разъяснение решения может затрагивать изложение фактических обстоятельств, установленных судом, здесь возникает вопрос в части не только изменения прав и обязанностей сторон, установленных решением суда, но и возможности создания преюдиции.

Разъяснение судебного решения – это право суда, однако произвольный отказ в разъяснении не допускается, это неоднократно подчеркивал КС РФ. Тем не менее, именно к прерогативе суда относят оценку неясности как требующей или не требующей разъяснения.

«Является ли указанная в заявлении неясность решения реальной и требующей разъяснения или же мнимой, – исключительная прерогатива суда, которая вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и служит проявлением его дискреционных полномочий. Гарантией процессуальных прав лиц, участвующих в деле, в данном случае является их право подать частную жалобу на определение суда о разъяснении решения суда или об отказе в разъяснении решения суда …».[2]

В юридической науке можно отметить, что разъяснение решения суда рассматривают как пример аутентичного толкования и казуального судебного

[1] Определение Верховного Суда РФ от 16.06.2003 N 49-Г03-41 // СПС «Консультант Плюс».

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 21.11.2022 N 3183-О // СПС «Консультант Плюс».

толкования[1]. Еще один подход к пониманию института разъяснения решения суда – контроль самого суда за своими действиями, как вид самоконтроля[2], способа устранения судебной ошибки.

Кроме того, разъяснение решения суда рассматривают как способ обеспечения исполнимости судебного акта, что на наш взгляд имеет весомую практическую значимость. В этой связи можно отметить, что выводы научных исследований соответствуют с выводами высших судебных инстанций, а именно, что цель разъяснения судебного решения – устранение недостатков, которые препятствуют исполнению судебных постановлений. Так, не зря субъектом, наделенным правом инициировать разъяснение решения, является судебный пристав-исполнитель. Как справедливо отмечает Г.М. Титова, обращаться за разъяснением решения судебный пристав-исполнитель вынужден из-за нечетких, расплывчатых формулировок резолютивной части судебных решений, переносимых в исполнительный лист, невозможности получения из текста решения суда информации о конкретных нарушениях, которые необходимо устранить, или о действиях, которые обязан совершить должник, в том числе по причине неполного исследования фактических обстоятельств по существу, когда суды ограничиваются установлением формальных условий применения нормы права[3].

Таким образом, обозначенные цели института разъяснения судебного решения подчеркивают важность учета его отличий от иных механизмов устранения недостатков судебного решения вынесшим его судом. Так, исключается разъяснение решения для целей исправления явных ошибок, допущенных судом, поскольку в таком случае применяется институт исправления описок и явных арифметических ошибок и/или дополнительного решения суда.

---

[1] Минникес И. А. Казуальное толкование: проблемы теории и практики // Академический юридический журнал. 2016. N 1. С. 6.

[2] Терехова Л.А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной зашиты: автореф. дис.. Д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 2008. С. 21 – 22.

[3] Титова Г.М. К вопросу исполнимости судебного акта // Сибирское юридическое обозрение. 2013. N 2 (21). С. 78.

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ

Семин Р.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Кузьмина М.В.

Одним из важных механизмов регулирования профессионального рынка Российской Федерации является саморегулирование предпринимательской деятельности. Основная цель, преследуемая саморегулированием, – наделить непосредственных участников рынка надзорными и контрольными функциями за деятельностью субъектов рекламной сферы, тем самым снимая данные полномочия с государства.

Опираясь на положения Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»[1] (далее – Закон о рекламе), можно сделать вывод о том, что создание СРО предусматривается и в сфере рекламы. Так, в Законе о рекламе рекламодателям, рекламопроизводителям, рекламораспространителям и иным лицам разрешается создавать объединения в форме ассоциаций, союзов или некоммерческих партнерств в целях представительства и защиты интересов своих членов, выработки требований соблюдения этических норм в рекламе и обеспечения контроля за их выполнением. Указанная выше формулировка в законе предполагает открытый перечень субъектов рекламной деятельности, имеющих право на объединение в СРО.

В Федеральном законе от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»[2] устанавливается, что СРО — это некоммерческие организации, основанные на членстве и объединяющие субъектов предпринима-

[1] Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О рекламе» [Электронный источник] / URL: http://www.consultant.ru/popular/advert/ (дата обращения: 28.10.2023).

[2] Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О саморегулируемых организациях» [Электронный источник] / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (дата обращения: 28.10.2023).

тельской деятельности, исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг), либо объединяющие субъектов профессиональной деятельности определенного вида.

Стоит отметить, что членство в СРО в сфере рекламы не является принудительным. Субъекты рекламной отрасли вступают в саморегулируемую организацию на добровольной основе. На сегодняшний день существует два основных способа регулирования рекламной сферы: государственный и общественный.

Государство защищает права и интересы субъектов рынка рекламы посредством обеспечения правил взаимодействия между его участниками при помощи системы правовых и организационно-экономических форм и методов воздействия на рыночные процессы.

Если государственное регулирование является основным инструментом в сфере рекламы, то общественное регулирование рекламной отрасли, осуществляя превентивные функции, во многом дополняет регулирование государства на рынке рекламы. Главной задачей общественного регулирования является своевременное разрешение спорных вопросов в рекламной сфере, не доходя до государственных инстанций.

На сегодняшний день система саморегулирования в Российской Федерации только набирает обороты, так как практически отсутствуют прецеденты, касающиеся общественного регулирования в сфере рекламы. Функция основного регулятора рекламной отрасли все еще лежит на государственных органах. Также стоит отметить, что начало деятельности общественных организаций совпадает с моментом зарождения российской сферы рекламы в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Главной причиной создания профессиональных организаций послужило наличие проблем во взаимоотношениях между рекламодателями и рекламопроизводителями, требующих эффективного решения на негосударственном уровне.

Как было указано выше, членство субъектов рекламной деятельности в СРО является добровольным, но ряд ученых-правоведов считают необходимым ввести обязательное участие субъектов рекламной отрасли, что в корне изменит систему рекламного саморегулирования. Данная модернизация распространяется в первую очередь на сферу наружной рекламы.

Так, С.С. Ермоленко предлагает перейти к обязательному саморегулированию на рынке наружной рекламы в несколько этапов. В начале необходимо установить ряд преференций для членов саморегулируемых организаций. В свою очередь, от самих организаций ожидается разработка и предъявление членам СРО более высоких требований по сравнению с требованиями, закрепленными в нормативно-правовых актах. В качестве наиболее строгой санкции за систематические нарушения требований, предъявляемых к участникам СРО, предполагается исключение из саморегулируемой организации и последующее лишение нарушителя всех предоставляемых ранее преференций. Целью таких карательных мер является стимулирование деятельности саморегулируемой организации в приоритетном направлении, а именно, – в обеспечении как частных, так и общественных интересов. Описанный выше первый этап закладывает основу для проведения основного этапа, предполагающего модернизацию системы путем непосредственного введения обязательного участия субъектов рекламного рынка в СРО. Данное изменение позволит рациональнее распоряжаться административными и финансовыми ресурсами государства, а также будет способствовать улучшению качественных показателей распространения наружной рекламы на территории Российской Федерации[1].

В предложенной С.С. Ермоленко модели перехода к обязательному членству в СРО делается упор на сфере наружной рекламы, что вызывает много спорных оценок со стороны ученых-правоведов, которые считают данный подход не совсем логичным.

[1] Ермоленко С.С. Правовое регулирование наружной рекламы в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 23-24.

С учетом сказанного представляется справедливым указание на отсутствие разделения субъектов одной сферы на две части – тех, для кого членство в СРО в сфере рекламы будет обязательным, и остальных, у кого оно останется добровольным. Предложение о разделении субъектов рекламной деятельности по сфере занятости (в данном случае – наружной рекламы) идет вразрез с положениями Закона «О саморегулируемых организациях» в части объединения участников одной сферы деятельности в саморегулируемые организации. Практика существования и функционирования саморегулируемых организаций с обязательным членством подтверждает важность объединения субъектов профессиональной рекламной деятельности и невозможности осуществления данных видов деятельности вне саморегулироемой организации для отдельных категорий субъектов.

ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕНАТОРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сергазиева Д. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Лапочкина Е.П.

В последние годы в Российской Федерации происходят изменения, затрагивающие основы государственного управления и публичной власти. Модернизация системы публичной власти коснулась, в частности, законодательной ветви, что, несомненно, повлекло за собой реформирование конституционно-правового статуса парламентариев. Бесспорно, конституционно-правовое регулирование деятельности сенаторов Российской Федерации имеет большое значение для обеспечения функционирования основ государственной власти в России.

Так, согласно статье 1 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государствен-

ной Думы Российской Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»[1], сенаторами Российской Федерации являются уполномоченные в соответствии с Конституцией РФ и федеральным законом от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»[2] осуществлять в Совете Федерации законодательные и иные полномочия: а) представитель от субъекта Российской Федерации; б) Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности или досрочно в случае его отставки, если им принято решение об осуществлении полномочий сенатора Российской Федерации; в) представитель Российской Федерации, назначенный Президентом Российской Федерации.

Для более детального изучения правового регулирования деятельности сенаторов Российской Федерации необходимо обратиться к определению их конституционно-правового статуса, элементом которого являются конституционно-правовые гарантии. Однако, стоит отметить, что в науке конституционного права нет единого мнения относительно структуры конституционно-правового статуса парламентариев.

Так, следует выделить узкий подход к определению структуры конституционно-правового статуса сенаторов Российской Федерации. По мнению Л.А. Нудненко, в структуру статуса сенатора входят только компетенция и полномочия[3]. Рассматриваемый подход поддерживается иными теоретиками права, в частности С.В. Дмитриевым[4].

---

[1] Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 27 ноября 2023 г. № 544-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 2. Ст. 74.

[2] Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (с изм. и доп. от 29 мая 2023 г. № 184-ФЗ) // СЗ РФ. 2020. № 52. Ст. 8585.

[3] Конституционное право России: учебник / отв. ред. Л.А. Нудненко. М.: Юрайт, 2020. С. 531.

[4] Дмитриев С.В. Императивный мандат в России // Конституционное и муниципальное право. 2001. № 1. С. 39.

В широком смысле под конституционно-правовым статусом сенатора необходимо понимать совокупность правовых норм, устанавливающих основы деятельности сенатора Российской Федерации, его полномочия, выражающиеся в правах и обязанностях, гарантии деятельности, а также юридическую ответственность[1].

Таким образом, конституционно-правовые гарантии деятельности сенатора Российской Федерации являются составным элементом его конституционно-правового статуса.

При определении сущности конституционно-правовых гарантий деятельности сенаторов Российской Федерации необходимо обратиться к различным теоретическим концепциям. Так, по мнению И.А. Алжеева, И.Б. Власенко, Е.Ю. Догадайло, система конституционных гарантий деятельности парламентариев представляет собой юридический механизм, методы, процессы и средства, с помощью которых она реализуется в действительности компонентами конституционной системы[2]. В рассматриваемом контексте гарантии выступают вспомогательным средством для эффективного и беспрепятственного осуществления сенаторами своих функций.

Весьма интересна позиция О.Е. Кутафина, согласно которой конституционно-правовые гарантии представляют собой необходимые условия деятельности сенаторов[3]. В свою очередь, С.А. Авакьян указывает на то, что гарантии представляют собой специальную форму законодательно закрепленных условий и средств, необходимых для защиты интересов, чести и достоинства парламентария[4].

Разница между двумя указанными подходами заключается в том, что, согласно первому подходу, гарантии направлены на реализацию полномочий

---

[1] Парламентское право России / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Издание Государственной Думы Российской Федерации, 2013. С. 400.

[2] Конституционное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. И.А. Алжеев, И.Б. Власенко, Е.Ю. Догадайло, С.И. Носов. М.: Статут, 2014. С. 38.

[3] Кутафин О.Е. Права и обязанности депутата местного Совета. М: Юридическая литература, 1971. С. 39.

[4] Авакьян С.А. Депутат: статус и деятельность. М.: Политиздат, 1991. С. 4.

сенатора Российской Федерации, согласно второму – гарантии направлены на защиту личных интересов и прав сенатора.

Отсутствие закрепления легального термина «конституционно-правовые гарантии деятельности сенаторов Российской Федерации» порождает значительное количество дискуссий в отечественной правовой науке. Основной проблемой современного теоретического исследования конституционно-правовых гарантий деятельности сенатора состоит в неопределенности сущности конституционно-правовых гарантий. Так, некоторые авторы понимают под ними средства, другие – условия, третьи – способы, четвертые – факторы, пятые – меры, обеспечивающие возможность реализации[1].

Следует выделить авторскую концепцию А.Н. Волчанской, которая в своих научных трудах выделила три основных подхода в понимании конституционно-правовых гарантий: деятельностный, определяющий гарантии как мероприятия; нормативный, рассматривающий гарантии как обязанности; инструментальный, отождествляющий гарантии с правовыми средствами[2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие конституционно-правовых гарантий деятельности сенатора Российской Федерации включает в себя как объективный, так и субъективный критерий. Соответственно, гарантии – это вся совокупность факторов, оказывающих или способных оказать позитивное воздействие на правовой статус сенатора Российской Федерации, на возможность осуществления им своих представительских функций и полномочий.

На наш взгляд, необходимо ввести отдельную ст. 10.2 в главу вторую Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собра-

[1] Задергина Е.Е. Гарантии деятельности сенаторов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы // Общество – Наука – Инновации: сб. статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 6 июля 2023 г. Стерлитамак: ООО «Агентство международных исследований», 2023. С. 122.

[2] Волчанская А.Н. Государственные гарантии защиты прав человека в России: теоретико-правовой аспект: автореф. дисс. …канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С.9.

ния Российской Федерации», которая закрепит легальное определение гарантий деятельности сенатора как «совокупности условий и средств, позволяющих обеспечить фактическую реализацию прав и обязанностей членов палаты парламента в целях осуществления последними публично-представительских функций».

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ

Сластов А.И. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Бердегулова Л.А.

После возбуждения производства по гражданскому делу, суд осуществляет подготовку к судебному разбирательству, которой посвящена глава 14 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ).

Важно отметить, что стадия подготовки дела к судебному разбирательству имеет большое значение согласно рекомендациям Комитета министров Совета Европы от 28 февраля 1984 года № R(84). Эти рекомендации направлены на улучшение судебной системы и подчеркивают, что судопроизводство должно быть эффективным, с соблюдением правил процессуальной экономии. Необходимо подчеркнуть, что эти принципы направлены на обеспечение справедливого и эффективного проведения судебных процедур[1].

Судебное разбирательство представляет собой один из ключевых институтов современного общества, обеспечивающий цивилизованные формы и методы осуществления власти народа. Этот институт гарантирует защиту прин-

[1] Скурлатов В.С. К вопросу о сущности принципа состязательности в арбитражном и гражданском процессе // Альманах молодого исследователя. 2020. № 9. С. 43.

ципов демократии и гражданского общества, являясь важным элементом защиты прав и свобод человека. Судебная власть, действуя как сложная система, имеет особую ценность для всех участников общественных отношений.

Как известно, соблюдение законности и правопорядка в обществе зависит от эффективного и надлежащего проведения судебных разбирательств. Проведение судебных заседаний в соответствии с требованиями закона является одной из гарантий правильное рассмотрение и разрешение гражданских дел, что позволяет обеспечить вынесение законного и обоснованного решения по существу дела. Судебное разбирательство является ключевым этапом гражданского процесса, направленным на обеспечение законности и порядка в государстве и социуме. Правовая защита населения и обеспечение законности обусловлены формированием предпосылок на основе независимого, скорого, справедливого и доступного правосудия, которое имеет значительное преимущество над другими способами защиты прав. Разрешение конфликтов происходит на основе правовых норм, что затрудняет возможность сторон злоупотреблять своими правами.

Поэтому большое значение имеет подготовка дела к судебному разбирательству. Это процесс подготовки всех необходимых документов, доказательств и аргументов, которые будут представлены в суде для защиты интересов стороны. Основная цель подготовки дела – обеспечить максимально полное, объективное и законное представление своей позиции перед судом. Стороны должны собрать все доказательства, которые могут подтвердить позицию. Это могут быть письменные документы, свидетельские показания, экспертные заключения и т.д. Необходимо подчеркнуть, что все доказательства должны соответствовать требованиям законности, относимости и допустимости и т.д. После этого стороны должны подготовить аргументы, которые будут представлены в суде. Таковые должны быть логичными, убедительными и основываться на доказательствах и применимых правовых нормах.

В соответствии со статьей 153 ГПК РФ судья имеет право завершить подготовку к рассмотрению дела и назначить судебное заседание по гражданскому делу, о чем выносятся соответствующие определения. После этого он извещает стороны и других участников о времени и месте рассмотрения дела, а также вызывает всех необходимых участников процесса. Судья может завершить предварительное судебное заседание и открыть судебное заседание при условии согласия сторон, если все участники были уведомлены и просят рассмотреть дело по существу.

Принцип состязательности регламентирует, что каждая сторона должна подтвердить факты, на которых основаны ее требования. Т.В. Соловьева высказывает интересную, на наш взгляд, точку зрения, считая, что статья 123 Конституции РФ ясно указывает на то, что судебные процессы должны основываться на состязательности и равноправии сторон без каких-либо внешних влияний[1].

В случае уклонения от участия в гражданском процессе могут возникнуть негативные последствия. В рамках гражданского процесса возможен привод в качестве свидетелей лиц, которые были вызваны в суд, но не явились без уважительных причин. Это правило также применимо к ответчикам, если их присутствие в суде обязательно по закону, что исходит из содержания части 2 статьи 169 ГПК РФ. Кроме того, применение привода может распространяться и на других участников гражданского судопроизводства в соответствии с законодательством РФ.

Ряд авторов подчеркивает, что на практике возникают проблемы, связанные с нарушениями принципа состязательности. Ошибки включают недостаточное информирование участников процесса о времени и месте судебного

[1] Соловьева Т.В. Принцип состязательности в условиях упрощения и информатизации гражданского судопроизводства // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права. 2020. № 1. С. 54.

процесса, неполное изучение доказательств, сбор доказательств по собственной инициативе, а также необоснованный отказ в удовлетворении ходатайств[1]. На наш взгляд, такая ситуация может быть обусловлена перегруженностью судов, некомпетентностью некоторых судей, пробелами в законодательстве.

Итак, следует отметить, что для защиты прав всех сторон и обеспечения гибкости судопроизводства применяется принцип состязательности. Истец и ответчик имеют возможность полностью управлять своими процессуальными правами в пределах действующего законодательства. Состязательность способствует объективной оценке сложившейся ситуации со всех сторон, обеспечивая баланс интересов. Стадия подготовки дела к судебному разбирательству играет важную роль в обеспечении справедливости и эффективности судебных процедур. Осведомленность всех участников о процессе является неотъемлемым условием успешной реализации принципа состязательности. Для обеспечения справедливости и эффективности судебного процесса необходимо, чтобы участники были хорошо осведомлены о том, какие нормы права применимы в конкретном деле и какие доказательства требуется представить. Только при таких условиях можно гарантировать обоснованность акта, принятого в ходе судебного разбирательства, и доверие к судебной системе в целом.

О ПРАКТИКЕ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ В ЗАЩИТУ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

Соболева Е.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Янева Р.Р.

[1] Курбанов Д.А., Арутюнян М.С., Хисматуллин О.Ю. Принцип состязательности как основополагающий принцип гражданского процесса // Право, экономика и управление: теория и практика. 2022. № 1. С. 143.

Гарантии защиты жилищных прав несовершеннолетних являются актуальным институтом отечественного законодательства. Защита жилищных прав несовершеннолетних – это обязанность государства в лице его уполномоченных на то органов. Прокуратура является важнейшим звеном в цепочке таких органов, определяющим защиту жилищных прав несовершеннолетних граждан страны приоритетным направлением деятельности.

А.В. Гришиным разработано определение защиты прокурором в гражданском судопроизводстве жилищных прав несовершеннолетних, под которой понимается основанная на нормах материального и процессуального права и осуществляемая прокурором в рамках гражданского судопроизводства деятельность, направленная на реализацию предоставленных ему законодательством полномочий по недопущению нарушения либо по восстановлению в полном объеме нарушенных жилищных прав несовершеннолетних[1].

В силу положений ст. 45 ГПК РФ участие прокурора по делам о защите жилищных прав несовершеннолетних осуществляется путем его обращения в суд с заявлением или вступлением в начатый процесс для дачи заключения по делам о выселении несовершеннолетнего из жилого помещения (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ).

По мнению М. Л. Огурцовой самой эффективной формой защиты прокурором жилищных прав несовершеннолетних является инициативная[2].

На активизацию правозащитной деятельности прокуроров направлен приказ Генпрокуратуры России от 13.12.2021 N 744 "Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних,

[1] Гришин А.В. Защита прокурором в гражданском процессе прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних. Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. С.144

[2] Огурцова М.Л. Защита прокурором прав несовершеннолетних, пребывающих в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Защити меня. 2019. № 2. С. 33.

соблюдением их прав и законных интересов"[1], который обязывает их своевременно и принципиально реагировать на случаи нарушения жилищных и имущественных прав несовершеннолетних, принимать исчерпывающие правовые меры к их восстановлению.

В Оренбургской области обращение прокурора в суд в защиту жилищных прав несовершеннолетних предусмотрено указанием прокурора Оренбургской области от 03.03.2021 №89/7 «Об усилении прокурорского надзора за соблюдением жилищных прав граждан», согласно которому при выявлении фактов нарушения данных прав в каждом случает следует рассматривать вопрос о предъявлении искового заявления.

Изучение материалов прокурорской практики свидетельствует о том, что иски прокуроров о защите жилищных прав несовершеннолетних составляют значительную часть от общего числа требований в защиту прав несовершеннолетних.

Так, в 2023 году судами Оренбургской области было рассмотрено 1195 исковых заявлений, поданных прокурорами Оренбургской области в защиту прав несовершеннолетних, из которых 535 заявлений касались вопросов защиты жилищных прав несовершеннолетних. По итогам 95 % заявлений было удовлетворено (прекращено ввиду добровольного удовлетворения требований прокурора), что, свидетельствует о высокой эффективности мер прокурорского реагирования на факты нарушения законности в отношении несовершеннолетних[2].

[1] Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 13 декабря 2021 г. № 744 “Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов”// [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403147264/?ysclid=lsszzh7jzp649077449 (дата обращения: 17.02.2024).

[2] URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_56/activity/statistics/office/result?item=92760292 (дата обращения: 18.02.2024).

В настоящее время, как отмечает М.М. Скуратовская, «чаще всего прокуроры заявляют иски в интересах несовершеннолетних детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [1].

В 2023 году чаще всего прокуроры обращались в суды Оренбургской области с требованиями об обязании администрации муниципального образования поставить ребенка-сироту на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении, предоставить такому лицу жилое помещение, отвечающее установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства, произвести ремонт в закрепленном за ребенком-сиротой жилом помещении.

Анализ судебной практики в этой сфере показывает, что, как правило, иски прокурора в интересах несовершеннолетних о предоставлении жилья удовлетворяются. Так, прокуратура Советского района г. Орска Оренбургской области провела проверки исполнения законов о несовершеннолетних в части обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Установлено, что трое сирот, которые включены органами местного самоуправления района в списки на предоставление жилых помещений, обеспечены ими не были[2]. В связи с этим прокурор направил в суд исковые заявления об обязании администрации обеспечить сирот жильем. Требования прокуратуры удовлетворены.

Однако, «принятие судом положительных решений по искам прокурора еще не означает, что нарушенные права восстановлены»[3]. Поэтому говорить об окончательном восстановлении нарушенных прав можно только после своевременного и надлежащего исполнения решения суда. В этой связи, для более эффективной защиты жилищных прав несовершеннолетних, прокурора

[1] Скуратовская М.М. Об особенностях подготовки дела к судебному разбирательству по спорам, вытекающим из жилищных правоотношений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. №9. С. 113

[2] URL: http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1712532/ (дата обращения: 17.02.2024).

[3] Ережипалиев Д.И. Защита прокурором прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 2

необходимо наделить полномочиями и в исполнительном производстве. Законодательное регулирование процессуального порядка его участия в гражданском процессе от момента подачи заявления до возбуждения исполнительного производства не совершенно, что приводит к ограничению полномочий прокурора. Данная ситуация является упущением законодателя и может быть исправлена дополнением статьи 48 Федерального закона "Об исполнительном производстве" положением о возможности предъявления исполнительного документа к исполнению прокурором.

При рассмотрении данной категории дел судами Оренбургской области также имеют место и случаи отказов в принятии заявлений прокуроров в защиту жилищных прав несовершеннолетних. Основная причина таких отказов заключается в том, что, по мнению суда, прокурору не предоставлено право на предъявление иска в защиту жилищных прав детей-сирот при наличии у них опекунов и попечителей. Кроме того, в ряде случаев несовершеннолетние могут самостоятельно обращаться в суд за защитой своих нарушенных прав. Однако, Верховный Суд в данном вопросе встал на сторону прокурора, разъяснив, что последний вправе обращаться в суд в защиту жилищных и иных прав несовершеннолетних вне зависимости от наличия или отсутствия законных представителей или попечителей[1].

В удовлетворении исковых требований прокурора в защиту жилищных прав несовершеннолетних может быть отказано в случае, если привлеченные в дело законные представители не поддержали или же отказались от иска. По общему правилу при отказе истца от иска суд прекращает производство по делу, если это не противоречит закону или не нарушает права и законные интересы других лиц. Отказ законного представителя от исковых требований является одним из препятствий эффективной защиты жилищных прав несовершеннолетних, поскольку в данном случае суд не учитывает предоставленные

[1] Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями, утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ 2020. № 4.

прокурором возражения, относительно прекращения производства по делу. Для предотвращения незаконного отказа в удовлетворении заявленных прокурором требований, суд должен учитывать не только мнение законного представителя несовершеннолетнего, но и самого несовершеннолетнего (в возрасте от 14 до 18 лет), а также заключение органов опеки и попечительства.

Второй важной формой правозащитной деятельности прокуроров в гражданском процессе является вступление в процесс для дачи заключения по делам о защите жилищных прав несовершеннолетних.

В соответствии с ч. 3 ст. 45 ГПК РФ прокурор дает заключение по делам о выселении. Как отмечает Т.Г. Воеводина, рассмотрение с обязательным участием прокурора из всех жилищных споров только дел о выселении не способствует обеспечению законности, поскольку фактическое лишение несовершеннолетнего жилья возможно не только при его выселении, но и при признании его утратившим право пользования, а также признании его не приобретшим права и т.д.[1].

По нашему мнению, прокурор может участвовать в гражданском процессе для дачи заключения по всем делам, затрагивающим жилищные права несовершеннолетних, однако решение об этом должен принимать сам прокурор с учетом обстоятельств дела.

В Оренбургской области в 2023 году из 265 рассмотренных с участием прокурора дел о выселении примерно 1/5 часть составляют требования о выселении несовершеннолетних[2]. Судебная практика Оренбургской области показывает, что чаще всего рассматриваются дела о выселении законных представителей несовершеннолетних.

Например, суд Промышленного района г. Оренбурга, отказывая в иске о выселении несовершеннолетних указал, что признание матери утратившей

[1] Воеводина Т. Г., Кремнева Е. В., Огурцова М. Л. Деятельность прокурора по защите жилищных прав несовершеннолетних: монография / рук. авт. кол. Т. Г. Воеводина. М.: Проспект, 2016.

[2] URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_56/activity/statistics/office/result?item=92760292 (дата обращения: 26.02.2024).

право пользования спорной жилой площадью ввиду неоднократных систематических нарушений прав и законных интересов лиц, приживающих в спорной квартире, не может повлечь за собой утрату права пользования ее несовершеннолетним ребенком этой жилплощадью, о чем указывалось и в заключении прокурора, участвовавшего в деле[1].

Таким образом, благодаря активной работе органов прокуратуры по предъявлению исков в защиту жилищных прав несовершеннолетних и вступлению в дело для дачи заключения, последние занимают особое положение среди других государственных органов в области защиты данных прав. Приведенная в статье статистика демонстрирует системность работы органов прокуратуры по защите жилищных прав несовершеннолетних. Однако состояние законности в сфере соблюдения жилищных прав несовершеннолетних, особенно детей-сирот, по-прежнему остается неудовлетворительным, поскольку предпринимаемые в настоящее время меры недостаточны. Упомянутая выше практика свидетельствует, о том, что для более эффективной защиты прокурором жилищных прав несовершеннолетних необходимо устранить имеющиеся пробелы в правовом регулировании и предоставить прокурору дополнительные полномочия в указанной сфере.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ АЛИМЕНТОВ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Сотникова А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Буянова Е.В.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и иные нормативные акты указывают на обязанность родителей содержать своих де-

[1] URL: https://sudact.ru/regular/doc/QrSv8P54iArR/?regular-txt=выселение+несовершеннолетнего (дата обращения: 26.02.2024)

тей, однако не всегда родители её исполняют. О такой тенденции свидетельствуют статистические данные, содержащиеся в Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.[1]

В случаях, когда алиментообязанные лица не исполняют или ненадлежащим образом исполняют алиментные обязательства, применятся правовые механизмы принудительного взыскания алиментов. Требования исполнительных документов о взыскании алиментов подлежат немедленному исполнению и удовлетворяются в первую очередь.

На данном этапе развития в Российской Федерации предлагается множество нормативно-правовых актов, проектов законов для урегулирования деятельности по решению проблем, связанных с неуплатой алиментов. Связано это с тем, что дела о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей занимают значительное место в деятельности судов общей юрисдикции по рассмотрению всех категорий гражданских дел, которые вытекают из семейных отношений.

Функции по взысканию осуществляются в основном силами Федеральной службы судебных приставов России, деятельность которой регулируется Федеральным законом от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[2]. Согласно статье 30 ФЗ «Об исполнительном производстве», судебным приставом-исполнителем не устанавливается срок для добровольного исполнения исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению. В свою очередь, судебный приказ о взыскании алиментов как раз и является исполнительным документом, подлежащим немедленному исполнению. По данной категории исполнительных документов решение о возбуждении исполнительного производства пристав-исполнитель принимает в тече-

[1] Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р <Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года // СПС КонсультантПлюс.

[2] Федеральный закон от 2 октября 2007 года №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СПС КонсультантПлюс.

ние одних суток. На основе изложенного можно сделать вывод о том, что государство направлено на скорейшее разрешение вопроса о начале принудительного взыскания задолженности по алиментным обязательствам.

Профессор А.Н. Левушкин указывает на то, что эффективными являются вводимые в практику органов принудительного исполнения меры понуждения должника алиментов к исполнению своих обязательств, к которым следует отнести: запрет выезда должника за пределы Российской Федерации; вывешивание фотографий алиментщиков в людных общественных местах города; понуждение должника к заключению контрактов на воинскую службу и принудительное трудоустройство должника (под угрозой возбуждения уголовного дела[1].

В 2022 г. такое ограничение, как временное ограничение на выезд должника с территории РФ применялась в количестве 3,2 млн, в результате этого было взыскано более 139 млрд. рублей.

Предусматриваются и иные ограничения для понуждения должника к исполнению своих обязанностей, например, приостановление действия права управления транспортным средством. Согласно статистическим данным, в результате применения такой меры было взыскано 6,2 млрд. рублей.

Не стоит забывать, что при несвоевременной уплате алиментов должник обязан уплатить еще и неустойку, ее размер может быть определен соглашением об уплате алиментов либо исчисляется в размере одной десятой процента от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки.

2018 -2027 годы Указом Президента Российской Федерации объявлены Десятилетием детства. Планом реализации Десятилетия детства предусмотрены меры, направленные на снижение количества исполнительных производств о взыскании алиментов, не оконченных на конец отчетного периода, а также на снижение размера задолженности по алиментам на несовершеннолетних детей.

[1]Левушкин А.Н. К вопросу об алиментах и последствиях невыполнения алиментных обязательств // Исполнительное право. 2011. № 2. С. 18.

В соответствии с Поручением заместителя Председателя Правительства РФ Т.А. Голиковой во исполнение указания Президента России В.В. Путина на Справку по отдельным вопросам исполнения судебных актов об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей и защиты прав получателей алиментов Минюстом России разработаны проекты федеральных законов «О внесении изменений в статью 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» и «О внесении изменений в статью 157 Уголовного кодекса Российской Федерации», предусматривающие привлечение к административной и уголовной ответственности лиц, обязанных уплачивать алименты, при частичной уплате алиментов, которые внесены в Правительство Российской Федерации.

Таким образом, безусловное обеспечение выплаты алиментов в полном объеме, а также минимизация рисков возникновения задолженности по уплате алиментов должны осуществляться в рамках: усиления популяризации и пропаганды традиционных семейных ценностей, ответственности родителей за воспитание и содержание несовершеннолетних детей; создания исчерпывающих условий для отсутствия возможности неуплаты алиментов родителями, включая моральные, репутационные, финансовые причины. Механизмом этого может стать увеличение объёма социальной рекламы в рассматриваемой сфере.

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ТРУД ИНОСТРАННЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сулеманов Р.Р. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Хабибуллина А.С.

В последние годы произошли существенные изменения в регулировании труда иностранных работников. Благодаря им появились новые гарантии, новые правовые статусы. В чем же заключается их сущность и насколько эти

изменения обеспечивают защиту трудовых прав этой особой группы работников?

Прежде всего, следует отметить, что Федеральными законами от 14.07.2022 № 357-ФЗ, от 14.07.2022 № 237-ФЗ внесены важные поправки в Федеральный закон о правовом положении иностранных граждан в РФ и отдельные законодательные акты РФ, которые вступили в действие с 2023 года.

Так, с 1 января 2023 года временно пребывающие в Российскую Федерацию работники-иностранцы имеют право на обязательное медицинское страхование (ОМС). При этом работодатели освобождены от обязанности обеспечения их платной медицинской помощью и не должны требовать от таких работников полис ДМС. Исключением из этого правила являются высококвалифицированные специалисты, в отношении которых подобные правила собранены (ст. 8, 12 Закона от 14.07.2022 № 237-ФЗ). Условия о предоставлении платной медицинской помощи может быть сохранено, но по желанию работодателя.

С 1 января 2023 года за временно пребывающих на территории РФ иностранцев, за исключением иностранцев со статусом высококвалифицированного специалиста, требуется платить взносы на обязательное медицинское страхование (ст. 12 Закона № 237-ФЗ).

Но воспользоваться своим правом на обращение в государственные клиники по полису ОМС такие лица могут только по истечении трех лет работы, за которые работодатель будет уплачивать за них взносы в Фонд обязательного медицинского страхования (п. 3 ст. 12 Закона № 237-ФЗ).

Определены правила трудоустройства иностранцев-студентов. С 1 января 2023 года можно вне квоты принимать на работу иностранцев, которые учатся по очной форме в государственных образовательных или научных организациях можно вне квоты (п. 5 ст. 1 Закона от 14.07.2022 № 357-ФЗ).

В целях получения образования, иностранные студенты могут получить разрешение на временное проживание в РФ, а также им представлена возможность оформить вид на жительство вне зависимости от времени нахождения в

России на основании разрешения на временное проживание. Этот новый документ выдается иностранцам, проходящим обучение по имеющим государственную аккредитацию программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, ординатуры, ассистентуры-стажировки или по программе подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре).

Разрешение на временное проживание с целью обучения выдается по заявлению иностранного гражданина на срок его обучения и последующие 180 календарных дней. При приеме на работу такие студенты могут представить данное разрешение, а его реквизиты должны быть указаны в трудовом договоре (ст. 1 Закона от 14.07.2022 № 349-ФЗ). По истечении срока действия данного разрешения или его аннулирования, трудовой договора с работником расторгается.

Внесенные в федеральное законодательство изменения наложили свой отпечаток на содержание локальных нормативных актов работодателей, использующих труд иностранных работников. Так, Правила внутреннего трудового распорядка являются основным локальным актом, регламентирующих трудовую дисциплину в рамках конкретного работодателя. Следовательно, в них должны быть отражены все вышеперечисленные положения о предоставляемых работникам-иностранцам гарантиях.

Наступивший 2024 год также принес новые требования и правила регулирования труда иностранных работников и лиц без гражданства. Часть из них уже начала действовать с 7 января, вторая часть вступила в силу с марта 2024 года. Так, с 7 января иностранцы, которые работают в РФ по патенту, должны уведомлять МВД о начале трудовой деятельности по специальной форме (ранее они относили копию трудового договора или гражданско-правового договора). Подаются документы в течение 2 месяцев лично, либо через портал Госуслуги или по почте. В случае нарушения обязанности сообщения о начале трудовой деятельности, выданный иностранному гражданину патент аннулируется. Форма и порядок уведомления установлены в Приказе МВД от 05.09.2023 № 655.

С 1 января 2024 года размер фиксированного ежемесячного авансового платежа (НДФЛ) по оплате патента, с учетом установленных коэффициентов, увеличен до 7 315,20 рублей.

Ряд изменений связан с трудоустройством иностранных работников из числа высококвалифицированных специалистов (ВКС). Теперь разрешение на работу они могут получать только на территории Российской Федерации. На это ему отводится 30 календарных дней с момента одобрения. В случае пропуска установленного срока, разрешение может быть отменено. В качестве исключения допускается возможность продления это срока по ходатайству работодателя.

Принятым Федеральным законом от 10июля 2023 года № 316-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», увеличены требования к размеру заработной платы для иностранных (ВКС). С 1 марта 2024 года вместо минимальных 167 000 рублей в месяц иностранному ВКС будет выплачиваться заработная плата (вознаграждение) не менее 750 000 рублей за один квартал, то есть в среднем от 250 000 рублей в месяц.

Несмотря на такие существенные увеличения расходов работодателя на оплату труда ВКС, принимать их на работу продолжает оставаться выгодным. Опыт клиентов Lexintel показывает, что привлечение к работе иностранных высококвалифицированных специалистов позволяет значительно упростить и ускорить процесс найма сотрудника в сравнении с трудоустройством иностранца, не являющимся ВКС[1].

В 2024 году обновлены условия для выдачи ВКС разрешения на работу. Теперь оно может действовать на территории в двух и более регионов Российской Федерации при ограниченном количестве оснований. соответственно, направляя такого работника в командировку, работодатель должен учитывать данное разрешение.

[1] https://www.klerk.ru/blogs/lexintel/577951/

Таким образом, в настоящее время иностранный гражданин согласно Федеральному закону от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан…» может иметь один из следующих статусов: временно пребывающий визовый иностранец; высококвалифицированный специалист (ВКС); временно пребывающий безвизовый иностранец; временно проживающий мигрант, в том числе получающий образование; постоянно проживающий иностранец. Следовательно, действующая система привлечения и использования труда иностранных работников носит дифференцированный характер и позволяет говорить о специальном правовом статусе таких работников в Российской Федерации.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ОБОРОТА ЭТИЛОВОГО СПИРТА, АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

Таженкулова А.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доц. Ефимцева Т.В.

Государственное регулирование рынка алкогольной и спиртосодержащей продукции в России отличается особой жесткостью в части контроля над производством и оборотом продукции, широким спектром требований и правил к деятельности участников рынка, строгой отчетностью и регламентацией процедур, связанных с алкогольной продукцией (хранение, транспортировка, таможенное оформление, продажа, реклама). Это связано, прежде всего, с тем, что по данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, в 2021 году заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами составила 1195924 человека (816 случаев на 100 тыс. человек), в 2022 году - 1167401 (794 случая на 100 тыс. человек).

На протяжении всего существования и развития рынка алкогольной продукции применялись различные способы контроля ее производства и оборота:

становление акцизного налогообложения, формирование перечня подакцизных товаров, установление ставок и методов исчисления акцизов, введение законодательных ограничений и требований к производству и обороту алкогольной продукции оказывали существенное влияние на деятельность участников рынка.[1] Государственное регулирование алкогольной продукции включает многие виды деятельности, основными из них являются:

• регулирование экспорта, импорта продукции;

• регулирование цен на алкогольную продукцию;

• определение квот на закупку этилового спирта, необходимых для удовлетворения потребностей страны;

• введение обязательной маркировки марками акцизного сбора или специальными марками, производимой и реализуемой на территории России алкогольной продукции;

• лицензирование производства и оборота алкогольной продукции;

• организация государственного контроля над производством и оборотом алкогольной продукции;

• установление государственных стандартов и утверждение технических условий в области производства и оборота продукции;

• определение комплекса мер по защите здоровья и прав потребителей алкогольной продукции, в том числе установление порядка аккредитации организаций, имеющих лицензии на закупку, хранение и поставки продукции;

• установление порядка сертификации и государственной регистрации алкогольной продукции;

• установление порядка сертификации и государственной регистрации основного технологического оборудования для производства алкогольной продукции.

[1] Замалетдинова Э.Н. Косвенные налоги в России и зарубежный опыт в области взимания косвенных налогов // Международный бухгалтерский учет. 2011. № 7.

С 2009 по 2020 год в Российской Федерации действовала Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2009 г. № 2128-р.

В целях реализации Концепции до 2020 года были приняты системные меры по совершенствованию государственного регулирования производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Так, Федеральным законом "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции" был введен запрет на розничную продажу алкогольной продукции с 23 часов до 8 часов по местному времени.

В целях государственной поддержки производителей алкогольной и спиртосодержащей продукции в текущих экономических условиях был принят ряд административно-правовых мер в сфере регулирования производства и оборота алкогольной продукции, в том числе:

постановлением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336 установлены особенности организации и осуществления государственного контроля (надзора) в 2022-2024 годах, положения которого применяются, в том числе при организации и осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Постановлением № 336 также определен ограниченный перечень оснований для проведения в 2022-2024 году внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий, к которым в том числе относятся непосредственная угроза причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан и непосредственная угроза обороне страны и безопасности государства;

Федеральным законом от 26 марта 2022 г. №74-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации" со дня вступления в силу указанного Федерального закона по 31 мая 2024 года увеличен с 9 до 18 месяцев срок нанесения на алкогольную продукцию федеральных специальных марок.

Также появились особенности применения отдельных положений Федерального закона "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции" на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области. Так, положение о том, что производство этилового спирта, технологией производства которого предусматривается получение барды (основного отхода спиртового производства), допускается только при условии ее полной переработки и (или) утилизации на очистных сооружениях до 1 января 2028 года не применяется к вышеперечисленным территориям.

Говоря об административной и уголовной ответственности, следует отметить, что к лицам, занимающимся производством и оборотом алкогольной продукции, могут быть одновременно применены меры, направленные как на предупреждение и пресечение правонарушений (правоустановительные санкции), так и на наказание за совершение правонарушения или преступления (санкции штрафного характера).

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ) предусматривает в своем большинстве санкции штрафного характера, а в процессе лицензионного контроля за производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции применяются меры профилактического (предупредительного) и пресекательного характера, к которым, в частности, относятся приостановление действия и аннулирование лицензии.

Частями 5 и 6 ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) установлена ответственность за производство, приобретение, хранение, перевозку в целях сбыта или продажу немаркированной алкогольной продукции, подлежащей обязательной маркировке акцизными марками либо федеральными специальными марками, совершенные в крупном либо особо крупном размере соответственно.

Согласно примечанию к данной статье УК РФ крупным размером признается стоимость немаркированной алкогольной продукции, превышающая 100 тыс. рублей, а особо крупным - 1 млн рублей, что делает в ряде случаев затруднительным привлечение физических лиц к уголовной ответственности, поскольку незаконно реализуемая ими алкогольная и спиртосодержащая продукция имеет более низкую стоимость относительно легальной. Таким образом, на федеральном уровне прямо не установлена ответственность за сбыт продукции, содержащей этиловый спирт и произведенной в домашних условиях, стоимость которой не превышает 100 тыс. рублей.

По мнению ряда ученых[1], а также в соответствии со сложившейся судебной практикой из перечня лиц, задействованных в производстве и обороте алкогольной и спиртосодержащей (пищевой и непищевой) продукции, однозначно исключаются физические лица. Граждане вправе участвовать лишь в обороте алкоголя и спиртосодержащей продукции и не более как в качестве конечного потребителя, приобретающего товар по договорам розничной купли-продажи в целях использования его для личных, семейных и иных нужд, не связанных с предпринимательством. Изготовление или (и) хранение с целью сбыта спиртных напитков домашней выработки, спиртосодержащих жидкостей непромышленного производства (самогона, браги и других)

[1] Спиридонова М.А. Комментарий к Федеральному закону от 22 ноября 1995 г № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (постатейный) / М.А. Спиридонова, О.А. Слепенкова, В.Ю. Коржов // СПС КонсультантПлюс.

должны квалифицироваться как незаконная продажа товаров (иных вещей), свободная реализация которых запрещена или ограничена (ст. 14.2 КоАП РФ).

Итак, правовое регулирование производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции достаточно четко урегулировано как федеральными законами, так и подзаконными актами, однако ряд вопросов требует более конкретного урегулирования.

УЧАСТИЕ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В ДЕЛАХ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Тактаева К.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Янева Р.Р.

Активное участие третьих лиц в гражданском процессе является неотъемлемой частью успешного разрешения дела и вынесения обоснованного решения. Когда в процессе участвуют третьи лица, у суда гораздо больше возможностей собрать наиболее полный и убедительный доказательственный материал, избежать принятия противоречивого и даже взаимоисключающего решения. Участие данных субъектов в гражданском процессе является важным средством установления фактов по делу, а также обеспечения права на защиту не только сторон, но и самих третьих лиц, если решением суда затрагиваются их интересы.

Третьи лица – это участники процесса, которые вступают в начатый гражданский процесс, имеют определенную юридическую заинтересованность в исходе дела в силу влияния судебного решения на их права и обязанности. О третьих лицах законодатель говорит в статьях 42 и 43 ГПК РФ, тем самым разделяя их на два вида в зависимости от заинтересованности в исходе дела: 1) третьи лица, заявляющие самостоятельные требования, относительно предмета спора, 2) третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования, относительно предмета спора.

Третьи лица имеют общие и индивидуализирующие характеристики, которые позволяют отличить их от иных лиц, участвующих в деле, вне зависимости от их законодательного разделения на два вида: относятся к лицам, участвующим в деле, решение суда влияет на их интересы, которые не совпадают с истцами, ответчиками и соучастниками, также третьи лица вступают или привлекаются в начатый гражданский процесс, после чего рассмотрение дела производится с самого начала. Данные черты индивидуализируют третьих лиц, выделяя их из числа лиц, участвующих в деле.

Под третьими лицами, заявляющими самостоятельные требования относительно предмета спора, понимаются субъекты, которые вступают в уже возникший гражданский процесс для защиты своих самостоятельных прав на предмет спора или интересов[1].

Процессуально-правовое положение третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, совпадает с положением истца в деле. Поэтому в том случае, когда на стороне третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, участвует несколько субъектов и их интересы не противоречат друг другу, возможно их соучастие. Например, в спорах о защите прав потребителей третьими лицами по делу могут выступать несколько потребителей, которые предъявляют свои требования к одному продавцу, нарушившему их права, не являясь при этом инициаторами возбуждения гражданского дела, что позволяет их отличить от соистцов.

Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора – это субъекты, участвующие в деле на стороне истца или ответчика в связи с тем, что решение по делу может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон[2]. Согласно ч. 1 ст. 43 ГПК РФ они могут быть привлечены к участию в деле также по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по инициативе суда. Можно выделить три основания

[1] Шакарян М.С. Участие третьих лиц в советском гражданском процессе. М, 1990. С. 5.

[2] Шакарян М.С. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора // Советская юстиция. 1966. № 19. С.19.

привлечения данных участников процесса к участию в деле: 1) если судебное постановление по делу может повлиять на права или обязанности третьего лица по отношению к истцу или ответчику; 2) если лица, участвующие в деле, ходатайствовали о привлечении к участию в деле третьих лиц; 3) если участие третьих лиц суд посчитал необходимым.

Процессуальные права и обязанности третьих лиц закреплены в ст. 35 ГПК РФ.

Третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, пользуются процессуальными правами и несут процессуальные обязанности стороны по делу. Однако, такие лица не имеют право на: изменение основания или предмета иска, увеличение или уменьшение размера исковых требований, отказ от иска, признание иска, предъявление встречного иска, требовать принудительного исполнения решения суда.

Как правило, уполномоченные органы, осуществляющие возложенные на них обязанности по защите прав и охраняемых законом интересов потребителей, органы местного самоуправления до принятия судом решения по делу могут вступить в дело по своей инициативе или по инициативе лиц, участвующих в деле, а также привлекаются к участию в деле судом в качестве лиц, вступающих в процесс в целях дачи заключения по делу (ст.ст. 34, 47 ГПК РФ). В данном случае привлечение указанных органов в процесс в качестве третьих лиц не допускается (п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17).

Однако, в судебной практике возможно ошибочное привлечение в качестве третьего лица государственного органа. Данная проблема актуальна и для споров о защите прав потребителей, когда в качестве третьих лиц привлекаются органы Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Например, в решении мирового судьи судебного участка № 2 Ленинского района города Оренбурга по гражданскому делу по исковому заявлению Федеровой К.С. к Пишучеву Н.В. о защите прав по-

требителей, Управление Роспотребнадзора по Оренбургской области привлечено в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, однако по делу данным участником процесса дано только заключение в пользу истца (потребителя)[1]. Определяющее значение здесь должна иметь заинтересованность лиц, участвующих в деле.

Органы Роспотребнадзора не могут участвовать в таких делах в качестве сторон или третьих лиц, поскольку у них нет материально-правовой заинтересованности в деле. Они реализуют свои контрольно-надзорные функции в сфере защиты прав потребителей. Их заинтересованность носит исключительно государственно-правовой характер. Цель участия в гражданском процессе органов Роспотребнадзора состоит именно в защите нарушенных прав, свобод и законных интересов других лиц. Например, в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 20.02.2019 № Ф09- 261/19 по делу № А60-32447/2018, указано, что на основании обращения потребителя территориальным органом Роспотребнадзора проведена внеплановая проверка деятельности общества на предмет соблюдения им законодательства в сфере защиты прав потребителей. В ходе проверки установлен факт нарушения обществом требований Технических регламентов Таможенного союза ТР ТС 004/2011 «О безопасности низковольтного оборудования», ТР ТС 017/2011 «О безопасности продукции легкой промышленности», Правил продажи отдельных видов товаров, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 19.01.1998 № 55. По результатам проверки обществу выданы предписания об устранении выявленных нарушений и разработке мероприятий по предотвращению причинения вреда. Из материалов дела следует, что потребитель обратился к обществу с претензией о возврате денежных средств за приобретенный некачественный товар. Указанная претензия оставлена обществом без рассмотрения, в связи с чем потребитель впоследствии обратился в территориальный орган Роспотребнадзора за защитой своих нарушенных

[1] Решение мирового судьи судебного участка № 2 Ленинского района города Оренбурга от 14.11.2023 по делу № 02-3107/35/2023.

прав. С учетом изложенного суды признали, что потребителем соблюден претензионный порядок, установленный подп. «в» п. 2 ч. 2 ст. 10 Закона № 294-ФЗ, и у Роспотребнадзора имелись основания для проведения проверки соблюдения обществом законодательства о защите прав потребителей и соблюдения требований технических регламентов[1]. В данном деле органы Роспотребнадзора привлечены в качестве органа, дающего заключение, поскольку они проводили проверку соблюдения законодательства о защите прав потребителей по обращению последнего и участвовали в процессе в качестве гаранта соблюдения его прав.

Таким образом, в данной категории споров государственный органы должны выступать как гаранты соблюдения прав потребителей, способствовать восстановлению последних, при этом, не имея юридической заинтересованности, что исключает привлечение их к участию в деле в качестве третьих лиц.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ ПЕРСОНАЛА В УСЛОВИЯХ БАНКРОТСТВА РАБОТОДАТЕЛЯ

Танаупова Б.Б. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Хабибуллина А.С.

В соответствии со ст. 37 Конституции РФ каждому работнику в нашей стране предоставлено право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда. В том числе, согласно ст. 130 Трудового кодекса РФ, в систему основных государственных гарантий по оплате труда

[1] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.02.2019 № Ф09- 261/19 по делу № А60-32447/201.

включено обеспечение получения работником заработной платы в случае прекращения деятельности работодателя и его неплатежеспособности. Вместе с тем, в научных исследованиях, посвященных защите прав работников при банкротстве работодателя, не без оснований отмечается, что существующий на сегодняшний день уровень гарантий прав работников на получение заработной платы при неплатежеспособности организации остается недостаточным[1].

Важной задачей государства является помощь простым гражданам, в том числе работникам неплатежеспособных организаций. В ходе процедуры банкротства работники, как правило, являются самой многочисленной и, при этом, одной из самых уязвимых разновидностей кредиторов.

В мировой практике существует два основных инструмента защиты трудовых прав работников при банкротстве работодателя: приоритет требований работников по оплате труда перед требованиями иных кредиторов (система привилегий) и гарантийные (страховые) фонды.

Система привилегий является более распространенным способом защиты по сравнению с гарантийными (страховыми) фондами, вместе с тем, сама по себе она недостаточно эффективна. Во-первых, при использовании системы привилегий предоставление приоритета требований одной группе кредиторов в той или иной степени ущемляет права других групп. Во-вторых, даже если требования работников имеют наивысший приоритет, это не гарантирует их удовлетворение, поскольку и для этих целей у неплатежеспособной организации может не оказаться достаточного количества имущества. В-третьих, для проведения процедур банкротства может потребоваться довольно длительный срок, соответственно, требования кредиторов могут быть удовле-

[1] Лютов Н.Л. Защита права работников на заработную плату в случае банкротства работодателя: несоответствие российского законодательства международным стандартам // Трудовое право. 2010. № 1. С. 77 - 82

творены далеко не сразу. Подобное промедление способно повлечь крайне неблагоприятные последствия для работников, оставшихся без работы и средств к существованию.

В связи с этим, представляется возможным отнести установление более выгодной для работников очередности удовлетворения их требований к работодателю. Кроме этого, следует расширить полномочия работников как лиц, участвующих в деле о банкротстве своего работодателя. Данное направление находит свое отражение, прежде всего, в законопроектах, предлагающих перевести требования работников по выплате заработной платы и выходных пособий в разряд внеочередных требований независимо от даты возникновения задолженности[1].

Еще одним способом защиты трудовых прав работников при банкротстве работодателя является создание гарантийных (страховых) фондов. Важным преимуществом гарантийных (страховых) фондов является то, что работники получают финансовую помощь немедленно, не дожидаясь окончания процедуры банкротства, и при этом данные выплаты не зависят от их места в очереди и наличия у обанкротившейся организации необходимого для погашения задолженности имущества.

Однако, в случае введения гарантийных (страховых) фондов, неизбежно встанет вопрос о том, каким образом данную систему финансировать.

Так, в 2009 году был разработан законопроект, предлагающий введение «альтернативного порядка» удовлетворения требований работников в рамках процедуры банкротства[2].

---

[1] Проект Федерального закона № 396128-4 «О внесении изменений в статью 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», внесен депутатом Государственной думы В.А. Тюлькиным 16.02.2007г. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/396128-4 (дата обращения: 09.03.2024); Проект Федерального закона № 208168-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, внесен депутатами Государственной Думы А.К. Исаевым, М.В. Тарасенко 27.05.2009г. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/208168-5 (дата обращения: 09.03.2024).

[2] Проект Федерального закона №270164-5 «О внесении изменений в статью 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (в части погашения расходом органов государственной власти в процессе конкурсного производства) внесен депутатом

При этом функции гарантийных фондов предлагалось возложить на бюджеты субъектов Российской Федерации. Проектировалось, что они будут наделяться правом регрессного требования к банкроту на сумму погашенной задолженности перед работниками. Очевидно, что такой вариант урегулирования проблемы не является приемлемым, поскольку на бюджеты субъектов Российской Федерации будет возложено огромное бремя расходов при низкой вероятности возмещения в регрессном порядке в случае недостаточности имущества должника, выявленного по результатам процедуры банкротства.

В 2014 году Министерство труда и социальной защиты РФ разработало проект Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай утраты заработка вследствие банкротства работодателя»[1], предусматривающий систему, которая сочетала некоторые элементы гарантийного фонда и элементы обязательного социального страхования. В качестве страховщика предусматривался Фонд социального страхования. Взнос работодателей должен был составлять 0,05% от суммы выплат в пользу работников. Недостатками данного законопроекта является, в первую очередь, то, что он защищает работников только от невыплаты заработной платы. Какие-либо другие выплаты, причитающиеся работнику, данным законопроектом не учитываются.

Данный законопроект не был внесен в Государственную Думу РФ, потому что не нашел поддержки у Российского союза промышленников и предпринимателей, а также у Торгово-промышленной палаты РФ.

Наиболее прогрессивным шагом на пути реформирования действующего законодательства, направленного на защиту материальных прав работников при несостоятельности работодателя следует признать внесенный в Гос-

Государственной Думы ФС РФ А.И. Голушко, 21.10.2009 г. URL: https://regulation.gov.ru/ (дата обращения: 09.03.2024).

[1] Проект Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай утраты заработка вследствие банкротства работодателя» URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/26740.html (дата обращения: 09.03.2024).

ударственную Думу РФ в марте 2016 г. проект № 1012488-6 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай утраты причитающейся работнику заработной платы вследствие несостоятельности (банкротства) работодателя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1]. В законопроекте предлагалось считать страховым случаем наличие задолженности страхователя перед застрахованным по заработной плате по состоянию на день принятия судебного акта о введении ликвидационной процедуры в отношении работодателя либо о прекращении производства по делу о банкротстве в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов по делу о банкротстве. Обязанность по погашению требований работников предполагалось возложить на Фонд социального страхования РФ.

Анализируемый законопроект содержит положение о том, что с момента осуществления Фондом социального страхования РФ компенсационной выплаты к последнему переходит право требования, которое работник имел к работодателю. Это не совсем экономически справедливо по отношению к работодателю, который в течение своей деятельности производил соответствующие отчисления, а после погашения задолженности по оплате труда за счет этих самых выплат, остается должен, но уже не работнику, а Фонду социального страхования РФ.

Таким образом, с учетом низкой эффективности признанной и законодательно закрепленной Россией концепции привилегированного статуса работников необходим принципиально иной подход к проблеме защиты трудовых прав работников в случае финансовой нестабильности работодателя.

[1] Проект № 1012488-6 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай утраты причитающейся работнику заработной платы вследствие несостоятельности (банкротства) работодателя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1012488-6 (дата обращения: 09.03.2024).

ПРИНЦИПЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тимофеева А.Д. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., Залавская О.М.

В современных условиях вопросы формирования национального технологического суверенитета переходят в область необходимых для дальнейшего национального роста. В условиях интенсификации санкционной политики по отношению к России, потребность осуществлять ответную политику импортозамещения все более смещается в направлении не только замены импортных товаров и услуг национальными, но и разработки собственной стратегии технологического развития на основе технологического суверенитета.

Среди существующих ключевых угроз формирования национальной стратегии технологического развития можно выделить следующие:

1. Исторически ориентированная на сырьевую модель экономики, и, как следствие, ее недостаточная адаптивная способность к резким изменениям во внешней среде.

2. Ограничения доступа к современным технологиям и исключение из цепочек производственной кооперации в результате санкционной политики.

3. Несоответствие потребностям реальной экономики уровня подготовки специалистов образовательной системой России при постоянном оттоке высококвалифицированных специалистов за рубеж («утечка мозгов»).

4. Закрытие внешних рынков капитала (недостаточность источников финансирования основного капитала в реальном секторе).

5. Высокая доля участия государства в экономике, и, как следствие, концентрация на проблематике крупнейшего и крупного бизнеса в ущерб малому

и среднему предпринимательству (имеющему наибольшую адаптивность в условиях турбулентной внешней среды)[1].

Для реализации необходимых мер по созданию национальной технологической безопасности необходимо изменение подхода на государственном уровне к существующим приоритетам развития, а также повсеместное использование методов и инструментов цифровой экономики.

Формирование данной стратегии предполагает целесообразность выработки системы принципов обеспечения технологического суверенитета в законодательстве Российской Федерации. Между тем, приходится констатировать, что на сегодняшний день данные принципы не получили легальное закрепление, обуславливая необходимость обращения к научным исследованиям.

Следует отметить, что категория «принципы» – стержневая научная категория, отражающая основополагающие идеи, выражающая сущность, определяющая функции, содержание и социальное назначение того или иного правового института, правового явления.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой принцип рассматривают в нескольких аспектах: «1. Основное, исходное положение теории, учения, мировоззрения, теоретической программы. 2. Убеждение, взгляд на вещи. 3. Основная особенность в устройстве чего-либо»[2].

Общее понимание категории «принцип» переносится в правовую плоскость, где «принципы правового регулирования» понимают как «общие, руководящие начала правового регулирования, обладающие степенью нормативной обобщенности, предопределяющие развитие всей системы правового регулирования»[3].

---

[1] Афанасьев А.А. Технологический суверенитет: основные направления политики по его достижению в современной России // Вопросы инновационной экономики. 2022. № 4. С. 16.

[2] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М., 1999. С. 651.

[3] Невинский В.В. Конституционный Суд РФ и развитие конституционных принципов // Конституционное правосудие на рубеже веков. М., 2002 С. 194.

Исходя из данного определения, содержание понятия «принципы обеспечения технологического суверенитета» можно определить следующим образом: это общие, руководящие начала правового регулирования обеспечения технологического суверенитета, обладающие степенью нормативной обобщенности, предопределяющие формирование стратегии технологического развития.

Что касается классификации принципов правового регулирования обеспечения технологического суверенитета, то по степени обобщения их можно разделить на следующие виды:

- общие принципы правового регулирования;

- специальные принципы правового регулирования.

Так, к числу общих конституционных принципов правового регулирования в Российской Федерации относятся, в частности, принцип легитимного, демократического характера формирования и деятельности органов государственной власти; принцип приоритета прав личности; принцип единства системы государственной власти; принцип разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти; принцип федерализма; принцип разделения властей; принцип законности и другие.

Данные принципы – это основополагающие начала, которыми следует руководствоваться при более конкретном правовом регулировании технологического обеспечения. Все эти принципы носят конституционно-правовой характер, что обеспечивает их стабильность и неукоснительное соблюдение при регулировании. Кроме того, нормативно установленные принципы помогают правоприменителю в сложных случаях – при возникновении коллизий и пробелов. Являясь «руководством к действию», нормативные принципы позволяют понять конституционную природу и точный смысл конкретной нормы права, выявить, какая из конкурирующих норм имеет приоритет и подлежит применению в конкретном случае. Раскроем данные принципы более подробно.

Кроме того, в системе принципов обеспечения технологического суверенитета можно выделить также специальные принципы технологического обеспечения, которые отражают непосредственно правовые основы обеспечения технологического суверенитета.

Среди основных «технологических» принципов, можно выделить следующие:

Во-первых, принцип ориентированности политики государства на развитие технологического суверенитета. Так, когнитивный суверенитет (национальная идея) обязан быть главенствующим и идейно определяющим фактором при формировании прочих видов государственного суверенитета: политического, экономического, технологического, ресурсного, военного и демографического. «Суверенное развитие и создание собственных технологий должны стать национальной идеей»[1].

Во-вторых, принцип гибкой системы управления инновационной среды на всех институциональных уровнях: «…гибкие методы управления инновациями, гибкие методы управления проектами, гибкие методы управления производственными процессами (гибкое «бережливое производство»), гибкие методы управления кооперацией «умных производств», гибкие методы управления мобильным персоналом, гибкие организационные структуры»[2].

В-третьих, принцип локализации производств импортозамещающей продукции и производства средств производства. В частности, формирование межотраслевых балансов с учетом целеполагания пространственного развития Российской Федерации и необходимости развития отраслевых и межотраслевых технологических платформ и центров компетенций. «Именно наличие передовой базы производства прорывных в глобальном масштабе технологий прочно обеспечит статус ведущей мировой державы в XXI веке»[3].

---

[1] Афанасьев А.А. «Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания // Экономика, предпринимательство и право. 2022. № 9. С. 2377-2394.

[2] Ковалев С. Г. Технологическая суверенность России в новейшем мировом порядке // Философия хозяйства. 2020. № 6. С. 29-47.

[3] Интернет-ресурс Йельской школы менеджмента, консолидирующий информацию о компаниях, изменивших характер своей деятельности в России в связи с санкциями.

В-четвертых, принцип ориентации на приращение критических технологий в приоритетных отраслях и регионах. «Технологический суверенитет – это не изоляция. Это сильная переговорная позиция при выстраивании альянсов с другими странами»[1]. Необходима корректировка внешнеэкономической деятельности в части смены векторов международной научно-технологической кооперации. Критические технологии должны (в большей степени) выйти из предмета купли-продажи в область обмена (дружественные или нейтральные страны) или создания единой среды технологической взаимозависимости (страны-партнёры в рамках собственного макрорегиона).

В-пятых, принцип сбалансированного участия государства в области достижения целей национальной научно-технологической независимости. «Обретение фундаментальных научных знаний и создание современных технологий требуют концентрации колоссальных ресурсов – научных, информационных, финансовых, технологических»[2], что в текущих условиях хозяйственной деятельности представляется возможным только при главенствующей роли государственных институтов управления в данной сфере регулирования отношений. При этом в качестве мер поддержки и стимулирования, помимо бюджетного финансирования и государственного технологического заказа, необходимо рассматривать также налоговые льготы и приоритеты на территориях опережающего развития, формирование благоприятных условий инвестиционного климата регионов с использованием различных финансовых механизмов и другое»[3].

[URL: https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain (дата обращения: 08.12.2023).

[1] Мантуров: объем параллельного импорта к концу года достигнет не менее $20 млрд. Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/09/19/941424-manturov-obem-parallelnogo-importa-20-mlrd (дата обращения: 08.12.2023).

[2] Афанасьев А.А. Формирование ограниченно открытой экономики суверенного типа в современной России. М., 2022. С. 45.

[3] Шушунова Т.Н., Ситников Е.В. Трансформация отечественной экономической модели в целях обеспечения технологического суверенитета // Экономическая безопасность. 2023. № 3. С. 27.

В-шестых, принцип формирования уникальных технологических компетенций и создания эффективного механизма их межотраслевого трансфера. Необходимо не только развитие компетентностного потенциала отраслей на основе формирования и развития отраслевых и межотраслевых центров компетенций и региональных технологических платформ, но и создание действенных инструментов мониторинга, создаваемых технологий, для становления единой межотраслевой и региональной технологической среды, оптимизирующей инвестиционные ресурсы и предотвращающей их дублирование[1].

В-седьмых, принцип цифровой трансформации, формирования, развития и использования перспективных цифровых методических инструментов, опережающего развитие информационной инфраструктуры. В этой связи, прежде всего, видится актуальным разработка и внедрение интеллектуальных систем поддержки принятия решений, основанных на современных достижениях цифровой экономики и технологиях обработки больших данных, для регулирования экономической инфраструктуры отраслей и регионов в обеспечение интенсификации потоков высокотехнологичных товаров и услуг[2].

Представляется, что развитие и закрепление на законодательном уровне данных принципов будет способствовать не только достижению высокой степени технологической независимости, но и незамедлительному созданию и внедрению на всех институциональных уровнях управления концепции национальной научно-технологической безопасности.

[1]Афанасьев А.А. Об оценке влияния международных санкций на условия функционирования отечественной промышленности // Экономические отношения. 2022. № 2. С. 179-194.

[2] Доклад М.Г. Решетникова о прогнозе социально-экономического развития на 2023 год и на плановый период 2024–2025 годов Минэкономразвития РФ. Официальный интернет-ресурс Совета Федерации РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/events/news/138446 (дата обращения: 18.12.2023).

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ СУПРУГОВ В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Тимофеева П.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Институт корпоративных отношений – сравнительно молодой институт гражданского законодательства, существующий в системе общественных отношений, основанный на равенстве, имущественной самостоятельности участников.

При этом данный правовой вопрос в первую очередь следует рассматривать именно в контексте гражданского законодательства.

В соответствии с пунктом 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, которым корпоративные отношения закреплены в круг отношений, регулируемых нормами гражданского права, обозначив их как отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. Определяя имущественные права супругов в рамках корпоративной деятельности, следует определить специфику понятия «корпоративных прав и отношений», складывающихся в рамках осуществления деятельности хозяйствующих субъектов.

Существуют различные подходы к пониманию корпоративных отношений, так их рассматривают как в широком, так и узком смысле. Первые включают в это понятие общественные отношения, которые направлены на организацию и осуществление деятельности по совместному достижению общих целей – корпоративной деятельности, включая отношения членов семьи, сособственников и соавторов, содолженников и сокредиторов, соучастников хозяйственных товариществ, обществ и кооперативов, ассоциаций, общественных объединений. Вторые предполагают под корпоративными правоотношениями как внутренние, так и внешние отношения, в том смысле, что они предопределяют внутреннюю организацию и деятельность хозяйственного общества и

внешнюю – связанную, непосредственно с осуществлением предпринимательской деятельности.[1]

Лицо, непосредственно задействованное в делах хозяйствующего субъекта в рамках гражданских правоотношений, приобретает особый статус, вступая в брак. Правовая природа отношений, возникающих в соответствии с осуществлением корпоративных прав, изменяет правовой статус лиц, вступающих в брак, что, безусловно, говорит и об изменениях взаимоотношений с третьими лицами.

Вместе с тем важно понимать, что отношения, складывающиеся в рамках корпоративной деятельности, являются многосубъектными. Это объясняется тем, что участник хозяйствующего субъекта, состоящий в браке, взаимодействует не только с супругом в рамках имущественных прав, но и с другими участниками юридического лица. Здесь представляется проблема упорядочивания данных связей в рамках корпоративной деятельности, поскольку регулирование отношений «специальных субъектов» происходит на стыке двух законодательств: семейного и гражданского. Нормы семейного права регулируют имущественные отношения между супругами, при этом нормы гражданского и корпоративного законодательства определяют деятельность и правовое положение юридических лиц как субъектов регулируемых правоотношений.

Учитывая изложенное, следует отметить, что наблюдается правовая коллизия, которая состоит именно в наиболее устойчивом применении нормативного законодательства в части регулирования семейных правоотношений, возникающим в рамках деятельности юридического лица.

Кроме того, совместная собственность лиц, состоящих в браке, определяет специфику данных правоотношений.

В соответствии со статьей 34 Семейного кодекса Российской Федерации общим имуществом супругов являются приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в

[1] Алексеев С.С. Общая теория права: Учебник. М., 2008. С. 383 – 384.

капитале, внесенные в кредитные учреждения или иные коммерческие организации, а также иное имущество.

Таким образом, наряду с другим имуществом к общему имуществу супругов относятся и доли в уставном капитале хозяйствующих субъектов, в числе которых рассмотрим общество с ограниченной ответственностью.

Из анализа вышеуказанной статьи просматривается довольно широкий перечень прав, которые реализовывают супруги в отношении режима совместной собственности. В комплекс имущественных прав супругов включается также и право на получение части прибыли от деятельности юридических лиц.

Стоит также отметить, что объекты, относящиеся к общему имуществу супругов, образуют особую категорию, которой предусмотрена тесная взаимозависимость объектов и деятельности определенной коммерческой организации. Из этого следует и возможность участия в деятельности организации, право на распределение прибыли, и право на определенную часть имущества при ликвидации, пропорционально долям участия в нем.

Согласно семейному законодательству, при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга. К примеру, необходимость получения нотариально удостоверенного согласия другого супруга установлена пунктом 3 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации для случаев совершения одним из супругов сделки по распоряжению недвижимостью либо сделки, требующей нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке. Таким образом, супруг, чье нотариально удостоверенное согласие на совершение сделки не получено, может обратиться в суд с иском о признании такой сделки недействительной.[1] Исходя из анализа норм семейного и корпоративного права, возникла проблема необходимости получения согласия супруга на совершение сделок по увеличению уставного капитала.

[1] Левушкин А.Н. Реализация прав супругов при осуществлении деятельности юридического лица // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 47 - 55.

При этом следует отметить, что общество с ограниченной ответственностью представляет собой разновидность корпоративного юридического лица. В соответствии со статьей 652 Гражданского кодекса Российской Федерации, раскрывая права участника корпорации, выделяет как имущественные, так и неимущественные права участника. В числе неимущественных прав особое значение имеет право на управление, которое реализуется путем участия в общем собрании как высшем органе управления корпорации и формировании воли юридического лица, а в числе имущественных прав - право на получение дивидендов.

Следует обратить внимание, что реализация как имущественных, так и неимущественных прав, участником, состоящим в браке, чья доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью является совместно нажитым имуществом супругов, имеет существенную специфику. Так как возникает вопрос о необходимости получения согласия супруга при реализации другим супругом своих корпоративных прав в качестве участника хозяйствующего субъекта.

В то же время кроме купли-продажи доли в уставном капитале, можно выделить ряд корпоративных сделок[1], которые так или иначе могут влиять на размер доли участника. В их числе могут быть названы: выход участника из общества, принятие в общество нового участника (новых участников), решения общего собрания о перераспределении долей.

Специфика доли в уставном капитале как разновидности имущества предопределяет и специфику реализации прав участника общества с ограниченной ответственностью. Как уже отмечалось, наличие доли предполагает наличие как имущественных, так и неимущественных прав у участника. Если участник состоит в браке и доля является общим имуществом супругов, то при реализации прав участника следует исходить из баланса интересов участника,

[1] Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции: Монография. М.: Волтерс Клувер, 2006.

состоящего в браке, иных участников юридического лица и самого юридического лица - общества с ограниченной ответственностью.

Представляется невозможной и существенно затрудняющей деятельность общества ситуация, когда для принятия решения, например, на общем собрании требуется согласие супруга. По указанной причине понимание доли в уставном капитале как общего имущества супругов касается в первую очередь имущественных прав участника. Личные неимущественные права (к которым относится право на управление корпорацией) участник осуществляет самостоятельно. [1]

В силу положений предусмотренных статьей 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации обладание долей в уставном капитале предполагает наличие у участника всего комплекса прав (как имущественных, так и неимущественных). Однако в целях эффективности управления обществом представляется необходимым подобное условное разделение прав, входящих в состав доли в уставном капитале как имущества. Вероятно, что только такой подход позволит обеспечить необходимый баланс как интересов общества и других участников, так и надлежащую защиту прав супругов участников. В противном случае принятие важных для корпорации решений может быть заблокировано из-за отсутствия согласия супруга, что отрицательно скажется на своевременности и оперативности принятия соответствующих решений.

На основании вышеизложенного полагаем, что при удостоверении решения общего собрания (независимо от повестки дня) нотариус не должен выяснять мнение супруга голосующего участника либо требовать его согласия, поскольку в данном случае идет речь о реализации неимущественного права на участие в управлении обществом.

Анализируя ситуацию выхода участника из общества, следует отметить, что его правовым последствием становится прекращение правоотношений

[1] Ломакин Д.В. Корпоративные отношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008.

между участником и обществом на будущее время и выплата участнику действительной стоимости доли в уставном капитале общества.

Согласно статье 35 Семейного кодекса Российской Федерации заявление о выходе участника не является распоряжением имуществом, находящимся в общей собственности супругов. Основанием для этого вывода являются следующие положения. Выход участника из общества не влечет отчуждения имущества, а влечет его трансформацию: имущественные права участника (право требования по отношению к обществу) преобразуются в определенную денежную сумму или иное движимое, или недвижимое имущество.

Учитывая судебную практику, а в частности, пример Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2023 № 305-ЭС23-8438 по делу № А40-91941/2022 по требованию о признании недействительными сделок, направленных на отчуждение долей в уставном капитале общества. По обстоятельствам указанного дела истица ссылается на неправомерное распоряжение ответчиком общим имуществом супругов без получения ее согласия.

В рассматриваемом случае, принятие супругом решения о введении в состав участников общества нового участника может рассматриваться как сделка, приводящая к распоряжению общим имуществом супругов и противоречащая статье 35 Семейного кодекса Российской Федерации при условии, что она совершена с внесением новым участником неэквивалентного дополнительного вклада в противоправных целях, например, если общество, исходя из своего финансового положения, не нуждалось в привлечении инвесторов и за принятием нового участника спустя непродолжительный период времени последовал выход супруга из общества.

Аналогичная правовая позиция относительно условий применения статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации к корпоративным спорам, связанным с принятием нового участника в состав общества с ограниченной ответственностью, выражена в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21.01.2014 № 9913/13 и сохраняет

свою актуальность.

Вместе с тем стоит отметить, что данный вопрос сохраняет свою актуальность в настоящее время. Анализируя судебную практику по делам касающихся корпоративных споров, где одним из участников является супруг, можно заметить тенденцию возникновения коллизии интересов. Определенные конфликты, возникающие в споре между супругами, разрешаются нормами семейного и гражданского законодательства. Как справедливо отмечается в литературе, назрела необходимость в установлении баланса разноотраслевого регулирования в этой сфере[1]. Наиболее важным остается вопрос гармонизации права, поскольку упорядочивание данных отношений должно проходить в исключительном равновесии правовых норм, тем самым расширяя межотраслевое регулирование, реализуя межотраслевые связи семейного и гражданского права.

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СОСТОЯНИЕ И ДЕТЕРМИНАНТЫ

Токарев Д.Р. – студент Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) к.ю.н., доц. Гребенкин Ф.Б.

Вне зависимости от государственного строя, законодательства и традиций, негативный эффект коррупции постепенно рос в любой стране. С ростом рыночных отношений, произошло увеличение коррупции.

Многие ученые замечают, что первое проявление коррупции можно было видеть еще в зарождении общины или племени. Дорогой подарок выделял человека среди других просителей и способствовал тому, чтобы его просьба была выполнена.

По мере усиления власти и усложнения государственного аппарата центрального правительства, появились профессиональные чиновники, которые,

[1] Долинская В.В. Согласие на совершение сделки: проблемы законодательства и доктрины // Законы России: опыт, анализ, практика, 2014. № 12.

по замыслу, должны были довольствоваться только фиксированным жалованием. На практике чиновники стремились воспользоваться своим положением для тайного увеличения своих доходов.

Первым правителем, о котором сохранилось упоминание как о борце с коррупцией, был Уруинимгина — шумерский царь города-государства Лагаша во второй половине XXIV века до н. э. Несмотря на показательные и часто жестокие наказания за коррупцию, борьба с ней не приводила к желаемым результатам[1].

Важный импульс к осмыслению коррупции дают труды Никколо Макиавелли. Ее он сравнивал с болезнью, например с чахоткой. «Вначале её трудно распознать, но легче лечить. Если же она запущена, то её легко распознать, но излечить трудно»[2].

Начиная с конца XVIII века на Западе в отношении общества к коррупции наступил перелом. Либеральные изменения проходили под лозунгом, что государственная власть существует для блага людей ей подвластных, и поэтому подданные содержат правительство в обмен на неукоснительное соблюдение чиновниками законов. В Конституции США, принятой в 1787 г., получение взятки является одним из двух явным образом упомянутых преступлений, за которые Президенту США может быть объявлен импичмент[3].

Общество начало оказывать всё больше влияние на качество работы государственного аппарата.

В середине 1990-х годов международное сообщество признало, что коррупция является всемирной проблемой, в этой связи межправительственными организациями стали разрабатываться различные нормативные акты конвенционного характера. Но обеспечить результативный контроль над коррупцией

---

[1] Андрианов В.Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность: монография. М, 2011. С. 189 Коррупция как глобальная проблема: история и современность: монография/ Андрианов В.Д. М.: Экономика, 2011. С. 301.

[2] Коррупция и ее отрицательное воздействие на развитие карьеры государственных служащих / Чернов Е.Н. М.: Молодой ученый, 2013. С.799.

[3] Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 года. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm (дата обращения: 12.02.2024).

невозможно только посредством развития законодательства. Проявление коррупции – это сигнал о некачественной работе профильных институтов и действующей системы государственного контроля[1].

«Двадцать принципов борьбы с коррупцией», принятые Советом Европы в 1997 г. стали одним из первых источников международных стандартов в Европе, обозначающих необходимость учреждения профильных институтов или назначения официальных лиц, ответственных за предупреждение, расследование и судебное преследование преступлений коррупционной направленности.

В 1998 г. большая часть этих принципов была отражена в Конвенции Европейского Союза об уголовной ответственности за коррупцию[2].

Конвенция ООН по борьбе с коррупцией 2003 г. потребовала от государств-участниц объединения профильных учреждений, сфокусированных на противодействие коррупции, и институтов, имеющих превентивные функции[3].

Уровень коррупции в разных странах оценивает организация под названием Transparency International. Самыми беспорочными странами она называет Финляндию, Исландию, Данию, Новую Зеландию, Сингапур и Швецию. Согласно ежегодному глобальному индексу восприятия коррупции, самый низкий риск коррупции в 2023 году оказался в Финляндии, Норвегии, Новой Зеландии, Швеции и Дании. Россия набрала 51,81 балла, находясь примерно посередине, и опустилась на две строки по сравнению с 2022 годом – со 125 на 127 место. Говоря об общем рейтинге по регионам, исследователи отме-

[1] Российское законодательство X-XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред.: Горский А.Д.; под общ. ред. Чистякова О.И. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 2. С. 367.

[2] Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Гердии, Японии): сборник законодательных материалов / Козочкина И. Д. М: Зерцало, 2001. С. 212.

[3] Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/?ysclid=ltbd7drhkk988354517 (дата обращения: 12.02.2024).

чают, что Европа сохраняет свои лидирующие позиции, за ней следуют Океания и Северная Америка, показатели Южной Америки и Азии близки к среднемировым значениям, а Африка остается регионом с самыми высокими рисками коррупции и преступлений «белых воротничков»[1].

Исследования показывают, что коррупция в мире не ослабевает. Специалистами различных государств признается, что коррупция не поддается измерению, т.к. не очевиден сам объект измерения. Она отличается скрытным характером и заинтересованностью дающей и принимающей стороны. Также коррупция необязательно выражается именно в денежной взятке.

В литературе выделяются наиболее общие причины, порождающие коррупцию, которые можно разделить на три группы: экономические, правовые и социально-нравственные.

На первое место среди этих причин стоит поставить именно экономические. К ним относятся:

1. Низкие заработные платы государственных служащих.

2. Сложную систему прохождения процедур в бюджетных организациях.

3. Отсутствие прозрачности тендеров.

4. Неисполнение законодательства в сфере налогов и отсутствие общественного контроля в данной области правонарушений.

К правовым причинам относятся:

1. Несовершенство законов

2. Снисходительное отношение власти по отношению к коррупции

К социально-нравственным причинам относятся:

1. Круговая порука взяткодателей и взяткополучателей.

2. Правовая неграмотность населения.

3. Преступное бездействие и нежелание граждан отстаивать свои права.

[1]Глобальный индекс коррупции 2023. - URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_globalnyy_indeks_korruptsii_2023 (дата обращения: 12.02.2024).

Также важной причиной является отсутствие реальной борьбы с коррупцией, несмотря на большое количество программ и заявлений по этому поводу.

Подводя итог, хочется сказать, что коррупция - интернациональная проблема. Она свойственна всем странам, независимо от политического устройства и уровня экономического развития. Дело лишь в масштабах.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Толченникова Е.Ю.– магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Захарова А.Э.

В российском государстве на уровне Конституции РФ закреплены гарантии единства экономического пространства, свободное перемещение товаров и услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (ч. 1 ст. 8 Конституции Российской Федерации). Таким образом, указанная норма Конституции РФ определяет правовую гарантию действий лиц, занимающихся экономической деятельностью, на всей территории страны.

Ведение предпринимательской деятельности всегда несет за собой риски не только финансового характера в виде причиненных убытков, но и риски несения ответственности, предусмотренной гражданским, административными уголовным законодательством.

Применительно к вопросу о правовом статусе субъекта отмечается, что ответственность выступает его необходимым элементом. Более того, некото-

рые авторы считают, что юридическая ответственность предпринимателя является основной целью правовой регламентации предпринимательской деятельности, основной составляющей предпринимательского бремени[1].

Понятие «юридическая ответственность субъектов предпринимательства» традиционно формулируют исходя из общего представления о юридической ответственности как одной из форм государственно-принудительного воздействия на нарушителей норм права, заключающейся в применении предусмотренных законом санкций – мер ответственности, влекущих для них дополнительные неблагоприятные последствия.

Предприниматели как субъекты рыночной экономики, участники гражданского оборота несут в первую очередь гражданскую ответственность.

Гражданско-правовая договорная ответственность – это принудительное применение к нарушителю договора мер(санкций) имущественного воздействия, оказывающих влияние на экономическую сферу нарушителя, обеспечивающих такое имущественное положение кредитора, которое сложилось бы при исполнении нарушителем взятых на себя в соответствии с договором обязательств[2].

Данный вид ответственности наступает в случае, если неправомерными действиями причинен ущерб личности или имуществу граждан, а также юридическим лицам. При совершении гражданско-правовых правонарушений могут быть применены санкции в виде возмещения вреда, уплаты неустойки, возмещении убытков восстановления нарушенного права и так далее.

Административная ответственность наступает за совершение административных правонарушений, содержащихся в Кодексе об административных

[1]Ермолова О.Н. Обязательные требования к предпринимательской деятельности: вопросы контроля и ответственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 5. С. 60 - 75

[2]Чуйкова К.И. Ответственность субъектов предпринимательской деятельности // Современные тенденции развития науки и образования. материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Научно-издательский центр «Мир науки». 2018. С. 463-466.

правонарушениях РФ. Административная ответственность определяется особенностями административного правонарушения, которое является основание для ее возникновения и влечет правовые последствия применения. Охрана общественного порядка является основной целью административной ответственности. К иным целям можно отнести: предупреждение совершения новых правонарушений, как правонарушителем, так и иным лицом, а также определение установок, способствующих законопослушному поведению.

Субъектами правонарушений в гл. 14 КоАП РФ являются граждане, юридические лица и их должностные лица.

Здесь следует отметить особенности правового статуса индивидуального предпринимателя. В КоАП РФ индивидуальный предприниматель рассматривается:

– как должностное лицо, что закреплено в ст.2.4 КоАП РФ;

– как индивидуальный предприниматель, однако только в нескольких статьях, например, ст. ст. 14.46.2 КоАП;

– как лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. Такое указание содержится в статьях, где предусмотрено отдельно наказание для должностных лиц (руководителей организаций, госслужащих) и для индивидуальных предпринимателе, в частности, это ст. 5.27 или 14.4 КоАП;

– как юридическое лицо в случае совершения правонарушений, указанных в статье 15.27 КоАП РФ и главе 18 КоАП. Такая норма определена в ст. 15.27 и 18.1 КоАП РФ.

Таким образом, в соответствии с положениями КоАП РФ, индивидуальный предприниматель может быть привлечен к административной ответственности в основном как должностное лицо и в специально оговоренных случаях как предприниматель, юридическое лицо.

Все административные правонарушения, совершаемые субъектами предпринимательской деятельности, условно можно подразделить на три группы:

– правонарушения, совершаемые при организации предпринимательской деятельности: отсутствие регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица, отсутствие лицензии (разрешений), неприменение контрольно–кассовой техники, несоблюдение противопожарных требований, санитарно–гигиенических норм, экологического законодательства и т. п.(ст. ст. 14.1, 14.5 КоАП РФ и т.д.);

– правонарушения, при осуществлении непосредственно предпринимательской деятельности: производство и продажа товаров, несоответствующих требованиям по качеству, недобросовестная конкуренция, нарушение прав потребителей, и т. д. (ст.ст. 14.6, 4.7, 14.8 КоАП РФ и т.д.);

– правонарушения в сфере организации труда: невыполнение функции налогового агента, страхователя, отсутствие трудоустройства работников; невыплата заработной платы и т.д. (ст. 5.27–5.34 КоАП РФ).

Преступление – это правонарушение, несущее высокую социальную опасность. Это самый суровый вид ответственности. За совершение преступлений, предусмотренных нормами УК РФ наступает уголовная ответственность индивидуальных предпринимателей.

Уголовная ответственность также является одним из видов юридической ответственности предпринимателей, возникающей при совершении противоправных действий в процессе предпринимательской деятельности. Основанием уголовной ответственности предпринимателей является совершение действия, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ, в первую очередь, в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности»

Как следует из ряда норм Уголовно-процессуального кодекса РФ (ч.3 ст.20, ч.1.1 ст.108) под субъектом предпринимательской деятельности понимается индивидуальный предприниматель либо член органа управления коммерческой организации. В соответствии с п.2 постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в

сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» к членам органа управления коммерческой организации относятся, в частности, член совета директоров (наблюдательного совета) или член коллегиального исполнительного органа коммерческой организации (например, правления акционерного общества), лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа (директор, генеральный директор, председатель производственного кооператива и т.п.)[1].

В уголовном законодательстве имеются нормы как общего действия, то есть действующие вне зависимости от наличия статуса индивидуального предпринимателя или члена органа управления коммерческой организации (ст. 198 УК РФ), так и специальные, которые непосредственно связаны с предпринимательской деятельностью. В качестве примера последних можно привести преступления, предусмотренные ч.ч. 5–7 ст. 159 УК РФ (квалифицирующие признаки мошенничества). Кроме этого, в УК РФ имеются отдельные составы, непосредственно связанные с осуществлением предпринимательства. Например, можно отметить ответственность индивидуального предпринимателя за сокрытие средств для взыскания налогов (ст. 199.2 УК РФ), а также предпринимательство без необходимой для этого регистрации с причинением крупного ущерба (ст. 171 УК РФ). Порядок привлечения к уголовной ответственности, в том числе полномочия соответствующих государственных органов, строго регламентированы Уголовно–процессуальным кодексом РФ.

Привлечение субъектов предпринимательской деятельности вызывает немало вопросов как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной деятельности.

Во-первых, это понятие «предпринимательская деятельность. Указанное понятие должно толковаться в соответствии с гражданским законодательством (ст. 2 ГК РФ) и цивилистической доктриной. Вместе с тем ряд авторов

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48(ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

отмечают несовершенство законодательного определения предпринимательской деятельности. Так, Е.П. Чорновол и А.В. Головизнин указывают, что понятие «систематическое получение прибыли» не отвечает требованиям определенности[1], а А.А. Иващенко полагает, что данное определение нужно дополнить двумя признаками: инициативность и профессионализм[2]. Как представляется, определение предпринимательской деятельности, закрепленное в ст. 2 ГК РФ, достаточно полно отражает суть данной деятельности и не нуждается в каком-либо дополнении.

В теории гражданского права можно встретить и весьма оригинальные определения предпринимательской деятельности. Так, по мнению Б. Банзрагч, предпринимательство может рассматриваться «как стиль хозяйствования, процесс организации и осуществления деятельности в условиях рынка, взаимодействие субъектов рынка...». При этом, как полагает автор, «многие исследователи характеризуют предпринимательство как процесс поиска новых возможностей, внедрение новых способов производства, открытость к новым перспективам, преодоление старых ограничений. Другие исследователи усматривают в предпринимательстве особый, связанный с риском вид деятельности по организации нового потенциала, прибыльного дела, а также творческую активность в экономике, требующую специфических личностных качеств»[3]. Приведенное определение вряд ли пригодно, так как здесь закреплены такие признаки предпринимательства, которые невозможно будет учесть с достаточной степенью определенности при квалификации соответствующих правонарушений.

---

[1]Чорновол Е.П., Головизнин А.В. Нормативно-правовые, доктринальные и правоприменительные признаки предпринимательской деятельности // Право и экономика. 2016. № 1. С. 16 - 22.

[2]Иващенко А.А. Понятие предпринимательской деятельности в гражданском законе Российской Федерации и цивилистической доктрине // Общество и право. 2013. № 2. С. 47 - 51.

[3]Банзрагч Б. Понятие и содержание предпринимательства // Проблемы науки. 2017. № 7(20). С. 53 - 54.

Во-вторых, еще одной проблемой является вопрос о включении в исследуемую сферу лиц, занимающихся «фактической» предпринимательской деятельностью. Исследуя статус таких лиц, В.В. Болгова и Е.Е. Новопавловская указывают, что согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ таким лицам запрещено ссылаться на то, что они не являются предпринимателями[1]. Таким образом, названные лица также должны рассматриваться в качестве субъектов предпринимательской сферы.

Третья проблема связана с несовершенством правовой регламентации статуса индивидуального предпринимателя. Разнообразие источников права, регулирующих деятельность индивидуального предпринимателя, усложняет процесс привлечения к ответственности индивидуального предпринимателя. Это особенно проблематично из–за регламентации правового статуса данного субъекта различными отраслями права. Статус индивидуального предпринимателя в различных ситуациях меняется: он может быть приравнен к физическому лицу, а иногда наоборот - к коммерческой организации. В частности, гражданское и налоговое законодательство однозначно определяет, что индивидуальный предприниматель ведет деятельность без образования юридического лица (ст. 23 ГК РФ, абз. 4 п. 2 ст. 11 НК РФ). Но с учетом цели и направленности на систематическое получение прибыли к деятельности индивидуального предпринимателя применяются те же правила, что установлены для юридических лиц, являющихся коммерческими организациями. Ответственность индивидуальных предпринимателей за административные правонарушения, как правило, отличается от ответственности юридического лица и определяется правилами ответственности должностных лиц, если прямо не предусмотрено иное.

[1]Болгова В.В., Новопавловская Е.Е. Понятие и признаки предпринимательской деятельности в интерпретационной практике Конституционного Суда Российской Федерации // Вестн. ВУиТ. 2017. № 3. С. 46 - 52.

Таким образом, в действующем законодательстве существует достаточно широкий круг оснований для привлечения предпринимателей к гражданской, административной и уголовной ответственности, при этом при привлечении к ответственности правоприменительные органы должны правильно учитывать специфику правового статуса субъекта предпринимательства.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ЕМУ ОБВИНЕНИЕМ

Трофимова Д.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. доц. Саюшкина Е.В.

Законодательство в последнее время идет в направлении упрощения некоторых производств, как в досудебном, так и в судебном производстве. В частности, в отечественном законодательстве появился институт особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, который регламентируется гл. 40 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). Он хорошо себя зарекомендовал, востребован и широко распространен, так как позволяет проводить уголовное судопроизводство в разумные сроки и существенно экономит бюджетные ресурсы.

Действительно, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2020 году вынесено 290 227 приговоров в особом порядке, в 2021 году - 256 385, в 2022 году - 239 516, в первом полугодии 2023 года - 102 905[1].

Отличие особого порядка рассмотрения уголовных дел, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, от общего порядка состоит в том, что при рассмотрении уголовного дела в особом порядке, суд не исследует доказательства и другие

[1] Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 05.02.2024).

материалы дела, за исключением материалов дела, характеризующих личность подсудимого. Так же по характеристике личности подсудимого могут быть допрошены свидетели со стороны защиты, как правило, близкие родственники.

Подтверждением тому является правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», согласно которой особый порядок судебного разбирательства, во-первых, не предусматривает исследование в судебном заседании доказательств, которые относятся к обвинению, но предполагает оценку судьей обвинения с точки зрения обоснованности и доказанности, во-вторых, особый порядок возможен лишь при отсутствии сомнений в обоснованности обвинения[1]. Следовательно, для того чтобы дело было рассмотрено в особом порядке, у судьи не должно быть сомнений в виновности обвиняемого и в обоснованности предъявленного ему обвинения. Количество и качество доказательств, собранных предварительным расследованием, должно быть достаточным для построения таких выводов. Очевидно, что вопрос качества предварительного расследования при рассмотрении уголовного дела в особом порядке приобретает особое значение. Вместе с тем в судебной практике нередки случаи, когда нарушения, допущенные следствием, оставляются судами без внимания.

Широкое применение данного института неоднозначно оценивалось как в научных кругах, так и в общественности. Бывший Генеральный прокурор Российской Федерации Ю.Я. Чайка в 2015 году оценивал широкое распространение особого порядка при рассмотрении уголовных дел как тревожную ситуацию. Он связывал это с ослаблением профессиональных навыков следственных работников, так как в данной упрощенной форме не требуется значительных усилий по сбору доказательств. В 2018 году ситуация почти не изменилась, и бывший Генеральный прокурор вновь указал на данную проблему, заявив о деградации органов предварительного следствия в России.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 "О судебном приговоре" // РГ. 2016. № 277 (дата обращения: 05.02.2024).

В своем выступлении на парламентских слушаниях в 2014 году, Председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ В.А. Давыдов критически отнесся к институту особого порядка при рассмотрении уголовных дел, отметив, что упрощенная процедура удобна для органов предварительного расследования и суда, так как обвинительный приговор выносится без проведения судебного разбирательства (ч. 2 ст. 314 УПК РФ). Однако, приговор фактически не мотивируется, анализ доказательств и их оценка судьей не отражаются (ч. 8 ст. 316 УПК РФ), и приговор не обжалуется в апелляционном порядке в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела (ст. 317 УПК РФ). В связи с этим, недопустимо освобождать государство от необходимости доказывать виновность каждого обвиняемого, к чему обязывает ст. 49 Конституции Российской Федерации. По мнению докладчика, данный институт «при действующих условиях применим исключительно к преступлениям небольшой тяжести с целью минимизации судебных ошибок»[1].

О.В. Качалова высказывала похожую точку зрения, утверждая, что дела только небольшой и средней тяжести должны рассматриваться в рамках главы 40 УПК РФ, так как сокращенные производства не могут полностью реализовать цели уголовного судопроизводства[2]. Рассмотрение тяжких преступлений в общей форме судебного разбирательства позволяет более объективно изучить все собранные по делу доказательства, что обеспечивает справедливость уголовного судопроизводства.

В связи с этим отечественный законодатель в 2020 г. внес изменения в ч. 1 ст. 314 УПК РФ, исключив из особого порядка рассмотрения дела о тяжких

[1] Стенограмма парламентских слушаний на тему «Вопросы совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации: тенденции и перспективы» от 24 июня 2014 г. С. 7, 8. URL: http://council.gov.ru/media/files/41d4ecbl640d5bea55f6.pdf (дата обращения: 05.02.2024).

[2] Качалова О.В. Рационализация производства по уголовным делам: требования времени // Судья. 2017. № 4. С. 30.

преступлениях, и оставив только дела о преступлениях небольшой или средней тяжести[1]. Это вернуло статью к первоначальной редакции 2001 г. Данное решение отечественного законодателя представляется целесообразным и верным. Соответственно, в 2020 г. в особом порядке количество осужденных лиц значительно уменьшилось и составило 56% от общего числа всех рассмотренных по существу дел с вынесением приговора[2].

Тем не менее, проблемы реализации института особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением все еще остаются актуальной темой. Особую дискуссию вызывают следующие положения действующего законодательства:

1. Судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу (ч. 5 ст. 316 УПК РФ);

2. Действительно ли обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу (ч. 7 ст. 316 УПК РФ);

3. Признание вины подозреваемым (обвиняемым) на стадии предварительного расследования и признание вины при рассмотрении уголовного дела в суде;

4. Приговор, постановленный в соответствии со ст. 316 УПК РФ, не может быть обжалован в апелляционном порядке по основанию, предусмотренному п. 1 ст. 389.15 УПК РФ;

5. Вопрос назначения наказания подсудимому, в случае возражения государственного обвинителя о рассмотрении уголовного дела в особом порядке.

---

[1] Федеральный закон от 20.07.2020 № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4750.

[2] Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Форма № 1: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. Раздел 1: Движение дел. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 05.02.2024).

Положения законодательства о том, что исследование и оценка доказательств не проводится судьёй в общем порядке, неоднозначно оценивается в научной доктрине. Так, Н.А. Дудина указывает, что «суд является формальным участником уголовного судопроизводства, судьба дела фактически решается на досудебном производстве. Фактически не осуществляется правосудие, поскольку не происходит непосредственного исследования доказательств»[1]. По мнению С.С. Безрукова, «возвращаются времена, когда «царицей доказательств» являлось признание обвиняемым своей вины, что недопустимо в современных реалиях, при построении правового государства»[2]. Действительно, недопустимо освобождать государство от необходимости доказывать виновность каждого обвиняемого, к чему обязывает ст. 49 Конституции Российской Федерации.

В этой связи, некоторые эксперты в области уголовного процесса утверждают, что концепция быстрого судебного разбирательства противоречит российскому уголовному процессу и принципам, которые лежат в его основе. Этот порядок считается аморальным и юридически неправильным, так как он может привести к привлечению к уголовной ответственности невиновных лиц, которые не получат возможность опровергнуть свою вину в соответствии с процессуальными нормами[3]. Фактически, законодательство, укрепляя гарантии на досудебной стадии, почти полностью отказалось от гарантий на судебной стадии. Следует согласиться с исследователями, которые предлагают ре-

[1] Дудина Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: дис. канд. юрид. наук. Красноярск, 2015. С. 152.

[2] Безруков С.С. Пределы упрощения уголовно-процессуальной формы // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Томск: Томский гос. ун-т, 2018. Ч. 79. С. 21.

[3] Григорьев В.Н., Победкин А.В. Тупиковые векторы «свертывания» уголовно-процессуальной формы? (концептуальный подход к проблеме) // Университетский человек: Памяти Ю.В. Астафьева / под ред. А.Ю. Астафьева. Воронеж: ВГУ, 2018. С. 220.

волюционно изменить подход к проблеме упрощенных процедур, сократив досудебную часть, и одновременно укрепив судебные процедуры (данная альтернатива видится наиболее целесообразной и привлекательной)[1].

Приговор, который постановил судья в особом порядке, без судебного разбирательства, не может быть обжалован по мотивам несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, поскольку они не исследовались судом. В приговоре акцент делается на обвинении, предъявленном органами уголовного преследования, на его обоснованности материалами дела, на добровольном согласии с ним обвиняемого, на позиции обвинителя и на других формальных условиях признания виновным и назначения наказания. По всем другим предусмотренным законом основаниям такой приговор может быть обжалован.

С.П. Желтобрюхов отмечает еще об одной проблеме действующего правового регулирования. По мнению исследователя «в последнее время участились необоснованные и немотивированные случаи отказа государственных обвинителей от рассмотрения уголовных дел в особом порядке»[2]. Дело в том, что в ч. 2 ст. 314 УПК РФ регламентируются основания применения особого порядка принятия судебного решения: «1) обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства; 2) ходатайство было заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником; 3) государственный или частный обвинитель и (или) потерпевший не возражают против заявленного обвиняемым ходатайства». Итак, действующее законодательство не требует, чтобы государственный обвинитель и потерпевший обосновывали и мотивировали свой отказ о рассмотрении уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ.

---

[1] Баранов А.М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам: монография // Омск: ОмА МВД России, 2006. С. 135.

[2] Желтобрюхов С.П. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением требует своего реформирования // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 54-55.

А.В. Гриненко констатирует, что «ни в законе, ни в ведомственных приказах Генерального прокурора РФ четко не определено, в каких именно случаях государственному обвинителю следует соглашаться с применением особого порядка, а в каких – нет»[1].

Согласно позиции Генеральной прокуратуры Российской Федерации, число рассмотренных уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства, не должно превышать 25% от общего числа рассмотренных уголовных дел. В связи с этим, за последние два года наблюдается уменьшение количества уголовных дел, рассмотренных в особом порядке.

Кроме того, интересным представляется следующее предложение С.П. Желтобрюхова: «в любом случае необходимо законодательно закрепить, что если, несмотря на ходатайство обвиняемого о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, дело рассматривалось в общем порядке и это произошло вопреки желанию подсудимого, то при постановлении приговора суд должен применять правила ч. 7 ст. 316 УПК РФ и ч. 5 ст. 62 УК РФ об ограничении максимально возможного наказания»[2]. По мнению автора, данные изменения требуют своего воплощения в жизнь, иначе необоснованные и немотивированные отказы государственных обвинителей от рассмотрения уголовных дел в особом порядке принятия судебного решения искусственно уничтожат гл. 40 УПК РФ.

К проблемным аспектам, вытекающим из практического применения данной нормы права, можно отнести проблемы процессуального характера.

В уголовно-процессуальном кодексе РФ закреплены основания применения особого порядка принятия судебного решения, такие как: уголовные дела по преступлениям небольшой или средней тяжести, обвиняемый осознает

[1] Гриненко А.В. Договорные отношения в российском уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 154.

[2] Желтобрюхов С.П. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением требует своего реформирования // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 55.

характер и последствия заявленного им ходатайства; ходатайство было заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником; государственный или частный обвинитель и (или) потерпевший не возражают против заявленного обвиняемым ходатайства. Возникает вопрос отсутствия в Уголовно-процессуальном кодексе РФ самого главного основания – признание вины подсудимым. Согласие подсудимого с обвинением не означает признание вины. На практике часто бывают ситуации, когда подозреваемый (обвиняемый) на стадии предварительного следствия при допросе либо отказывается от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции РФ, либо вовсе не признает свою вину. После чего в судебном заседании при выяснении вопроса о признании вины, подсудимый сообщает о том, что вину признает, обвинение ему понятно, согласен на рассмотрение уголовного дела в особом порядке. Как правило, при возникновении таких ситуации судьи принимают решение о рассмотрении уголовного дела в общем порядке, что является, по моему мнению, правильным.

На основании вышеизложенного, предлагаю, внести следующие изменения в п. 1 ч. 2 ст. 314 УПК РФ: «обвиняемый признает вину в совершенном преступлении», а ч. 6 ст. 316 УПК РФ дополнить следующим положением: «В случае, если подсудимый на стадии предварительного следствия не признавал вину, уголовного дело необходимо рассматривать в общем порядке».

Полагаю, что только после выяснения вопроса о признании вины подсудимым, можно принимать решение о рассмотрении уголовного дела в особом порядке принятия судебного решения.

Кроме того, в судебном заседании возникают ситуации, когда квалификация действий обвиняемого не подтверждается в ходе судебного заседания, а соответственно виновность подсудимого не подтверждается собранными по делу доказательствами. Например, гражданин С. обвиняется в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ – кража, совершенная с причинением значительного ущерба гражданину. Содержание значи-

тельного ущерба - оценочное понятие, которое устанавливается в каждом конкретном случае на усмотрение суда, зависит от материального положения потерпевшего на момент совершения преступления. В ходе судебного заседания судья выясняет у потерпевшего причинён ли ему преступлением значительным ущерб, потерпевший поясняет о своем материальном положении и сообщает о том, то ущерб для него не является значительным. На основании таких сведения судья принимает решение о переквалификации действия подсудимого на ч. 1 ст. 158 УК РФ. При вынесении обвинительного приговора судья обязан убедиться, что действительно обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу.

Рассмотрим вопрос назначения наказания в случаях, когда государственный обвинитель заявляет ходатайство о рассмотрении дела в общем порядке. В случаях, когда государственный обвинитель усматривает причину о невозможности рассмотрения уголовного дела в особом порядке, наказание подсудимому назначается по общим правилам, то есть не применяются положения, предусмотренные ч. 7 ст. 316 УПК РФ. Полагаю, такое решение является неверным, так как ухудшается положением подсудимого и затягивает сроки рассмотрения уголовного дела, так как он вину признал, согласен с предъявленным ему обвинением, категория преступления соответствует небольшой или средней тяжести заявил ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке.

Полагаю, необходимо дополнить ч. 6 ст. 316 УПК РФ следующим положением: «При возражении государственного обвинителя против постановления приговора без проведения судебного разбирательства либо по собственной инициативе судья выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке, постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, которое не может превышать две трети максимального срока

или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление».

Действующее законодательство содержит в себе противоречащие друг другу требования. С одной стороны, при рассмотрении уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, судья не приводит в общем порядке судебное следствие. То есть, исследуются в суде материалы, характеризующие личность подсудимого, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, в приговоре не должны быть отражены анализ и оценка доказательств по делу, итоговое решение не может быть обжаловано по основанию, как не соответствие фактическим обстоятельствам уголовного дела выводам судьи указанных (изложенных) в вынесенном приговоре. То есть получается так, что судья, вынося решение по уголовному делу, основывается лишь на добровольном и осознанном признание вины в содеянном подсудимого, все стороны действуют добросовестно, профессионально, ответственно и все отражено в материалах уголовного дела. С другой стороны, закрепленное ч. 2 ст. 316 УПК РФ право судьи постановить приговор при наличии всех предусмотренных ст. 314 УПК РФ оснований применения особого порядка судебного разбирательства и еще одно обязательное условие при постановлении приговора в особом порядке - это условие, при котором судья должен прийти к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый обоснованно и подтверждается материалами уголовного дела, то есть доказательствами, собранными по данному уголовному делу.

Подводя итоги, отметим, что любые сомнения в обоснованности законности результатов предварительного расследования должны служить основанием для назначения рассмотрения уголовного дела в общем порядке. Такой подход будет способствовать повышению качества предварительного расследования и в целом всего уголовного судопроизводства.

Таким образом, институт особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением в том виде, в

котором закреплен в действующем отечественном законодательстве, неоднозначно оценивается в правовой доктрине и требует законодательного пересмотра. Исключение из особого порядка принятия судебного решения дел о тяжких преступлениях, и оставление только дел о преступлениях небольшой или средней тяжести явилось целесообразным решением отечественного законодателя. Однако, этим решением все проблемы исследуемого института не исчерпались.

ПРЕДМЕТ И ОСНОВАНИЕ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ О РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В СЛУЧАЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ОДНОГО ИЗ СУПРУГОВ

Уйманова С.Э. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Буянова Е.В.

Суды общей юрисдикции рассматривают заявления, связанные с разделом имущества супругов и не имеют полномочий на рассмотрение заявлений, связанных с несостоятельностью (банкротством).

Следовательно, подача заявления о включении в конкурсную массу гражданина-должника доли из общего имущества супругов в суд общей юрисдикции нарушает прямой запрет гражданского процессуального и банкротного законодательства.

Исходя из положений ст. 213.25 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[1], ст. 34, 45 Семейного кодекса РФ и с учетом положений пунктов 1, 3, 4 статьи 256 Гражданского кодекса РФ, в конкурсную массу должника может быть включена выделенная в установленном законом порядке доля должника гражданина в общем имуществе для обращения на нее взыскания[2].

[1] Федеральный закон 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. ст. 4190

[2] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-70373/2020 по делу №А55-13460/2016 от 26.01.2021г.

Таким образом, включение доли супруга/-ги гражданина-должника в конкурсную массу не может быть произведена без первоначального выдела такой доли из общего имущества супругов.

Для обращения взыскания на долю в имуществе супругов при банкротстве одного из супругов необходимо обратиться в суд общей юрисдикции с заявлением о выделе такой доли из общего имущества супругов.

Законодатель отождествляет такие понятия как «общая совместная собственность» и «общее имущество супругов». Однако, некоторые ученые считают необходимым разграничивать указанные правовые категории[1].

Общая собственность может быть двух видов – совместная и долевая (имущество разделено между его собственниками на доли). Предполагается, что общая собственность является долевой, обладающей следующими признаками:

Совместная собственность образуется при наличии одного из условий:

- имущество не может быть разделено, т.е. вещь является неделимой;

- имущество не может быть разделено в силу закона;

- на делимую вещь общая совместная собственность возникает в силу закона.

Таким образом, по своей правовой природе общая совместная собственность супругов является видом общей собственности, устанавливаемая в силу закона и ограниченная количественным и качественным составом субъектов данного вида права собственности.

Субъектами, обладающими правом совместной собственности супругов, могут являться только супруги, т.е. лица между которыми заключен брак в органах записи актов гражданского состояния.

В целом, можно выделить следующие отличительные признаки общей совместной собственности супругов от общей собственности:

[1] Моисеева Т.М. Совместная собственность супругов и (или) общее имущество супругов: анализ современного семейного и гражданского права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 131 - 136.

- основанием возникновения является заключенный в органах ЗАГСа брак;

- участниками могут быть только супруги, брак между которыми заключен в органах ЗАГСа.

Законодательно урегулирован и состав совместно нажитого имущества супругов, который приведен в ч. 2 ст. 34 СК РФ и из которой можно выделить два условия, при которых имущество признается совместно нажитым:

- приобретено в период брака. Добрачное имущество признается личной собственностью супругов;

- приобретено на общие средства. Имущество, приобретенное в период брака на добрачные средства или полученные в дар, а также вещи индивидуального пользования, относится к личной собственности одного из супругов.

Приведенный в ч. 2 ст. 34 СК РФ перечень состава совместного имущества супругов не является закрытым, что на практике приводит к различным спорам. Отсутствие легального определения имущества порождает вопрос, что к таковому может относиться, кроме того, что непосредственно указанно в ч. 2 ст. 34 СК РФ[1].

В качестве недостатка действующей редакции ч. 2 ст. 34 СК РФ следует указать отсутствие в ней общих долгов супругов, составляющих пассив их общего имущества. Более того, исходя из содержания ч. 3 ст. 39 СК РФ, общие долги супругов подлежат распределению при разделе их общего имущества. В связи с чем, большинство ученых полагают, что общие долги супругов, приобретенные ими в период брака, также относятся к их общему имуществу[2]. По такому же пути идет и судебная практика[3].

---

[1] Ивахненко С.Н. Актуальные проблемы определения состава общей совместной собственности супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 28 - 31.

[2] Чефранова Е.А. Обязательственные права и обязанности в составе общего имущества супругов // Юридический мир. 2007. № 4. С. 34 – 35.

[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.04.2017 г. № 18-КГ16-196 Электронный ресурс // СПС КонсультантПлюс.

Таким образом, под общим имуществом супругов следует понимать принадлежащее на праве собственности имущество, а также их долговые обязательства, нажитое и приобретенные супругами в период их брака, заключенного в органах записи актов гражданского состояния, с целью совместного его использования и защищаемое посредством выделения доли и раздела долей, а также требований об установлении порядка владения и пользования таким имуществом.

Однако, подача заявления о выделе доли из общего имущества супругов целесообразна только в случае, когда финансовый управляющий должника либо его кредиторы желают включить в конкурсную массу доходы супруга или супруги гражданина-банкрота от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения.

При реализации объектов движимого и недвижимого имущества, являющиеся общим имуществом супругов, финансовый управляющий, руководствуясь положениями п. 7 ст. 213.26 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», имеет право выставить на торги имущество целиком без разделения его на доли.

Таким образом, для включения в конкурсную массу гражданина-банкрота доходов его супруга или супруги необходимо обратиться в суд общей юрисдикции с исковым заявлением о выделе доли супруга-должника из общего имущества супругов. И лишь после вынесения соответствующего судебного акта судом первой инстанции у финансового управляющего появляется право на включение данной доли в конкурсную массу гражданина-должника путем истребования денежных средств у супруга или супруги гражданина-должника.

В случае реализации объектов движимого и недвижимого имущества, принадлежащие супругам на праве совместной или долевой собственности,

необходимость в предварительном выделении доли гражданина-банкрота из общего имущества отсутствует.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ, РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА И ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Уразгалиева Д.Ж. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Жеребятьев И.В.

Проблема обеспечения законности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства остаётся одной из наиболее острых. Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрен ряд механизмов, позволяющих выявлять и устранять нарушения закона, допускаемые на этих стадиях. При этом одним из действенных механизмов, призванных оперативно восстанавливать нарушенные права и законные интересы, является институт прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля.

На практике законодательная регуляция правоотношений между следователем, руководителем следственного органа и прокурором несовершенна. В ряде случаев существенную часть процессуальных сроков, своих сил и энергии должностные лица тратят на разбирательство в возможностях своих полномочий, их границах, правильности взаимодействия, вместо того чтобы совместными усилиями способствовать законному и обоснованному, скорому следствию и достижению целей и задач уголовного судопроизводства[1].

В настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве правовые механизмы взаимодействия прокурора и руководителя следственного органа, следователя чётко не определены, имеются пробелы относительно тех

[1] Самсонов В.В. Прокурорский надзор и ведомственный процессуальный контроль в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 165.

или иных действий, процессуальных полномочий данных субъектов уголовного преследования.

Согласно действующему законодательству, следователь, руководитель следственного органа представляются независимыми и самостоятельными властными субъектами предварительного следствия, тогда как прокурор лишён полномочий непосредственно осуществлять досудебное уголовное преследование. Таким образом, в настоящее время единство стороны обвинения нарушено процессуальным и организационным отделением следствия.

При отсутствии адекватных полномочий прокурора, способных предотвратить, а не просто констатировать уже совершённые нарушения закона, в 2022 г. число допущенных следователями нарушений составило 1 млн 342 тыс., рост их составил 2,8 % относительно предыдущего года[1].

Данные результаты уголовно-процессуальной деятельности свидетельствуют о том, что проблема соотношения прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного следствия, их предмет и пределы, а также процедура взаимодействия этих субъектов, становятся весьма актуальными.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, разделившим функции расследования преступлений и надзора за ним, у прокурора остался весьма скромный круг полномочий по осуществлению надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. Он становится субъектом уголовного преследования по уголовным делам органов следствия лишь при их поступлении вместе с обвинительным заключением для утверждения, когда в силу упущенного времени восполнение неполноты доказывания практически невозможно. Именно на этом этапе нередко выявляются уже неустранимые нарушения уголовно-процессуаль-

[1] Доклад Генерального прокурора Российской Федерации И.В. Краснова на заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ (26.04.2023). - URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 01.02.2024).

ного закона, влекущие за собой признание полученных в ходе предварительного следствия доказательств недопустимыми. Несмотря на это, именно прокурор отвечает за результаты предварительного следствия, не имея при этом реальной возможности осуществлять эффективный надзор за его качеством.

Так, прокурор наделён полномочием проверять исполнение требований федерального закона при приёме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Однако, данное полномочие носит формальный, декларативный характер, поскольку закрепляющая его норма не предоставляет никакой возможности его реализовать. Сама по себе проверка прокурором исполнения требований закона не может иметь какого-либо эффективного воздействия на исполнение требований закона. Вместе с тем в УПК РФ меры прокурорского реагирования по итогам проверки исполнения требований п.1 ч.2 ст.37 УПК РФ не предусмотрены. Отсутствует и чёткий механизм осуществления такой проверки, в частности, не предусмотрены её порядок и обязанность органов следствия предоставить прокурору соответствующие материалы для такой проверки, необходимые ему в связи с исполнением этих полномочий. Так, в ч.4 ст. 148 УПК РФ предусмотрена обязанность направить копию решения об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения. При этом проверка, предусмотренная п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, не ограничивается лишь проверкой законности принятых ранее решений по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях, а учитывает также полноту и своевременность регистрации сообщений о преступлениях, в том числе тех, которые направлены прокурором в рамках постановления, принятого в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ: проведения по ним необходимых для принятия законных и обоснованных решений проверочных мероприятий, обоснованность и соответствие закону продления сроков доследственных проверок и пр. Как показывает практика, большая доля нарушений закона допускается следователями именно на данной стадии процесса.

Далее необходимо обратить внимание на безадресное полномочие прокурора, предусмотренное ч.2.1 ст.37 УПК РФ, поскольку неясно, к кому обращено требование прокурора, вытекающее из указанной части ст. 37 УПК РФ: «по мотивированному письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела». В ст. 38 и 39 УПК РФ, содержащих основной перечень полномочий и обязанностей следователя и руководителя следственного органа соответственно, отсутствует обязанность предоставить прокурору по его мотивированному запросу материалы находящегося в производстве дела. В связи с этим в случае непредставления руководителем следственного органа по запросам прокурора уголовного дела он не имеет предусмотренной законом возможности воздействовать на следователя и/или руководителя следственного органа. Поэтому в ряде случаев прокуроры вносят требования, в которых указывается на нарушение ч.4 ст.21 УПК РФ. Однако, нам представляется, что применение прокурором данной статьи как средства воздействия на следователя и руководителя следственного органа является неправомерным, поскольку она не касается поднадзорных прокурору органов следствия. В таких случаях прокуроры часто ссылаются на совместное Генпрокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, МВД РФ и других правоохранительных органов указание «Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» от 03.06.2015 № 75/ 36/1/206/2/5443/195/1-у/21/4/1081, в соответствии с п.3.16 которого руководителям следственных органов предписано «исключить случаи необоснованного непредставления прокурору возможности ознакомления с материалами уголовного дела по его мотивированному письменному запросу»[1]. Однако, при

[1] Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: указание Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, МВД РФ, МЧС РФ, ФССП, ФСКН РФ, ФТС от 03.06.2015 № 275/36/1/206/2/5443/195/1-у/21/4/1081. - URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 30.01.2024).

ссылке на нарушение данного акта прокурор не может применить такую меру реагирования, как требование в порядке п.3 ч.2 ст.37 УПК РФ, которая предусмотрена только в отношении нарушений закона. Данный проблемный вопрос касается не только находящихся в производстве дел, но и дел, по которым приняты решения о прекращении и приостановлении производства, законность которых прокурор обязан проверить.

В соответствии с п.5.1 ч.2 ст.37 УПК РФ прокурор уполномочен истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ. Однако, для такого полномочия прокурора, как «истребовать», нет соответствующей обязанности следователя и руководителя следственного органа предоставить ему материалы и дела. Положения ч.4 ст.148, ч.2 ст. 208 и ч.1 ст.213 УПК РФ предусматривают направление прокурору только копий постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, приостановлении следствия и прекращении уголовного дела. При этом только в первом случае эта обязанность ограничена сроком её исполнения - 24 часа. Отсутствие же указания на срок предоставления прокурору копий других решений порождает на практике споры между прокурором и поднадзорными органами следствия по поводу срока предоставления копий.

В связи с этим, в настоящее время необходимо совершенствовать действующее законодательство, касающегося мер прокурорского реагирования. На наш взгляд необходимо дополнить ч. 2 ст. 37 УПК РФ «п. 4.1» под следующей редакцией «давать следователю обязательные письменные указания о ходе следствия по конкретному делу».

В свою очередь, полномочиям прокурора должны соответствовать обязанностям поднадзорных должностных лиц. Предусмотренному полномочию прокурора в п. 2.1 ст. 37 УПК РФ, должна соответствовать обязанность руководителя следственного органа исполнить такой запрос прокурора в установленный им срок. В связи с этим, предлагаем внести дополнение в п. 4

ст. 39 УПК РФ «Руководитель следственного органа рассматривает в срок не позднее 5 суток … мотивированное требование прокурора о предоставлении ему возможности ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела».

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ухалова А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Залавская О.М.

В целях создания более эффективной системы норм об охране наследственного имущества и управлению им в гражданский оборот была введена конструкция наследственного фонда. Особенности создания и управления наследственным фондом установлены в статье 123.20-8 Гражданского кодекса Российской Федерации. Наследственный фонд, как и любой иной фонд в Российской Федерации, – это унитарная некоммерческая организация, не имеющая членства и преследующая благотворительные, культурные, образовательные или иные социальные, общественно полезные цели. Исключительной особенностью именно наследственного фонда является то, что он создается во исполнение завещания гражданина и на основе его имущества. В силу статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации такой фонд наряду с иными наследниками участвует в универсальном правопреемстве и отвечает по обязательствам умершего гражданина в качестве его наследника по завещанию.

Исходя из смысла 123.20-8. Гражданского кодекса Российской Федерации учредителем наследственного фонда выступает исключительно одно физическое лицо, это исключает возможность для супругов предусмотреть в совместном завещании супругов создание наследственного фонда. Лицо, желающее учредить наследственный фонд, может обратиться к любому нотариусу и

в рамках завещания выразить волю в учреждении наследственного фонда. Завещание о создании наследственного фонда не может быть закрытым и не может быть совершено в чрезвычайных обстоятельствах. Неотъемлемой частью такого завещания являются: решение завещателя об учреждении наследственного фонда; устав наследственного фонда; условия управления наследственным фондом. Указанные документы завещатель обязан предоставить нотариусу при обращении за удостоверением завещания, условия которого предусматривают создание наследственного фонда.

После смерти завещателя процедура создания наследственного фонда начинается с определения круга лиц, которые будут осуществлять функции исполнительного органа наследственного фонда. Нотариус обязан направить лицам, указанным в решении об учреждении наследственного фонда, или лицам, которые могут быть определены в порядке, установленном решением об учреждении наследственного фонда, предложение войти в состав органов наследственного фонда. Закон предоставляет право указанным лицам принять данное предложение или же отказаться от него. Отказ кандидатов войти в состав органов наследственного фонда становится преградой для дальнейшего оформления наследственного фонда, поскольку согласно положениям статьи 123.20-8 Гражданского кодекса Российской Федерации в случае невозможности сформировать органы наследственного фонда нотариус не вправе направлять в уполномоченный государственный орган заявление о создании наследственного фонда. В данном случае в законодательстве отсутствуют ответы на вопросы: Каким образом следует определять других кандидатов? Может ли функционировать наследственный фонд с усеченным составом управляющих, если некоторые кандидаты отказались исполнять волю наследодателя[1]?

Законодатель устанавливает для нотариуса трехдневный срок со дня открытия наследственного дела для подачи заявления в регистрирующий орган

[1] Цокур Е.Ф. Правовые проблемы создания и функционирования наследственных фондов в России // Наследственное право. 2023. N 3. С. 12 – 14.

о создании наследственного фонда. Следует отметить, что данный срок слишком мал для того, чтобы ознакомиться с завещанием наследодателя, направить предложение о даче согласия, получить согласие (согласия), подготовить заявление и направить его в компетентный орган для последующей регистрации. Так, в мае 2023 года после смерти фотографа, фотожурналиста и коллекционера Юрия Рыбчинского был создан первый наследственный фонд в России. Ввиду отсутствия соответствующей практики, как в нотариальном сообществе, так и в уполномоченном органе, а также с учетом неоднозначного нормативного регулирования наследственный фонд Юрия Рыбчинского был создан нотариусом города Москвы только спустя два месяца после открытия наследства. Учитывая вышеизложенное, целесообразно было бы увеличить срок для направления нотариусом заявления о создании наследственного фонда в регистрирующий орган.

Еще одной особенностью наследственного фонда является невозможность взыскания долгов с учрежденного фонда. При наличии долгов наследодателя взыскать их из имущества, перешедшего в собственность фонда, невозможно. Специалисты отмечают, что данная особенность наследственных фондов может спровоцировать уход от долгов и применение других мошеннических схем[1]. Например, если в наследственный фонд вместе с фирмой будет передано и остальное имущество, то кредиторы не смогут взыскать задолженности, если такие имелись.

В научной литературе также можно встретить мнение о том, что возможность выдачи наследственному фонду свидетельства о праве на наследство до истечения шести месяцев, является несправедливым. Напомним, что в соответствии с пунктом 2 статьи 123.20-8 Гражданского кодекса Российской Федерации наследодатель может предусмотреть, что свидетельство о праве на наследство может быть выдано до истечения шестимесячного срока. По мнению некоторых авторов, наследственный фонд является «равноправным

[1] Кирюшкина С.А. Наследственные фонды в РФ // Форум молодых ученых. 2023. №1 (77).

наследником» наряду с иными наследниками, следовательно, на него должны распространяться положения статьи 1154 Гражданского кодекса Российской Федерации[1]. Действительно, с одной стороны, шестимесячный срок был предусмотрен с целью выявления всех наследников, желающих заявить о себе и принять наследство. Но, с другой стороны, наследственный фонд создается как раз для обеспечения более рационального управления активами. В таком случае, если наследодатель понимает, что поздняя выдача свидетельства о праве на наследство может повлечь за собой значительное уменьшение стоимости имущества или убытки, считается рациональным и обоснованным предоставление наследодателю права установить более короткий, по сравнению с законодательным сроком, срок для выдачи свидетельства о праве на наследство.

Наследственный фонд – относительно новое явление в российской действительности, на законодательном уровне предусмотреть все ситуации, которые могут сложиться на практике, крайне сложно, основные проблемные моменты правовых норм, регулирующих наследственные фонды, можно путем анализа конкретных ситуаций на практике, по мере того как наследственные фонды приобретут широкое распространение, можно будет предложить конкретные законодательные поправки, а на данном этапе целесообразно ограничиться кругом выделенных проблемных моментов, которые требуют внимания законодателя.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА РАБОТОДАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ НЕТИПИЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ В СФЕРЕ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Хабибуллина А.Р. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Черепанцева Ю.С.

[1] Щенникова Л.В. Наследственный фонд как новелла российского гражданского права // Наследственное право. 2017. № 4. С. 3 - 7.

Развитие общества и инновационных технологий в различных направлениях оказало влияние на взаимодействия между работниками и работодателями в рамках трудовых отношений и как следствие, затронули их правовой статус. Появление новых форм занятости, специфика построения трудового процесса - все это привело к введению в научный и практический оборот таких категорий, как «типичность» и «нетипичность». Охватывая содержание отношений в сфере труда, данные категории непосредственно отразились и на субъектах в них участвующих.

Понимание работодателя, которое содержится в статье 20 Трудового кодекса РФ характеризует собой традиционное, или как мы уже отмечали, типичное определение, согласно которому работодатель – это физическое лицо либо юридическое лицо (организация), вступившее в трудовые отношения с работником. В отдельных случаях, в качестве работодателя может выступать иной субъект, наделенный правом заключать трудовые договоры. Типичные работодатели объединяют разнообразных по составу работников, осуществляющих трудовую деятельность, с учетом трудовой функции в совместном трудовом процессе; имеют достаточную широкую распространенность на рынке труда; функционируют практически во всех сферах общественного производства современной России; обладают характерными обобщенными сходными существенными признаками, позволяющими рассматривать их как классическую модель работодателя, несмотря на существующие различия по организационно-правовым формам, целям, способам легализации и иным признакам.

Традиционный труд характеризуется такими признаками, как: обязанность работодателя предоставить работу; обязанность работника выполнять работу; работа под непосредственным контролем работодателя; организация труда работодателем; полное рабочее время; бессрочный характер отношений; участие в отношениях одного работника и одного работодателя, личное выполнение работы; работа в помещениях, контролируемых работодателем.

При отклонении хотя бы по одному из признаков появляется возможность говорить о нетипичном труде. Понятие «нетипичный работодатель» в действующем законодательстве отсутствует, однако в этом есть необходимость. Понимание нетипичного работодателя весьма сложно из-за отсутствия определенных базовых функций, свойственных работодателю «типичному», а также кроется в особенностях отношений, возникающих между ним и его работниками.

Ряд авторов выделяет признаки нетипичных работодателей[1]. К ним относят, во-первых, особенности легализации и осуществления трудового процесса (например, деятельность религиозных организаций, в которых построение трудового процесса отталкивается от заложенных задолго до их нормативного закрепления религиозных традиций). Во-вторых, отсутствие системы социального партнерства и профессиональных союзов (исходя из особенностей деятельности таковых организаций). В-третьих, значительная автономия правового регулирования трудовых отношений, включая особый характер организационных и личностных связей. В-четвертых, наличие работников с узкой специализацией, свойственной только для возникающих отношений (например, спортивная организация, работники спортсмены). В-пятых, малочисленный коллектив работников, возможность построения рабочего процесса с одним-двумя работниками. В-шестых, зачастую, таким работодателям характерна нетипичная иерархия построения отношений в коллективе.

По мнению отдельных исследователей, нетипичные работодатели обладают особым правовым статусом, который вытекает из специфики легализации, цели и направленности трудового процесса, категории и численности работников, вступивших с ним в трудовые отношения, при значительном видоизменении коллективного и индивидуального правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений[2].

---

[1] См., напр.: Зайцева О.Б., Тулупова Ю.Г. Нетипичные работодатели в Российской Федерации: правовая природа и перспективы развития: монография. М.: Проспект, 2016. С.20.

[2] См., напр.: Закалюжная Н.В. Нетипичные трудовые отношения в условиях глобализации и модернизации экономики // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 127.

Большинство представителей трудоправовой науки раскрывают содержание понятия нетипичного работодателя в зависимости от нестандартных форм занятости[1]. В качестве примеров нетипичных работодателей можно назвать религиозные организации, спортивные организации, субъекты малого предпринимательства (микропредприятия), работодателей-физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, частные агентства занятости и др.

Мы разделяем мнение, что внедрение типизации работодателей в современную доктрину трудового права позволяет осуществить дальнейшую структуризацию работодателей, способствующую углублению их индивидуализации как субъектов трудового права; усилить гибкость и эффективность правового регулирования отношений в сфере труда в современной России[2].

Подводя итог, стоит отметить, что регулирование трудовых отношений, возникающих с нетипичными работодателями, отвечает потребностям современного совершенствования рабочего процесса. И было неправильным не замечать таких работодателей. Мы считаем возможным закрепить в ТК РФ дефиницию нетипичного работодателя и его основные признаки. Это, безусловно, актуализирует и усилит ресурсы трудовых отношений.

ПРЕДМЕТНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА И УСЛОВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ

Холькина А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Буянова Е.В.

[1] См., напр.: Приженникова А.Н. Трансформация трудового правоотношения: актуальные вопросы // Современный юрист. 2021. №1 (34). С. 44.

[2] Киселева Е.В., Цыбенко Д.А. Понятие «нетипичные работодатели» и их виды // Юрислингвистика. 2023. № 28. С. 67.

В основе правовой системы, отрасли права, а также любого нормативного правового акта лежит определенная руководящая идея или совокупность идей. В юридической науке эти идеи получили название принципов права.

А.Т. Боннер считал, что принципы – это основные правила, закрепленные нормами гражданского процессуального права[1], а М.Г. Авдюков указывает, что правовой принцип всегда находит конкретное закрепление в нормах права, или он должен быть абстрагирован из норм действующего права[2].

Принципы гражданского процесса направлены на обеспечение справедливости и законности в рассмотрении гражданских споров.

Как указывают исследователи, при рассмотрении данного вопроса необходимо определить соотношение понятий «принципы гражданского процесса», «принципы гражданского процессуального права» и «принципы гражданского судопроизводства». В.П. Кащепов приходит к выводу, что принципы гражданского процессуального права, будучи общими началами и смыслом гражданского процессуального законодательства, в то же самое время являются и принципами гражданского судопроизводства[3]. Это мнение поддерживает и Е.В. Васьковский: «нельзя отрицать существование неразрывной связи цели и задач рационального судопроизводства с постулатами и принципами процесса»[4].

По мнению других авторов, необходимо разграничивать данные термины, так как принципы отрасли гражданского процессуального права целесообразно рассматривать как основные начала регулирования гражданских процессуальных отношений, а принципы гражданского процесса – как начала, регулирующие деятельность судов общей юрисдикции и мировых судей по рассмотрению и разрешению гражданских дел. Это мнение основывается на

---

[1] Боннер А.Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность,

или спор процессуалиста с административистом // Закон. 2016. № 7. С. 25.

[2] Авдюков М.Г. Советский гражданский процесс. М., 1979. С. 18.

[3] Кащепов В.П. Преобразование системы принципов судопроизводства при осуществлении судебной реформы //Журнал российского права. 2017. № 2. С. 32.

[4] Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2018. С. 44.

позиции И.Ю. Мирошникова, который рассматривает гражданское судопроизводство как составную часть гражданского процесса, куда входит исполнительное производство[3].

Некоторые авторы разграничивают принципы гражданского процесса и принципы гражданского судопроизводства[4]. Они имеют много общего, так как оба направлены на обеспечение справедливого и эффективного разрешения гражданских споров. Однако, есть и различия. Принципы гражданского процесса обычно более общие и абстрактные, они определяют основные принципы и ценности, на которых строится весь гражданский процесс. В то время как принципы гражданского судопроизводства чаще всего более конкретны и детализированы, они устанавливают конкретные правила и процедуры, которые должны быть соблюдены в процессе.

На данный момент выделяются следующие принципы гражданского процесса: принцип осуществления правосудия только судом; принцип независимости судей; принцип равенства граждан и организаций перед законом и судом; принцип гласности судебного разбирательства; принцип государственного языка судопроизводства; сочетание единоличного и коллегиального состава суда при рассмотрении гражданских дел[1].

Тем не менее, большинство из перечисленных принципов являются межотраслевыми – например, принцип независимости судей и подчинения их только закону действует в то же время в гражданском, уголовном и конституционном судопроизводстве.

Также встречаются функциональные принципы – это основные принципы, которые определяют функции и задачи конкретной отрасли права, а

---

[3] Мирошников И.Ю. Понятие и значение принципов гражданского процессуального права // Научные известия. 2022. № 26. С. 17.

[4] Плотникова Н.А. Реализация принципов гражданского процессуального права в особом производстве // Наука и Просвещение. 2019. № 4. С. 103.

[1] Степанова Н. М. Некоторые исторические аспекты принципа единоличного и коллегиального рассмотрения гражданских дел в суде // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 88.

также их взаимодействие. Они помогают обеспечить эффективное функционирование системы правосудия, обеспечивая справедливость и защиту прав граждан. Примерами функциональных принципов могут быть: диспозитивность, состязательность, процессуального равноправия сторон, устность, непосредственность, непрерывность и законность[2].

Так, например, принцип диспозитивности означает, что в процессе участвуют только те лица, которые имеют интерес в рассматриваемом споре, и они сами определяют содержание своих правовых требований и возражений. Суд не может вмешиваться в процесс, если стороны не обратились к нему.

Функциональные принципы являются основополагающими для справедливого и эффективного проведения судебного разбирательства.

Существует тесная взаимосвязь между принципами гражданского процесса и условиями реализации субъективных процессуальных прав.

Во-первых, принципы гражданского процесса определяют рамки и условия реализации субъективных процессуальных прав. Например, принцип доступности правосудия обеспечивает возможность каждому защитить свои права в суде, а принцип равноправия сторон гарантирует равные возможности для защиты своих интересов в процессе.

Право на судебную защиту в обязательном порядке должно обладать юридическими средствами своей реализации. Именно посредством реализации субъективных процессуальных прав, которые раскрываются во всем своем объеме и содержании в стадиях гражданского процесса, заинтересованное лицо может получить судебную защиту своих нарушенных либо оспариваемых прав, т.е. получить то благо, которое заложено в субъективном праве на судебную защиту[1].

---

[2] Уксусова Е.Е. Взаимосвязи гражданского процессуального права с правом материальным: проблемы теории и практики (Окончание) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4 (77). С. 55.

[1] Соловых С.Ж. Субъективные процессуальные права в механизме арбитражного процессуального регулирования // Russian Journal of Economics and Law. 2013. № 2 (26). С. 26.

Лицо, нуждающееся в судебной защите, в силу действия принципов диспозитивности и состязательности в гражданском процессе должно самостоятельно решить вопрос о необходимости реализации права на судебную защиту и инициации судебного процесса. Также стороне в процессе предоставлено право на изменение оснований и предмета иска, размера требований вплоть до отказа от судебной защиты как полностью, так и путем использования различных правовых технологий, позволяющих окончить спор миром.

Во-вторых, принципы гражданского процесса ограничивают реализацию субъективных процессуальных прав в случае, если это противоречит общественным интересам или правам других лиц. Также это может быть сделано в целях обеспечения баланса интересов сторон и справедливости процесса.

В-третьих, субъективные процессуальные права могут быть осуществлены только в соответствии с принципами гражданского процесса. Например, право на доказывание может быть реализовано только в рамках принципа доказательственной нагрузки, который определяет, кто должен представить доказательства и какой стандарт доказывания должен быть применен[1].

Таким образом, принципы гражданского процесса и условия реализации субъективных процессуальных прав взаимосвязаны и взаимозависимы. Они обеспечивают равновесие между интересами сторон и общественными интересами, а также гарантируют справедливое и эффективное рассмотрение гражданских дел.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО КАДРОВОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Хусаинова О.Р. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Беребина О.П.

[1] Демичев А.А. Принципы гражданского процессуального права Российской Федерации: проблемы сущности и классификации // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2005. № 10. С. 9.

Проблема использования цифровых технологий и интернет-пространства в рамках трудового права не является новой: о планах по цифровизации труда, применению электронного кадрового документооборота речь шла во многих государственных концепциях, прогнозах и стратегиях, да и в настоящее время активно развивается это направление[1].

В 2017 году была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы, в которой подчеркивается, что главным способом обеспечения эффективности цифровой экономики становится внедрение технологии обработки данных, что позволит уменьшить затраты при производстве товаров и оказании услуг, а также в качестве основных целей акцентируется внимание на стимулировании российских организаций в целях обеспечения работникам условий для дистанционной занятости[2].

В условиях цифровизации в современном мире, электронный кадровый документооборот является одним из важных элементов цифровизации бизнес-процессов в Российской Федерации. В связи с этим, законодатель принял решение о введении поправок в трудовое законодательство в части формирования сведений о трудовой деятельности для оптимизации документооборота. В целях реализации норм Трудового кодекса РФ работодатели, начиная с 2020 года осуществляют мероприятия, направленные на дальнейший переход электронного кадрового документооборота.

В числе таких мероприятий в течение 2020 года были письменно уведомлены все работники об изменениях в трудовом законодательстве, связанных с формированием сведений о трудовой деятельности в электронном виде, а также о их праве, путем подачи работодателю соответствующего письменного заявления, сделать выбор между продолжением ведения работодателем трудовой книжки в соответствии со статьей 66 ТК РФ или предоставлением

[1] Потапова Н.Д. Цифровизация трудовых отношений: учебное пособие. Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Вологда, 2022. С.7.

[2] Указ Президента РФ №203 от 09.05.2017 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. //СЗ РФ. 2017. N 20. Ст. 2901.

ему работодателем сведений о трудовой деятельности в соответствии со статьей 66.1 ТК РФ. Трудового кодекса Российской Федерации[1].

В настоящее время в Российской Федерации идет активная работа по внедрению электронного документооборота в сфере кадрового учета, что включает в себя переход на электронные трудовые книжки, унификацию форм документов и внедрение электронных сервисов для обмена информацией о персонале. Такие изменения направлены на повышение прозрачности и эффективности управления персоналом, сокращение бумажной работы и рисков ошибок при обработке документов. Электронный кадровый документооборот способствует повышению уровня автоматизации процессов управления персоналом и снижению затрат на административные процедуры.

Под электронным документооборотом, согласно статье 22.1 ТК РФ, понимается «создание, подписание, использование и хранение работодателем, работником или лицом, поступающим на работу, документов, связанных с работой, оформленных в электронном виде без дублирования на бумажном носителе». Следует отметить, что электронный документооборот вводится работодателем на основании локального нормативного акта.

Электронный кадровый документооборот позволяет упростить и ускорить обмен документами между работодателями, сотрудниками и органами государственной власти. Применять электронный кадровый документооборот можно со всеми работниками, в том числе дистанционными, если они согласятся на переход (ч. 5 ст. 312.1ТК). Так же, данной нормой закреплено, что формирование сведений о трудовой деятельности в форме электронного документа осуществляется органом власти с использованием программно-технических средств, применяемых им для автоматизации своей деятельности[2].

---

[1] Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» от 16.12.2019 №439-ФЗ (в редакции ФЗ от 24.02.2021 № 30-ФЗ) // СЗ РФ 2019. N 51 (Ч. I) ст. 7491.

[2] Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» от 16.12.2019 №436-ФЗ // СЗ РФ. 2019. N 51 (Ч. I). Ст. 7488.

Нельзя не согласиться с позицией О.В. Лозовой, что преимуществами кадрового электронного документооборота являются, во – первых, это экономия времени и ресурсов, а также удобство и доступность. Очевидно, что при использовании электронного документооборота, будет наблюдаться сокращение времени на обработку документов и исключение необходимости печати, доставки и хранения бумажных копий, а у участников трудовых отношений появится возможность быстрого доступа к необходимой информации из любой точки с доступом в интернет.

Во – вторых, это экологичность. Конечно, уменьшение использования бумаги и других ресурсов будет оказывать положительное воздействие на окружающую среду[1]. В-третьих, это улучшение контроля и мониторинга и увеличение эффективности. Однозначно, что возможность точного отслеживания хода процессов и контроля за выполнением действий в рамках кадрового учета повысит эффективность, автоматизация процессов приведет к минимизации и исключению риска человеческих ошибок.

Однако, по мнению Л.С. Шигаповой, существует ряд проблем, которые так или иначе затормаживают процесс перехода организации к ведению кадрового документооборота в электронной форме[2]. Специалисты в сфере труда указывают на то, что в процессе перехода на электронный кадровый документооборот возникают технические проблемы. Еще одной проблемой является то что, некоторые граждане могут испытывать трудности с использованием электронных технологий, и это может создать проблемы при взаимодействии с системой электронного кадрового документооборота. Практика показывает, что участились сбои в работе системы, что может привести к задержкам в обработке документов.

---

[1] Лозовая О.В. Развитие цифровых технологий в условиях трансформации экономики // Сб.: Качество в производственных и социально - экономических системах. Сборник научных трудов 8-й Международной научно-технической конференции. Курск, 2020. С. 264-268.

[2] Шигапова Л.С. Внедрение кадрового электронного документооборота и проблемы на пути реализации // Молодой ученый. 2023. № 1 (448). С. 106-108.

Еще одним негативным фактором для введения повсеместного электронного кадрового документооборота является то, что на первоначальном этапе эти процессы требуют от работодателей больших финансовых вложений. Придется потратиться на систему электронного кадрового документооборота и оформить сотрудникам электронные подписи. Если использовать портал «Работа в России», то они смогут подписывать базовые документы простой подписью, в этом случае затрат не будет. При переходе на процессы, связанные с цифровыми технологиями, необходимо помнить о защите систем и данных от атак, направленных на получение доступа к данным, так называемой компьютерной безопасности.

Проблемой выступает появление возможной угрозы хакерских атак и вирусов, которые могут привести к утечке конфиденциальной информации. Конечно, стоить указать проблему легализации и проблему, заключающуюся в отсутствии единой стандартизации. Некоторые документы все еще требуют бумажной версии для официального признания, что может затруднить использование только электронного документооборота. Нормативная база в области электронного документооборота может быть сложной и не всегда универсальной.

Одним из спорных моментов внедрения кадрового электронного документооборота, является возможность работодателя уведомлять сотрудников об изменениях в трудовых отношениях в случае, если это закреплено локальным нормативно – правовым актом, посредством электронного документооборота, а также, как доказать, что конкретный работник получил, ознакомился и подписал его.

Судебная практика наглядно демонстрирует подобные случаи и вместе с тем она противоречива. Например, в решении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.12.2022 по делу №88-19520/2022, 2-415/2022 суд признал доказанным факт ознакомления работника с приказом и уведомлением об отстранении от работы, направленными по служебной электронной почте, поскольку в учреждении имеется локальный акт, согласно которому

электронные сообщения, посылаемые по электронной почте, исполняются аналогично документам на бумажном носителе[1]. В Апелляционном определении Московского городского суда от 22.05.2019 №33-22466/2019 работник направил заявление об отзыве заявления об увольнении на электронную почту организации, суд пришел к выводу, что работник надлежащим образом уведомил работодателя о намерении продолжить трудовые отношения. Однако, встречаются и обратные случаи, когда наличия одних лишь скан-копий документов недостаточно[2].

Несмотря на эти минусы, многие из них могут быть решены с помощью признания проблем и развития соответствующих мер по их устранению, делая электронный кадровый документооборот еще более удобным и безопасным в использовании.

Отметим, что для работодателя и сотрудников переход на электронный документооборот – право, а не обязанность. Это означает, что организации могут отказаться от перехода и продолжить вести кадровые документы на бумаге. Сотрудники также вправе отказаться от нововведений.

Таким образом, в работе были рассмотрены теоретико-правовые основы правоприменения электронного кадрового документооборота в нашей стране, а именно изучены положительные стороны внедрения электронного кадрового документооборота в организации в условиях цифровизации, а также проблемы, с которыми сталкиваются на пути ведения кадрового делопроизводства в электронном виде.

[1] Журавлева А. «Это не моя подпись»: как работодателю в суде доказать получение и подписание электронного документа сотрудником/https://blog.nopaper.ru/eto-ne-moya-podpis-kak-rabotodatelju-v-sude-dokazat-poluchenie-i-podpisanie-elektronnogo-dokumenta-sotrudnikom/?ysclid=ltr8xfhd2p954548355 (дата обращения 14.03.2024.)

[2] Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы/ https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/17eaf51d-e4fe-42f1-8485-84f86ac5bdf6?ysclid=ltr97ce63p180722804 (дата обращения 14.03.2024.)

Электронный кадровый документооборот в России — это удобный и эффективный инструмент для организаций любого масштаба, оказывающий положительный эффект на оптимизацию бизнес-процессов в компании, однако на сегодняшний день существуют факторы, не позволяющие полностью перейти участникам трудовых отношений на электронный вид ведения кадров, но проблемы решаются.

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЛАТЕЖНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Хухровская А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Рахматуллина О.В.

Ежегодно тенденция к снижению количества совершения платежей с использованием наличных денежных средств и увеличению спроса на безналичные расчеты продолжает усиливаться. По данным аналитического портала «Сбериндекс», доля безналичных платежей в торговом обороте в 2020 году выросла на 4,9 процентных пункта, в сравнении с 2019 годом, и достигла 54,1%[1]. Национальная платежная система играет огромную роль в развитии любой страны и является неотъемлемой частью финансово-экономической структуры государства.

Стоит отметить, что платежным системам, занимающим лидирующие позиции в мире, порядка 60 лет. MasterCard начала свое становление в 1950-х годах, а 1958 год считается годом основания VISA.

Значительный интерес для исследования представляет платежная система Китайской Народной Республики, которая появилась только в 2002 году

[1] Доля безналичных платежей в России в 2022 году обновила исторический максимум // Новостной портал «ТАСС» URL: https://tass.ru/ekonomika/10580097 (дата обращения: 10.03.2024).

и в настоящее время охватила 180 стран мира и занимает первое место по количеству выпускаемых банковских карт. Этот пример показывает, что российская национальная платежная система может ставить задачу о завоевании все большего количества участников безналичных платежей всего мира, что послужит укреплению позиций российского рубля на мировом рынке[1].

В первую очередь, национальная платежная система является значимой частью экономического суверенитета страны, создает независимость страны от геополитических факторов, является гарантом безопасности и бесперебойности безналичных переводов внутри страны. Особенно очевидным необходимость построения российской национальной платежной системы проявилась в 2014 году в связи заявленной позицией платежных систем VISA и MasterCard на фоне присоединения Крыма к составу России[2].

Организация платежного центра в России – это огромный шаг к осуществлению контроля всех российских платежей. Перевод внутрироссийских платежей на процессинг Акционерного Общества «Национальная система платежных карт» это только первый шаг на пути к глобальным изменениям системы безналичных платежей: поэтапному уходу от международных платежных систем и выход на мировой рынок российской платежной системы «Мир».

Основными нормативными документами, регулирующими деятельность Национальной системы платежных карт в Российской Федерации являются: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»[3], Стратегия развития национальной платежной системы на 2021 -

[1] Грищишен К. В., Оганова Н. В. Правовое регулирование деятельности электронных платежных систем: опыт зарубежных юрисдикций // LEGAL BULLETIN. 2022. № 2. С. 66-78.

[2] Балышева Е.В., Семенюта О.Г. Перспективы развития российской национальной платежной системы // Развитие и взаимодействие реального и финансового секторов экономики в условиях цифровой трансформации: материалы Международной научно-практической конференции, 24-25 ноября 2021 г. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2021. С. 37-41.

[3] Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (с изм. и доп. от 24 июля 2023 г. № 369-ФЗ) // СЗ РФ. № 27. Ст. 3872; Российская газета. 2023. 1 авг. № 168.

2023 годы[1], Стратегия развития Национальной системы платежных карт 2023-2024 годы[2].

После ухода с российского рынка Visa и Mastercard – «Мир» остался фактически монополистом. В прошлом году выпуск карт увеличился на 60 процентов, сейчас доля рынка карт «Мир» составляет около 40 процентов по эмиссии и объему транзакций. Положительная динамика должна сохраниться и в текущем году[3]. Национальная система платежных карт продолжит обслуживать карты международных платежных систем, но постепенно «Мир» будет их замещать. Так, по итогам первого квартала 2023 года было выпущено почти 204 млн. карт «Мир». На платежную систему «Мир» приходится 45,6 процентов объема всех операций по картам в России и 44,5 процентов выпущенных карт[4].

Несмотря на сложную политическую обстановку, в планах платежной системы «Мир» расширение присутствия на международных рынках. С некоторыми странами уже ведутся переговоры об обеспечении работы карт «Мир» на их территории. Преимущественно это государства Азиатско-Тихоокеанского (Китай, Индия, Таиланд) и Ближневосточного регионов (Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Египет), страны Латинской Америки (Венесуэла, Куба) и ряд других.

Из двусторонних переговоров в 2022 году было запланировано объединение платежных систем Ирана («Шетаб») и России («Мир»). На данный момент карты «Мир» в Иране не работают, однако сотрудничество с Ираном,

[1] Информация Банка России от 14 апреля 2021 г. «Национальная платежная система: стратегия развития до 2023 г.» // СПС Гарант URL:https://base.garant.ru/400582651/ (дата обращения: 10.03.2024).

[2] Стратегия развития Национальной системы платежных карт URL:strategy-2324.pdf (cbrpay.ru) (дата обращения: 10.03.2024).

[3] Национальная платежная карта «МИР»: плюсы и минусы, где работает, и как получить // Финансовый маркетплейс «Банки.ру» URL:http://www.banki.ru/mir (дата обращения: 10.03.2024).

[4] Национальная платежная система // Официальный сайт Центрального Банка России URL:https://www.cbr.ru/PSystem/ (дата обращения: 10.03.2024).

позволит Российской Федерации перенять опыт экономического взаимодействия в условиях санкционных ограничений. Иран уже много лет находится под санкционным давлением и это решение логично и очень важно для торговых отношений между Тегераном и Москвой[1].

Среди основных минусов платежных карт «Мир» необходимо выделить следующие:

– локальность: карты принимаются на территории России и мало где за ее пределами, в том числе, ими нельзя оплатить покупки в большинстве иностранных интернет-магазинов. Однако, тот факт, что «Мир» работает, пусть и в весьма ограниченном круге стран, уже является значительным плюсом на фоне полностью отключенных за рубежом российских карт Visa и Mastercard;

– валюта: счет карты можно открыть только в рублях;

– ограничения: некоторые категории граждан (например, бюджетники и пенсионеры) обязаны получать выплаты исключительно на карты «Мир»;

– несовместимость с устройствами: владельцы iPhone не могут установить Mir Pay и добавить карту в Apple Pay, карты не поддерживаются Google Pay.

Создание собственной национальной системы платежных карт «Мир» значительно ослабило зависимость от возможных новых санкций западных стран. Таким образом, следует выделить следующие основные направления развития национальной системы платежных карт:

− обеспечение платежного суверенитета России и обеспечение стабильности функционирования платежной системы;

− предоставление доступных и удобных платежных услуг гражданам страны, а также бизнесу;

− внедрение инноваций в платежной сфере;

− развитие социальных финансовых сервисов;

[1] Сидорова Е.Ю. Интеграция национальной платежной системы России с зарубежными аналогами как перспективное направление развития // Студент и наука: актуальные вопросы современных исследований: сб. статей Международной научно-практической конференции, 23 мая 2023 г. Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 20-24.

− совершенствование работы системы быстрых платежей;

− развитие программы лояльности

− расширение географии присутствия платежной системы «Мир» в странах Евразийского экономического союза и Содружества независимых государств.

Решение поставленных целей и задач укрепит позицию национальной платежной системы на международной арене, поспособствует увеличению количества банков-участников национальной платежной системы, что, в свою очередь, будет способствовать увеличению количества выпущенных карт «Мир», а также, обеспечит рост уверенности граждан и бизнеса в надежности и безопасности использования национальной платежной системы.

К ВОПРОСУ О СПОСОБЕ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

Чулюкова Н.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Хмелевская Т.А.

Способ совершения доведения до самоубийства как элемент объективной стороны является обязательным признаком рассматриваемого состава преступления. Доведение до самоубийства может быть совершено посредством конкретных действий, прямо указанных в диспозиции статьи 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ): угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего, под непосредственным влиянием которых лицо самостоятельно причиняет себе смерть. Исследование правоприменительной практики[1] не позволило выявить ни одного материала, в котором было описано доведение до самоубийства, совершенного в форме бездействия. Однако полагаем, что оно

[1] Материалы доследственной проверки 159 дел, находящихся в производстве Следственного управления СК РФ по Северному административному округу г. Оренбурга; общедоступные решений судов по делам о доведении до самоубийства (https://sudact.ru/, официальные сайты судов общей юрисдикции).

может проявляться в «бездействии лиц, обязанных иметь заботу о другом лице (родители в отношении малолетних детей, дети в отношении нетрудоспособных родителей и т.п.)»[1].

Первый способ совершения доведения до самоубийства – «путем угроз», в тексте уголовного законодательства не раскрывается; отсутствует указание на их форму и содержание. Не уточняется, должны ли угрозы предполагать совершение противоправных действий и должны ли они быть реальными. В научной литературе высказывается мнение о том, что применительно к доведению до самоубийства под угрозами следует понимать «такое психическое воздействие на потерпевшего, которое способно побудить его к совершению самоубийства»[2]. При этом данные угрозы могут выражаться в «угрозах причинить смерть, вред здоровью, разгласить компрометирующие потерпевшего сведения, лишить свободы, пищи, крова, средств к существованию, уничтожить имущество и т.п. Форма выражения угрозы (устная, письменная, конклюдентные действия) на квалификацию не влияет»[3].

Использование законодателем в тексте диспозиции статьи 110 УК РФ термина «угрозы» во множественном числе порождает сложность в правоприменении при решении вопроса о возможности квалификации действий лица, единожды угрожавшего жертве в одном изречении или в цифровом сообщении (графическом, текстовом или голосовом). В судебно-следственной практике распространение получил подход, что для применения статьи 110 УК РФ необходимо установить несколько фактов высказывания угрозы, которые должны быть неоднократными и иметь продолжительный характер. Данная

[1] Уголовное право России. Части общая и особенная: Учебник / Под ред. В.А. Бриллиантова. М., 2016. С. 352.

[2]Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А.И. Чучаева. М., 2019. С. 484.

[3]Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А.И. Чучаева. М., 2019. С. 485.

позиция находит отражение и в научном сообществе[1]. Существует также позиция о том, что «угрозы могут быть как неоднократными, так и носить единичный характер»[2]. Эта точка зрения, на наш взгляд, является более убедительной. Полагаем, что использование законодателем термина «угрозы» во множественном числе свидетельствует не об их повторяемости, а о том, что они могут приобретать разные формы выражения. Умысел виновного характеризовался продолжительными и повторяющимися действиями, а также жестокостью в обращении с жертвой, ее систематическим унижением. Указанные факторы способствовали длительному накоплению эмоционального напряжения, приведшему в последующем к суицидальной попытке потерпевшей[3].

В качестве иллюстрации единичной угрозы как способа доведения до самоубийства служит приговор Первомайского районного суда города Ижевска Республики Удмуртия[4]. Оправдывая Б. по ст. 110 УК РФ, суд пришел к выводу, что «угроза со стороны подсудимого в виде фразы «если пин-код неверный – можешь прыгать в окно» не образует угрозы во множественном числе в составе ст. 110 УК РФ, так как единичный случай угрозы со стороны виновного еще не является основанием для вменения ст. 110 УК РФ». Вместе с тем, при аналогичных обстоятельствах, интерпретируемых судами противоположным образом, выносятся и обвинительные приговоры[5].

---

[1] Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: Учебно-практическое пособие. М., 2006. С. 100; Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. М., 2013. С. 107.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. М., 2004. С. 87; Лысак Н., Лопаткин Д. Ответственность за доведение до самоубийства // Законность. 2006. № 3. С. 12.

[3] См., напр.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 3 апреля 2019 г. по делу № 22–1597/2019// Интернет-портал ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 08.02.2024).

[4] Приговор Первомайского районного суда города Ижевска Республики Удмуртия от 8 февраля 2019 г. № 1-231/2019// Интернет-портал ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 08.02.2024).

[5] Рыжов Э.В. Проблемы определения способа совершения преступления, предусмотренного статьей 110 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 3. С. 82.

Следующим способом доведения до самоубийства является жестокое обращение, которое представляет собой различные формы насилия, причиняющее физическое и психическое страдание[1]. К жестоким действиям можно отнести пассивное поведение лица – отказ в предоставлении пищи, одежды, жилья человеку, о котором он должен заботиться[2]. Так, подсудимая Т. признана виновной в доведении до самоубийства своего малолетнего сына. Суд указал, что причинение Т. потерпевшему телесных повреждений и запирание его одного в квартире на длительный срок являлось с ее стороны жестоким обращением, которое повлекло совершение последним самоубийства путем повешения[3].

Наряду с этим, в правоприменительной практике имеются случаи признания судом жестоким обращением дестабилизации эмоционального состояния несовершеннолетнего, а также подавление его воли[4]. Таким образом, жестокое обращение может носить систематический характер или единичным деянием, однако во всех случаях оно является противоправным. Систематическое унижение человеческого достоинства как способ совершения доведения до самоубийства предполагает совершение совокупности действий, сопровождающихся жестокостью, циничностью, оскорблениями (например, действия родителя, который систематично под различным предлогом в адрес своей дочери произносит оскорбительные фразы)[5]. Признак систематичности означает устойчивость отношения виновного к потерпевшему[6]. Правоприменительной

---

[1] Алиев В.М. Уголовная ответственность за посягательства на права и свободы личности: научно-практический комментарий. М., 2014. С. 100.

[2] Хатуев В.Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: Монография. М., 2015. С. 19.

[3] Приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 17 декабря 2018 г. по делу № 1-57/2018// Интернет-портал ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 08.02.2024).

[4] Приговор Еткульского районного суда Челябинской области от 5 сентября 2019 г. по делу № 1-88/2019// Интернет-портал ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 08.02.2024).

[5] Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 29 сентября 2017 г. по делу № 1-219/2017// Интернет-портал ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 08.02.2024).

[6] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / Отв. ред. В. В. Малиновский. М., 2015. С. 379.

практике известны случаи, когда до самоубийства доводит не система действий, а одно из них, однако, весьма жестокое (опущение головы потерпевшего в унитаз с каловыми массами[1]; распространение интимной видеозаписи с участием потерпевшего в сети Интернет[2]).

Изложенное позволяет сформулировать вывод о том, что предусмотренные в диспозиции ст. 110 УК РФ способы доведения до самоубийства следует признавать преступными исходя не из количественных, а качественных критериев. Полагаем, что доведение до самоубийства возможно и непрямым способом воздействия – манипулятивным[3], «эмоциональным шантажом»[4]. Он предполагает скрытое воздействие на человека посредством применения шантажа или угроз. В этой связи предлагаем расширить перечень способов совершения доведения до самоубийства, изложив диспозицию части первой статьи 110 УК РФ в следующей редакции: «Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения, систематического унижения человеческого достоинства или шантажа потерпевшего».

ВИДЫ СУДЕБНОГО НОРМОКОНТРОЛЯ

Чумакова В.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Буянова Е.В.

Судебный контроль в сфере нормотворчества является одним из важных элементов системы судебной защиты прав и охраняемых законом интересов

[1] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Дальневосточного окружного военного суда от 02 августа 2018 года по делу № 22-110/2018// Интернет-портал ГАС «Правосудие». URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 08.02.2024).

[2] В Чувашии молодой парень предстанет перед судом по обвинению в доведении до самоубийства и незаконном распространении сведений о частной жизни // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: http://sledcom.ru/news/item/602983 (дата обращения: 08.02.2024).

[3] Жирнов А.Д. Уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ) // Вестник Российского Нового университета. 2018. № 4. С. 91.

[4] Большакова Л. Осторожно! Психологическая мина! Все виды манипуляций и методы из обезвреживания. М., 2014. С. 107.

граждан и организаций. При решении вопросов о разграничении судебной компетенции в юридической практике обнаруживаются ошибки, основанные на недостаточно четком разграничении абстрактного и казуального судебного нормоконтроля. Это свидетельствует о несовершенстве норм в области правового регулирования судебной компетенции и нуждается в анализе и доработке со стороны законодателя.

Наиболее полно понятие судебного нормоконтроля исследовано в работе С.В. Никитина[1]. Так, с точки зрения правоведа, судебный нормоконтроль является одним из проявлений контрольной функции судебной власти. Суд, признавая нормативный правовой акт незаконным, реализует правозащитную функцию, а именно защищает ущемленные оспоренным актом права, свободы и законные интересы граждан и организаций. В процессе судебного нормоконтроля суд проверяет законность нормативных правовых актов по правилам административного или арбитражного процессуального законодательства.

Говоря о видах и формах судебного нормоконтроля, следует отметить, что в теории предлагается довольно большое количество критериев для их разграничения. Так, в зависимости от субъекта, осуществляющего судебный нормоконтроль, принято выделять конституционный контроль и общий контроль. Конституционный нормоконтроль осуществляется Конституционным Судом Российской Федерации, статьей 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»[2] установлены полномочия Конституционного Суда Российской Федерации в том числе и области нормоконтроля. Полномочиями по осуществлению

[1] Никитин С. В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе: монография. М., 2010. С. 51.

[2] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

общего нормоконтроля наделены суды общей юрисдикции[1], а также арбитражные суды[2], в том числе и Верховный Суд Российской Федерации[3].

В зависимости от времени осуществления возможно выделение предварительного и последующего судебного нормоконтроля. Предварительный судебный нормоконтроль осуществляется до принятия нормативного правового акта. До внесения поправок в Конституцию Российской Федерации предварительный нормоконтроль был возможен лишь в отношении не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации, в настоящее время круг объектов предварительного судебного нормоконтроля расширен и включает в себя проекты законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, принятые Федеральным Собранием Российской Федерации, но не подписанные Президентом Российской Федерации федеральные конституционные законы и федеральные законы, а также законы субъектов Российской Федерации до их обнародования.

В зависимости от формы судебного нормоконтроля предлагается разделять его на абстрактный и конкретный. Некоторые авторы, к примеру, С.В. Никитин[4], отождествляют абстрактный нормоконтроль с контролем прямым (непосредственным), а конкретный с косвенным (опосредованным). Т.В. Паршина[5] придерживается схожей позиции, выделяя непосредственный (абстрактный, целевой) и опосредованный (индивидуальный, инцидентный) нормоконтроль.

---

[1] См: ст. 20 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[2] См.: ст. 34 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[3] См.: ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

[4] Никитин С.В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе: монография. М., 2010. С. 104.

[5] Паршина Т. Понятие и виды судебного контроля за законностью правовых актов (общеправовой аспект) // Российский судья. 2006. № 3. С.22.

С точки зрения И.А. Ивановой[1], названная позиция отождествления не является верной. Прямой нормоконтроль, как указывает автор, осуществляется по делу, производство по которому возбуждено в связи с применением оспариваемого нормативного правового акта, иными словами, акт непосредственного применен в конкретном деле, косвенный нормоконтроль применяется в случае, когда в ходе дела оспаривается не нормативный правовой акт, а осуществляется защита прав, свобод и законных интересов заявителя. К примеру, при обжаловании решений и действий (бездействий) органов власти и должностных лиц, основанных на применении того либо иного акта, суд, в случае признания акта не соответствующим актам, имеющим большую юридическую силу, принимает решение об отмене нормативного правового акта, хотя это и не входило в предмет требований.

Рассуждая о правовой природе косвенного нормоконтроля, В.В. Ярков и И.Н. Спицин отмечают, что оценка судом нормативного акта на предмет его соответствия нормативному акту большей юридической силы в порядке косвенного нормоконтроля лежит не только в плоскости нормоконтроля, но и в сфере реализации свободы судебного усмотрения при выборе применимого права ex officio[2].

По мнению М.С. Петровой[3], на практике суды практически не используют косвенный нормоконтроль. Если в ходе дела судом устанавливается, что применительно к данному конкретному случаю необходимо решить вопрос о неприменении или применении конкретного нормативного акта, то суд приостанавливает производство по делу для рассмотрения вопроса о признании

---

[1] Иванова И.А. О некоторых вопросах правового регулирования института судебного нормоконтроля в административном судопроизводстве // Административное и муниципальное право. 2018. №5. // Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-pravovogo-regulirovaniya-instituta-sudebnogo-normokontrolya-v-administrativnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 20.02.2024).

[2] Ярков В.В., Спицин И.Н. Судебный нормоконтроль в гражданском и арбитражном процессе: современное состояние и пути совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2018. С. 554.

[3] Проблемы косвенного судебного нормоконтроля в цивилистическом процессе (С.М. Петрова, журнал «Публичное право сегодня» № 4, IV квартал 2021 г.) // Режим доступа: https://study.garant.ru/#/document/77194365 (дата обращения: 13.03.2024).

нормативного акта недействительным в другом деле. Считаем, что приведённая точка зрения является не в полной мере верной. Так, в постановлении Арбитражного суда Уральского округа отмечается, что изложенные в обжалуемом судебном акте мотивы неприменения определённого нормативного правового акта фактически означают осуществление апелляционной инстанцией допустимого косвенного нормоконтроля, возможность и целесообразность которого предусмотрена положениями части 2 статьи 13 АПК РФ, постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 года № 19-П[1], от 6 декабря 2017 года № 37-П[2][3]. Практика осуществления косвенного нормоконтроля имеется и Оренбургской области[4]. Иными словами, судебная практика содержит примеры осуществления косвенного нормоконтроля при разрешении споров по защите прав и законных интересов.

Подводя итог, следует отметить, что дифференциация судебного нормоконтроля, исходя из различных критериев разграничения, позволяет более полно отразить его правовую природу, выделить характерные черты.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД КОНСТИТУЦИОННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шинкарева С.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2017 № 37-П «По делу о проверке конституционности абзаца тринадцатого статьи 12 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 2 статьи 13 и пункта 1.1 части 1 статьи 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Г. Жукова» // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7912.

[3] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.10.2023 № Ф09-6267/23 по делу № А07-3626/2022 // Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=258436#yLDYt6UQ1fdZma2p (дата обращения: 13.03.2024).

[4] Решение арбитражного суда Оренбургской области от 15.02.2024 по делу № № А47-4496/2023 https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a75222ad-55f2-4e03-a12e-f6bbbc90ee01/6e831075-14b8-4b22-b05b-013501a93122/A47-4496-2023_20240215_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.03.2024).

Научный руководитель: доцент кафедры конституционного
и международного права Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доц. Соколова А.И.

Современная российская конституционно-правовая действительность переживает эпоху глубокой модернизации. В основе этой модернизации лежат поправки к Конституции Российской Федерации 2020 года.

Одним из конституционных преобразований является закрепление в Основном законе нашей страны категории «публичная власть».

В юридической доктрине советского и современного отечественных периодов и по сей день не сложилось единства понимания публичной власти. Исходя из этого, все многообразие подходов правоведов можно условно разделить на три группы:

– в рамках первого подхода исследователи отождествляют власть публичную и власть общественную (С.И. Вершинина[1], Л.А. Григорян[2]);

– группа ученых, придерживающихся следующего подхода, считает, что категории «публичная власть» и «общественная власть» являются полностью не совпадающими (И.М. Степанов[3], В.Е. Чиркин[4]);

– сторонники третьей позиции относят общественную власть к форме публичной власти **(**С.А. Авакьян[5]).

Невзирая на то, что Конституция Российской Федерации регламентировала термин «публичная власть», его определение она не дает. Законодатель признал необходимость конституционного закрепления публичной власти в

[1] Вершинина С.И. Понятие публичной власти и ее взаимодействие с государственным принуждением // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 8-12.

[2]Григорян Л.А. Советы – органы власти и народного самоуправления. М., 1965. С. 16.

[3]Воробьева О.А. О понятии публичной власти // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3(7). С. 82.

[4] Чиркин В.Е. Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. 2009. № 7(151). С. 5.

[5] Современные проблемы организации публичной власти: монография / Отв. ред. Авакян С.А. М., 2014. С.78-93.

особой конструкции – единства ее системы[1], указав на уровни публичной власти – государственный и муниципальный (часть 3 статьи 132).

Стоит отметить, что в части 1 статьи 2 Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации» от 08.12.2020 № 394-ФЗ (далее – ФЗ № 394-ФЗ) дано толкование понятию «единство системы публичной власти». Так, под единством системой публичной власти понимаются:

– федеральные органы государственной власти;

– органы государственной власти субъектов Российской Федерации;

– иные государственные органы;

– вся совокупность органов местного самоуправления.

Проанализировав вышеуказанные акты, можно прийти к выводу, что в Российской Федерации существуют две равноправные разновидности публичной власти:

– государственная власть (федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации);

– муниципальная власть (вся совокупность органов местного самоуправления).

Данная позиция ранее уже нашла свое выражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации[2]. А в 2020 году Конституционный Суд Российской Федерации вновь дал понимание категории «единство системы публичной власти»[3].

---

[1] Соколова А.И. Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Оренбург, 2023. С. 50.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // URL: https://legalacts.ru/ (дата обращения: 05.03.2024).

[3] Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирова-

Согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти, обеспечивает Президент Российской Федерации (часть 2 статьи 80 Конституции Российской Федерации). Для этих целей Президент Российской Федерации формирует Государственный Совет Российской Федерации (пункт «е5» статьи 83 Конституции Российской Федерации).

Подробно понятие, организационно-правое основы, структура задачи и функции Государственного Совета Российской Федерации изложены в ФЗ № 394-ФЗ. Помимо этого, в ФЗ № 394-ФЗ определены основные принципы принятия органом решений по вопросам взаимодействии органов, входящих в единую систему публичной власти, а также формы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Несмотря на масштабные конституционные изменения, в настоящее время существует сложность реализации конституционно-правовой конструкции единой системы публичной власти, потребность в непротиворечивом формировании обновленных основ взаимодействия между государством и местным самоуправлением, что привело к тому, что уже длительное время муниципальное право стоит на «предреформенной» стадии развития[1].

На сегодняшний день существует проблема обеспечения интересов населения муниципалитетов. Безусловно, это связано с политикой укрупнения муниципальных образований.

В результате реформы уменьшилась доступность для населения малых населенных пунктов определенных муниципальных услуг, которые стали доступны только в административном центре. А это противоречит поселенческому принципу (правовой природе) отечественного местного самоуправления, который изначально формировался в деревнях, селах и городах[2].

ния публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // URL: https://legalacts.ru/ (дата обращения: 05.03.2024).

[1] Соколова А.И. Указ. соч. С. 51.

[2] Соколова А.И. Указ. соч. С. 52.

Стоит отметить, что самоуправление на местах воплощается в таких его социальных (неправовых) характеристиках, как самоорганизация, самодеятельность, саморегулирование, самоконтроль[1]. Следовательно, природа местного самоуправления такова, что население на местах самостоятельно осознает свои потребности, стремится их решить, при необходимости предъявляя требования к представителям местной власти и осуществляя контроль за ними.

С изменением естественной территориальной основы жители муниципалитетов, как уже было сказано ранее, потеряли доступность «к органам и должностным лицам, первичным учреждениям образования и здравоохранения»[2]. Данное положение дел противоречит не только правовой природе местного самоуправления, но и цели взаимодействия уровней публичной власти – удовлетворению интересов населения (часть 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации).

В науке отмечается, что для подтверждения особой исторической, культурной и научной ценности правовой идентичности Российской Федерации необходимо признание поселенческого принципа организации местного самоуправления публично-правовым достоянием, а также включение его наряду с конкретными деревнями, селами и малыми городами в перечень объектов нематериального этнокультурного достояния федерального значения[3]. Безусловно, это позволит обеспечить сохранность местного самоуправления и дальнейшее его развитие.

Однако, для того, чтобы достигнуть конституционной цели взаимодействия органов публичной власти, необходимо также законодательно закрепить принцип взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с учетом поселенческого принципа организации местного самоуправления.

---

[1] Шугрина Е.С. Указ. соч. С. 19.
[2] Соколова А.И. Указ. соч. С. 52.
[3] Там же. С. 52-53.

ОСНОВНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ, ВКЛЮЧАЯ ОПЫТ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Шмакова А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Соколова О.В.

В субъектах Российской Федерации по-разному организована реализация полномочий органов государственной власти в области местного самоуправления. Органы публичной власти развиваются с учетом современных реалий, ориентации на развитие демократического правового государства и внедрения новелл Конституции Российской Федерации[1]. На основе системного анализа механизма реализации полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации в области организации территориальных, компетенционных и организационных основ местного самоуправления представляется возможным выделить пять моделей: традиционная, комплексная, модификационная, гибридная и координирующая.

Наиболее распространённой моделью реализации полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации в области местного самоуправления является традиционная**.** Основным признаком данной модели является наличие профильного органа исполнительной власти, в ведении которого находится достаточный объём функций и задач по вопросам местного

[1] Соколова А.И., Соколова О.В. Потенциал развития форм непосредственной демократии в контексте конституционной реформы // Местное самоуправление в единой системе публичной власти. Вектор и последствия конституционной реформы в Российской Федерации: монография / под общ. ред. Л.Т. Чихладзе, А.А. Ларичева, Е.Н. Хазова. М., 2020 С. 262-273.

самоуправления. Профильность органа выражается также в наименовании самого исполнительного органа, указывающего на направление его деятельности[1].

Такая модель характерна, в частности, для Оренбургской области. К примеру, в Оренбургской области создано Министерство региональной и информационной политики[2], в котором существует структурное подразделение – Управление по взаимодействию с органами местного самоуправления, основными задачами которого являются: содействие развитию местного самоуправления на территории Оренбургской области; разработка предложений по формированию основных направлений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации; участие в подготовке предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации в сфере региональной политики[3]. В Оренбургской области данный орган также занимается организацией и проведением конкурса «Лучшая муниципальная практика муниципальных образований Оренбургской области»[4].

Следующей моделью реализации полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации в области местного самоуправления является комплексная, предусматривающая осуществление полномочий в области организации местного самоуправления профильным органом исполнительной власти и другими органами исполнительной власти, решающими отраслевые вопросы организации местного самоуправления[5].

---

[1] Калянова Ю.Г. Модели реализации органами государственной власти субъекта Российской Федерации полномочия в области организации местного самоуправлении как инструмент эффективного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в системе публичной власти // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 4. С. 37.

[2] Указ Губернатора Оренбургской области от 15 ноября 2019 г. № 523-ук «Об утверждении положения о Министерстве региональной и информационной политики Оренбургской области». (с изм. и доп. от 17 ноября 2022 г. № 609-ук). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 03.12.2023).

[3] Официальный интернет-портал Министерства региональной и информационной политики Оренбургской области [сайт]. URL: https://reginform.orb.ru/activity/18/ (дата обращения: 03.12.2023).

[4] Там же.

[5] Калянова Ю. Г. Указ. Соч. С. 39.

Моделью, которая включает в себя элементы традиционной и комплексной модели является модификационная**.** В некоторых субъектах Российской Федерации вопросами организации местного самоуправления занимаются структурные единицы, находящиеся в непосредственном подчинении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

В настоящее время в целях развития местного самоуправления и совершенствования эффективности его организации в субъекте Российской Федерации наблюдается тенденция по формированию как при законодательном, так и при исполнительном органах власти координационных, экспертных, совещательных, консультативных органов. При законодательных органах, как правило, создаются ассоциации, советы, членами которых являются должностные лица представительных органов местного самоуправления. К примеру, в Оренбургской области создан Совет представительных органов муниципальных районов и городских округов Оренбургской области при Законодательном Собрании Оренбургской области[1].

С учётом современных способов выстраивания отношений между уровнями публичной власти в области организации местного самоуправления можно выделить четвертую модель – гибридную**,** которая сочетает в себе элементы других моделей и дополнительно включает совещательные, консультативные органы, образованные при органах государственной власти субъектов Российской Федерации, и наделенные функциями и задачами в области организации местного самоуправления[2].

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» допускает в рамках межмуниципального сотрудничества создание советов муниципаль-

[1] Постановление Законодательного Собрания Оренбургской области от 02 декабря 2015 г. № 3532 «О создании Совета представительных органов муниципальных районов и городских округов Оренбургской области при Законодательном Собрании Оренбургской области». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.12.2023).

[2] Калянова Ю. Г. Указ. Соч. С. 40.

ных образований субъектов Российской Федерации и других объединений муниципальных образований. Например, Оренбургская область входит в состав Общероссийского конгресса муниципальных образований (ОКМО)[1], Всероссийского совета местного самоуправления (ВСМС)[2], Ассоциации городов Поволжья[3].

Направления деятельности данных органов позволяют поднимать наиболее острые проблемы, возникающие в реализации полномочий органами местного самоуправления, вырабатывать конкретные пути их решения, обмениваться опытом не только между муниципальными образованиями в пределах одного субъекта Российской Федерации, но и за его пределами, оказывать методическую и консультационную помощь, и, самое главное, выступать главным арбитром для органов государственной власти в целях развития местного самоуправления.

В свою очередь, региональные органы государственной власти являются субъектами информирования для местных властей о наиболее значимых вопросах, касающихся осуществления и организации местного самоуправления. Такая форма работы безусловно предполагает взаимодействие всех уровней публичной власти.

Данный механизм реализации полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации в области местного самоуправления представляется возможным обозначить как пятую модель - координирующую, основным признаком которой является осуществление полномочий органами государственной власти субъектов Российской Федерации в рамках взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в целях наиболее эффективного решения задач в интересах населения[4].

---

[1] Официальный интернет-портал Общероссийского Конгресса муниципальных образований. [сайт]. URL: https://окмо.рф/ (дата обращения: 10.12.2023).

[2] Официальный интернет-портал Всероссийского Совета местного самоуправления. [сайт]. URL: https://www.vsmsinfo.ru/ (дата обращения: 10.12.2023).

[3] Официальный интернет-портал Ассоциации городов Поволжья. [сайт]. URL: https://agpsamara.ru/ (дата обращения: 10.12.2023).

[4] Калянова Ю.Г. Указ. Соч. С. 40.

Несмотря на существующую систему органов государственной власти, в каждом субъекте Российской Федерации складывается особый механизм реализации полномочий в области организации местного самоуправления. Это зависит, во-первых, от смыслового значения конструкции «организация местного самоуправления», а, во-вторых, от разграничения полномочий между органами государственной власти в данной области.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Шуваев А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент Ефимцева Т.В.

Актуальность проблемы сохранения окружающей среды сохраняется независимо от изменения политической обстановки. В это же время экономическое развитие создает большое поле приложения сил правового регулирования для защиты экологии. Помимо того, что создаются обязательные для субъектов предпринимательской деятельности нормы и правила, направленные на предотвращение нанесения ущерба окружающей среде, сформировалась и форма предпринимательского, ставящего своей целью сохранение экологии наравне с основной целью – систематическим получением прибыли. Как пишет Б. Миронов, природоохранный бизнес является составной частью предпринимательства в целом[1].

О.А. Яковлева вводит следующее определение: экологическое предпринимательство – это сфера отношений на экологическом рынке, урегулирован-

[1] Миронов Б. Экономическая биология человека // Вопросы экономики. 2011. № 10. С. 141-150.

ная нормами права, возникающих при проведении работ, производстве продукции природоохранного назначения, проведении научной, финансовой деятельности, оказании услуг[1].

Эколого-ориентированная деятельность как категория в России впервые рассматривалась в документе «Об основах экологического предпринимательства»[2], принятом на плановом заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ в июне 2000 г.

Модельный закон СНГ от 13 июня 2000 г. определяет экологическое предпринимательство следующим образом: производственная, научно-исследовательская, кредитно-финансовая деятельность по производству товаров, выполнению работ и оказанию услуг с целью обеспечения сохранения и восстановления окружающей среды и охраны природных ресурсов.

Как отмечает А.В. Тихомирова, определение, закрепленное в законе, не позволяет провести грань между экологическим и традиционным предпринимательством[3]. По ее мнению, различие заключается в том, что прибыль получается за счет производства экологически полезной продукции либо продукции, способной посредством пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг предотвращать негативное и оказывать позитивное воздействие на окружающую среду. Автор также считает, что экологическое предпринимательство характеризуется ее целью – гармонизацией общественных отношений, направленных на[4]:

а) восстановление и улучшение качества окружающей среды посредством оказания услуг природоохранного назначения;

---

[1] Яковлева О.А. Экологическое предпринимательство (правовой аспект) // Legal Concept. 2018. № 2. С. 134-138.

[2] Ступицкая Т.В., Журавлев А.Ю. Экологическое предпринимательство / Т.В. Ступицкая, А.Ю. Журавлев // Проблемы современной экономики [Текст] : сборник материалов XXI Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 29 октября 2014 г. Центр развития науч. сотрудничества ; под общ. ред. Ж.А. Мингалевой, С.С. Чернова. Новосибирск: ЦРНС, 2014 167 с.

[3] Тихомирова А.В. Экологическое предпринимательство // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4. С. 56-58.

[4] Там же.

б) разработку и внедрение безотходных, энергосберегающих, эколого-чистых технологий и производство продукции (работ, услуг) природоохранного назначения, повышение экологичности выпускаемой продукции; использование альтернативных источников энергии;

в) рациональное использование, сохранение, возобновление и охрану природных ресурсов.

Как пишет О.А. Воробьева, экологическое предпринимательство – это вид предпринимательской деятельности, который предполагает использование всех имеющихся средств для снижения и устранения экологически негативных последствий деятельности предприятия и приводит к достижению особо экологичных производственных практик. Это сектор национальной экономики, который связан как с непосредственным участием в реализации различных природоохранных и ресурсосберегающих программ, так и с механизмом компенсации потерь, понесенных вследствие чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, а также в ходе фактического проведения соответствующих мероприятий по ликвидации чрезвычайных ситуаций[1].

А.А. Наумов определяет экологическое предпринимательство, как определенную форму предпринимательской деятельности, которая направлена на удовлетворение эколого-экономических потребностей за счёт продуктов, которые будут оказывать значение экологической полезности, а компоненты экологической системы преимущественно рассматривает как факторы, которые и будут определять эколого-экономическую потребность[2].

Э.Р. Черняховский считает, что предпринимательство, осуществляющее свою деятельность в сфере охраны окружающей среды, является составной частью предпринимательства в целом, отвечающей в первую очередь общим

[1] Воробьёва О.А., Пархандеев М.О. Проблемы трактовки понятия «Экологическое предпринимательство» // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. № 4 (37). С. 359-361.

[2] Мячина Л.Я. Экологизация экономики и проблемы природопользования // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 2 (112). С. 41-49.

принципам рыночной экономики, обеспечивающей устойчивую прибыль, имеющей насыщенный и стабильный рынок[1].

Я.Я. Яндыганов даёт определение экологическому предпринимательству как предпринимательской деятельности экологического характера, которая должна быть активной и иметь определенную личную ответственность (в том числе имущественную), а также иметь определенную цель, которая опирается на получение коммерческой прибыли на основе использования, охраны, воспроизводства природных ресурсов и объектов[2].

Так или иначе, экологическое предпринимательство, несмотря на то что мы можем говорить о нем как об объективном сложившемся явлении, все еще находится в стадии явления развивающегося. К.П. Арент, основываясь на данных Роскомстата, анализирует структуру экологического рынка в России и убежден, что такой рынок в стране не полностью развит[3].

На настоящий момент существуют следующие наиболее популярные виды эко-бизнеса[4]:

1.) Магазины органических продуктов питания. Торговля экологически чистыми товарами – одна из наиболее динамично развивающихся отраслей. Как правило, органические продукты стоят на 50-100% дороже обычных продуктов. Поэтому прибыль здесь немного выше, чем в обычных продуктовых магазинах.

2.) Производство экодров. Одной актуальных экологических проблем является использование безопасного топлива. Несмотря на широкое использование газа и электрического отопления, спрос на дрова неизменно высок. Они

[1] Черняховский Э.Р. Перспективы развития экологического предпринимательства // Экономика природопользования. 2006. № 4. С. 88-93

[2] Яндыганов Я.Я. Экологическое предпринимательство в регионе (проблемы, перспективы, эффективность) [Текст. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 1998. 312 с.

[3] Арент К.П. Пути развития экологического предпринимательства в сельском хозяйстве // Природообустройство. 2014. С. 96.

[4] Ловкова Е.С. Траектории развития экологического предпринимательства // Бюллетень науки и практики. 2022. № 6. С. 532-539.

используются для отопления каминов, теплиц, бань, дровяных котлов или печей. Не так давно на рынке появилась идея изготовления топливных брикетов (пеллет) из прессованных листьев.

3.) Экодизайн, экостроительство. Строительство и дизайн с приставкой «эко» –современный тренд, который набирает все большую популярность. Идея предполагает экологический образ жизни в сфере жилищного строительства.

4.) Организация эко-туров. Экотуризм в последнее время приобрел популярность. Жители города могут проводить развлекательные мероприятия на природе. Экотуризм включает в себя ночевку в палатке, здоровое питание, плавание в реке, рыбалку и походы. Одним из востребованных направлений среди горожан является возможность жить деревенской жизнью в сельской местности.

5.) Магазин товаров без упаковки.

6.) Экоконсалтинг. Суть консультации — провести экологическую оценку дома или офиса и предложить методы оптимизации.

7.) Организации экосвадьбы. Вопрос экологии близок многим, поэтому организация свадьбы в экологическом стиле становится популярной услугой. Реализация такой идеи – это возможность занять свободную нишу в свадебном бизнесе, где существует жесткая конкуренция. Некоторые статистические данные: традиционные свадьбы оставляют 400-600 тонн мусора каждый год.

8.) Организация точек утилизации – одна из самых популярных идей, когда дело доходит до экологически чистого бизнеса. Основная задача – продумать систему приема и дальнейшей обработки переработанных товаров.

9.) Мини-заводы по переработке отходов.

10.) Производство экологически чистых игрушек. Экологически чистые и эстетичные изделия ручной работы – во всех смыслах и целях это соответствует современным тенденциям. В настоящее время деревянные игрушки стоят недешево, но при этом отлично покупаются.

11.) Органическая косметика. Тема экологии проникла во все сферы жизни и, конечно же, коснулась индустрии красоты. На рынке стали появляться магазины, специализирующиеся только на органической косметике.

12.) Иные различные эко-товары.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что экологическое предпринимательство является актуальной и уже довольно развитой отраслью в нашей стране, что обуславливает необходимость совершенствования правового регулирования данного явления. Для этого необходимо создание рамочного закона, закрепившего бы дефиницию экологического предпринимательства и его основные цели и принципы[1].

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ДОГОВОРУ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ В РФ

Щарихин А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Актуальность исследования определяется тем, что договоры перевозок становятся все более востребованными в современных условиях ведения бизнеса. По данным налоговой службы, в 2023 году (на 10.12.2023 г.) в России зарегистрировано более 6,3 миллионов субъектов среднего и малого бизнеса, в них трудятся более пятнадцати миллионов сотрудников, общее количество видов продукции и услуг – более десяти тысяч. Грузоперевозки составляют в целом около 14% от общего числа субъектов среднего и малого бизнеса.[2] Это свидетельствует о востребованности данного вида деятельности, в котором в среднем по стране задействовано почти 0,9 млн субъектов МСП. Актуальность исследования обусловлена также тем, что активизация предпринимательской

[1] Воробьёва О.А., Пархандеев М.О. Проблемы трактовки понятия «Экологическое предпринимательство» // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. № 4 (37). С. 359-361.

[2] Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Электронный ресурс / https://ofd.nalog.ru/statistics.html

инициативы невозможна без развитой инфраструктуры, в которую входит высокий уровень предложения по транспортным перевозкам.

В целом под договором понимается юридически оформленное соглашение двух или нескольких лиц, на основании которого устанавливаются, изменяются или прекращаются гражданские права и обязанности (ст.420 ГК РФ). Договор регламентирует отношения сторон на период действия договора, на его расторжение и действия, которые регулируют окончание его действия.

Договор перевозки грузов имеет особенности. Прежде всего этот договор начинает свое действие с момента подготовки (консенсуальный), договор является взаимным, публичным, срочным и возмездным (услуги перевозчика оплачиваются в определенные договором сроки).

Рассматриваемый договор также считается публичным, поскольку в качестве перевозчика всегда выступает юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, принявшие на себя по договору перевозки грузов обязательство доставить вверенный груз.

Ответственность возникает при наличии обстоятельств, предполагающих вину за ненадлежащее исполнение обязательств по договору об организации перевозок. Понятие ответственности является ключевым для начала процедуры определения ненадлежащего исполнения обязательств и возможного расторжения договора.

В связи со сложностью правовых отношений, которые возникают при организации перевозки пассажиров и грузов, ответственность за неисполнение договора перевозки определена рядом нормативных документов (рис.1):

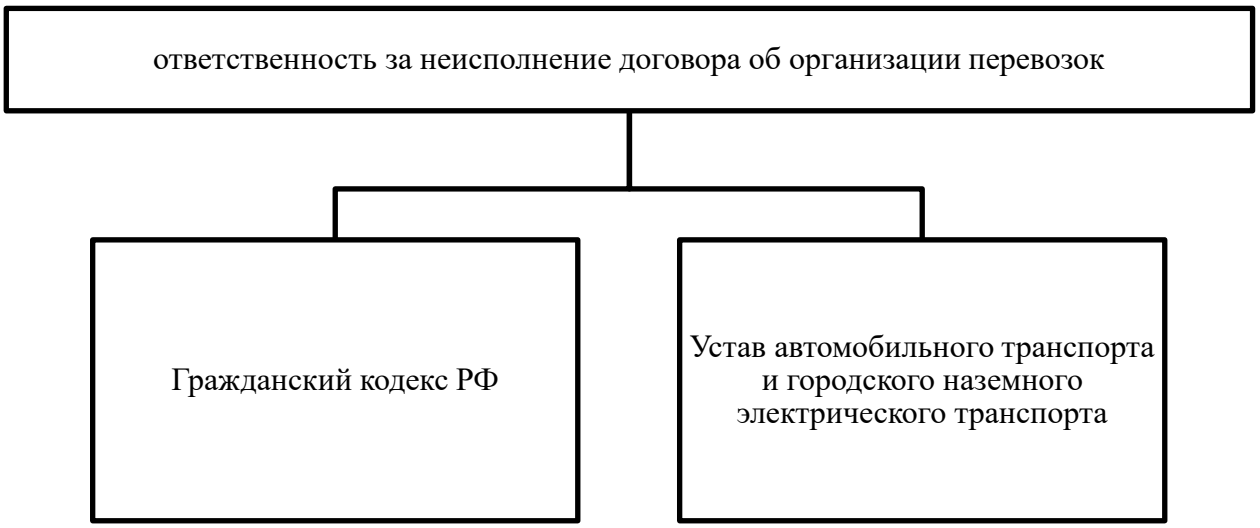

Рис.1. Ответственность за неисполнение договора об организации перевозок автомобильным транспортом

В соответствии со ст.34 ГК РФ определена ответственность перевозчика и фрахтовшика за невывоз груза по вине перевозчика. Перевозчик уплачивает за невывоз груза по вине отправителя штраф в размере 20% платы, установленный за перевозку груза. Также ГК устанавливает размеры ответственности перевозчика за моменты, которые могут привести к несвоевременной доставке груза (рис.2):

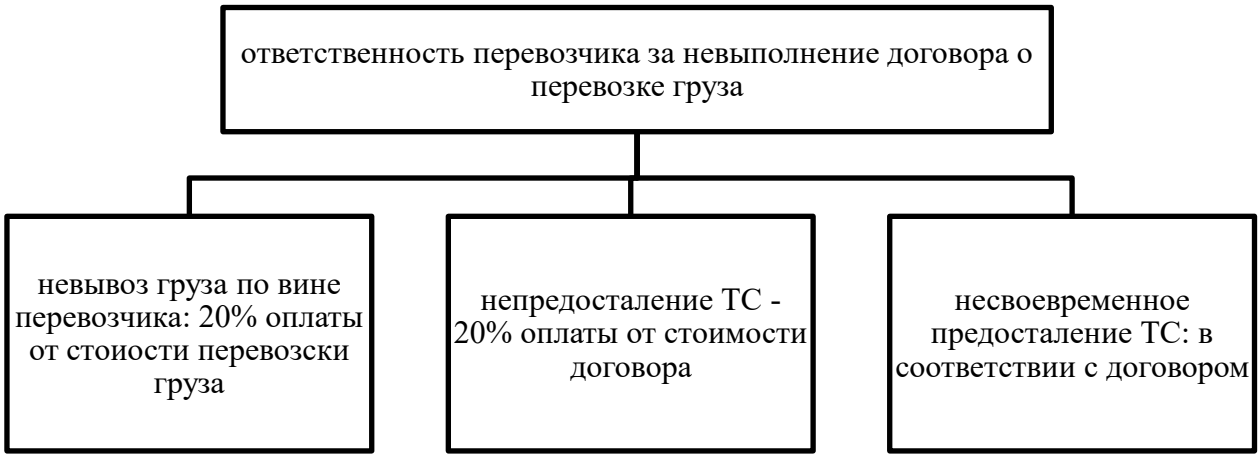

Рис.2. Ответственность перевозчика за невыполнение договора о перевозке груза

Ответственность за неисполнение договора должна быть зафиксирована соответствующим документом. Данный документ направляется перевозчику с

целью начать процедуру выплаты ущерба, которая может идти двумя путями: первый – по соглашению сторон; второй – по судебному разбирательству. Ключевым фактором является тот факт, повлечет ли за собой выявление факта ненадлежащего исполнения договора – расторжение договора или продолжение его действия. Данная задача решается путем договоренностей или судебного разбирательства. Определяются следующие моменты: изменение (расторжение) договора и определение обстоятельств, при которых договор прекращает действие или ограничивается для обеих сторон или одной стороны.

В данном случае применяется п.1,2 чт.453 ГК РФ, которая регулирует расторжение или изменение договора. Исковые требования заключаются в том, чтобы определить ответственность перевозчика, время расторжения договора, размер исполненных обязательств и, соответственно, размер суммы, которая подлежит оплате перевозчику в случае расторжения договора. Ответственность определяется путем предоставления документов, которые подтверждают неисполнение определенных договорных обязательств.

Если в результате неисполнения части договора стороны принимают решение о дальнейшем расторжении договора, то в данном случае заключается дополнительное соглашение о прекращении действия договора. Если одна из сторон не соглашается расторгнуть договор, то договор расторгается по решению суда. В случае, если договор продолжается и его исполнение должно продолжиться в другие сроки, то данные изменившиеся условия также регулируются дополнительным соглашением.

В случае, когда ответственность наступает в результате ненадлежащего исполнения перевозчиком своих обязательств за потерю или порчу багажа, то ответственность перевозчика наступает в следующих случаях (рис.3)[1]:

[1] Постановление Пленума ВС РФ от 26.06.2018 г. №26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки…» // Российская газета. 2018. № 142(7605).

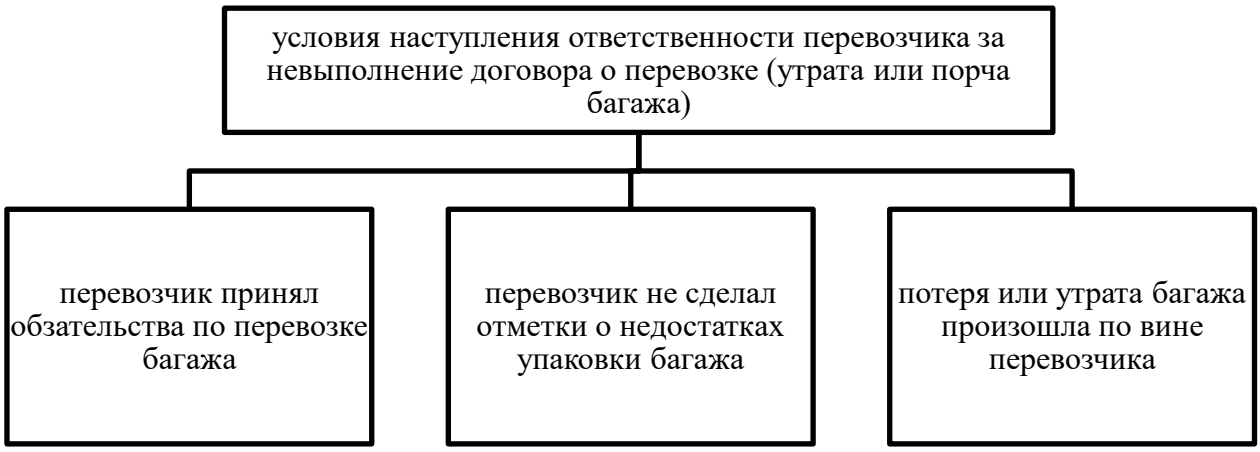

Рис.3. Условия наступления ответственности перевозчика за невыполнение договора о перевозке (утрата или порча багажа)

Правовые последствия, наступившие в результате невыполнения обязательств, являются разными в зависимости от расторжения или изменения договора. При расторжении договора одним из правовых последствий является возмещение убытков, которые понесли обе стороны.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Ответственность согласно ст.796 ГК РФ определяется по принципу вины. Вина соотносится с принципом ответственности, который наряду с принципами законности, справедливости, гуманности является основополагающими для определения правового поля действия договора о перевозке. Вина как одновременно психологическая и юридическая категория определяет момент наступления ответственности. Основной обязанностью перевозчика является исполнение взятых на себя обязательств в полном объеме и в предусмотренные договором сроки. Ответственность наступает в случае неисполнения договора или в результате ненадлежащего исполнения обязательств договора. Финансовые объем, которые предусмотрены как один из форматов наступления ответственности определяются законодательством, прежде всего ГК РФ.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Материалы всероссийской научной конференции магистрантов
(29 марта 2024 года)

Подписано в печать 04.04.2024 г.
Формат 60х841/16. Бумага писчая.
Усл. печ. листов 29,4

Отпечатано с готового оригинал-макета
в редакционно-издательском отделе
Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)